

ЧЕЛЯБИНСК НАЧАЛА XX ВЕКА

Воспоминания А. Н. Неаполитановой

Челябинск
2021

УДК 94(470.55)"19"
ББК 63.3(2Рос-2Чел)
Ч-41

*Печатается по решению ученого совета
Государственного исторического музея Южного Урала*

Ч-41 **Челябинск начала XX века** : воспоминания А. Н. Неаполитановой.
Челябинск : Камен. пояс, 2021. 375 с.

Издательство благодарит Дмитрия Кипниса за предоставленные материалы из семейного архива, а также Юрия Латышева за действенную помощь в создании книги.

УДК 94(470.55)"19"
ББК 63.3(2Рос-2Чел)

ISBN 978-5-905081-23-1

Предисловие

Анна Николаевна Неаполитанова — моя бабушка по материнской линии. Была еще другая бабушка — по отцу. Она жила в нашей семье, и мы с сестрой были с ней более близки.

Анну Николаевну мы с сестрой называли «баба Аня». С нею отношения были больше не воспитательного, а познавательного характера. Она была интеллигентным человеком, обладала потрясающей памятью. Своими словами пересказывала мне произведения Виктора Гюго, Проспера Мериме, Вальтера Скотта и многих других, прежде чем я прочел их сам. Очень любил слушать либретто самых известных опер и балетов в ее изложении. В детстве мы с сестрой часто ходили к ней в гости, играли с маленькой двоюродной сестрой. У бабушки было много старинных вещей, старых книг с «ятами».

Баба Аня всю жизнь работала преподавателем музыки в музыкальной школе. Мама рассказывала мне, что она подрабатывала в кинотеатре тапером, когда кино было еще немое. Это очень меня занимало. Сам я далек от музыки, но судя по отзывам других людей, преподавала музыку бабушка прекрасно, воспитала много хороших профессиональных музыкантов. Преподавателем музыки, и тоже весьма неплохим, стала ее дочь Ирина, моя тетя. Мама не стала музыкантом, а выучилась на инженера, но всегда любила и была знатоком оперного и балетного искусства.

Семейная жизнь у бабы Ани выдалась тяжелой, достатка в семье не было никогда. В своем дневнике она сама говорит о своей непрактичности, такими же были и другие родные. Муж бабушки, Михаил Петрович Каданцев, во время Великой Отечественной войны начал выпивать и стал алкоголиком. Он не был призван на фронт, так как работал художником на ЧТЗ и у него была бронь. Видимо, рисовал агитплакаты. Потом начались скандалы, длительные запои с исчезновением из дома на неделю и более. Дед забирал из дома деньги, уносил и продавал ценные вещи. Такая адская жизнь продолжалась не одно десятилетие. Когда дед в 1979 году умер, баба Аня не проронила ни слезинки.

Из упомянутых в дневнике людей я застал в своей жизни немногих. Прабабушка Екатерина Венедиктовна (баба Катя) была уже очень старой и почему-то не разговаривала, я даже ее голоса не слышал никогда. Умерла она, когда мне было девять лет. Когда я посещаю могилы своих родных на Успенском кладбище, навещаю и то место, где она покойся вместе со своим сыном Николаем Николаевичем Неаполитановым (бабушкиным братом).

Брат бабушки Николай Николаевич был глухим и жил в каком-то своем мире. Работал врачом-патологоанатомом, но вершин в профессии не достиг. Был самодеятельным композитором, писал музыку. Почему-то его произведения пользовались успехом в Болгарии, а в СССР никого не интересовали. Еще одна его особенность — он был полиглотом. Как-то раз подарил мне книгу, на которой сделал надписи на 21 языке, в том числе на персидском и арабском. Насколько глубоко он знал эти языки и мог ли на них изъясняться, мне неизвестно.

Застал еще одного упомянутого родственника — Владимира Венедиктовича Евладова, брата прабабушки. Видел его всего несколько раз. Он был известен большой любовью к шахматам и имел большой успех в этой игре.

Дневники бабушки попали ко мне в руки только после смерти моей мамы, а до этого хранились у нее. Когда я был молодой, я не интересовался своими корнями, а когда стал интересоваться, бабы Ани уже не было, расспрашивать стало некого. Что-то выспрашивал у мамы про их жизнь до войны и после. Она рассказывала, что ее дед Николай Дмитриевич был довольно состоятельным человеком, известным в городе врачом (кажется, венерологом), работал в железнодорожной больнице, и будто бы занимал целый этаж в доме на нынешней улице Труда. Имел конный экипаж, что в те времена было, видимо, показателем большой зажиточности. Служил в армии Колчака военным врачом и даже вместе с семьей уехал в Иркутск, когда пришли красные. Но потом вернулся, и его почему-то не тронули власти. Умер в 1930 году, мама родилась позже и его не знала. Если бы он дожил до 1937 года, думаю, что репрессии по нему бы прошли неминуемо.

Дмитрий Кипнис

Страницы жизни семьи Неаполитановых

Фамилия Неаполитанов — искусственного происхождения и относится к числу так называемых семинарских, где будущих священнослужителей часто нарекали в честь святых угодников, названий церковных праздников или библейских и христианских традиций. В данном случае в основе этимологии лежит имя свящennemученика Януария Неаполитанского, жившего в конце III — начале IV столетия. Духовенство было единственным сословием в Российской империи, имевшим привилегию свободной смены фамилий и сделавшим введение их в обиход обычной практикой.

18 октября 1845 г. в семье дьячка Федора Ивановича Неаполитанова (ок. 1810–1899) родился сын Дмитрий*. Он окончил духовное училище, затем Уфимскую семинарию. 25 ноября 1873 г. рукоположен в священники с определением в село Воскресенское Челябинского уезда на место помощника настоятеля. Позже служил в селах Косулино и Долговском, расположенных неподалеку. Был благочинным XXIII округа, в его подчинении находилось 13 приходов. Одновременно с пастырской службой вел миссионерскую деятельность среди раскольников. С учреждением в 1891 г. должности окружного миссионера Дмитрий Неаполитанов занял ее и с семьей переехал в Челябинск, где числился домовладельцем. Принадлежавшая ему в тот период обширная усадьба бывшего свечного завода на Свято-Троицкой улице в заречной части

города состояла из деревянного дома с двумя флигелями и надворными постройками.

Согласно прошению, в ноябре 1901 г. Дмитрий Федорович был определен к челябинской кладбищенской Казанско-Богородицкой церкви. 28 августа 1905 г. возведен в сан протоиерея. В ноябре этого года он стал настоятелем Свято-Троицкого храма, а в мае 1907 г. — Христорождественского собора. В феврале 1912 г. получил ту же должность при Одигитриевском монастыре. Преподавал Закон Божий в реальном училище и женской гимназии в Челябинске. За труды на духовном и общественном поприще удостоен ряда церковных и светских наград: набедренника, скуфьи, камилавки, наперсного креста, орденов Святой Анны III и II степеней, медали «В память царствования императора Александра III», креста и медали в честь 300-летия дома Романовых.

Дмитрий Неаполитанов был женат на Прасковье Осиповне Левицкой (ок. 1855–1910), у них родилось пятнадцать детей, но в живых остались четверо: Николай, Василий, Валентина и Анна. Старший сын посвятил свою жизнь врачебной деятельности. Младший окончил Троицкую гимназию, затем Санкт-Петербургский университет и стал присяжным поверенным — адвокатом. Валентина обучалась в Екатеринбургской гимназии, на столичных Бестужевских курсах, вышла замуж за Василия Ивановича Боровкова. Анна училась в Челябинской гимназии, на Бестужевских курсах, состояла в браке с Александром Яковлевичем Новицким.

Николай Дмитриевич Неаполитанов родился 6 мая 1879 г. в селе Косулино. Пошел в духовную семинарию, но становиться священником не захотел и поступил на медицинский факультет Томского университета. Будучи студентом, оказался на практике в селе Чумляк Челябинского уезда. Здесь он познакомился с семьей местного священника Венедикта Викторовича Евладова (1861–1914). С супругой Клавдией Федотовной, урожденной Соловьевой, у них было семеро детей: Екатерина, Александра, Манефа, Евгений, Николай,

* Здесь и далее все даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

Михаил и Владимир. Отец, помимо своих непосредственных обязанностей, занимался просветительской деятельностью, много трудился в деле оказания помощи пострадавшим от голода. В 1912 г. от Оренбургской губернии его избрали в Государственную думу Российской империи IV созыва.

Старшая дочь Венедикта Евладова, Екатерина, родилась 26 октября 1887 г. в селе Кананикольском Орского уезда, где в тот период служил отец. Окончив начальную школу уже в Чумляке, она поступила в Оренбургское епархиальное женское училище, выпустилась оттуда в мае 1905 г. с оценками «отлично» по всем предметам и была удостоена звания домашней учительницы. Летом вернулась в Чумляк, в это время здесь на практике находился Николай Неаполитанов, на одном из ужинов они и познакомились. Вскоре Николай уехал в Томск продолжать обучение и оттуда написал Екатерине письмо, в котором признался ей в любви и сделал предложение руки и сердца. Свадьбу сыграли 15 мая 1906 г.

Поначалу молодые жили в Томске, Николай готовился к выпускным экзаменам, а Екатерина изучала медицинские книги. Окончив обучение и получив звание лекаря с отличием, Николай Дмитриевич работал врачом в селах Воскресенском и Чумляке. В апреле 1907 г. у пары родился сын Иларий, умерший спустя три месяца. В октябре следующего года на свет появился Дмитрий, но и он прожил немногим дольше. Летом 1909 г. семья переехала в Челябинск, жили первое время на ул. Лазаретной недалеко от вокзала, а Николай Неаполитанов стал врачом на железной дороге. После скорпостижной смерти второго сына перебрались в отцовский дом в Заречье. 25 октября 1910 г. здесь родилась дочь Анна, которой была уготована долгая и трудная жизнь.

Лето Неаполитановы любили проводить всем составом на смолинской даче за игрой в крокет или выезжать на пикник к каменоломням в городской бор. На исходе 1912 г. семья переселилась в дом Новиковых, расположенный на углу Большой и Сибирской улиц (ныне Труда, 86), где Николай

Дмитриевич оборудовал кабинет и принимал пациентов. Состоял он также при 2-м городском училище, преподавая уроки анатомии и гигиены, а в марте 1913 г. был назначен врачом по санитарному надзору за переселенцами. 6 мая 1914 г. родился брат Анны — Николай. День появления мальчика на свет совпал с датой рождения отца, поэтому сына решили назвать в его честь. Вскоре в петербургской больнице от сердечной болезни скончался Венедикт Евладов. Гроб с телом перевезли в Чумляк и похоронили в церковной ограде. Проститься с батюшкой пришло большое количество людей, ведь он четверть века бессменно служил в Спасской церкви и за это время стал для многих довольно близким человеком.

17 июля 1914 г. в Челябинск по телеграфу поступило известие о начавшейся войне с Германией. Спустя несколько дней Николая Дмитриевича по мобилизации назначили старшим врачом 109-го пехотного запасного батальона, дислоцировавшегося в Челябинске. В годы Гражданской войны он занимал аналогичную должность сначала в 41-м Уральском полку, затем в перевязочном отряде 11-й Уральской дивизии. Брат Василий Дмитриевич в 1917 г. окончил Казанское военное училище, позже служил в Офицерской кадровой роте, был председателем Чрезвычайной следственной комиссии.

В июле 1919 г. Неаполитановы выехали в эвакуацию. Жили в Кургане, потом в Иркутске. В 1920 г. пришло известие о смерти в Мариинске от тифа Василия Дмитриевича, его вдова Олимпиада Ивановна осталась с пятью детьми. Вернувшись в Челябинск, поселились в доме на территории женского монастыря. Однако вскоре общину начали уплотнять, семья оказалась вынуждена покинуть жилище и переехать на ул. Коммуны. В январе 1921 г. президиум Челябинского горисполкома вынес постановление о передаче всех монастырских зданий под детские приюты и дом отдыха для рабочих. В целях предотвращения закрытия обители сформировался церковно-приходской совет, в состав которого, в

числе прочих, вошел и Дмитрий Федорович Неаполитанов. 28 марта 1921 г. он был арестован Челябинской губЧК, а 23 апреля того же года приговорен к расстрелу.

Поздней осенью 1921 г. состоялся очередной переезд семьи, на этот раз — в бывший дом Берзина на ул. Красноармейскую. Но и в нем прожили недолго, и уже на исходе года Неаполитановы переселились во флигель Гершковичей на Мастерскую улицу. Здесь в одной из комнат был оборудован кабинет и вновь начат прием. Пациенты могли обращаться по венерическим, внутренним и детским болезням ежедневно в вечерние часы. В дневное время Николай Дмитриевич находился на службе в местном военном госпитале в качестве ординатора, а также исполнял обязанности заведующего тюремной больницей. В 1923 г. его назначили врачом железнодорожного приемного покоя станции Челябинск, где он проработал до конца жизни. Скончался 1 сентября 1930 г. от рака желудка.

Осенью 1924 г. семью ожидал новый переезд — на сей раз Неаполитановы поселились в доме Пашутиной на ул. Елькина. Здесь у них появилась мебель, сделанная на заказ мастером-краснодеревщиком Сапожниковым. При следующей смене места жительства летом 1930 г. ее перевезли в дом на ул. Васенко, в котором благополучно прожили более тридцати лет. Позже были еще два переселения. Несмотря на них, часть старой мебели и вещей уцелела до наших дней. В апреле 2021 г. эти мемориальные предметы пополнили фонды Государственного исторического музея Южного Урала.

Осенью 1940 г. Екатерина Венедиктовна прошла курсы усовершенствования медлаборантов при Центральном врачебно-санитарном управлении в Москве, к этому моменту она уже работала заведующей лабораторией железнодорожной больницы в Челябинске. В столице познакомилась с Зельмой Адольфовной Якубович, позже ставшей военврачом и начальником лаборатории в госпитале, и долгое время поддерживала с ней переписку по почте. С 1947 по 1952 г.

Екатерина Неаполитанова по совместительству была медсестрой в Челябинской детской городской больнице. В общей сложности отдала работе в медицинской сфере более 35 лет. Скончалась 5 июля 1969 г.

Анна Николаевна не пошла по стопам родителей, посвятивших жизнь врачебной деятельности. С самого раннего детства ее окружала музыка. Еще в 1910 г. в их доме появилось пианино «Оффенбахер», на нем играла Екатерина Венедиктовна, а потом училась и дочь. В начале 1920-х гг. она стала заниматься у Анны Григорьевны Малкиной, благодаря которой полюбила музыку настолько, что твердо решила избрать ее своей профессией. В 1929 г. Анна окончила центральную школу-девятилетку, затем на следующий год поехала в Ленинград и поступила в 1-ю государственную художественную студию (класс А. С. Висневского), но вскоре была вынуждена оставить обучение в связи со смертью отца. Вернувшись в Челябинск, устроилась тапером в кинотеатр имени Ворошилова при Доме обороны, здесь познакомилась с художником Михаилом Петровичем Каданцевым. В 1933 г. они поженились, родились дочери Людмила (08.09.1934) и Ирина (08.04.1943).

В 1936–1941 гг. Анна Неаполитанова училась на фортепианном отделении Челябинского музыкального училища, по окончании которого получила квалификацию исполнителя и преподавателя детской музыкальной школы. В период обучения работала аккомпаниатором в хореографическом кружке при клубе ЧТЗ. В 1943 г. была принята педагогом по классу фортепиано в детскую музыкальную школу № 1, где трудилась более 25 лет. В 1967 г. за успешное воспитание подрастающего поколения награждена значком «За отличную работу» Министерства культуры СССР, неоднократно получала благодарности и почетные грамоты. На протяжении нескольких десятилетий вела дневники, оставила подробные воспоминания об истории семьи и городской жизни прошлого века. Скончалась 22 апреля 2000 г.

У дочерей Анны Николаевны судьбы сложились по-своему. Старшая Людмила в 1952 г. с серебряной медалью окончила челябинскую школу № 1 им. Энгельса, затем энергетический факультет политехнического института. В 1959 г. вышла замуж, родились дети Дмитрий и Юлия. Более тридцати лет проработала в институте «Тяжпромэлектропроект». Умерла 24 декабря 2012 г. Младшая Ирина училась в школе № 5, одновременно посещала музыкальную школу, потом пошла в училище. По распределению уехала в город Полярный Мурманской области, там вышла замуж за морского офицера, в 1968 г. на свет появилась дочь Ирина. В 1972 г. вернулась в Челябинск и много лет преподавала в музыкальной школе № 1. Проявила себя творческой личностью: занималась живописью, резьбой и росписью по дереву, вышиванием, со своими изделиями не раз принимала участие в выставках народных мастеров. Скончалась 30 декабря 2020 г.

Брат Анны, Николай Неаполитанов, окончил медицинский институт в Свердловске, стал патологоанатомом. Женился в 1952 г. Работал в медсанчасти ЧМЗ. Был «ходячей энциклопедией» по литературе, истории, географии, изучал разные языки, сочинял музыку. Умер 29 марта 1996 г. Его сын Григорий живет в Ростове-на-Дону и на сегодняшний день является, по-видимому, единственным в роду носителем фамилии предков.

Пришедшиеся на XX столетие исторические катаклизмы сделали вклад семьи Неаполитановых в духовную, культурную и общественную жизнь нашего края почти незаметным. Сейчас справедливость постепенно восстанавливается, и первым значительным шагом в данном направлении стало появление уже в новой России ряда публикаций, а также присвоение в 2017 г. одной из улиц Советского района Челябинска имени Дмитрия Федоровича Неаполитанова. Надеемся, что эта положительная тенденция сохранится и в будущем.

*Владислав Демаков, научный сотрудник
Государственного исторического музея Южного Урала*

А. Н. Неаполитанова

ВОСПОМИНАНИЯ

Мой дедушка Дмитрий Федорович Неаполитанов*

В Заречье на улице Братьев Кашириных и сейчас стоит небольшой красный деревянный дом на высоком фундаменте.** В этом доме в далеком 1910 году родилась я, ваша баба Аня. Дом принадлежал моему дедушке протоиерею Дмитрию Федоровичу Неаполитанову.

Дедушка был маленький, очень добродушный и гостеприимный, немного суетливый человек. Справляя службу в церкви, он торопился, глотал слова, и мой папа шепотом подсказывал ему: «Не то-ро-пи-тесь!»

В доме дедушки часами не сходил со стола самовар. Всех приходящих к нему по делу дедушка непременно угощал чаем.

Очень любил он также детей. Учительница моей дочери Люли, Платонида Георгиевна Нефедова (в то время девочка), рассказывала, что они — дети, живущие неподалеку, — часто приходили к батюшке. И он их всегда чем-нибудь угощал и приглашал в свой садик, где ребята объедались красной смородиной, которая обильно росла в саду. Об этом еще часто упоминала моя мама. Кроме красной смородины, по-видимому, в саду ничего не росло. Мамочка не считала красную смородину за ягоду и не любила ее.

Надо сказать, что теперь этого сада уже нет и в помине.

* Воспоминания написаны в основном в конце 1960-х — начале 1970-х гг. с небольшими более поздними дополнениями 1980—90-х гг.

** На момент написания мемуаров.

Дедушка был человек скромный, непрактичный, к начальству подлаживаться не умел. Было время, когда у него не было даже прихода, и семья жила бедно.

Дедушка преподавал в женской гимназии. Гимназистки уважали и любили его. За многих неимущих гимназисток он часто вносил плату за право учения.

Августа Алексеевна Русанова рассказывала в 1985 году, что она училась в гимназии в то время, когда там преподавал мой дедушка. Гимназистки знали, что дедушка ездил в Иерусалим, и всегда приставали к нему с просьбами рассказать им об этом путешествии. Девчонки хитрили. Дедушка не раз рассказывал им об этом. Но им было интереснее послушать еще раз его рассказ, чем отвечать нудный урок. И дедушка рассказывал снова, хотя и говорил: «Да ведь как будто я уже это вам рассказывал». Об этом же мне поведала в 1985 году Капитолина Михайловна Котова.

Моя бабушка Прасковья Осиповна Неаполитанова

Вот на стене висит портрет моей бабушки Параскевы Иосифовны, или Прасковьи Осиповны, как ее все звали. Простое усталое лицо, спокойная поза. Нянчиться ей со мной не пришлось, она умерла незадолго до моего рождения. Неутомимая работница, хозяйка, хлопотунья, она была душой всего дома, его подспорьем, его главой и вместе с тем рабыней. Идеальная хозяйка, она не держала прислуги, все делала сама. Моя мама рассказывала, что она никогда не видела бабушку праздно сидящей, всегда она была в работе, в хлопотах. Жизнь моей бабушки была нелегкой, и смерть настигла ее рано.

Бабушка одевалась очень скромно. Однажды она обиделась на свою дочь Лену, когда та, возвращаясь с подругами из

гимназии и встретив ее на улице, сделала вид, что не узнала. Лена тянулась к светской жизни и устыдилась перед подругами своей скромно одетой матери. Несмотря на свое скудное образование, бабушка была начитанной, очень хорошо говорила, была прекрасным, добрым человеком, идеальной свекровью.

Умерла она от желчекаменной болезни. У нее бывали сильные приступы, она мучилась, кричала, но не лечилась и не соблюдала диету. Во время одного из таких приступов она и умерла.

Левицкие

Бабушка была из рода Левицких. Мой папа, очень любивший и уважавший своих родственников, рассказывал мне о так называемом родословном древе Левицких.

Родоначальник — Осип Левицкий. Кем он был, не могу сказать — не знаю. Знаю только, что человек небогатый. Его дети: Прасковья, Пелагея, Ольга, Яков, Петр, Мартирий и Иван. Вот от них и пошли ветви Неаполитановых, Новиковых, Матушкиных и Левицких.

Потомками Прасковьи Осиповны и Дмитрия Федоровича Неаполитановых (а они воспитали четверых детей) сейчас являемся мы с братом, мои дочери и внуки: Дима, Юля и Аринушка, а также мой двоюродный брат Слава, его дочь Маша и дети Маши.

Заречные Новиковы

Пелагея Осиповна вышла замуж за Василия Михайловича Новикова. Пелагею Осиповну я уже не застала в живых, а Василия Михайловича помню. У него тогда была уже

другая жена, какая-то совсем простая деревенская женщина. И бегал по двору маленький сыночек, которого звали Игорем. Взрослые шутили с ним и говорили: «Ляля, ляля Иго́рька!» Дети Новиковых: Александр, Ольга, Нина, Сергей, Борис и Иосиф. Александр Васильевич был священником. Его я хорошо помню. Он был женат на Елизавете Александровне Антоновой. Воспитывали они сына Володю. Жили за рекой на улице, которая теперь называется улицей 8 Марта. Домик принадлежал матери Елизаветы Александровны, которая жила с ними. Домик этот и сейчас цел. Я всегда смотрю на него, когда еду мимо. Но окна его замурованы кирпичами. Там, видимо, теперь какой-то склад. А в то время в домике жили и не тужили. Теперь никого из прежних обитателей нет в живых, кроме Володи Новикова. Он живет сейчас в поселке ЧМЗ, рядом с дедом Колей. У него есть дети и внуки, они тоже потомки Левицких. Жена Володи, Таня, недавно умерла. К сожалению, о детях Володи ничего не знаю.

Тетя Оля Новикова и Ниночка

Ольга Васильевна Новикова вышла замуж за Владимира Сергеевича Козлова. Он был хромой, носил ортопедический сапог. Прекрасно пел баритоном разные арии и романсы.

Козловы жили в маленьком домике возле ворот, ведущих на улицу Цвиллинга. Раньше она называлась Большой. У Козловых была единственная дочь Ниночка, моя добрая подруга в детстве. Теперь Ниночка живет в Сочи. У нее есть сын — Владимир Иванович Денисенко. Его дети тоже являются потомками Левицких. Владимир Сергеевич, живя в последние годы своей жизни в Свердловске, работал в зоопарке, был уже больной и жалкий старичок. Там, в Свердловске, он и умер. Он, видимо, очень любил животных: помню, играл с нами в их маленькой комнатке, изображая пуму,

и пугал нас. Когда мы были в Сочи в 1956 году, тетя Оля собиралась справлять свое 75-летие. Меня она на именины не пригласила. Теперь, наверное, ее нет уже в живых, но Ниночка, надеюсь, находится в добром здравии и нянчит внуков.

Тетя Нина Новикова

Нина Васильевна Новикова вышла замуж за Сигова и жила в Свердловске. Оба они с мужем были врачами. Она заслуженный врач. У Нины Васильевны было три сына: Боря, Володя и Сережа. Все они погибли во время Отечественной войны. У одного из них осталась дочь Нина. Жили они в Свердловске втроем: Нина Васильевна с невесткой и внучкой. А самого доктора Сигова давно уже не было в живых. Когда мы с Люлей два раза проезжали через Свердловск (ездили в Пермь на похороны тети Ани), мы заезжали к Нине Васильевне. Один раз она ненадолго заходила к нам, когда мы еще жили на улице Васенко. Она тогда ехала из Сочи в Свердловск. Вскоре после этого Нина Васильевна умерла.

Сергей Васильевич Новиков

Сергей Васильевич Новиков живет в Караганде. У него есть дети и внуки, но я ничего не знаю о них. Когда мы еще жили на улице Васенко, он приезжал из Караганды. И тогда же забрал у меня фотографию новиковского дома. Мы его возили с собой к Володе. Однажды он играл на пианино, а к открытому окну подбежал деда Миша пьяный и закатил скандал, так как решил, что это мой муж. Сергей Васильевич посмеялся и сказал, что напрасно мы старались разуверить деда Мишу, нужно было сказать, что это так и есть.

Дядя Боря и дядя Ося Новиковы

Борис Васильевич Новиков пропал без вести во время империалистической войны 1914 года. Иосиф Васильевич женился на Зое Михайловне Горячевой. У них было несколько детей. Семья Иосифа Васильевича живет в Коркино. Не знаю, жив ли он сейчас. Когда мы с Люлей были в Свердловске у тети Нины, она показывала мне фотографии его детей, но я не запомнила их.

Таковы были Новиковы. Надо сказать, что Новиковы-мужчины — люди неприятные. Во-первых, они все пьяницы. Пил и Александр Васильевич, пьет и Володя. Пьяницей является и Иосиф Васильевич, выпить не дурак и Сергей Васильевич. Я когда-то несколько лет жила, можно сказать, бок о бок с тетей Олей. Но как-то не могу сказать о ней ничего определенного. За короткое знакомство с тетей Ниной могу сказать, что она мне очень понравилась.

Тетя Оля Левицкая и ее дети

Ольга Осиповна Левицкая вышла замуж за Александра Матушкина. У них было два сына — Александр и Вячеслав.

Александр Александрович служил священником. У него была большая семья, жили они в Челябинске. Он бывал у нас. Семью его я не знаю, кроме старшей дочери Нюси, которая была некоторое время моей подругой. Потом Александр Александрович отрекся от сана и стал учителем. Так как материально семья очень нуждалась, то его брат Вячеслав Александрович взял к себе их старшую дочь Нюсю. Вячеслав Александрович жил в Ленинграде на Кронверкском проспекте. Вот там-то, в Ленинграде, я и познакомилась с ними и подружилась с Нюсей.

В 1937 году Александр Александрович был репрессирован и пропал без вести. Жена Вячеслава Александровича, Ольга Васильевна, погибла случайно: возвращаясь с дачи, попала под поезд. Спустя несколько лет Нюся умерла от рака пищевода. Вячеслав Александрович остался один, но к нему переехала семья брата. Они, видимо, стали его наследниками. Таковы были Матушкины.

Дядя Яков Левицкий и его дети

Яков Осипович Левицкий был врачом. У него всегда был красный нос, хотя он не пил. Он был женат на Ольге Константиновне, женщине образованной. Она знала несколько языков, немецкий — в совершенстве. У них было двое детей — Анна и Сергей. Жили они в Уфе. Моей маме как-то еще до моего рождения пришлось побывать у них в гостях. Анна, или Ася, как ее звали, произвела на мою маму сильное впечатление. Понравилось ее умение держать себя при людях — просто и свободно. Как-то Асю послали купить арбуз, и она вскоре принесла великолепный. Все это так поразило мою маму, что она впоследствии захотела назвать свою дочь в честь нее Анной, и звать стали ее, то есть меня, Асей (это противное имя прилипло ко мне на всю жизнь).

Когда Яков Осипович умер, его семья переехала в Ленинград. Там у них, на Васильевском острове, мы бывали не раз, а когда я в 1930 году училась в Ленинграде, то жила у тети Аси, которая к тому времени осталась одна, матери ее и брата уже не было в живых.

Сергей Яковлевич умер в начале 1920-х годов. Его дочь Наташа живет в Москве на Шаболовке, работает на телевидении. У нее есть дочь Ира.

Анна Яковлевна (тетя Ася) работала в Академии наук, и когда академию перевели в Москву, она переехала туда, жила долгие годы на улице Большой Коммунистической. Умерла

три года назад в одиночестве, в своей комнатке, ночью, сидя на постели. В соседних комнатах жили чужие люди. Тетя Ася была исключительно хорошим человеком. Но всю жизнь ее обижала и обирала ее любимая племянница Наташа. Много делала тетя Ася и для Аринушки — так она звала Ирину, дочь Наташи. В ответ видела одну лишь неблагодарность. Наташа же получила после ее смерти наследство.

Петр и Мартирий Левицкие

У Петра Осиповича были две дочери — Антонина и Евгения. Антонина Петровна живет в Москве, она мать Наташи Левицкой, а Евгения Петровна уехала в 1919 году за границу вместе с мужем-иностранцем.

Жена Мартирия Осиповича Левицкого была начальницей Оренбургского епархиального училища. Дочь их Зоя Мартирьевна была классной дамой. Во время Гражданской войны уехала со своим мужем Купленниковым за границу.

Сын Ивана Осиповича Левицкого, Валентин Иванович, был художником, жил в Ленинграде.

Таковы были Левицкие.

Неаполитановы

Отец моего дедушки по отцовской линии Федор Иванович Неаполитанов был пьяницей и скандалистом. Он постоянно придирался к своей жене Анастасии Ермолаевне и невестке Пашуте, не давал им спокойно жить. Ни одного светлого дня не было у бедных женщин, только пьяные скандалы, ругань, часто им приходилось уходить из дома. Дедушка мой, Дмитрий Федорович, видя это, дал в детстве зарок никогда не пить. И сдержал свое слово — был абсолютным трезвенником. Мой папа рассказывал мне такую историю: когда в

обед на стол подавали жареную рыбу, Федор Иванович имел обыкновение придвигать блюдо к себе и ковыряться там вилкой, выбирая себе лучшие кусочки. Однажды дедушка, которому в то время было 12 лет, быстро разрезал рыбу на части. Отец его разозлился, закричал и чуть не ткнул сыну в глаз вилкой. Дмитрий убежал и спрятался. За этот поступок ему ничего не было, а отец его перестал впредь делать так.

Когда пьяница умер, все вздохнули с облегчением.

Мои дедушка и бабушка Неаполитановы

У моих дедушки и бабушки, Дмитрия Федоровича и Прасковьи Осиповны Неаполитановых, родилось пятнадцать детей, но в живых остались только четверо: Николай, Василий, Валентина и Анна. Вся семья запечатлена на фотографии, которая сохранилась в старом альбоме.

Дедушка дал высшее образование всем своим детям. Мой папа Николай Дмитриевич сначала учился в духовной семинарии, но стать священником не захотел и поступил в Томский университет на медицинский факультет. Дядя Вася окончил Казанский университет и стал юристом — присяжным поверенным (я в детстве говорила «присяженный поверный»). Тетя Лена и тетя Аня окончили Высшие Бестужевские курсы в Петербурге. Семья жила дружно. В доме всегда звучали шутки, смех.

Папа знакомится с мамой

Еще будучи студентом Томского университета, папа однажды летом был послан на практику «на холеру» в село Чумляк. Он был очень застенчив, но много работал над собой, стараясь преодолеть свой недостаток, упорно добивался этого. Он решил познакомиться с самой первой чумлякской

семьей — Евладовыми, и явился к ним с визитом. Здесь он познакомился со своей будущей женой Екатериной Венедиктовной Евладовой.

Дедушка Венедикт Викторович

Мой дедушка по материнской линии Венедикт Викторович Евладов был в Чумляке священником. Он окончил гимназию и совсем не собирался служить в церкви, но внезапно умер его отец, и он, оставшись единственным кормильцем своих незамужних сестер, пошел в священники. Женился на Клавдии Федотовне Соловьевой. Семья жила в большом двухэтажном каменном доме, очень сыром (в нем моя мама потом получила ревматизм, да и остальные дети не избежали этого). Дедушка был «лошадником», то есть любил лошадей и знал в них толк. У него был красавец кровный рысак Буран, а также другие лошади.

Дедушка был красивый, с открытым лицом, кудрявыми волосами, очень эмоциональный, вспыльчивый и горячий, но отходчивый. В гневе он не помнил себя, мог даже побить детей, лошадей, мог браниться, сердиться, но потом всегда раскаивался и чуть не плакал после нанесенных кому-либо обид. Сдерживать себя он не мог, да и не умел. Моя мама унаследовала эти его черты.

Дедушка был достаточно образован, начитан. Выписывал много книг, журналов. Любил читать, а вся семья, собравшись вокруг него, слушала. Читал он очень хорошо. У него был прекрасный слух, он играл на скрипке, был страстным преферансистом, умел хорошо говорить, был интересным собеседником. Дети его любили и побаивались, селяне уважали и даже гордились своим батюшкой.

Бабушка

Бабушка была, напротив, необыкновенно уравновешенной, спокойной. Не раздражалась, не сердилась. В молодости она была очень красивой. Вышла замуж совсем молодой. У бабушки был хороший музыкальный слух и негромкий приятный голос. Она знала много старинных романсов и песен и часто за работой по дому или за шитьем пела. Я любила слушать ее пение, но очень жалею, что не запомнила слов многих старинных романсов. Особенно мне нравилась баркарола «Гондольер молодой».

Катя Евладова

У дедушки с бабушкой родилось тринадцать детей. Некоторые из них умерли совсем маленькими. Вырастили дедушка и бабушка семерых. Их имена: Екатерина, Александра, Манефа, Евгений, Николай, Михаил, Владимир. В настоящее время жив только Владимир Венедиктович Евладов — мой дядя Володя, вернее даже, наш общий дядя Володя.

Моя мамочка была старшей, разница в возрасте с самым младшим ее братом Володей составляет восемнадцать лет. Мамочка родилась в селе Кананикольском, откуда ее, совсем маленькую, всего нескольких недель от роду, привезли в Чумляк.

Однажды бабушка и дедушка отправились в гости. Свое крохотное чадо взяли с собой, и бабушка, которой в то время было не более девятнадцати лет, положила сверток в прихожей под шубы. Она преспокойно сидела с дедушкой в гостях, а «сверток» тихо и мирно спал под шубами, пока его случайно не обнаружили. Хозяева засуетились, захлопотали, принесли «сверток» в комнату и положили на кровать.

Училась моя мамочка в начальной школе в Чумляке, а потом пришла пора ехать в Оренбург, поступать в епархиальное училище. Сохранилась фотография, на которой дедушка со своими двумя старшими дочерьми.

«Математик» и «лирик»

Тетя Саня была младше моей мамы на год. У нее были хорошие математические способности. Дедушка тоже был математик. Он любил задавать своим дочерям устные математические задачи. Часто за обедом или за чаем он говорил: «Я задумал число». Тетя Саня моментально решала в уме задачу и сообщала ему на ухо решение.

Моя мама не была математиком. Она не могла так быстро сообразить или решить. И к тому же действовал психологический момент — страх, что она не решит, а Саня решит мгновенно. Дедушка считал Саню более способной и при поступлении в епархиальное училище мягко сказал Кате, чтобы она не слишком переживала, если Саня будет учиться лучше нее. Это очень задело мою маму, ведь она не была менее способной, чем Саня. Просто у нее были иной склад ума и большая особая тонкость и впечатлительность. Но фамилии своей она не посрамила, все годы в училище училась блестяще. Хотела учиться и дальше, но не получилось — вышла замуж.

Саня же по окончании училища стала учительницей, работала в Екатеринбурге. Она очень любила меня и даже просила мою маму отдать меня ей в дочери. В своем предсмертном письме она завещала мне свои очень красивые и ценные золотые серьги. Я носила их до тех пор, пока пьяница не украл их и не пропил.

Манефа

Самая младшая из сестер, Манефа, была красавицей. Сохранился большой ее портрет. Милое лицо, толстая коса, глаза прозрачные. Весь облик изящный, тонкий. Ее судьба, так же как и судьба ее сестры, трагична. В детстве она была нелюбимым ребенком. Она была шалунья, озорница, и на нее всегда валили все провинности. И вечно она была наказана. Часто она, ложась спать, со слезами говорила сестрам: «Скажите папочке, что я без ужина легла». Она умерла очень рано, лет двадцати. Отчего? Даже не выяснено: не то ревматизм, не то туберкулез, не то сердечная какая-то болезнь. Но болела она долго и умирала мучительно. Сознавала, что умирает, кричала: «Я не хочу умирать, сделайте что-нибудь, спасите меня!» Ничего сделать не смогли, спасти не сумели. И молодая цветущая девушка ушла из жизни.

Дядя Женья

Старшим из сыновей был дядя Женья. Он был не по-евладовски высоким, красивым. Носил пенсне, играл на скрипке, даже, случалось, играл в составе оркестра. Я помню, что когда он к нам приезжал, то играл «Колыбельную» Чернявского. У меня где-то сохранились ноты. Ночевал он в гостиной и спать по утрам любил долго.

Как-то мне пришлось гостить в Чумляке. Когда это было и по какому поводу — не знаю (быть может, это было тогда, когда папа болел сыпным тифом). Жила семья бабушки (к тому времени овдовевшей) уже не в большом доме, а в маленьком. Хозяйничала в доме одна из сестер дедушки (кажется, тоже тетя Саня). Мои игрушки находились в кухне под столом. Запомнилось на всю жизнь, как Володя однажды позвал Женю обедать: «Евгений, айда жрать!»

Умер дядя Женья тоже совсем рано, в 1920 году, от ревматизма на курорте Курьи. Мы тогда жили в монастыре. О его смерти написала какая-то женщина, которая была с ним. Помню, что бабушка сильно плакала. А совсем недавно отыскалась вдруг знакомая дяди Жени, знавшая его в молодые годы. Это произошло так. Несколько лет тому назад, когда я еще работала в музыкальной школе, мне было сказано, что в мой класс поступает девочка из 6-го класса по фамилии Васильева. Когда я вошла в класс, то увидела там симпатичную старушку и с ней малюсенькую девочку лет шести на вид. Это и была Мила Васильева с бабушкой. Я очень удивилась, ведь должна была прийти большая девица — шестиклассница, а тут совсем крошка. Но оказалось, что рост ее таков, хотя она и в шестом классе. Я стала с ней заниматься. Седьмого декабря, в день именин моей мамы, я, одеваясь, сказала гардеробщице Анне Ивановне, что тороплюсь домой, потому что моя мама именинница. Бабушка Милы Васильевой, Клавдия Федоровна, сидела в коридоре, ждала внучку с сольфеджио. Она сказала: «Так сегодня Екатерина Венедиктовна именинница?» Я удивилась тому, что она знает имя моей мамы. Тут она рассказала, что знала в молодости дядю Женю и дядю Колю. Что дядя Женья учился в Троицкой гимназии, и вот там-то она и познакомилась с ним. Он играл на скрипке, а она аккомпанировала ему. Совсем недавно она принесла две фотографии — на одной дядя Женья с товарищем (снимок сделан в Крыму в 1915 году), на другой — дядя Коля (снялся в 1910 году). Я эти фотографии отвезла Володе.

1985 год. Клавдия Федоровна сейчас живет в Челябинске, Мила с родителями переехала в Златоуст. Она учится в Магнитогорском музыкальном училище.

Дядя Коля

Когда мы жили в новиковском доме, дядя Коля приезжал к нам. Он был веселый, рассказывал по-китайски басню Крылова «Ворона и лисица». В войну 1914 года он находился на фронте. Потом был актером, играл комические роли под псевдонимом Внуков. В 1920-е годы жил в Мелитополе. Был женат сначала на еврейке старше его на несколько лет. У них родилась дочь Анечка, названная в мою честь. К дяде Коле ездила бабушка, некоторое время у него жил и Володя. Бабушка, вернувшись, привезла много гребенок и других поделок. Небольшая шкатулочка и домино, сделанные руками дяди Коли, хранятся у меня до сих пор. Материал, из которого они сделаны, похож на пластик.

Уже после возвращения бабушки и Володи в Челябинск дядя Коля написал, что разошелся с женой и женился на другой. Прислал фотографию. Это была молодая красивая девушка — дочь священника, звали ее, кажется, Леля. Фотография ее, так же как и фотография Анечки, хранится в альбоме у Володи.

Теперь всякие следы дяди Коли затерялись.

Дядя Миша

Моя мама рассказывала мне, что дядя Миша был в семье нелюбимым ребенком. Он ходил всегда неухоженный, неприбранный, часто болел. За ним присматривала одна из сестер дедушки — тетя Варя (или тетя Саня). Я дядю Мишу помню, он тоже приезжал к нам. В 1914 году во время войны он ушел на фронт и пропал без вести. Из всех Евладовых он один был темноволосым и темноглазым. Сохранилась его фотография.

Володя

После дяди Миши был целый ряд смертей новорожденных детей. Дедушка любил маленьких, часто подходил к ним, брал на руки, ласково разговаривал. Но, видимо, в семье так привыкли к тому, что дети после рождения умирают, что дедушка даже говорил малютке: «Ну, умирай!» Володя — не самый последний из родившихся детей, но он остался жить. В детстве его называли Дюкой. Вернее, он сам себя так называл — от имени Володюка. Он болел вместе с моим братом Димой скарлатиной, но остался жив, а Дима умер. Володя учился в духовном училище в Челябинске. В 1920-е годы работал в совхозе у Шмурло, где едва не лишил себя жизни.

В этом совхозе работала молодежь. Плохо там было: голод, холод. Началась череда самоубийств, просто мания какая-то. Должно быть, и Володя поддался этому желанию: случайно нашли письмо, в котором было написано про это. Бабушка плакала. Но, к счастью, намерение это не осуществилось.

Потом Володя учился в центральной школе в девятом классе, а я пошла в пятый. «Вытянула несчастливый билет» — попала в 5 «А» класс, что сулило мне разлуку с любимыми подругами. По пути в этот проклятуший 5 «А», я встретила у лестницы Володю и пожаловалась ему. Но он в ответ только пожал плечами.

Потом он уехал в Мелитополь и некоторое время жил там у дяди Коли. Когда мы жили у Пелагеи Михайловны, он снимал комнату в домике, где жила сама Пелагея Михайловна. К нему ходили товарищи и товарки, а мой братик Никулища сидел безвылазно у него в комнате и не уходил. Володя его спросил как-то: «Что ты, Николай, тут сидишь?» И Никулища ответил: «Да, я уйду, а ты тут женишься».

Володя был знаком с одной девушкой по имени Шура Опалева. Когда она уже стала Александрой Васильевной и была матерью двух детей, мне довелось с ней встретиться.

Она сказала, что по ее инициативе и при ее содействии Володя женился на своей Гале. Сейчас они живут дружно, как голубок и горлица. И дай им Бог всякого благополучия и счастья.

Теперь мне надо описать некоторые фамильные черты всех этих трех семейных ветвей: Неаполитановых, Новиковых и Левицких.

Неаполитановы — непрактичные, смирные, скромные, нехитрые. Из тех, что упустят даже то, что само плывет в руки. Скорее сделают для других, но не для себя. Глубоко чувствующие, легко ранимые, впечатлительные люди. Но в то же время люди твердых правил поведения.

Новиковы — практичные, но неприятные в поведении и среди окружающих их людей.

Левицкие — умные, все знают, умеют все расставить на свои места. Но среди них тоже были нехорошие люди. Таковы, например, тетя Таня, Наташа, Сергей Яковлевич.

Черты, присущие Неаполитановым, — у меня, деда Коли, Иринушки. Типичные Новиковы — Володя, Ниночка, Сергей Васильевич. Типичная Левицкая — тетя Ася.

Во мне переплелись многие черты моих родственников, предков. Я непрактичная — это от дедушки. Упускаю даже то, что само плывет в руки, — тоже от него. Определенная порядочность, точность, стремление к расписанию — от Левицких. Нервность, ранимость, незащищенность — от предка-пьяницы. Известная лень, которая мешает в борьбе за различные блага, нерешительность, подверженность сомнениям — от пьяницы. Папа мой всегда говорил, что последствия пьянства сказываются в третьем поколении. Он очень боялся за нас с Никулицей, особенно за него. Уделял ему

много внимания, тревожился. Не умри он так рано, проживи еще хотя бы лет двадцать, он очень облегчил бы жизнь моему брату. Третье поколение, видимо, целиком сказалось на нем: он доверчив к людям, ко всем идет с открытой душой, незлобив, все принимает за чистую монету. Но он ведь не такой, как все люди, и люди не принимают его и не понимают.

Папа мой не был ни скупым, ни жадным, но у него было много черт Левицких. Он всегда знал, что нужно делать и как, не заискивал перед людьми, и люди его любили. У него было много друзей и, пожалуй, не было врагов. Он не был карьеристом, не лез вперед, но и на работе его, пожалуй, не обходили. Правда, работал он безотказно.

Эти черты были присущи и тете Ане. Она тоже всегда знала, что и как нужно делать, и делала все правильно. Была большая юмористка, в ее характере было много веселости, но, к сожалению, ей мешала жить ее навязчивая идея, что ее муж, славный и добрый дядя Саша, изменяет ей.

Большое добродушие, юмор и гостеприимство унаследовал и ее сын Борис. Но, к сожалению, пьянство и буйство взяли в нем верх и привели к трагическому исходу. Большой юмористкой и веселой по натуре была и Нюся Матушкина. Юмор присущ был и тете Асе.

Вот такие были наши родственники по отцовской линии. Неутомимость в работе, с ворчанием, с проклятиями нести свой крест, тянуть лямку — это я повторила жизненный путь своей бабушки. Ей приходилось, как и мне, крутиться и вертеться как белка в колесе. Над ней была гроза — свекор, надо мной — «Сила Ерофеевич Грознов» — мой распрекрасный дед Мишечка, которого я отыскала и посадила себе на шею. Дочери бабушки норовили отлынить от мытья посуды или пола, моя дочь поступает точно так же. Но «Сила Ерофеич» рявкнет грозно — только посмей пожаловаться! Что такое мытье посуды? Минутное дело!

Катя Евладова (епархиальное училище)

Дедушка Венедикт Викторович Евладов сам готовил своих дочерей Катю и Саню в епархиальное училище и сам повез их в Оренбург сдавать вступительные экзамены. Катя поступала во второй класс, Саня — в первый. Кате досталась по Закону Божию история Есфири Мардохея. Она рассказала своими словами, как они учили с дедушкой. Законоучителем в училище был Кречетович. Это был человек незаурядный, видимо, неглупый, но по характеру очень вредный, язвительный и ядовитый. Он носил очки с такими толстыми стеклами, что глаза казались огромными и пугали маленьких глупых епархиалок. Он был для них грозой: на уроках издевался, высмеивал. Как инспектор классов он должен был следить за приготовлением домашних заданий. Терпеть не мог болтушек и вязальщиц, собиравшихся на задних партах. После экзамена дедушка, гордившийся своими умными дочерьми, спросил Кречетовича: «Ну, как?» Тот, отпустивший во время рассказа Кати об Есфири несколько ядовитых замечаний, сказал доброжелательно: «Посмеялись мы над ответами вашей дочки, потешила она нас». Тут дедушка вскипел. В гневе он мог хорошо говорить, находил яркие, хлесткие слова, умел развить свою речь, и так отбрил Кречетовича и всю комиссию заодно, что Кречетович долго не мог этого забыть и всегда потом при случае говорил моей маме: «А папенька у вас горяченький». Но задевать ее не смел, сделал ее в церкви уставщицей. Когда он проходил по классам, проверяя, как готовятся домашние задания, моя мама быстро прятала тетрадки и вынимала заранее приготовленную библиотечную книгу. Это Кречетовичу нравилось, он одобритительно кивал ей головой.

Итак, девочки Евладовы были приняты в училище. За них стояла горой начальница. Она была не в ладах с Кречетовичем, не любила его и старалась все сделать ему поперек.

Однажды на переводном экзамене Катя должна была сдать «Пророчества». Но после ее блестящих ответов вся комиссия замахала руками на Кречетовича, когда он вздумал спросить «Пророчества». Ответ был хорош и без них.

Итак, позади первый год учебы в епархиальном училище. Катя быстро завоевала прекрасное мнение учителей о себе. Она грамотно изъяснялась, сочинения ее были написаны с блеском (впоследствии она побеждала даже знаменитую Сейфуллину). Катя много читала, она была библиотекарем и могла брать в библиотеке любую книгу. Училась музыке и впоследствии неплохо играла. Девочки ездили на учебу всегда одни. Будучи по складу ума не математиком, а лириком, Катя побеждала и этот чуждый и непонятный для нее предмет.

Так она училась до тех пор, пока на пятнадцатом году рождения ее не постигла злая болезнь. Она говорила, что подцепила ревматизм в сыром доме, где они жили, что в комнате, где она спала, промерзал угол ее кровати. Так это было или не так, только злая болезнь настигла ее, и она пролежала в постели все лето, а осенью нужно было возвращаться в училище. Но как? Дедушка в своем тщеславии не допускал и мысли, чтобы его дочь пропустила учебу и осталась на второй год. Он хотел отправить ее больную. Во время пересадок Саня должна была нанять носильщика, который вынес бы больную из вагона, а в Оренбурге ее положат в училищную больницу. Мою маму охватил ужас. Бабушка плакала, молила оставить дочь дома. Наконец сердце дедушки смягчилось. Саня уехала одна, а Катя осталась дома, проболела целую зиму, но наконец поправилась. На будущий год поехала в училище, училась уже вместе с Саней и будущей писательницей Сейфуллиной. Лида славилась своими сочинениями, но моя мама умела писать не хуже. Часто по просьбе подруг она писала сочинения чуть ли не всему классу, и всем разные. А бывали случаи, когда Лида получала за сочинение «5», а моя мама «5+».

Шли годы, и вот пришло время расстаться с училищем. На радостях несколько выпускниц, и моя мама в том числе, наняли извозчика и поехали кататься по городу, которого они совсем не знали. Им случайно встретилась ехавшая на извозчике классная дама. Увидев вырвавшихся на свободу пленниц, она велела им остановиться, но какой-то дух неповиновения вдруг овладел девчонками. Они велели извозчику погонять и умчались от начальства. А потом пришлось-таки держать ответ. Под аккомпанемент рыданий подруг Катя начала защитительную речь. Она увлеклась, находила красноречивые слова и сумела утихомирить гнев вышестоящих. Начальница смягчилась и простила виновных.

Так закончилась оренбургская эпопея. Учение позади. Лето в Чумляке, куда как раз приезжает «на холеру» студент-медик Николай Дмитриевич с товарищами.

Женихи

Однажды Манефа с криком вбежала в комнату: «Женихи пришли! Барышни знакомятся с женихами». Друг Николая Дмитриевича умел играть в преферанс, и дедушка мигом посадил его за карты. Николай Дмитриевич в карты не играл. Узнав, что Екатерина Венедиктовна музыкантша, он сбегал за своей балалайкой, и они устроили ансамбль. Так познакомились будущие супруги, мои дорогие родители. Окончив практику, Николай Дмитриевич уехал в Томск продолжать учение. Он написал моей маме письмо, в котором объяснился в любви и сделал ей предложение. Прислал и подарок: две маленькие раковинки, скрепленные цепочкой. На одной было написано «Коля», на другой — «Катя». Эти раковинки целы и сейчас, хотя цепочка разорвалась и Аринушка не раз уже добиралась до них. С этими раковинками Катя вошла в комнату к своим родителям и сказала: «Вот мне подарок от жениха». Родители были удивлены.

Молодые

А вскоре приехали и сваты. Во главе делегации — дедушка Дмитрий Федорович. Сватовство чуть не расстроилось, так как женихова сторона поставила условие: положить в банк на имя молодых тысячу рублей, так как жениху нужно еще год учиться в университете. Дедушка мой был щепетилен, такое требование шокировало его, и он готов был уже указать сватам на дверь и сказать: «Вот вам Бог, а вот порог!» Но он вовремя вспомнил о дочери и сдержал себя. Относительно денег — не знаю, как было дело, но только свадьба состоялась в мае 1905 года. За точность даты не ручаюсь, может быть, это было в 1906 году. В 1905 году революционные события всколыхнули всю Россию. Наверное, и студенты университета бастовали, потому что папе пришлось окончить университет на год позже.

Молодые жили в Томске, папа усиленно готовился к выпуску. А мама моя от нечего делать изучала медицинские книги. Родился у них сын Иларий. С ним нянчилась бабушка Прасковья Осиповна. Иларий получил свое имя в честь маминой училищной подруги Ларисы Благодравовой. У нее был прекрасный голос, и она пела на радость всем окружающим. Впоследствии она окончила консерваторию и стала певицей, но голос ее утратил прежнее обаяние и непосредственность.

Иларий умер спустя три месяца после рождения.

Потом на свет появился сын Дмитрий, Дима, Димочка, который навсегда оставил след в сердце моей мамы. Он умер одиннадцати месяцев от роду, умирал долго, мучительно. Моя мама всегда говорила, что если бы он остался жив и вырос, то это был бы прекрасный сын.

Смерть сына

Папа окончил университет вторым по успеваемости. Мог бы стать и первым, но сначала как-то не особенно к этому стремился, а потом, когда уже «нажал на все пружины», было слишком поздно, другой студент его обогнал. Но папа не огорчился — окончить вторым тоже неплохо. Папа стал работать в селе Воскресенском, был земским врачом, работал и в Чумляке. Наконец, моя семья переехала в Челябинск. Здесь папа поступил на железную дорогу. Жили мы в одноэтажном сером каменном доме, который и сейчас стоит на улице Лазаретной, недалеко от кинотеатра «30 лет ВЛКСМ». Вот в этом доме и умер Дима.

Он заразился скарлатиной в поезде, когда семья ехала из Чумляка. Ехали в вагоне третьего класса, хотя папа как железнодорожный врач имел право ехать в первом классе. С ними рядом оказалась пассажирка-татарка с больным ребенком. Вот от него-то, видимо, Дима и заразился. Папа не сразу распознал скарлатину, а когда распознал, было уже поздно.

Из Чумляка приехала бабушка с маленьким Володей. Он тоже заразился, и оба мальчика болели одновременно. Но Володе суждено было выздороветь, а Дима умер. За несколько минут до смерти он услышал бой часов и сказал: «Нянь!» В одиннадцать месяцев он уже ходил и говорил: «Мам, мам». Сохранились несколько фотографий Димочки и прядка его светлых волос. Похоронили его рядом с его братом Ларей и бабушкой. После смерти Димы мои родители переехали к дедушке.

Главный выигрыш

Вскоре после смерти Димы моей маме пришлось проходить близ Народного дома. Внимание ее и ее свекрови, которая была с ней, привлекла толпа народу, шум, гам. Оказывается, в Народном доме разыгрывалась лотерея. У моей мамочки в кармане оказалась мелочь — 25 копеек, как раз столько, сколько стоил билет. Она купила билет. И вдруг поднялся крик. Кричали: «Вот, вот та, в белой шляпке». Оказывается, она была центром внимания, потому что на ее билет пал главный выигрыш лотереи — лошадь. Настоящая живая лошадь. Кто-то крикнул извозчика, кто-то уже предлагал за лошадь цену. Не успела она оглянуться, как уже катилась к себе за реку, а лошадь бежала сзади, привязанная к извозничьему экипажу.

По дороге домой мамочка молила Бога, чтобы кто-нибудь оказался дома, ведь у нее не было денег, чтобы расплатиться с извозчиком. Но все вышло удачно. Лошадка поселилась в конюшне. Ее называли Четвертак и пользовались ее услугами до тех пор, пока ее не украли. Вообще в это время случались частые кражи лошадей. И жители выходили по ночам их караулить. Рассказывали, что один какой-то туз приехал в гости к своей даме сердца, а кучер его задремал на козлах в ожидании хозяина. И у него из-под ног увели лошадь. Выпрягли и увели, а он и не слышал.

Но вот настал 1910 год, приближался день моего рождения. Это случилось 25 октября по старому стилю, 7 ноября — по новому.

Первые годы Анны

Итак, в доме появилась Анна — Ася, Асюлька, Сюсиль-Аниль. Все были рады. Дедушке это был подарок на имени-

ны. Отец любил свою дочку, хотя на руки маленькую не брал. Но на старой карточке я на его коленях.

Бабушке со мной нянчиться не пришлось, она умерла летом, зато вволюшку возился дядя Вася. Когда я не спала и плакала, он говорил моей маме: «Дай мне ее, я толстый, ей со мной тепло». Нянчилась и тетя Лена. Красавица, она, не жалея себя, сидела часами со мной на солнце — закаляла. Но больше всех я любила тетю Аню. Конечно, не сразу ее полюбила, а уже когда стала что-то понимать. Я ей пела песенку: «Тетя Аня, ты красивая, сива, сива, сива, сивая». И говорила все время: «Я буду такая же, как тетя Аня». Однажды мне понравилась брошка тети Ани, и я попросила ее подарить эту брошку мне. Она сказала: «Вот когда я умру, эта брошка достанется тебе». Потом она забыла об этом разговоре, но я помнила. И спросила как-то раз: «Тетя Аня, когда ты умрешь?» Она очень удивилась: «А что? Зачем тебе?» — «Но ведь когда ты умрешь, и брошка, и твои платья мне достанутся», — объяснила я. Я все же чем-то была похожа на тетю Аню — такая же миниатюрная, как она. Ноги у нас с ней были одинаковые. И однажды она подарила мне свои туфли — серые замшевые.

Любила я и дядю Васю, называла его «дядя Васька».

О первых годах жизни за рекой ничего не помню.

Болезни

В раннем детстве я переболела всеми детскими болезнями: коклюшем, корью, скарлатиной, дифтеритом. Воспалением легких болела несколько раз. Один раз была на волосок от смерти — задыхалась. Всюду были развешаны мокрые простыни. Один врач, приглашенный ко мне, какая-то знаменитость, велел давать мне «подкурные яйца». Букву «р» он произнес по-еврейски картаво. Эти подкурные яйца, наверное, и вылечили меня.

Самоубийство Клани Волковой

Было одно ужасное событие, о котором мне рассказывала после моя мама. В дядю Васю влюбилась родственница Клани Волкова. Это была некрасивая старая дева. Хотя, на мой взгляд, судя по ее фотографии, не была она такой уж старой и некрасивой. Дядя Вася сначала ее «пожалел», а потом решил держаться от нее подальше. Она решила ему отомстить — облить серной кислотой. Уже полубезумная, охваченная дикой навязчивой идеей, она сидела в прихожей в доме бабушки и ждала появления дяди Васи. Бабушка ее увещевал, просил уйти, а папа решил припугнуть и сказал, что сейчас пойдет за полицией. Он вышел из дома — будто бы отправился в полицию. Тогда Клани вскочила и быстро выпила содержимое пузырька, который прятала под шалью (с серной кислотой). Ее отвезли в больницу, где она в страшных мучениях умерла.

Моя мама навещала ее в больнице, но на похороны опоздала. И ей сделал замечание брат умершей. Моей маме это не понравилось. Брат Клани потом тоже покончил самоубийством.

Замужество и смерть тети Лены

Тетя Лена вышла замуж за Василия Ивановича. Тут что-то было не в порядке. Братья не хотели выдавать за него сестру, чем-то он им не нравился. Но брак состоялся, и тетя Лена уехала с мужем в Херсон. Они приезжали в гости. Муж тети Лены как будто бы был очень капризным и разборчивым в еде, критиковал блюда, которые подавались к столу. Они действительно были очень простыми, разносолов не было. Папа любил только щи да кашу. Мамочка не была кулинаркой. Вот, видно, Василию Ивановичу это и не нравилось. Тетя Лена его поддерживала.

Жизнь ей выдалась короткая. Она очень рано умерла от сахарного диабета. Был у нее ребенок, девочка, но родилась она мертвой. После смерти тети Лены все сношения с Василием Ивановичем прекратились.

Дядя Вася надумал жениться, но это было уже тогда, когда мы переехали в новиковский дом.

Новиковский дом

Дедушка продал свои дома. И мы переехали жить в чужой дом, который назывался «новиковский». Впрочем, название это было только номинальное. В действительности почти весь он принадлежал старику Степанову, богатому мучомолу. У каждого из Новиковых была часть дома, принадлежавшая ему, и они «проедали» эти свои части, продавая их Степанову. Дом был большой, каменный, двухэтажный. Наверху жил с семьей сын Степанова Григорий Павлович, а низ занимали мы.

У тети Ани хранилась фотография этого дома. Когда она умерла, фотография досталась мне. Как-то в 1950-е годы, когда мы жили на улице Васенко, неведомо откуда явился вдруг Сергей Васильевич Новиков. Он сказал, что сумел пробраться в новиковский дом, где теперь находится госпиталь. А меня дернуло похвалиться фотографией и показать ее.

Сергей Васильевич стал у меня выпрашивать снимок. Я спрятала его на пианино, думала, что он забудет, но не тут-то было. Уходя, он опять напомнил про фотографию. Сказал, что покажет жене, какой у него был дом, а потом вышлет снимок мне. Я отдала. И он до сих пор мне ее «высылает».

Внешний вид дома теперь несколько изменился. Раньше к парадному входу вело высокое каменное крыльцо со ступенями на две стороны, а посередине красовалась вывеска: «Самоварный мастер Сонин». Мастерская находилась внизу,

в подвале под крыльцом. Теперь крыльца нет, дверь расположена низко, вровень с асфальтом. Раньше дом был угловым, находился на углу улиц Большой и Сибирской. А теперь Большая улица — Цвиллинга, как она теперь называется, — перегорожена забором, и участок этой улицы теперь образовал двор госпиталя. Большие ворота вели во двор с Сибирской улицы, вторые красивые ворота находились на Большой улице. По другую сторону этих ворот — небольшой каменный домик, где жили Козловы и Новиковы. За домиком тянулась каменная ограда большого сада. Она доходила до самого Миасса. На Миассе в этом месте были построены городские купальни. И были лодки.

Дворы

Дворов было два — передний и задний. По правую сторону от больших ворот находилось длинное одноэтажное здание, в котором во время войны 1914 года помещались солдатские казармы.

Теперь ворот нет, здание казарм достроили. И оно слилось с основным домом. Во дворе, прикрытая деревянным навесом, находилась большая помойка, мы с Ниночкой иногда посещали ее, искали там «стеколки». За помойкой находилась маленькая деревянная избушка (наверное, заброшенная баня). Не знаю, кто там жил. В глубине двора находился длинный одноэтажный каменный флигель, примыкавший к маленькому домику, где жили Козловы. За флигелем простирался сад. Каменная стена сада тянулась по улице Большой до Миасса, с севера эта стена шла над рекой, с востока сад огораживал решетчатый забор, с юга — флигель, окна которого выходили в сад. За садом направо находился задний двор, где располагались конюшни, сеновалы и был узкий проход к Миассу.

Парадное

В доме было три входа. Первый — через парадное, над мастерской Сонины. Парадное было большое, длинное. Наверх к Степановым вела широкая лестница — деревянная, внушительного вида. Потихоньку, с замиранием сердца, мы, девчонки, под предводительством Иры Козловой забирались на самый верх прямо к дверям Степановых и оттуда скатывались по перилам. Парадное вело в другое помещение, поменьше, которое примыкало к нашей квартире. Под большой степановской лестницей находился какой-то маленький пустой чуланчик. Тут мы иногда прятались, тоже трепеща от страха. Второе парадное, уже лично наше, имело выход во двор. Напротив выхода была дверь в прихожую, а прямо находилась простая уборная-сортир.

Прихожая

В нашей квартире было пять больших комнат. В одной из них, папиной приемной, поставили перегородку, и получилась еще одна маленькая комнатка. В ней до женитьбы дяди Васи жил дедушка. Дверь из его комнаты выходила в гостиную. И меня всегда удивляла эта дверь. Она была оклеена теми же обоями, что и стены в гостиной. Очевидно, ее прорубили прямо в стене. Когда дядя Вася женился и переехал в другой дом, дедушка переехал к нему, и в маленькой комнатке папа устроил свою приемную. Дверь в гостиную была замурована, вход в комнатку был из большой приемной.

Войдя в парадную дверь, вы попадали в большую прихожую, где ждали больные. Прямо простирался длинный коридор. Направо застекленная дверь вела на кухню. В прихожей был отгорожен закуток, где жила прислуга и стояли наши с дедом Колей горшки. Второй отгороженный закуточек образовал небольшой чулан, где хранились продукты.

Такова была прихожая, где я маленькая выступала перед больными — пела им «Коробочку» и «Ухарь-купец». В длинном коридоре висел телефон, его номер был 227.

Коридор

Если идти по коридору, налево была дверь в гостиную. Коридор кончался входом в столовую. Раньше даже не было двери в эту комнату, ее сделали потом. Из гостиной и столовой двери вели в угловую комнату, которая называлась спальней. Из столовой также была дверь в самую дальнюю комнату в доме — детскую. К столовой примыкала темная кладовка, находившаяся под степановской лестницей. В этой кладовке мне приходилось нередко сживать. Сажали меня за разные провинности. Я отчаянно ревела и кричала своей маме: «По-ме-рím-ся!»

Комнаты

В папиной приемной я бывала редко. Помню, что в ней меня всегда стригли под машинку, я ревела, поднимала с пола волосы и складывала их себе на голову.

Иногда приходил фотограф. Сниматься я не любила, боялась и пряталась куда-нибудь. Меня искали, вытаскивали из-под стола или из-под кровати. Когда дедушка жил у нас, я иногда заглядывала в его комнатку. В гостиной стояла мягкая мебель с кистями. Я любила заплетать их в косички. Были две пальмы на высоких подставках, пианино — наш теперешний ветеран «Оффенбахер». Оно было тогда с подсвечниками и модератором.

В спальне стояли две кровати, туалетный столик, он же письменный. В столовой в переднем углу была большая ико-

на — лик Спасителя в терновом венце. Посредине комнаты находился стол, у стены — буфет. В нашей детской стояли наши с моим братом кровати, комод.

Детская

Детская была самая дальняя комната в квартире. В нее можно было попасть из столовой. Печка в этой комнате была сделана в виде лежанки. На ней можно было спать, и спал на ней Володя, когда гостил у нас. Он забавлял нас с братом, исполняя на лежанке дикие танцы.

Когда нас отправляли спать, двери в столовую закрывались. Взрослые там ужинали, иногда с гостями. Слышались говор, смех, сквозь щели пробивался яркий свет. Это меня тревожило, было завидно, и я подбивала своего брата: «Кричи мамочку, кричи мамочку!» Он послушно звал: «Маму-ся!» Мама подходила к двери, открывала ее, спрашивала: «Ну, что тебе?» Он молчал, ему ничего не нужно было, я помалкивала тоже: «Я не я, и лошадь не моя». Мамочка закрывала двери, и я, снова захваченная завистью, опять подбивала брата.

Помню один эпизод, связанный с детской. Как-то летним теплым вечером, когда, видимо, никого из взрослых не было дома, я потребовала, чтобы няня Луша сидела возле моей кровати, пока я не усну. Луша села, и я поминутно ее спрашивала: «Луша, ты здесь?» «Здесь», — отвечала она. Так я спрашивала много раз подряд, и Луша все время откликалась. Потом меня заела совесть, и я решила подождать некоторое время и не спрашивать. Подождала, а потом спросила и к своему ужасу не услышала ответа. Луша ушла. С ревом я вскочила и через темную столовую, по темному длинному коридору, через прихожую выбежала в кухню, спустилась из сеней на порог и громким ревом возвестила о своем возмущении. Со всех сторон сбежалась прислуга. Они собрались

летним вечерком посидеть за воротами, покалякать о том о сем. Луша, конечно, стремилась к ним.

Кладовка

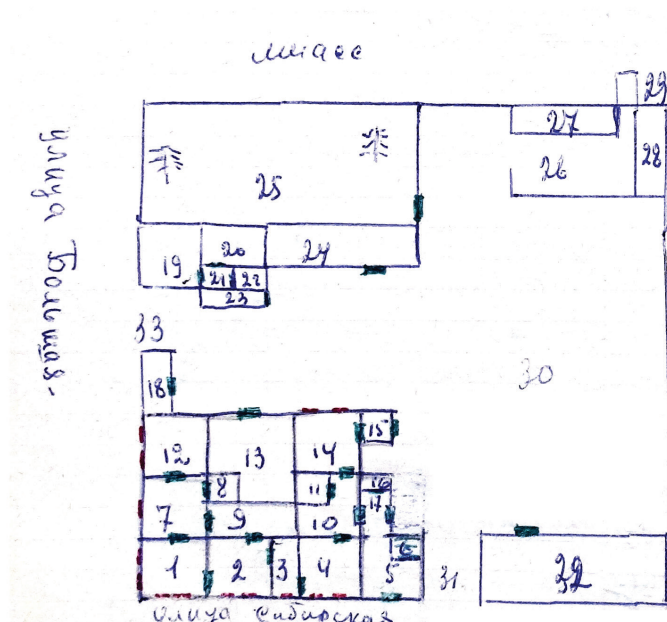
Это было интересное помещение. Оно располагалось под степановской кухонной лестницей, и было слышно, как степановские горничные, стуча каблуками, то и дело бегали по ней взад и вперед. Кабы не страх перед одиночеством, в кладовке даже приятно было бы посидеть. Там находились сахарные головы в синей бумаге и машинка, чтобы их колоть.

Кухня

Кухня была большая. Окна ее выходили на север, во двор. В кухне стояла русская печь. За печкой жил кучер Яков. Из кухни сени вели во двор. В сенях несколько ступенек шли вниз.

Переезд

Как мы переезжали в новиковский дом, я не помню. Рассказывали, что я протестовала против этого, не давала выносить вещи, кричала: «Ой, зачем лампу потащили?», «Ой, дядя Васька, твою кровать потащили!» Переезд состоялся. В новиковском доме я начала впервые помнить себя. Проживала в этом доме до восьми лет, все свое счастливое детство.

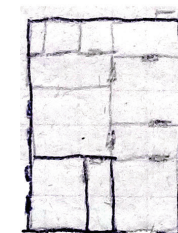

План новиковского дома

- 1- спальня
2. гостиная
3. бабушкина комната
4. приемная
5. парадное
6. лестница к Степановым
7. столовая
8. кладовка
9. Корридор
10. передняя
11. Комната приемн.
12. детская

13. Степановская кухня
14. наша кухня
15. сени
16. уборная
17. наше парадное
18. кладовая новиков
19. Комната Козловых
20. Комната Марии Михайловны
21. приемная
22. кухня
23. сени
24. орешник

25. сад
26. задний двор
27. сеновал
28. конюшни
29. проход к мшасу
30. двор.
31. ворота с ул. Сибирской
32. казарма
33. Ворота с улицы Большой.

План квартиры дяди Васи

Рисунок дома Неаполитановых

Дела дяди Васи

В Челябинске жил адвокат Евреинов. Он был связан крепкими узами с женщиной по имени Олимпиада Ивановна, или Липочка. У них было четверо детей: Тамара, Борис, Маргарита и Людмила. Дядя Вася проходил у Евреинова практику. Приходя домой, он, смеясь, рассказывал разные истории про Липочку: например, что она надела прозрачную кофточку, а руки синие, или еще что-нибудь в этом роде. Все смеялись. Но Липочка стала иногда звонить ему по телефону и спрашивала в трубку: «Поверенный дома?»

Вдруг Евреинов застрелился. Он оставил письмо своей старшей дочери Тамаре, которой в то время было двенадцать лет. Содержание письма мне неизвестно.

Дядя Вася зачастил в маленький домик на Никольской улице. Водил туда однажды и меня. Потом дядя Вася объявил, что женится на Липочке, и просил благословения у дедушки. Все в семье были шокированы, удивлены, возмущены. Но дядя Вася настаивал на своем и сказал, что если его не благословят, то он обойдется и без благословения и женится все равно. Дедушка сдался и благословил.

Дядя Вася женился, усыновил четверых детей Евреинова. Они приняли нашу фамилию. И у меня появились двоюродные сестры и брат. Я их очень любила, особенно младшую Люсю, которая была старше меня на один год. Их дом стал моим любимым домом. Я у них часто бывала. В 1915 году появился мой настоящий двоюродный брат Мстислав Васильевич Неаполитанов, Слава. Он живет сейчас в Свердловске, и ему я желаю всякого благополучия в его жизни.

Дедушка поступил работать в монастырь, и ему дали квартиру в монастырском доме на Большой улице, напротив монастыря. Как я уже упоминала, этот дом сделался самым любимым моим домом. Много лет спустя в этом доме размещалась музыкальная школа. Его кто-то сфотографировал, и

фотография находится сейчас в музыкальной школе на стенде в честь пятидесятилетия школы.

Рождение Н. Н. Н.

Я стала помнить себя с момента рождения моего брата. В этот день меня отправили в гости в бывший дедушкин дом, где жили некие Хартуляри и Даниловы. Лидия Константиновна Данилова была вдовой. У нее было четверо детей: Костя (уже юноша), Лена (или Лёна, девочка-подросток), Митя (мальчик 11–12 лет, мой крестный) и горбатая девочка Нюся (старше меня).

Вот к Даниловым-то и отправили погостить меня, пока у нас в доме совершалось таинственное событие — появление нового члена семьи. Я была у Даниловых целый день, меня что-то тревожило, хотелось домой, и вот наконец-то, уже к вечеру, я дождалась, что за мной пришли. Победно бегу я по коридору, жизнь мне улыбается, ничто не тревожит, как вдруг из детской донесся громкий рев: «А-а-хо-а, ахо-а, ахо-а, ро-о-о-о-о-о-о». В недоумении и возмущении останавливаюсь в столовой на пороге детской, окна которой плотно занавешены. Из детской выходит незнакомая мне старушка и сообщает доверительно: «У тебя родился братик». Вот это номер! Откуда он взялся, этот братик? И зачем он мне? Ревет так громко, оглушительно!

Слов нет, чтобы выразить мое негодование. И я советую няне, кривой Аннушке: «Да брось ты его под мост». Помню, что это было в столовой, и мне казалось, что из окна был виден берег Миасса и мост. Это я не раз потом видела во сне.

Брат мой родился 6 мая 1914 года. Это было как раз под Вешнего Николу, и день рождения его совпал с днем рождения папы. Поэтому братишку моего называли Николаем.

Смерть чумляцкого дедушки

Вскоре после рождения брата умер в Петербурге чумляцкий дедушка. Он был сердечник и очень впечатлительный, эмоциональный. На одном из приемов, когда ждали прибытия императора, он забыл надеть крест и находился в ужасном волнении и беспокойстве. Его выручил другой священник. У него было два креста, и он один из них отдал дедушке. Кроме того, дедушку обозвали красным из-за его яркой малиновой рясы.

Он заболел, лег в одну из петербургских больниц. Бабушка навестила его и ушла. Сиделка попросила дедушку перейти с кровати на кресло, чтобы перестлать ему постель. Дедушка быстро встал и тут же упал замертво.

Гроб с его телом перевезли в Чумляк и там похоронили в церковной ограде. Сохранилась фотография с того дня. Моя мама ездила на похороны, оставив своего маленького сынишку.

Война 1914 года

В это лето началась война. Моя мама сильно заболела ревматизмом и лежала неподвижно. Каждое движение причиняло ей сильную боль. Она обижалась на папу: он не сидел возле нее, часто ходил с Новиковым в театр. Но вот его мобилизовали и должны были отправить на фронт. Мама моя мучилась, боялась остаться одна, больная. Вдруг она услышала, как где-то над ее головой зажужжала, зазвенела муха в паутине. Преодолевая боль, моя мама встала и, дотянувшись до мухи, освободила ее. На душе стало легче, а тут и папа вернулся и сказал, что его оставляют здесь. Но потом все же он был на фронте долго.

Братишка мой подросток

Братик стал ползать. Он подползал к моим постройкам из кубиков и одним махом все разрушал, а я кричала: «Герма́н пришел!» Когда он научился говорить, он всех приходящих к нам приглашал залезть с ним под стол «по секрету говорить». Очень рано проявились у него музыкальные способности. Он начал подбирать на пианино разные мелодии. У нас был граммофон с пластинками, и мой братишка сам их ставил. Граммофон стоял на полу на стареньком ковре, постланном возле кровати. Ника сам брал пластинки и знал, какую именно он ставит. Он всем нравился, был полненький, красивый и румяный.

Вскоре у него начались припадочки, он сильно капризничал. И кричал на мою маму: «Уходи, я Ушу люблю!» Так он называл няню Лушу. Я его за это ненавидела. Много позднее с ним случилось одно неприятное происшествие — его укусил поросенок. Он сидел возле ворот, выходящих на Большую улицу, опустив ноги в канаву. Вдруг к нему подбежал чей-то большой поросенок и укусил его. Было много переполоху, но все обошлось. С тех пор Ника очень боялся свиней и кричал: «Убери его, убери его!»

Покупка куклы

Тетя Саня очень любила меня и даже просила мою маму отдать меня ей в дочери. В один из своих приездов из Екатеринбурга она повела меня по лавкам, которых много было на Уфимской улице. В одной из лавок тетя Саня предложила мне выбрать куклу, какая мне понравится. Я, недолго думая, указала на куклу, стоящую на самой верхней полке. Она мне показалась небольшой, но когда ее достали, она оказалась огромной и великолепной. Стоила она пять рублей. Тетя

Саня купила ее мне, я назвала ее Катей и играла с ней до июля 1919 года.

Пожалуй, в этот раз я в последний год жизни тети Сани видела ее. Летом, когда мы жили на даче на Смолино, пришла телеграмма о ее смерти. Она застрелилась. Мы с мамочкой поехали в Чумляк на похороны.

Бабушка жила уже не в большом каменном доме, а в маленьком. Там была небольшая комната — зал. В этой комнате стоял гроб, а в нем лежала тетя Саня. Я заметила, что на ней были белые туфли. Никто не знал, по какой причине она лишила себя жизни. Упоминали некоего Котеурова — врача, женатого и имеющего детей. Когда мы отдыхали много лет спустя на озере Горьком, он работал там врачом, но маму мою не узнавал, хотя раньше знал ее. У него как раз в это лето умерла жена. В 1930 году моего отца, смертельно больного раком, отвезли в Свердловск в физиотерапевтический институт. Котеуров работал там и отнесся к нам очень плохо, сухо и бессердечно. В своем предсмертном письме тетя Саня завещала мне свои золотые часы. Они существовали долгие годы, ждали меня, а я не сумела их уберечь: оставила на полке в доме тети Нюры, и пьяница их украл и пропил. Часы были ценные, из золота высокой пробы.

Папино стихотворение

Папа был на фронте. Он скучал по нам. Написал стихотворение, посвященное мне. Оно сохранилось. Начинается так: «Елочка стройная, снегом покрытая, тихо в овраге стоит. Девочка милая, в шубку одетая, с нотами к дому спешит». Стихотворение было напечатано в полковой газете. Люди задавали вопрос: «Почему с нотами, а не с книгами?» Дело в том, что прежде чем поступить в общеобразовательную школу, я уже училась музыке и ходила на уроки к учительнице.

Мне не нравилось, что я оказалась героиней литературного произведения. Я не читала это стихотворение, не учила его. Но теперь мне кажется, что его нельзя читать без слез. «Может быть, папочка, милый, желанный мой, с фронта приехал, в столовой сидит. Может, подарочек с дальней сторонushки где-нибудь в детской лежит», — было написано далее. Эти строки тоже меня злили. Папа в моей жизни не существовал. Я никогда к нему не подходила, не разговаривала с ним. Моей любовью и радостью была только моя мама. Ни о каких подарках с фронта я и не думала. Но какова была любовь отца к нам, детям! Позже мы оценили ее.

Елка

На Рождество у нас в доме устраивалась елка. Всегда большая. Игрушек было много. Устанавливали елку в гостиной. Подруг у меня было не так уж много. Конечно, всегда были Ниночка, Ира Козлова, один раз была Фиса Пеньковская, или Анфечка. Большое участие в елке принимала тетя Тоня Левицкая. Она играла с нами в игру «Зайка, зайка, что с тобой? Ты сидишь совсем больной». Песню «В лесу родилась елочка» мы пели на 3/4, вальсом. Меня очень удивило и поразило, что Сергей Сергеевич запел «Елочку» на 2/4, то есть так, как ее написал композитор Бекман.

Наши лошади

Зимой на Миассе устраивались бега. В них принимал участие наш кровный рысак Полкан, сын дедушкиного Бурана. Кроме Полкана у нас были еще две лошади — гнедая кровная кобылка Галька и сын Полкана Поток. И Полкан, и Поток запечатлены на фотографиях. Лошади жили в конюш-

не на заднем дворе. Однажды во время наводнения Полкан простудился и не мог уже быстро бегать. Как-то его даже обогнала извозчицья кляча. Он обиделся и не захотел бежать. Пошел шагом.

Однажды нас с кучером Яковом разнес Поток. Он был полукровка. Мы с Яковом ехали на телеге со Смолино по улице Исетской. Когда свернули на Никольскую, Поток вдруг понес и чуть не въехал в Миасс. Отец Алексей Протопопов выбежал из домика (в этом доме потом жили соседи деда Миши Хорохорины) и остановил Потока. Я не испугалась, восседала себе на телеге.

Дача на Смолино

Дача была хорошая. Внутри были две комнаты — одна побольше, другая маленькая. Была и кухня, а снаружи — большая терраса. Сюда мы приезжали отдыхать каждое лето. Папа оставался в городе, работал, принимал больных, на дачу возил продукты.

Купались в озере, играли в песке. Мой братишка набивал себе песком рот. А однажды его потеряли и думали, что он упал в колодец, а он преспокойно спал в маленькой комнате. Когда ехали вдоль железнодорожной линии, он говорил: «Паровоз, гогони!» Дорога шла через березовый лесок, по пути заезжали на монастырскую заимку. Там по воде плавали лебеди.

На дачу к нам приезжали Новицкие — тетя Аня и ее муж дядя Саша, Александр Яковлевич. Человек прекрасный — как внешне, так и душевно. Но тетя Аня всю жизнь подозревала его в изменах и относилась к нему скептически.

Сохранилось несколько фотографий дачи на Смолино. В одном дворе с нашей было еще несколько дач. Рядом с нами находилась дача священника Прокопьева. У них была девоч-

ка Соня, с которой мы вместе играли. Соня также запечатлена на одной из фотографий. Самая ближайшая к воротам дача принадлежала каким-то богачам. Мне пришлось там побывать. Крыша на даче была плоская, выше террасы. У них был мальчишка, которого звали Сига. Был еще мальчишка, сын сторожихи. Его звали Егорка. С ним я также играла.

Летние дни

В городе мне тоже жилось хорошо, безопасно, весело. Запомнились летние яркие солнечные дни. Вот я выхожу из детской, бегу через столовую, мчусь по коридору, через прихожую, вбегаю в кухню, а там открыта дверь в сени. Я останавливаюсь на пороге. Снизу через дверь во двор бьет ослепительное солнце. Во дворе меня ждет верная моя подруга Ниночка. Мы рыщем по двору в поисках «стекóлок» — черепков от разбитых чашек.

Мы не брезговали даже помойкой, везде и всюду отыскивали красивых «девочек». Девочки — это те же стекóлки. Особенно ценились треугольные. Узкий конец треугольника — это голова «девочки», широкий — ноги под длинным цветастым платьем. Позже мы перешли на игру в «чуричкí», то есть пустые катушки от ниток. Они еще иначе назывались у нас — «дрг». Если кто-нибудь говорил: «Айда в дрг», — это означало, что поступило предложение поиграть в «чурички».

Играли мы также и в саду Новиковых. Иногда воровали с грядок огурцы. Один раз я даже попала к тете Оле.

Музыка

Я еще не училась в школе, но читать уже умела, научилась сама. Однажды я подошла к пианино и связно сыграла

подряд пять нот: до, ре, ми, фа, соль. Пианино почему-то стояло не в гостиной, а в спальне. Моя мама, убравшая что-то в шкаф, стоящий в гостиной, сказала, что будет учить меня музыке. Я заревела, прибежала в гостиную, забила в шкаф. Пустила основательную слезу. Но это не помогло. И меня отдали учиться музыке. Учительница музыки в то время в Челябинске была одна — Валентина Антоновна Альбокринова, дочь монастырского священника отца Антония Альбокринова. Валентина Антоновна была альбиносской: у нее были белые ресницы и седые волосы, хотя это была молодая незамужняя женщина. Она имела консерваторское образование, играла на званых вечерах прелюд Рахманинова. Жили Альбокриновы в том же доме, что и дядя Вася, во втором этаже, а дядя Вася — внизу.

На первых порах Валентина Антоновна приходила к нам, а потом я стала бегать в ее дом. Не помню, как начались уроки. Постановка руки у Валентины Антоновны была зажатая — рука неподвижная, но два упражнения она заставляла меня делать. На минорном трезвучии нужно было делать движение кистью, а на октаве — растяжку. Но я октавы еще не могла захватить и брала септиму. Первой моей пьесой, хорошо запомнившейся, очень приятной и милой, была соната Шпиндлера. Долгое время Шпиндлера совсем не играли. Но потом из Германии проникли ноты, и кое-кто из педагогов стал давать своим ученикам эти вещи.

Несмотря на свою тихость и покорность, я иногда хлыдила. Помню, забросила за пианино какие-то ноты, и их долго искали. Это было в столовой. Там стояло бабушкино красное пианино, почему-то я играла на нем, а не на нашем. Бабушка тогда была у нас и долго искала эти ноты, а я смотрела и помалкивала. Наконец их нашли.

А потом я стала сама ходить к Валентине Антоновне. Я шла по улице Большой: мимо деревянного серого дома, где жил доктор Мазин, мимо кинотеатра «Модерн», мимо женской гимназии. Встречные гимназистки, видя Катюшку с

нотной папкой, спрашивали меня: «Девочка, чему учишься?» И я отвечала: «Я учусь к музыке». Вот и написал папа в своем стихотворении: «С нотами к дому спешит». Я подходила к парадному крыльцу дома Валентины Антоновны и звонила в звонок, висящий возле двери на шнурке. Помню, однажды к двери подошла карлица Ольга, монастырская послушница, и хотела позвонить, но не могла дотянуться до звонка. Я подошла и позвонила.

Мне открывали дверь, я поднималась вверх. Пианино стояло в маленькой комнате, сразу, как поднимаешься по лестнице, «спиной» к окну. Налево была дверь в большую комнату, где я никогда не бывала. Однажды Валентина Антоновна устроила музыкальный утренник, на котором играли ее ученицы. Я участвовала тоже и исполняла менуэт Боккерини — конечно, в сильно облегченном варианте. Долго у меня хранились эти ноты, где рукой Валентины Антоновны была выписана трель.

Играли мы в маленькой комнате, а слушатели расположились в соседней и слушали нас через открытую дверь. Мне говорили, что я играла хорошо, но дядя Вася высмеял меня. Он сказал, что я села и скорчилась. Дядя Вася так предался душой своим новым дочерям, что, наверное, повторил их слова, сказанные из зависти. Все три дочери учились музыке. Тамара даже потом преподавала музыку, а Рита вообще была талантлива и даже давала сольный концерт в Народном доме. Я читала большую афишу, наклеенную напротив нашего дома, на другой стороне улицы. В ней было сказано, что будет концерт восьмилетней Риты Неаполитановой, хотя Рите было уже в то время двенадцать лет. Я была на ее концерте. Самого концерта не помню, но помню публику в зале и как усаживались на места.

У меня с Валентиной Антоновной не было контакта. Она была слишком суха, никогда со мной не разговаривала и не могла завоевать сердце такой робкой и дикой девочки, какой я тогда была.

Флигель во дворе и домик Козловых

Мой папа вставал всегда рано и пил в столовой чай. Ему нужно было торопиться. Утром он вел дома прием больных, после чего ехал на вокзал в приемный покой, где работал. Я выходила из детской и молча становилась спиной к нему, чтобы он застегнул мне платье, но он не понимал, вынимал из кармана расческу и причесывал меня. В спальне спала моя мама, она не любила рано вставать. Иногда она ездила с кухаркой на базар, который находился на площади перед кладбищем, на месте теперешнего магазина «Ритм». Ко мне в гости часто приходила Ниночка. Однажды тетя Оля обиделась на меня. Я забежала зачем-то в кухню, а тетя Оля и Ниночка только что вошли и стояли у порога. Я сделала вид, что их не узнала, и не пригласила Ниночку войти. Они ушли.

Жили они в маленьком каменном домике, выходившем окнами на Большую улицу и в сад. Домик примыкал к длинному деревянному флигелю типа барака. Из флигеля в домик Козловых было прорублено окошко. Одно время во флигеле жил с семьей Сергей Сергеевич Козлов, а потом во время войны — беженцы-евреи. Тетя Оля с семьей занимали одну комнату в доме, в другой жила старушка Мария Михайловна Новикова. Может быть, она была сестрой Василия Михайловича Новикова. Сам Василий Михайлович, муж сестры моей бабушки, в то время уже вдовец, одно время тоже жил в этом домике, и не один. При нем была деревенская женщина и их сынок Игорька, бегавший под присмотром матери во дворе. Владимир Сергеевич Козлов также часто приходил к нам. У него был хороший голос, баритон, и он пел разные арии и романсы. Моя мама ему аккомпанировала. Он пел: «Ах, я влюблен в глаза одни», «Гаснут дальней Альпухарры золотистые края», «Я приду сегодня к милой», «Не ходите вы, девицы, поздно в темный лес гадать», «Мухи», «Огонек» и другие. Владимир Сергеевич был хромым и носил ортопедический сапог.

Часто приходил к нам дальний родственник Константин Васильевич Лукин. Он тоже хорошо пел «Северную звезду» Глинки, «Не шуми ты, рань, спелым колосом» и другие вещи. Так что музыкой я была окружена с самого раннего детства. Сергей Сергеевич был, скорее всего, эстрадным певцом. Худой, горбоносый, очень подвижный, весельчак. Жену его звали Агния Юрьевна, она была томная красавица, но в общем очень милая и простая женщина. Дочь звали Люсенькой, хотя настоящее имя ее было Ира. Это была бойкущая девчонка, живчик, изобретавшая разные шалости, наш с Ниночкой коновод.

Эти Козловы не всегда жили во флигеле. Их квартиры были и за рекой, и возле теперешнего цирка, в доме с мезонином. Дом теперь снесен, долгое время во дворе этого дома жила педагог Дженджер. В этот дом мы ходили к Козловым в гости и баловались повсю с Ирой и Ниночкой. Когда-то в прошлом у Сергея Сергеевича был серьезный роман с тетей Ниной Новиковой. И один из ее сыновей был сын Сергея Сергеевича.

Колька Степанов

Итак, новиковский дом почти весь уже принадлежал старику Степанову. Моя мама говорила, что он приходил в дом, осматривал его и говорил: «Текёт, текёт». Наверху жил с семьей его сын Григорий Павлович. Верхние Степановы были аристократами и не якшались с такой мелочью, как мы. Видимо, считали нас разночинцами. Мы с ними не были знакомы. И даже не здоровались при встрече. Сам Григорий Павлович был худой, а его супруга — непомерной толщины. Летом Степановы уезжали отдыхать на свою мельницу, которая была за городом. Теперь это мельзавод, находится в черте города по дороге на ЧМЗ.

У Степановых было два сына — Павлик и Колька. Павлик уже юноша, лет семнадцати, а Колька — мальчишка лет двенадцати. Вот это-то Колька и удостаивал нас, девчонок, своим благосклонным вниманием. Внимание это заключалось в том, что Колька гонялся за нами, а мы, объятые страхом, удирали во все лопатки. Впрочем, боялись его как огня только мы с Ниночкой. Люсенька-Ира его не боялась. Да и Колька, в сущности, ничего плохого нам не делал, никого он ни разу не поймал. Однажды во время отчаянного бега я столкнулась нос к носу с Колькой в нашем парадном. Объятая ужасом, я сорвала у него с головы фуражку и бросила в открытую дверь во двор. Колька кинулся за фуражкой, а я унесла поскорей ноги. Перед Колькой я испытывала благоговейный ужас. Вот так играли дети не знакомых между собой родителей.

Сара Пупко

Напротив нашего дома находился (да и сейчас находится) длинный деревянный дом на две улицы. Со стороны улицы Большой в этом доме жили Хреновы. У них было двое мальчишек — Арсений и Вадим (звали их Ася и Владя). Они иногда приходили к Степановым. Меня сильно возмущало то, что Арсения называли Асей, как и меня. Со стороны Сибирской улицы в доме располагалась парикмахерская Пупко. У них были две девочки — Сара (старше меня на год) и Рива. С Сарой я играла, и она приходила к нам. А я у них была всего один раз, и Сарин отец-парикмахер дал мне шоколадку. Сара иногда приводила с собой Риву. На старой фотографии Сара сидит рядом со мной за столом в столовой.

Однажды на Пасху Сара вновь привела с собой Риву. Они остались играть в детской, а меня позвали не то чай пить, не то обедать. Обычно Сару тоже приглашали, но на этот раз почему-то не пригласили. Может быть, потому что она при-

вела Риву. Вдруг Сара бочком, бочком, с оглядкой вышла из детской и быстрым шагом удалилась домой, таща за собой Риву. Меня это удивило, но я не кинулась за ними вслед и не окликнула ее. Никто из взрослых также не сделал этого. Когда я, покончив с едой, вошла в детскую, то сразу поняла причину поспешного бегства Сары. Было разбито красивое пасхальное яичко-писанка, подаренное монашками.

Впрочем, Сара не была такой уж безобидной. У нее были дурные привычки, которым она пыталась обучать и нас. Хорошо, что никто этому не поддавался, да и Люсенька-Ира была откровенна с родителями, и они быстро приняли меры. Сару я встретила спустя много лет. Она узнала меня и разговаривала со мной, но я с ней осталась холодна.

Игры в доме дяди Васи

Дом дяди Васи был моим любимым домом. Я ходила туда играть с Люсей и Ритой. Тамара была уже большая и не играла с нами. Не помню, чтобы мои двоюродные сестры приходили к нам, но я время от времени отправлялась к ним на целый день. Гостить так гостить! Двоюродные сестры были выдумщицы. Они знали много интересных игр. Играли мы в кабинете дяди Васи. Там стоял его письменный стол, была мягкая мебель — диван и кресло. Я входила с улицы через маленькую калитку, которая вела в небольшой палисадник. Из него можно было попасть в дом. Из передней направо дверь вела в столовую, налево — в кабинет дяди Васи. В нем мы играли в игру «На паркете восемь пар мух танцевали» и в другие игры, но больше всего любили играть в «Звери». Эта игра заключалась в том, что каждый из нас загадывал про себя какого-нибудь зверя. Затем мы прятались под кресла и диваны и разом выкатывались оттуда. И каждый кричал голосом своего зверя: кто квакал, кто кукарекал, кто мяукал.

Вся соль заключалась в том, чтобы придумать что-нибудь неожиданное, оригинальное. Прямо из прихожей дверь вела в комнаты девочек и в спальню.

В спальне мы не играли, но бывать там мне приходилось. И мне очень нравились кровати — какие-то необыкновенные, с разрисованными спинками, может быть, китайские. В комнате девочек мы иногда смотрели волшебный фонарь, а иногда мои двоюродные сестры устраивали «живые картины». Натягивали на дверь простыню, ставили лампу, и получались тени, которые танцевали и изображали разные сценки пантомимой. Навсегда осталась в моей памяти песня-игра «А я ножкой топ, топ, топ, я в ладоши хлоп, хлоп, хлоп». Любили мы также играть в дедушкиной комнате. Из столовой шел коридор, в который выходили двери двух маленьких комнат. Одна комната была Бориса, другая — дедушкина. Вот в ней-то мы и любили играть — конечно, когда дедушки не было дома.

Комнатка была маленькая, узкая, но сколько в ней было интересных вещей! Был стереоскоп с видами Иерусалима, разные мелкие вещицы. Но больше всего мне нравился бархатный, расшитый бисером крест, оканчивающийся якорем: вера и надежда. В комнате Бориса мы никогда не бывали, а за этой комнатой находилась уборная, которую в доме именовали клозетом.

Революция

Февральская революция — большая радость для народа. Пышные манифестации, счастливые лица, красные банты. Мы с Ниночкой тоже ходили на манифестации и гордились красными бантами.

Володя пытался у меня: «Ты монархистка или революционерка?» Мне трудно было выговорить «революционерка»,

и я говорила: «Монархистка». Он хватал меня и запирали в «тюрьму»: заталкивал в детскую и закрывал дверь. Я ревела. Ничего-то мы не понимали тогда! Шла война, папа был на фронте. Однажды пьяный офицер забрался в наше парадное, поднялся по ступенькам лестницы, поднял шум, стрелял. С трудом его выдворили и сдали под арест. Потом он приходил извиняться. Голова его была вся в бинтах. Следы от его пуль были видны на стенах, и было разбито окно наверху.

Настала и Октябрьская Великая революция. Но мы, дети, об этом не знали и не понимали, что это такое. Мы знали тогда одно — свои беззаботные игры.

1918 год

Шел 1918 год. Уже были приняты декреты о мире, о земле, шла великая борьба между новыми прекрасными начинаниями и отжившими старыми устоями. Была уже нехватка топлива, продуктов, началась разруха. Пока в нашем городе этого не чувствовалось. Мы, дети, вообще ни о чем не подозревали, жили припеваючи, не зная горя и беды.

Весной в городе появились чехи, это был контрреволюционный чехословацкий мятеж. Мы об этом тоже не знали. Чехи появились и в нашем доме. Среди них были и музыканты. Моя мама всегда очень любила фортепианную игру и пианистов, поэтому люди, владеющие инструментом, были всегда ей желанны и приятны. Кроме чехов именно в этом году в доме стало собираться веселое общество молодежи: тетя Тоня Левицкая, тетя Маруся, мои дяди Коля и Миша, Коля и Женя Лукины. В Кыштыме жила родная сестра моей бабушки, которая была замужем за священником Ильиным. У них было две дочери, двоюродные сестры моей мамы — Надя и Лиза. Надя — блондинка, чуть ли не альбиноска, а Лиза — жгучая брюнетка. Надя еще в Кыштыме познакоми-

лась с военнопленным чехом Владимиром Антоновичем Шуралом. Его перевели в госпиталь, который находился в Челябинске на переселенческом пункте. Надя вспомнила, что у нее в Челябинске есть двоюродная сестра (до этого они вряд ли встречались), и прикатила сюда. Надя навещала Шурала в госпитале и, наверное, все уши прожужжала о нем моей маме.

Однажды Наде понадобилось поехать зачем-то в Кыштым. Моя мама должна была ее проводить и заодно познакомиться с Шуралом, который собирался прийти провожать Настю. В новиновском саду они нарвали большой букет цветов для него, и еще моя мама захватила какую-то интересную книгу. Поехали на вокзал не то на Полкане, не то на Потоке. На козлах сидел Яков в своей неизменной старой шинели. Приехали. Надя сказала, что она пойдет за Володи, а мою маму попросила купить ей билет. Мама была не очень обрадована этим поручением, особенно когда вошла в переполненный вокзал, нагруженная Надиной кофтой, букетом и книгой. Но, по счастью, ей попался кто-то знакомый, и она попросила его купить билет. Билет куплен. Она вышла на площадь и увидела, что Надя и ее спутник идут под руку через площадь. Подошли, познакомились. Он маме не понравился, ей показалось, что цвет лица у него землистый, шинель длинная, чуть не до пят.

Надя забралась в теплушку и стояла в открытых дверях. Как всегда, такие минуты тягостны — как для отъезжающих, так и для провожающих. Наконец поезд отошел. Моя мама сказала новому знакомому, чтобы он вернул книгу, когда ее прочитает. Он ответил, что передаст ее Наде. Мама забралась в свой фэтон и поехала домой, а он побрел на свою переселенку. Надя съездила домой и вернулась.

Однажды в тихий послеобеденный час моя мама услышала в гостиной звуки музыки. Кто-то наигрывал на пианино одним пальцем какую-то мелодию. Она быстро вошла в гостиную. Солдат, наигрывающий одним пальцем на пиани-

но «строшак», вскочил и раскланялся. Моя мама заметила его ослепительно белый подворотничок. Это был Шурал. Его напоили чаем в саду под лиственницей. Моя мама стала расспрашивать юношу. Он рассказал, что воюет уже четыре года, начал с восемнадцати лет. В Чехии осталась мать, он о ней очень тоскует. Мама прониклась к нему жалостью. С тех пор Владимир Антонович стал часто бывать в нашем доме. Я, хоть была еще невеличка, разбиралась немного во внешности людей. И понимала, что он красивый.

Судьба Маруси

Подолгу гостила в ту пору в нашем доме еще одна двоюродная сестра моей мамы. Это была красавица Маруся Соловьева. У моей бабушки был брат Константин Федотович Соловьев. Он был вдовец, имел мельницу в селе Карачельском. Поклонники называли его дочь Марусю «прекрасной мельничихой». Кроме Маруси у Константина Федотовича был сын Миша, пропавший без вести в начале 1920-х годов. Марусе в то время было лет восемнадцать-девятнадцать. Она была голубоглазая, румяная, улыбочивая, скромная.

Был в Карачелке молодой купец Андрюша Харламов. Красивый, порядочный, образованный. Он готов был соединить свою судьбу с Марусей, но получилось так, что она нелепо и неожиданно вышла замуж за другого. Этим другим оказался Василий Александрович Смирнов, сыгравший роковую роль в ее жизни. Военный, в каком-то небольшом чине, некрасивый, шумный, развязный, вечно полупьяный. Все, решительно все ненавидели Смирнова, были против этого брака. О нем ходили порочащие его слухи, и не только слухи. Известны были порочащие его факты, но, тем не менее, Маруся стояла на своем. Ее двоюродные братья даже составили заговор, хотели ее похитить, увезти куда-нибудь и

спрятать от Смирнова, но не увезли и не спрятали. Свадьба состоялась. Моя мама рассказывала о том ужасе, какой испытывали родственники на этой свадьбе. Девушка прекрасная, юная и пьяный развратник. Заговорщики — братья Коля и Миша — были шаферами.

Вся жизнь Маруси после свадьбы была изломана. Жила она в бедности, опростилась, опустилась. Каждый год у нее рождались дети: Тамара, Шура (вскоре умершая), Леня, Коля, Рита, Юрка. Жили они в Иссык-Куле и жили ужасно. Бедствовали, голодали. Умер дядя Леня, Риту Маруся ухитрилась потерять и, по-видимому, не очень грустила об этой потере. Наконец, где-то в начале 1930-х годов пьяный мучитель умер, и Маруся с тремя детьми вернулась в Челябинск.

Жить им было негде, и они поселились у нас в кухне на печке. Тамарка, старшая из детей, навидавшись и натерпевшись всякого, училась пробивать себе дорогу в жизни. Она украла у меня из альбома красивые картинки, охотно бегала с поручениями в магазин, но сдачу умела незаметно присваивать себе. Лет шестнадцати выскочила за кого-то замуж, но неудачно. Пробойная девка не растерялась, тут же с неудачным мужем разошлась и вытянула счастливый билет в лотерее. Нашла другого мужа — Василия Румянцева, кадрового военного. С ним она немало попутешествовала по разным городам. Теперь они нашли свою тихую семейную пристань во Львове. Вася — полковник в отставке. Квартира у них прекрасная в районе Стрыйского парка. Два сына. Старшего недавно женили. Вася получает пенсию 200 рублей. На жизнь хватает. Тамара — счастливая жена и мать. А могла бы судьба ее стать иной, не встретить она Румянцева. Могла покатиться по наклонной дорожке, к этому располагали все обстоятельства.

Братьям Тамары повезло меньше. Коля был больной, и, несмотря на опеку полюбившей его Ольги Николаевны Выговской, ему отняли ногу. Он сапожник, любит выпить, ходит на костылях. У него четверо детей, и он уже дед. Ему я про-

дала (зря) зингеровскую машинку. Юрка тоже был больной, безобразный, с золотушными шишками. Теперь это огромный мужик, хорошо знакомый с тюремной камерой, владелец дома в Никольской роще. После того как Смирновы жили у нас на печке, им дали комнату в бараке на «ферросплаве». Моя мама бывала там. Тут у тети Маруси появилась еще одна дочь — Галя, которая сейчас живет с ней. Тетя Маруся нянчится с ее сыном. Галя работает водителем трамвая. Сама тетя Маруся теперь к нам не ходит — видимо, потому, что достигла своей цели: добыла сыновьям машинку, на которой они шьют на продажу тапочки.

Лукины

Одна из сестер бабушки была замужем за священником Александром Лукиным. Звали ее Елизавета Федотовна, и жили они в Селезяне. У них было два сына — Коля и Женя. В 1918 году оба они были уже молодые люди и бывали в нашем доме. Коля — веселый симпатичный блондин, все время пел песню: «Мадам, я не хочу вас предоставить лихачу. Лихач — ведь это вздор, а у меня мотор». Эта песня навевала на меня ужас, потому что ее называли неприличной. Коля ушел на фронт и пропал без вести, как и многие другие.

Женя был черненький, серьезный. Он не пел, а все время ругал Челябинск и хвалил Екатеринбург. Я спорила с ним и как аргумент в пользу Челябинска приводила тот факт, что на Уфимской улице на самом видном месте у нас висят большие очки. Много лет спустя Женя, находясь в заключении в Ухте, забрасывал мою маму письмами, прося выслать ему различные лекарства. Потом его товарищ по заключению прислал фотографию, где он был снят мертвым.

Лукины усыновили девочку Клаву. Я с ней играла. Клава гостила у нас. Спали мы с ней в гостиной. И каждое утро она подолгу молилась Богу, что было удивительно мне. Я ездила к ним в Селезян. Там был обычай подавать молоко в миске с

накрошенным туда хлебом. И все хлебали это «хлебово». Это мне очень нравилось.

Лукины уехали за границу, там Клава вышла замуж за какого-то князя. Елизавета Федотовна там умерла.

Домик тети Лизы Новиковой

Сначала во флигеле во дворе жили Новиковы. Иногда жил Сергей Сергеевич с семьей. Пелагею Осиповну Новикову я никогда не видала. По-видимому, она умерла еще до моего рождения. Но мужа ее Василия Михайловича я хорошо помню. Он долго жил вдовцом. Но потом, видимо, не выдержал и приблизил к себе какую-то деревенскую женщину. И у него, уже старого человека и деда, появился маленький сынок Игорь, с которым шутили родственники, говоря ему: «Ляля, ляля, Иго́рька!»

Старший сын Василия Михайловича и Пелагеи Осиповны, Александр Васильевич, был священником. Он был женат на Елизавете Александровне Антиповой, учительнице. Тетя Лиза была очень гостеприимной, и у нее часто собирались знакомые и родственники. В одной из комнат дома стоял стол, занимавший всю комнату. Он весь был уставлен пирогами и тортами, весело шумел самовар и велся оживленный разговор. Тетя Оля с Ниночкой, тетя Тоня, дядя Ося с Зоечкой Горячевой, Протасовы, коллеги тети Лизы — учительницы густо заселяли стол, а рядом в маленькой спальне мы, девчонки, устраивали веселую возню. Коноводами тут были Люсенька Козлова и сестры Протасовы. Ниночка время от времени выходила в комнату и шептала тете Оле на ухо о своем желании получить со стола пирожок или кусочек торта. Покушать-то она любила. Помню, что приходил к нам в комнату юноша по имени Толя. Не то сосед тети Лизы, не то знакомый. Толя был очень красив, но беден, и позже про-

несся слух, что его женили — наверное, нашли ему богатую невесту.

Протасовы были хорошими знакомыми или даже родственниками Новиковых. Зинаида Александровна и Валентин Васильевич Протасовы были очень красивыми людьми. Дети их унаследовали их внешность. Детей было трое: Виктор, Соня и Вера. Виктор, красавец, учился в центральной школе на класс старше меня. Учился также в музыкальной школе, имел хороший голос, пел в школьном хоре. Был хулиганом, но не таким, каковы теперешние хулиганы, а просто очень подвижным, непоседой. С ним в классе училась Валерия Нагоркина, девочка с длинными косами, и он ее за эти косы вечно дергал. Впоследствии говорили, что Виктор сломал ногу и ходил на костылях.

Соня была блондинка, более серьезная, чем Вера. Следила за Верой, унимала ее. Вера темнее Сони, быстроглазая, бойкущая. Любила похулиганить.

Когда Козловы жили на Советской улице в доме с мезонином, Соня и Вера бывали у них, баловались, бесились, пели какую-то хулиганскую песенку. Им помогал баловаться какой-то мальчишка, тоже приходивший к Козловым. Он показывал нам все какие-то «сальто-мортале» и объявлял о том, что эти сальто будет проделывать. Мальчишку звали Юра. Володя Новиков был смирный, рассудительный, воспитанный парень. Моя мама была его крестной. Он часто бывал у Козловых, приходил и к нам.

Тетя Лиза вскоре овдовела, Александр Васильевич умер. Все Новиковы были не дураки выпить.

Тетя Оля и ее семья

Тетя Оля была старшей из дочерей Василия Михайловича и Пелагеи Осиповны. Вместе со своим мужем Владимиром Сергеевичем и дочерью Ниночкой она составила семью,

самую близкую нам. Не помню, чтобы мои родители ходили к ним в гости, но Козловы были в нашем доме самыми частыми гостями. Владимир Сергеевич приходил петь, тетя Оля приходила с Ниночкой. Была она всегда какой-то серьезной, не улыбочливой, хотя и очень спокойной и уравновешенной. Говорили, что у нее был какой-то психоз, хотя я не понимала, что это означает. В 1930-е годы Козловы переехали в Свердловск к Сергею Сергеевичу, который жил там.

Владимир Сергеевич в последние годы своей жизни работал в зоопарке, чуть ли не сторожем. После его смерти тетя Оля с Ниночкой перебрались в Сочи. Ниночка встретила друга Ивана Денисенко, шофера, и вышла за него замуж. У них есть сын Владимир Иванович Денисенко. Тети Оли, наверное, давно уже нет в живых, а Ниночка, надеюсь, жива и, наверное, нянчит внуков.

Тетя Нина Новикова

Тетю Нину Новикову я в свои детские годы совсем не помню. Но о ее романе с Сергеем Сергеевичем что-то слышала и о том, что у нее есть внебрачный сын. Нина Васильевна вышла замуж за доктора Сигова. Сама она тоже была врачом, и даже заслуженным.

Мне довелось с ней познакомиться только в 1953 году, когда мы с Люлей ездили на похороны тети Ани. Жила тетя Нина в большом доме в центре Свердловска на улице 8 Марта. Жила она в кухне, а комнату занимали ее сноха и внучка, девочка лет десяти. Нина была у них кумиром, ее обхаживали, причесывали, принаряжали. Сноха — неразговорчивая, угрюмая женщина. Нина такая же. Тетя Нина показывала мне свои фотографии. Вот на одной тетя Оля в сочинском санатории, где она работала медсестрой. Я тогда еще в Сочи не бывала, и меня поразили пальмы и другие экзотические рас-

тения, которые были на фотографии. Показывала тетя Нина также фотографии семьи Иосифа Васильевича, живущего в Коркино.

Люля ушла в политехнический институт, где в то время училась ее подруга Рита Костер, а я пошла побродить по Свердловску и попала в кино на вторую серию «Пармской обители». Меня поразило помещение этого кинотеатра. Просто сарай, какой-то деревянный гроб.

Нас угощали, кормили обедом. Тетя Нина была один раз у нас на улице Васенко. Она ехала тогда из Сочи, и вагон ее должны были прицепить к свердловскому поезду. Я угощала ее чаем, и ей понравился 28-копеечный хлеб, так что я ей отдала полбулки. Вскоре она умерла.

Братья Новиковы

Сергея Васильевича Новикова я хорошо помню. Он производил какое-то неприятное впечатление. Как будто бы ухаживал за тетей Тоней Левицкой. Спустя много лет он появился у нас на улице Васенко и некоторое время приходил к нам. Мы даже возили его к Володе. Он сказал, что живет в Караганде, у него есть жена и дети. Подобно Остапу Бендеру, под каким-то вымышленным предлогом проник в новиковский дом-госпиталь, выпросил у меня фотографию.

И еще произошел один комичный случай. Дело было летом. Он подсел к нашему пианино, начал что-то играть, как вдруг к открытому окну подбежал пьяный дядя Миша и начал скандалить. Он решил, что я вышла замуж и это мой муж по-хозяйски уселся за пианино. Пришлось выйти, унимать его, доказывать, что это не муж, а родственник. Сергей Васильевич, когда узнал об этом, сказал, что нужно было подтвердить, что муж.

Сергей Васильевич уехал с фотографией новиковского дома к себе в Караганду и больше не появлялся.

Помню я и Бориса Васильевича. Он пропал без вести на фронте в 1914 году.

Иосиф Васильевич был самым младшим из братьев, любимым братцем тети Оли. Она его ласково называла Осифанушкой. У него была барышня, очень симпатичная, хорошенькая Зочка Горячева. Все любили ее, восхищались. Она стала женой Иосифа Васильевича. У них было много детей. Жили они бедно.

Еврейские дети

Во время войны Новиковы уже не жили в своем флигеле. Их почти никого уже не было. Тетя Нина жила в Екатеринбурге. Иосиф Васильевич, женившись, переехал к Горячевым. Сергей и Борис Васильевичи воевали. Во флигеле поселились две бедные еврейские семьи беженцев. В маленьком помещении ютилось много народу — и взрослые, и дети. У одной семьи были дети — мальчик и девочка, Сарка и Абрашка, у другой — Эстерка и маленький, лет пяти, мальчишка, тоже Абрашка.

Сарка и Эстерка встречались с нами во дворе. Эстерка была гордоватая, даже чуть-чуть надменная, молчаливая, не улыбкающая, какая-то настороженная, зато Сарка была душа-человек. Она пела нам песню «Заиньке Сарочке» и еще еврейскую песню «Гот, гот, шуба реген фан ди клейде шибер цвиген». Мы пели эту песню вместе с ней. Сарка выходила с громадным куском хлеба, чуть помазанным маслом. Длинным грязным ногтем измеряла слой масла и показывала нам, как его много. Эстерка в это время смотрела на нее с презрением. Сарка рассказывала некоторые подробности из жизни взрослых в их флигеле и разъясняла нам непонятные для нас вопросы. Глядя на полную луну, Сарка рассказывала, что там «Кавель Кавеля убил». И многое другое сообщала нам.

Два больших парня не обращали на нее внимания. Это были Цука и Сема. Сему потом женили, свадьбу справляли во дворе, а мы глазели из окон нашей кухни. Нередко мы кричали еврейским детям: «Вы Христа распяли!» На что Эстерка серьезно и рассудительно отвечала: «Мы не распинали его».

Дядя Вася съездил в Китай, в Харбин, и привез оттуда мне в подарок куклу-бибабб. Эти куклы были очень модны, «отличались они безобразием и непропорциональностью». Кукла мне не нравилась, и я ее поломала. Потом мы с Ниночкой вымазали ее горчицей и бросили на крыльцо к евреям. Каково же было наше изумление, негодование и досада, когда через некоторое время Сарка появилась с этой куклой — обновленной и починенной, в новом красивом платье. Щелкали зубами от досады, но было уже поздно — обратно куклу не заберешь. Сарка и Эстерка устроили кукольный дом на земле возле садовой ограды. Красиво у них там было убрано! Нас взяла досада и желание что-нибудь такое сделать, чтобы им насолить. Увидели у них какие-то особенные интересные пучочки провощенных ниток с разноцветными головками из воска в виде цветов. И решились! Вот эти вещи у нас в руках, и мы бежим в сад прятать их. Но маленький Абрашка следил за нами из-за столба и донес Эстерке. Она ринулась отбирать свое добро и не побоялась даже войти в сад, хотя это было им строго запрещено. Возле бочки с водой она упрямо разжимала наши стиснутые кулаки, в которых было зажато сокровище. Разжала и восстановила справедливость. А я от стыда не знала, куда деваться. Прибежала в детскую. И легла на ковер. Это было в Троицу. Был жаркий день, соломенные шторы на окнах в детской были опущены. Я лежала одна, никого поблизости не было, и переживала за свой нехороший поступок.

Пирожок в платке

В один жаркий летний день семья сидела за чаем в столовой. Вдруг все поднялись и пошли в собор слушать, видимо, какую-то службу. Я тоже потащилась в церковь, прихватив с собой вкусный пирожок с ягодами. Завернула его в платок. А в церкви мамочке почему-то вдруг понадобился платок, и она взяла его у меня из рук. Пирожок при всем честном народе выпал из платка и плюхнулся на пол. Мне было очень стыдно.

Витя

Одним прекрасным утром мы с Ниночкой собрались выйти в сад, но едва взялись за калитку, как остолбенели, будто громом пораженные. В наших неограниченных владениях были посторонние люди. Возле стола под большой лиственнойницей находились братья Степановы и с ними девочка нашего возраста в синей «комбинашке». Мы не решились выйти в сад и удалились в негодование. Но вскоре с этой девочкой познакомились.

Она была дальняя родственница Степановых, приехала к ним откуда-то с Украины. Звали ее Витя, Виктория. Это была хорошенькая девочка, полненькая, с прекрасным телосложением, цветущая, с глазами, как вишенки. Она была сирота. Мать ее умерла, и она очень охотно и подробно рассказывала нам о том, как ее мама лежала в гробу с полукрытыми глазами. Но это только казалось, рассказывала Витя. На самом деле они были закрыты, конечно.

Как-то Витя повела меня в квартиру Степановых, и мы поднялись по той самой лестнице, что была над моей кладовкой, местом моего заключения. Быстрым шагом мы обошли с Витей все степановские комнаты. Они были большие и ка-

кие-то пустые. Никто не сказал нам ни слова. Ни Павлика, ни Кольку мы не встретили. Ниночка была лакомка и сладкоежка. Однажды она вышла во двор с блюдцем винограда. Забравшись на лесенку сеновала (этот сеновал вышел на одной из фотографий), она уписывала виноград, забыв угостить нас. Мне и в голову не приходило завидовать ей или просить у нее, но Витя, не говоря ни слова, под села к Ниночке и стала без церемоний потаскивать у нее с блюдечка ягодку за ягодкой. Я смотрела на это, выпучив глаза, а Ниночка в смущении пробормотала, что виноград кислый и его посыпали сахарным песком. Витя уверила ее, что это ничего, и продолжала помогать Ниночке справляться с виноградом.

Однажды я сильно побила Витю. Мы играли в «клетки», то есть чертили на сырой земле квадраты — это были у нас «комнаты». Чем-то Витя не угодила мне, и я ее так сильно толкнула, что она упала с лестницы, приставленной к дому. Она не обиделась на меня и не пошла жаловаться. Но помню, что мне стало стыдно, когда я увидела ее испуганные глаза.

Когда Степановы эмигрировали, Витя уехала с ними. Так исчезла из моей жизни эта забавная милая девчушка в сиреневой «комбинашке».

Беззаботность

В 1918 году в нашем доме собиралось веселое общество. Почти все родственники. Козловы те и другие. Девушки: Надя Ильина, Тоня Левицкая, Маруся Соловьева. Молодые люди: Коля и Женя Лукины, Коля и Миша Евладовы. Бывали и Константин Васильевич Лукин, и молодой красавец чех Владимир Антонович. Часто ходили в кинематограф. Я гонялась за своей мамой и умоляла ее ходить хоть не каждый день. Играли в какую-то настольную игру, которая называлась «пох», загадывали загадки, шарады. Сочиняли

импровизированные рассказы. Например: «Была тихая лунная ночь...» Следующий рассказчик продолжал: «Шли он и она». «И упали в канаву», — со смехом заключал третий. И так далее. Румяная, смешливая Маруся, видимо, нравилась Владимиру Антоновичу, и он говорил, что не прочь на ней жениться. Но это была, наверное, шутка, да и судьба Маруси оказалась совершенно иной. А я снова находилась среди всех этих счастливых и беззаботных людей, не замечавших, что роковая рука давно уже чертит на стене грозные буквы.

Однажды Володя мне сказал: «Выпей рыбий жир — будешь быстро бегать». Я поверила и выпила, но побежала по коридору и очень удивилась, что бегаю так же, как всегда, ничуть не быстрее. Глупа была и доверчива.

В 1918 году очень шумно справляли именины моей мамы. Владимир Антонович, видимо, не умел пить, и ему стало плохо.

Фотографии

Сниматься я не любила. Есть у меня две фотографии. На одной я стою в кресле в кружевном платье с голубыми прошивками. В руке какая-то погремушка. На второй сижу на диване в белом кисейном платье с голубой лентой и с альбомом в руках. Была еще одна фотография, где я снялась с большой лошадей. Повели меня к Половникову, и фотограф обещал мне подарить эту прекрасную лошадь. Я люблю лошадей, у меня их было много — целая конюшня. Я поверила фотографу и позволила себя снять. И страшно удивилась, когда по окончании съемки никто и не думал отдавать мне лошадь. Чудесная была эта карточка, но почему-то сохранилась в единственном экземпляре, и я ее по глупости подарила одной девчонке — Лене Матвеевой. Когда моя мама узнала об этом, она очень огорчилась, но обратно карточку у Лены не потребовала.

Сохранилась еще одна чудесная фотография, вся склеенная, так как ее изорвала какая-то из моих дочерей. На ней мы с братом и наша мамочка. Снимались мы 16 сентября (29-го по новому стилю) в фотографии Половникова. Мы шли на именины к Люсе Неаполитановой, в руках у меня книжка — подарок ей. Шли мы без пальто, в одних летних платьях — вот как тепло было тогда в конце сентября.

Помню, что я была на именинах у Тамары, и она сморкалась сразу в несколько носовых платков, подаренных ей.

Сама я в день своих именин просыпалась рано утром и замирала от радостного предвкушения подарков. Я верила, что ко мне прилетал мой ангел.

«Черная смородина»

В длинном одноэтажном здании по правую сторону от ворот прежде была кузница, но во время войны в нем помещались казармы, где стояли какие-то иностранные солдаты. Среди них был красавец серб, которого Надя прозвала «черная смородина». Он поглядывал на интересных дам — «аристократок» и не прочь был завести с ними знакомство. Но это, конечно, было невозможно.

Посещение кинотеатров

Я не помню первого моего похода в кинематограф, но мне рассказывали, что моя мама, желая заинтересовать меня и заставить сидеть тихо, назвала действующих лиц знакомыми мне людьми. Среди них был и дядя Вася. По ходу действия этого персонажа посадили в мешок, и я закричала на весь кинотеатр: «Ой, ой, дядю Ваську-то в мешок, дядю Ваську-то в мешок!» Посещение кинотеатра «Арс», где шел

фильм «По диким степям Забайкалья», я хорошо помню. Я с интересом смотрела, как бродяга перебирается через тайгу, но дальше смотреть не удалось, так как я запросилась в уборную. Меня туда повели, и эта уборная произвела на меня большое впечатление. Какая-то очень высокая, серая, каменная, и там с шумом лилась вода. У нас в доме уборная — это была обыкновенная яма. В нее у меня однажды свалилась туфля, и кухарка вынимала ее кочергой. Картину «Четыре черта» я видела несколько раз. Содержание ее таково: злой, грубый циркач берет на воспитание четырех бедных детей-сирот — двух мальчиков и двух девочек. Он хочет сделать из них цирковых артистов — воздушных гимнастов, мучает их непосильными тренировками, бьет, истязает. Дети дают друг другу клятву быть всегда вместе и помогать друг другу. Дети выросли. Каждый юноша нашел себе подругу среди своих партнерш. Появляется аттракцион «Четыре черта». Смело, изящно перелетают с трапеции на трапецию четыре черта под самым куполом цирка. Любят друг друга, но у одной из пар вдруг разыгралась трагедия. Директор цирка приказал: в антракте артистам приглашать зрителей за кулисы цирка, показывать цирковых животных, знакомиться со зрителями. Один из чертей стоит у входа в конюшню, и здесь его увидела красавица, капризная аристократка. Она заговаривает с юношей, приглашает его к себе. Он забывает свою верную подругу-партнершу, блестящая жизнь, роскошь аристократов кружат ему голову. Девушка-гимнастка знает все, молча страдает. Но вот наступил предел, и она решает отомстить. На одном из представлений она не поймала своего партнера, и он упал с огромной высоты на арену и разбился. Поднялась суматоха, крики, все кинулись к лежащему. А девушка, взобравшись еще выше, тоже кинулась вниз и разбилась. Так свершилась ее месть.

Однажды папа повел меня с собой в театр. Это было летом в горсаду, в летнем театре. Шла пьеса «Павел I». Я с интересом посмотрела первый акт. Мне очень понравился

Александр. В белом мундире, красивый, стройный, он плакал, слыша удары шпицрутенгов, которыми по приказу Павла наказывали провинившегося солдата. Но дальше я уже не смотрела, меня увели домой. То ли захотела в уборную, то ли спать. Много позже в «Модерне» смотрела фильм про слепую девушку. Была и в «Люксе». Теперь в этом здании кинотеатр «Знамя».

Сейфуллина

В этот период Лидия Николаевна Сейфуллина бывала в нашем доме вместе с Правдухиным. Она играла в спектаклях, которые ставились на острове. Моя мама ходила на эти спектакли. Лида, по-видимому, много рассказывала Правдухину о своей подруге Кате, но тот сказал, что это «обыкновенная буржуазная дама». Конечно, ему трудно было распознать в ней из-за ее скромности и некоторой гордоватой застенчивости и даже диковатости ум и одаренность. Летом 1918 года мы уже не отдыхали на Смолино, жили в городе. Впрочем, один раз моя мама туда съездила с Надей и гостями-чехами.

Наша прислуга

У нас всегда было три прислуги, не считая кучера. Это были кухарка, горничная и няня.

Самой первой няней у моего брата была кривая Аннушка. Она снялась однажды с моим братом, но эта фотография затерялась. После нее долго жила Луша, которую мой братишка очень любил. Из кухарок особенно запомнилась Елена. Это была потешная тетка, болтушка и певунья. Она пела такую песенку:

Сёдни Костя именинник, сёдни бал у Кости.
Таня, Ваня, Поля, Оля съехались в гости.
И гостей своих премилых Костя угощает,
А сибирский кот-мурлыка им кадрили играет.
Под пленительные звуки тили-тили-тили
Как у наших у малюток ножки заходили.
Заходили стулы, двери, кресла и диваны,
Заплясали в норках мышки, в щёлках тараканы.

Иногда, чтобы выманить у меня конфету или еще что-нибудь, она хваталась за голову и причитала: «Ой, головушка болит!»

Водила меня к своим знакомым на улицу Исетскую, но об этом никто не знал. Однажды я вбежала в кухню и увидела, что Елена тянет что-то из бутылки. Я спросила ее: «Что это такое?» Она ответила: «Святая вода!» Я хлебнула и невздела света, глаза на лоб полезли. Я никому об этом не сказала, но запомнила этот случай на всю жизнь. В бутылке было нечто покрепче святой воды.

Мои книги

Читать меня никто не учил, научилась сама и очень рано. Пока читать не умела, приставала к маме, чтобы она мне читала. Стихи запоминала мгновенно и «читала» их. В том месте, где нужно было перевернуть страницу, приостанавливалась. Было полное впечатление, что маленькая девочка читает. Но в шесть-то лет уже читала превосходно. Даже замахивалась на «взрослые» книги, в которых многое не понимала и вставала в тупик. Я знала наизусть половину «Конька-горбунка», «Крокодила» Чуковского и многое другое. Была у меня книжка с картинками про Беяночку и Розочку. И была еще книга «Волшебный рог Оберона». В этой кни-

ге мне больше всего нравилось то, что оруженосца Оберона звали Пух. Там была фраза: «Славно, мой верный Пух!» А я эту фразу читала так: «Славно, мой верный Пук!» Жалею, что не запомнила сказки в стихах — «Красную Шапочку» и «Санки-самокатки».

Музыка

Музыка окружала меня с самого раннего детства. Все напевали. Мы знали много разных песенок: «Ах, попалась, птичка, стой!», «Жил-был у бабушки серенький козлик», «Жил у бабушки козел. У Варварушки седой», «Заинька, пойдй в сад», «Как у дяди Трифона». Были пластинки, моя мама часто играла. Владимир Сергеевич пел. Словом, музыка была всюду.

Веранда с игрушками

На углу улицы Большой и Южного бульвара стоял дом. Низ его был полуподвальный каменный, а верх — деревянный. Не знаю, кто жил в этом доме, только двор был общий с дяди-Васиным.

Со стороны двора на втором этаже была большая деревянная веранда, на которую вела лестница. Попастъ на эту веранду можно было, не заходя в дом. И вот однажды Рита и Люся повели меня на эту веранду. Там оказалась масса чудесных игрушек. Мои сестры сказали мне, что хозяева дома разрешают приходить и играть. С каким восторгом и упоением мы с этими игрушками играли! Но однажды Люся сказала мне, что больше мы не будем ходить на эту веранду. Я спросила: «Почему?» Люся ответила: «Мы недоедаем». Я поняла это так, что они, торопясь на веранду, плохо едят за столом, и

поэтому их решили не пускать. А может быть, Люся сказала: «Мы надоедаем», а не «Мы недоедаем». Как бы то ни было, походы на веранду прекратились.

Старый Челябинск

Это был совсем маленький городок. Екатеринбургцы, патриоты своего города, говорили с насмешкой о Челябинске: «У вас куда ни встань — везде конец города виден». Это было потому, что улицы Челябинска были прямыми, как стрелы, тупиков не было. Город был в основном одноэтажный, мизерный, низкий.

Центр города начинался с Соборной площади. Посреди большой площади возвышался высокий красивый желтый храм — собор. Большой колокол собора гудел так, что окна в нашем доме дрожали. По праздникам с колокольни лился веселый трезвон. Звонари вызванивали даже плясовые мелодии. Кругом площади были дома, а возле собора — лавки.

Главной улицей Челябинска была Уфимская, застроенная, кроме маленьких домов, и двухэтажными каменными. Эта улица от моста до проспекта Ленина сохранилась почти вся такая же, как была раньше. На этой улице была масса магазинов, лавок и лавчонок. Пойдите-ка вы и теперь на улицу Кирова — увидите, какая толчея здесь, какое оживление. Здесь и теперь много магазинов — больше, чем в любом другом районе города. И почти все магазины расположены в старых помещениях, которые строили когда-то купцы Авдеевы, Галеевы, Валеевы, Стахеевы.

В бывшем магазине Стахеева теперь табачная фабрика. На месте теперешнего большого дома, где гастроном, была пожарная каланча. Два магазина — Авдеева и Валеева — объединены под универмаг «Центральный». В следующем квартале находился кинотеатр «Люкс». В 1920-е годы в этом здании

было какое-то учреждение, а потом в нем оборудовали кинотеатр «Знамя». Угловое двухэтажное здание — Государственный банк. В 1930-е годы здание стояло недостроенным, теперь в нем обком партии.

В середине улицы над одним из магазинов высоко в воздухе красовались большие рекламные очки-пенсне — мой главный козырь в спорах с братьями Лукиными, которые хвалили Екатеринбург. Возле самого моста по левой стороне Уфимской был большой магазин Шакира Ахметова, а внизу — замечательный погребок, где продавались фрукты и разные сладости. Здание это в 1920-е годы сгорело и долго стояло в лесах, а в конце 1920-х годов оно было отстроено, в нем открылся кинотеатр «Пролетарий», а теперь находится концертный зал филармонии.

Через дорогу, после перехода через улицу Сибирскую, стояли два каменных белых магазина Бухарина. Теперь на этом месте ограда сквера перед оперным театром. В одном из стоящих и теперь зданий была аптека Плонского, а в угловом молочном магазине раньше находился магазин дамского белья мадам Перец. Дальше до самого Южного бульвара сплошь были лавки и магазины.

Улица Большая

В 1920-е годы учреждение, где работал тогда Владимир Сергеевич, ставило комическую оперу-водевиль «Иванов Павел». Владимир Сергеевич играл там швейцара и пел свою арию: «Все науки ерунда, ерунда, ерунда, знать не стоит их труда, их труда, да!» А в сцене экзамена, когда Шпаргалочка подсказывает Павлу: «Климат теплый и сухой в Калифорнии весной», растерянный и оттого ничего не слышащий Павел поет: «Климат грязный и сырой на Уфимской, на Большой». Да, грязи было немало на улицах Челябинска!

На Большой улице находился кинотеатр «Арс». Теперь в этом здании ТЮЗ. На углу Большой и Исетской стоял деревянный дом, который сильно выдвигался — до середины улицы. В этом доме в 1920-е годы была детская библиотека, и я там брала книги. Дом этот давно снесен. В следующем квартале была фотография Половникова с лестницей наверх, как на голубятню. Дом этот и сейчас стоит, но вид его жалок. Тут мы фотографировались много раз: и с лошадью, и тогда, когда шли на именины к Люсе, и даже маленькую Люлюку я тут фотографировала.

После сквера на углу улиц Степной и Большой находилось здание духовного училища. Здание не достроено, в нем помещается облизполком. Перед духовным училищем стояла белая Перцовская церковь. В 1920-е годы, когда в церквях стали устраивать клубы, в ней находился клуб «Олимпия», где у нас проходили уроки физкультуры. Преподавали физкультуру Азаров, Измоденов. После духовного училища начиналась белая монастырская стена, оканчивавшаяся двумя церквями. В одной из них в 1930-е годы расположилась милиция, в другой был танцевальный зал.

Не доходя до дома дяди Васи, в деревянном красном доме находилась женская гимназия. Дом этот снесен, и на его месте пока пустырь. Улица выходила на большую площадь, на которой располагался базар, а за базаром были ворота кладбища.

Улицы Челябинска

На Никольской улице до сих пор стоит тот маленький домик, где жили дорогие дяде Васе люди. На Никольской жил батюшка Разумов, экзаменовавший меня в прогимназии. На этой же улице до сих пор стоит двухэтажный красный дом, где когда-то находилась центральная школа второй ступени, в которой довелось мне учиться. В маленьком домике на этой

улице жила учительница музыки Калипко, у которой мне довелось взять несколько уроков.

На Мастерской улице находилась еврейская синагога, а теперь тут протезный завод. На этой улице мы прожили три года в доме Гершковича. Неподалеку жила моя закадычная подруга Рая Тройб, жили приятели Раи Александровы, жил доктор Шульц, внук которого Валентин Стадлер сейчас играет в оркестре Мравинского. Жили на этой улице некие Кораблиус, у которых был сепаратор, жила семья Кривых, родственников Сони Кривой, у которых были три дочери-красавицы. В большом доме в 1920-е годы помещалось американское общество АРА, кормившее голодных детей. На Ключевской улице жила (да и теперь живет) семья Рощупкиных и моя любимая учительница музыки Анна Григорьевна Малкина. На этой улице в 1901 году открылась в небольшом доме Киркеля музыкальная школа. На этой улице нас, учеников этой школы, прослушивал приехавший из Свердловска педагог Словцов, дядя Елены Всеволодовны Словцовой. На Солдатской улице находились общественные бани — баня Бардского и баня Воробьева. Баня Бардского функционирует до сих пор. Она называется баней № 1.

Баня Бардского и другое

В баню Бардского мы ездили мыться всей семьей. Там были семейные двухкомнатные номера. Ждали в большом зале, где был бассейн с золотыми рыбками. Я любила «фруктовку» и говорила: «Крукт ходит кругом». Лестница в бане была с решетчатыми узорными ступенями. Эти лестницы часто сняты мне во сне. В баню Воробьева мы никогда не ездили. В 1920-е годы эта баня сгорела. Пожар охватил тогда очень большой участок города, который назывался «за

ручьём».

На Казарменной улице находились Белые казармы.

Кончался город с восточной стороны улицей-односторонкой — Восточным бульваром. На этой улице в небольшом каменном красном доме была колбасная Гридина. У него заказывали к праздникам окорока. Домик этот и сейчас стоит, но имеет очень жалкий вид. Возле него теснятся в ряд машины, стоящие возле рынка.

К западу от Уфимской была Азиатская улица. На ней находилась мусульманская мечеть. В положенные часы муэдзин выходил на балкон мечети и громко произносил молитву.

За Азиатской была Оренбургская улица.

И, наконец, конец города — улица-односторонка, Западный бульвар. Дальше простиралась огромная пустая Александровская площадь, на которой одиноко возвышалась красивая прочная Александровская церковь. На этой площади устраивались ярмарки. Я помню, что там продавались красные валенки, которые мне очень нравились. В отдалении виднелось здание реального училища. За площадью находилась односторонняя Лесная улица, а за ней — сосновый бор. На самой опушке леса — здание чаеразвески Губкина и Кузнецова. Теперь в этом здании военные казармы. Каменоломни в бору находились далеко. Сюда ездили с самоварами на пикник. Лес был густой, дремучий, дорог и тропинок там не было*.

Поперечные улицы

Три улицы перерезали город с востока на запад: Сибирская, Исетская и Степная. На Сибирской находились городская церковь, электростанция и красивые дома адвокатов — Снежкова и еще кого-то. Улица кончалась на востоке

* Тут у автора воспоминаний ошибка: не Западный бульвар, а ул. Болотная-Садовая, и чаеразвеска Высоцких, а не Кузнецова-Губкина

площадью, где стояла недостроенная церковь. Теперь на этом месте старый цирк.

К западу эта улица называлась Ивановской. На углу Ивановской и Азиатской улиц находилась прогимназия, где я должна была учиться. Прямо на соборную площадь смотрел зеркальными витринами большой магазин Яушева. Это здание и сейчас прекрасно, но обезображено, часть витрин забита досками. Теперь тут находится картинная галерея.

На Исетской улице жила зубной врач Либединская, к которой меня водили лечить зубы.

От Уфимской улицы на запад Степная улица называлась Скобелевской. На этой улице жил доктор Гуляев. Однажды папа зачем-то поехал к нему и взял с собой меня, но в дом я не зашла, а сидела в фаэтоне. А дочь Гуляева Женя, девочка моих лет, дразнила меня из окна. Ей, наверное, было завидно, что на мне была большая соломенная шляпа с вишнями. Домик этот долго стоял, теперь снесен.

Южный бульвар и кладбища

Центр города с юга замыкал Южный бульвар. Улица-односторонка, необыкновенно грязная. Только начиная с Уфимской улицы дома были на обеих сторонах улицы. На углу улицы Уфимской и Южного бульвара стояло здание Государственного банка. Теперь оно надстроено, в нем помещается обком партии. На углу Южного бульвара и улицы Азиатской в двухэтажном здании располагалось казначейство.

Теперь в этом тоже надстроенном здании банк.

Весь квартал между улицами Большой и Никольской занимала белая монастырская стена. Напротив монастыря располагалось кладбище. Оно тянулось до теперешней улицы Пушкина, а в сторону вокзала — почти до дорожной больницы. Перед кладбищем большую площадь занимал базар.

От ворот кладбища тянулась широкая аллея, по бокам которой стояли склепы. Аллея вела к кладбищенской церкви, возле которой находилась могила моей бабушки. Там же в 1921 году был похоронен и дедушка. Очень хотелось бы найти это место. Думаю, что это где-то возле кинотеатра имени Пушкина.

Между вокзалом и городом наискосок от кладбища находился городской сад, в котором помещался летний театр. В раковине здесь играл симфонический оркестр под управлением Григория Давыдовича Моргулиса. Сад был далеко от города, поэтому он не пользовался популярностью. Люди предпочитали остров, который находился тогда в самом центре. Между городом и вокзалом было пустое пространство. Вокзал был одноэтажный. При вокзале — небольшой поселок. Были поселки Колупаевка, Порт-Артур и заречная часть города. Кончалась там, где сейчас проходит проспект Победы. Продолжение Уфимской называлось Екатеринбургской улицей. Многие названия заречных улиц сохранились до сих пор.

За рекой были три церкви: Троицкая (в ней сейчас музей), Семеновская (действующая и сейчас) и Успенская, стоящая на Успенском кладбище. Накануне Пасхи церкви были освещены, и мы однажды с папой объезжали все эти места, чтобы полюбоваться на иллюминацию. Кроме бора, окаймляющего город с запада и юго-запада, на северной и восточной окраине города были берзовые лесочки.

1919 год

Вот он настал! Грозные буквы на стене проступили явственнее. Все как-то изменилось. Уехали чехи. Нади тоже уже не было, вместо нее приехала сестра Нади Лиза и жила у нас. Папа был на фронте, и многие комнаты в нашем доме

были заняты другими людьми. В папиной приемной жил какой-то офицер, часто устраивавший у себя ночные попойки. На попойки он приглашал по телефону приятелей, говоря им: «Пока без дам». Мы спали на полу в гостиной, а пьяные крики и гам не давали нам уснуть.

Занята была также и угловая комната — спальня. Но кто в ней жил, не помню, кажется, какой-то военный, но тихий, шуму от него не было. В нашей детской жили муж и жена — Алевтина Ивановна и Михаил Николаевич Котельниковы. Они были учителями глухонемых. К ним приходили на урок глухонемые ученики, с ними занимались в столовой. На моего братишку хором говорили: «Ни-ко-лай!» Михаил Николаевич принимал участие в вечерах молодежи, декламировал: «Каменщик, каменщик в фартуке белом, что ты там строишь? Кому? Эй, не мешай нам, мы заняты делом, строим мы, строим тюрьму!» Декламировал модных в то время поэтов: Городинского, Блока, Брюсова. «Стоны, звоны, перезвоны, стоны, вздохи, сны, высоки крутые склоны, круты склоны, зелены». Потом Котельниковы куда-то уехали.

Решили ехать

Не знаю, в этом году или раньше, я держала экзамен в прогимназию. Помню, как сдавала Закон Божий. Батюшка Розанов меня спросил: «“Верую” знаешь?» Я ответила: «Нет». Он спросил, что я знаю. Я сказала: «Богородицу». И прочитала ему эту молитву.

Учиться в прогимназии мне не пришлось. Летом 1919 года началась эвакуация буржуазии из Челябинска. Ехали на восток. Уехали Степановы-молодые, старик остался в Челябинске. Опустел и наш дом. Дядя Вася с семьей тоже собрался уезжать. Дедушка пришел уговаривать мою маму уехать тоже. Помню, как сидел дедушка в гостиной в кресле, кото-

рое стояло между дверью в его бывшую комнату и дверью в коридор. Он долго уговаривал мою маму. Она не хотела ехать, но дедушка ее уговорил. Бросали на произвол судьбы дом — полную чашу. В доме оставались только две прислуги — мать и дочь. Дочь, молодую девушку, звали Ириша. Было сказано, чтобы вещей с собой брать как можно меньше.

Настал день отъезда. В последний раз мы, дети, вместе с мамочкой обошли дом. Игрушки, кукла, кухонная мебель, пушистый белый мишка — все оставалось здесь и должно было достаться кому-то. В гостиной, в простенке, стоял комод, который прежде стоял в детской. Открыв ящик, мамочка достала и подала мне книгу «Образцовые сказки русских писателей». Она поехала со мной и была потом всегда моей настольной книгой. Ее я читала, писала на ней, рисовала, и на ней же испортилось мое зрение (читала ее в темноте вагона). Книга эта цела и сейчас. И я читаю из нее сказки Аринушке. Самая любимая наша сказка — «Городок в табакерке».

В вагоне вместо игрушек были у нас невесть откуда взявшиеся камни. Ими мы играли, но один из них, скатившись с верхних нар, угодил в Славу, и дядя Вася, рассердившись, велел камни выбросить. Один большой все-таки сохранился. И я однажды в Иркутске, в крохотной комнатке, где мы жили, замахнулась им на своего брата. И тут же с острым чувством стыда увидела его глаза — прозрачные и полные испуга. Такими глазами он и теперь смотрит на своих обидчиков.

Но вернусь ко дню нашего отъезда, который состоялся, видимо, 19 или 20 июля 1919 года. День этот хорошо запомнился мне. Я всегда думаю: нужно ли было уезжать, и что было бы, если бы мы не уехали?

Отъезд

Сначала мы приехали в дом к дяде Васе. Тут в их прихожей увидели массу сундуков. Это они брали с собой. А нам наказывали брать как можно меньше багажу. Садись на извозчика перед домом. Вся улица была усыпана какими-то бумажками. Но самое главное было то, что меня забыли. Извозчик уже тронулся, а я осталась на земле. Остановили лошадь. Мне кое-как нашлось место на подножке экипажа. Обидно было. Поехали через большую площадь, но не на вокзал, а к элеватору. Остались позади дома Южного бульвара, Народный дом, кладбище, монастырская стена. За элеватором железнодорожные пути, на путях эшелон из товарных вагонов-теплушек. В такой теплушке предстояло ехать в неведомое. Увидев незастекленное окно вагона, с ужасом подумала: «А если будет гроза?» Грозы я панически боялась, от грома пряталась под кровать. Тут же пришла успокоительная мысль: «Но зато я буду учиться музыке». С этой мыслью поднялась по лесенке в теплушку. Нашей семье уготованы были верхние нары, дяди-Васиной — нижние. С нами поехала тетя Лиза Ильина, и была она все время добрым гением и помощницей моей мамы.

Разместились, улеглись спать. Эшелон стоял всю ночь на путях, тронулся только утром. Поплелся еле-еле, подолгу стоял на полустанках. А родной город отдалялся от нас все больше и больше. Завершился целый этап жизни — золотое детство! Остались позади просторный дом, в котором больше мне никогда не удалось побывать, длинный коридор, по которому я бегала, детская, в которой играла, гостиная, где заплетала косички.

Ночевка в погребе

До Кургана ехали неделю. Моя мама привыкала к положению бесправной беженки. На одной из станций они с

тетей Лизой утопили в колодце неаполитановское ведро, и дядя Вася набросился на них с попреками. По счастью, моей маме удалось нанять кого-то, кто слазил в колодец и достал ведро. Самовар ставили на улице около вагона. Мы, дети, вылезали наружу. Если хотели в уборную, то мы с Люсей присаживались где-нибудь в сторонке и копали в земле ямки, делая вид, что играем.

Мой брат Ника все боялся, что поезд уйдет, и соглашался присесть только возле самого вагона, и то, если кто-нибудь «держал» вагон, чтобы он не ушел.

Наконец, наш эшелон дополз до Кургана. Высадились. Неаполитановы тотчас же нашли себе квартиру в маленьком домике, а мы не нашли и потащились ночевать в какой-то большой, заросший травой двор. Ника, увидев во дворе свинью, не захотел туда идти, помня о поросенке, который его когда-то укусил. Он кричал: «Убери его, убери его!» Кое-как его уговорили. Мы заняли какой-то погреб и расположились в нем на ночлег. Нужны были спички, наверное, чтобы разжечь самовар. Спичек не было, а на другой стороне двора помещались какие-то иностранные солдаты (кажется, румыны). Послали Николу к ним за спичками. Он побежал через двор, крича: «Да-а-а-ай коробку!» Дали коробку. Мы постлали в погребе постели и кое-как улеглись.

Игры в Кургане

Ночь в погребе прошла беспокойно. Помню, что я поминутно просыпалась оттого, что сваливалась на тетю Лизу: уложили меня где-то высоко. Больше мы в погребе не ночевали — Неаполитановы взяли нас к себе. Они занимали совсем маленькую комнатку, а мы расположились в проходной. Спали на полу, и так как в доме было много клопов, то посыпали пол персидским порошком. Некоторое время все

жили на этой квартире, и мы, дети, в ус себе не дули, играли. Выдумщицы Рита и Люся придумали игру «в офицеров». Мы скакали на воображаемых лошадях и изощрялись в придумывании лошадям различных имен: например, Звездочка, Ласточка, Огонек и так далее.

Потом мы не жили уже в маленьком домике с клопами, а переехали на другую квартиру, в хороший дом. Тут была какая-то детская компания, мы научились играть в «Чепуху» и играли все вместе. Ходили купаться на Тобол, и моя мама рассказывала, что в детстве она едва не утонула в Тоболе, когда каталась на лодке со своими тетками, сестрами ее отца. Лодка перевернулась, и все они оказались в воде. Хорошо, что никто не утонул.

Как меня забыли

Долго ли, коротко ли жили мы в Кургане, только пришлось снова погрузиться в теплушку и ехать дальше, опять на верхних нарах. Проезжали Омск. К поезду вышли родственники Олимпиады Ивановны (кажется, сестра) и преподнесли им огромный торт. Мы, наверное, на этот торт только облизнулись — не помню, чтобы я его ела. Уже осенью прибыли в Иркутск, где суждено было остановиться. Неаполитановы снова быстро нашли себе квартиру в маленьком длинном деревянном доме, а мы остались жить в вагоне, загнанном в какой-то тупик. Было уже холодно.

Мамочка бегала, хлопотала насчет квартиры. Квартир не было. Однажды она взяла с собой и меня. День уже клонился к вечеру. Мы перешли длинный мост через Ангару. Мост был понтонный (слово, непонятное мне). Пришли куда-то, в какую-то комнату, где было много народу. Мамочка оставила меня в этой комнате, а сама зашла в другую, где, видимо, помещалось какое-то квартирное начальство. Ее долго не

было, и я чувствовала себя тревожно. Все время напряженно всматривалась в толпу, боясь пропустить выход мамы. Но вот показалась ее шляпка. И только я ее увидела, как она проплыла среди голов и скрылась на улице. Пробираясь среди людей, я кинулась за ней. Догнала мамочку на улице. Как она удивилась, увидев меня! Забыла про меня. Обидно мне стало. Но я промолчала.

Иногда думаю, а что было бы, если бы я не была такой бдительной и пропустила бы выход мамы? Ведь был уже вечер, на улице темно. Люди бы все вышли из этого учреждения, а я бы осталась. Или тоже вышла? Наверное, вышла бы. И пошла бы искать мост и вокзал? Да, верней всего. А мамочка, вспомнив про меня, побежала бы меня искать, и мы, наверное, разошлись бы. Во всяком случае, было бы много волнений. Но, по счастью, этого ничего не случилось.

Живем на Почтамтской

Но вот окончилось наконец-то наше вагонное жилье. Мамочка «выходила» ордер на комнату. Комната находилась в большом двухэтажном деревянном доме на Почтамтской улице. Да и что это была за комната! Крохотная, в ней даже не было никакой мебели, только в углу столик-угольник. Жить нам предстояло на втором этаже. Хозяин дома был в отъезде на охоте. Хозяйка Глафира Иннокентьевна, молодая симпатичная женщина, долго сопротивлялась и не пускала нас. Она выставляла аргументы, что комната не для семьи, а для одного человека, говорила, что у нее живут квартиранты-педагоги, муж и жена, которым нужен покой, а дети, дескать, будут шуметь. Эти квартиранты-эгоисты энергично поддерживали хозяйку. Но мамочка настаивала: лучше жить в доме, чем в вагоне, а дети будут только тихо сидеть и шуметь не будут, они даже не выйдут из комнаты. Хозяй-

ка наконец сдалась, и мы вселились. Когда вернулся хозяин, он был поставлен перед свершившимся фактом. И ничего не сказал. Стали жить в комнатухе. Я и тетя Лиза спали на полу, причем головы наши были под столом, а ноги в коридоре. Мамочка с Николаем спали на маленьком сундуке. Мы, дети, выполняя обещание, данное хозяйке, сиднем сидели в комнате, боясь выйти. Хозяева диву давались, что это за дети такие. Мамочка и тетя Лиза ходили и искали работу и не находили. К беженцам всегда относились плохо. А мы, сидя в комнатухе, играли большими камнями, оставшимися еще от вагона. Вот тут я и замахнулась камнем на своего братишку и увидела его испуганные глаза.

Впрочем, мы недолго жили затворниками. У хозяев были две маленькие девочки: Капа, чуть моложе меня, и Валя, еще меньше. Они заинтересовались Никой и стали вызывать его из комнаты — сначала в коридор, а потом к себе в комнаты. У них были деревянные игрушки — фигурки разных зверей. Их можно было катать.

Играем с Капой и Валей

Итак, мой брат Никулища был пленен двумя сибирскими красавицами. Они не выпускали его из своей комнаты. И он, улучив минуту, опрометью бежал к себе в комнатуху. Игрушки-звери на колесиках появились и у нас, и игра стала общей. Возили зверей по коридору. Из коридора был ход в кухню. Там жил какой-то молодой человек, который, рассказывая о чем-либо, говорил: «Я сеГодня», подчеркивая букву «г», а не «сегодня», как все говорят. Из кухни был ход в те две комнаты, где жили квартиранты-педагоги. Почему-то они вдруг уступили нам одну из своих больших комнат. Наверное, боялись уплотнения. Но мы поблаженствовали там очень малое время: потом они снова вытурили нас.

Мой братишка вдруг начал считать себя девочкой. Говорил: «Я — она». И все слова произносил в женском роде: «Я пошла», «Я сделала». Называл себя Асей. Однажды мамочка сказала ему, что у нее уже есть одна Ася, вторую ей не нужно, пусть он тогда уходит. И он собрался уходить. Надел мою серую шубу и пошел вниз по лестнице, но очень быстро вернулся и сказал, что там внизу сидит большая собака, и он ее боится и потому возвращается. «Я — она» он был все время, пока жили в Иркутске, но он дал слово, что когда приедет в Челябинск к отцу, то перестанет быть «оной» и станет «он». Слово свое он сдержал.

В городе началась какая-то перестрелка, и нас, детей, поместили в коридор, где мы некоторое время спали не на полу, а на самых настоящих кроватях — кто-то нам их дал. Потом видели на улице на домах следы пуль. Так мы жили на Почтамтской улице некоторое время.

Переезжаем на Иерусалимскую

Когда мы жили на Почтамтской улице, Неаполитановы у нас не бывали, а мы у них — изредка. Квартиру их я не помню, знаю только, что дом был одноэтажный, деревянный, длинный. И во дворе жил какой-то парень-дурачок. В Иркутске появился Сергей Яковлевич Левицкий. Он бывал у Неаполитановых, его там привечали, и он дружил с Олимпиадой Ивановной. Дяди Васи в это время уже не было в Иркутске. Он уехал, чтобы найти свою смерть в городе Мариинске. А у Неаполитановых в доме однажды ночью был бандитский налет. Ворвались люди в масках и ограбили хозяев, но к Неаполитановым даже не заглянули. Моя мама почему-то считала, что этот налет был произведен не без участия Сергея Яковлевича. И если он не был непосредственным исполнителем, то был наводчиком.

Но вот мы покидаем Почтамтскую улицу и переезжаем на Иерусалимскую. Некие Сарцевичи уезжают в Польшу и продают свою квартиру вместе со всем ее содержимым, то есть с мебелью, картошкой в подвале и дровами. И все это содержимое мы, вместе с Неаполитановыми, покупаем.

В Иркутске было много Иерусалимских улиц, двенадцать или тринадцать, но мы жили на главной Иерусалимской. Дом этот стоял во дворе. В сущности, большой флигель. Позади дома — сад. Прямо против ворот был парадный вход, которым мы пользовались. Дверь вела в переднюю, из которой наша комната была налево, а помещение Неаполитановых — направо. В нашей комнате стояли две кровати — одна большая, на ней спали мамочка и Ника, другая односпальная, на ней спала тетя Лиза, а я спала на узеньком изогнутом диванчике, с которого часто сваливалась ночью.

Тетя Тоня и Сергей Яковлевич

Среди прочей мебели Сарцевичи оставили нам граммофон с пластинками. Мы их слушали. Запомнилась одна: «Степью иду я унылою, нет ни цветочка на ней; деревца нету зеленого, где бы мог петь соловей. Мрачно так вечер наступил, звезд ни следа в вышине... Сам я не знаю, что вспомнилась вдруг в эту пору ты мне» и так далее.

В нашей комнате появилась еще одна жилища — тетя Тоня Левицкая. Мне кажется, она заняла одну из кроватей и не отличалась аккуратностью. У нее завязался роман с ее двоюродным братом Сергеем Яковлевичем. И частенько моя мама и тетя Лиза смеялись над забавной дуэлью. Олимпиада Ивановна звала из своей комнаты сладеньким голоском: «Сергей Яковлевич, идите чай пить». Но тут же раздавался зычный голос тети Тони, лежащей на кровати: «Сережа!!!» И бедный муженек метался меж двух огней. Приходил ка-

кой-то его знакомый, маленький военный, он заигрывал с нами, детьми. Его звали Максимилиан Николаевич, но мы его звали для краткости Максим Емельяныч. Он показывал нам какие-то знаки на пальцах и говорил, что это означает полбутылки водки.

Тетя Тоня начала заниматься со мной арифметикой. Учиться мне не хотелось, и я все уроки ревела. Но тетя Тоня, не обращая внимания на мой рев, втолковывала мне разные арифметические истины.

К ней часто приходила ее сестра Женя, которая жила где-то не у нас. Это была молодая, красивая и скромная девушка. Они пели дуэтом «Лучинушку». Ансамбль их был великолепен. Потом Женя уехала куда-то, чуть ли не за границу. И о ней больше никогда не было ни слуху ни духу. А тетя Тоня и Сергей Яковлевич в 1922 году произвели на свет чадо — Наташу Сергеевну Левицкую, живущую ныне в Москве.

Первое любовное послание

Неаполитановские апартаменты находились по правую сторону передней. Не знаю, сколько у них было комнат и как они размещались. Помню, что посреди одной комнаты стоял у них обеденный стол, и был отгорожен какой-то темный уголок, где спала мать Олимпиады Ивановны. Но я не уверена, что это так. Не знаю, откуда взялась мать. В кухню можно было попасть только через их комнаты или обходить кругом через двор. В кухне мы с Люсей разыгрывали свои игры в «офицеров».

Из кухни был ход в какую-то пристройку, где жила какая-то женщина по фамилии Кузнецова. У нее был сын Вовка, мальчишка нашего с Люсей возраста. За домом находился сад, а в саду была скамейка, на которой вырезаны таинственные буквы: «ЮСВК». Я спросила у Люси, что означают данные буквы, и она мне охотно разъяснила. Буквы означали:

Юзефа Сарцевич — Владимир Кузнецов. Дело в том, что у Сарцевичей были две дочки: Зося (уже девушка) и Юзя (девочка лет двенадцати). Выдумщицы сестры придумали игру в почту. Прибили на доме небольшой ящичек, куда опускались письма. Люся была почтальоном.

Однажды в ненастный день я посиживала в своей комнате у окна, как вдруг в окно постучала почтальон — Люся. Я открыла окно, и она подала мне «письмо» — просто бумажку, сложенную вдвое. Я стала читать и к своему ужасу поняла, что письмо любовное от Вовки Кузнецова. Только я начала читать, как мамочка подошла ко мне и взяла у меня из рук письмо. Как я перепугалась! Но она, пробежав письмо глазами, вернула его мне. В большом негодовании я тут же начала строчить Вовке грозное послание, ругая его на чем свет стоит.

Прошел 1919 год

Влюбленный Вовка внял моей ругани и запрету писать подобные письма и больше не писал. Вот таковы-то мужчины! Не успела улетучиться тень Юзефы Сарцевич, чьи инициалы были вырезаны в саду на скамейке, как сердцеед избрал себе уже новый предмет! Вот и верь им после этого.

Играли мы и во дворе в «кандалы». Среди дворовой компании был некий Ванюшка, большой мальчишка, который на меня производил такое же завораживающее действие, как и Колька Степанов.

Как видно, наши отношения с Неаполитановыми дали какую-то трещину, потому что была произведена дележка дров. В то время как мы с тетей Лизой успевали бросить в нашу сторону два полена, противная сторона успевала бросить в два раза больше.

Надо сказать, что еще в вагоне нас навестил старый знакомый — красивый чех Владимир Антонович. Его, видимо,

разыскала Лиза. Он находился, наверное, со своей частью в пригороде Иркутска. Вот он, наверное, удивился, увидев «буржуазную даму» в грязном вагоне, окруженную детьми. Он был и на именинах моей мамы, далеко не таких шумных и веселых, как год назад, а, напротив, печальных. Я его визитов не помню. После этого он уехал на родину, в свою Чехию, и жил потом в городе Оломоуце, там же, где жила потом и Лиза.

Но вот и закончился 1919 год и настал год 1920-й.

Ложное известие

Дело было перед Пасхой. Мамочка пекла куличи. Она всегда их пекла, даже во время войны. И только здесь, на этой квартире на улице Орджоникидзе, она больше уже не пекла куличей. А там, в Иркутске, приближалась Пасха. И вот в это самое время явилась одна офицерская жена по фамилии Крумина (я ее почему-то страшно не любила) и сообщила, что папа мой умер. Конечно, куличи были забыты. И были сильные переживания. Но буквально на другой же день пришла от папы открытка, из которой явствовало, что он жив, живет с дедушкой в Челябинске, в монастыре, и скоро прийдет нам вызов, и мы поедем в Челябинск.

Люся использует свое преимущество

Сохранилась открытка, написанная папой. В ней говорится о том, что его и дедушку постигло большое горе. Они получили известие о смерти дяди Васи в Мариинске. Он заболел сыпным тифом, его положили в челябинский госпиталь. Лечил его доктор Шульц. Не успев оправиться от сыпняка, дядя Вася заболел возвратным тифом и не перенес его.

О его смерти написал какой-то местный священник, который его исповедовал.

Оказалось, наоборот, что умер не мой папа, а дядя Вася. Но почему-то мамочка была уверена, что дядя Вася не умер, а уехал в Китай, где у него имелись какие-то знакомства, связи. Будто бы он обменялся кроватями с каким-то безнадежным солдатом. Тот умер, и его сочли Неаполитановым, а дядя Вася уехал в Китай. Когда в середине шестидесятых годов Слава заходил к нам, моя мама выдвинула ему эту версию о спасении дяди Васи, но Слава эти домыслы отверг.

Не знаю, как переносила свое горе осиротевшая семья, но только Люся начала использовать этот факт против меня в наших играх, чтобы угнетать. Она при всяком удобном случае говорила: «У тебя папа есть, а у меня нет». И я должна была ей во всем уступать. Вообще Люся, увидев в окно, что моя мама находится в комнате, все же постучала и подала мне письмо Вовки Кузнецова. Этим она сильно меня подвела, хотя, по нашим правилам, этого делать не нужно было.

Вскоре мы должны были уезжать в Челябинск, но папа не мог за нами приехать. Он был болен.

Приехали в Челябинск

Да, папа очень сильно болел. Что это была за болезнь, так и не выяснили. Не то паратиф, не то еще что-то. За папой ухаживала и выходила его одна монастырская послушница по имени Маня Костромитина.

Папа прислал нам вызов, и мы стали собираться. Наверное, опять все имущество бросили. С нами в обратный путь двинулись тетя Лиза и ее жених — получех-полунемец Адольф Ланг. Лиза с ним познакомилась где-то на улице, на лавочке у ворот. Он стал часто приходить к нам. Откровенно ухаживал за Лизой, не обращая внимания на нас, детей.

Любил Никулю, играл с ним, подкидывал на руках и приговаривал: «Николай — чудак!» А Никулища неизменно его поправлял: «Николай — чудака!» Он ведь все еще был «она», а не «он».

Вот мы снова в теплушке, но на этот раз поезд мчит нас к родному дому. Мы с мамочкой и братом на верхних нарах, а Лиза и Адольф — на нижних. По приезде в Челябинск брак их не сразу был заключен. Может быть, Адольф стал уже раздумывать, но дедушка однажды с ним побеседовал, и брак состоялся. Дедушка сам их и обвенчал. Вскоре после венчания они уехали в Чехословакию и жили в Оломоуце. У Лизы родился сын Курт. Лиза довольно часто писала, но вскоре переписка прекратилась: в то время иметь родственников за границей было небезопасно.

Мы приехали в Челябинск. Папа встретил нас на вокзале и повез в монастырь. Никулища перестал быть «оной», стал навсегда «он». С папой у них завязалась большая дружба, прервавшаяся только после смерти папы. Папа глубоко переживал неполноценность моего брата и старался помочь ему.

Монастырь

Белая стена монастыря тянулась на целый квартал по улице Спартака от улицы Цвиллинга до Советской, почти целый квартал по Советской, а по Цвиллинга — почти до самого духовного училища. Внутри в большом четырехугольнике монастырского двора было несколько больших двухэтажных каменных белых домов и много маленьких домиков-келий, окруженных небольшими садиками, в которых росли малина и смородина. Молодая красивая игуменья Анастасия жила в большом белом доме, который выглядел через монастырскую стену на улицу Спартака. Примерно в этом месте теперь находится вход в гостиницу «Южный

Урал». В остальных больших домах жили послушницы, а заслуженные матушки-монахини обитали в маленьких домиках. В монастырь вели двое ворот: одни, главные — с улицы Цвиллинга, другие, служебные — с Советской. В этом углу монастыря помещались конюшни и другие дворовые службы. Весь монастырский городок утопал в зелени и цветах.

Посередине монастырского двора стоял двухэтажный деревянный дом. Наверху там была золотошвейня, а внизу жили три монахини, приютившие у себя дедушку, а потом и папу.

Самая старшая из монахинь — матушка Манефа, средняя — мать Феонилла, самая младшая — послушница Маня Костромитина. Эти три женщины долгие годы были нашими постоянными посетительницами. Потом обе старшие монахини умерли, а потом и Маня перестала к нам ходить и затерялась где-то.

Кот Базёшечка

Сначала мы очень долго жили в доме у матушек Манефы и Феониллы. Здесь я увидела чудесного черного пушистого кота, которого звали Баська, что означало «баской», «красивый». Кот меня очаровал. Озорной, ласковый, он имел обыкновение прыгать на загорбок к людям и там сидеть. Прыгал даже на дедушку. Заметив мое восхищение котишкой, монахини подарили его нам. Имя Баська мне не нравилось. Я звала его Базёшечка, Базюкан. С тех пор Базёшечка был членом нашей семьи в течение двенадцати лет. Кочевал с нами с квартиры на квартиру и делил нашу судьбу. Умер он в мучениях в 1932 году. Совсем старенький, полуслепой, он ходил и натывался на мебель. А потом его во дворе разбил паралич, и он упал в грязь возле крыльца. У него отнялись задние ноги. Я отнесла его на парадное, устроила там. Он ничего не ел, жалобно мяукал и вскоре умер. Мы с Дашей похоронили его

в углу двора и при этом уже не жалели старика, смеялись, закапывая его в могилу.

Вскоре нам выделили квартиру в двухэтажном каменном доме в северной части монастыря. Мы жили в нижнем этаже. Окна были очень низко, недалеко от земли. Наверху жили монашки. Дом этот долго стоял уже после того, как другие монастырские постройки были снесены и территория начала застраиваться большими домами. К нам приехали жить моя бабушка с Володей. Но Володю в этот период я совсем не помню. Вскоре мы получили известие о смерти дяди Жени.

Моя монастырская подружка

Да, дядя Женя, такой молодой, погиб где-то в Сибири на курорте Курьи! Ревматизм сгубил и его. Так моя бабушка потеряла одного за другим своих детей. Остались только старшая дочь и младший сын. Бабушка не знала еще, что жив дядя Коля и живет в Мелитополе. Это обнаружилось позже. А пока этого не знали, и бабушка оплакивала дядю Женю.

А мы жили в монастыре! Как хорошо мне жилось в это лето! Беззаботно, весело. А двор монастыря — сплошной цветущий сад! Выбегала из своего полуподвала — и сразу на зеленый луг. Посередине луга была неширокая заросшая травой канава. Тут мы с братом часто сживали, спустивши ноги вниз. Нашлась мне и подружка, смешная стриженная девчонка Верка. Чья она была, у кого жила, не знаю. Вероятно, у кого-то из монахинь. Но была она бойкая. Мы с ней бегали по всей территории монастыря. Часто присаживались у заборчиков маленьких садиков. И, делая вид, что играем, потихоньку воровали ягоду — малину и смородину. Бегали на другой конец монастыря к конюшням.

С Веркой мне довелось встретиться много лет спустя. Теперь ее фамилия Волчегурская. У нее есть внучка Лена, ко-

торая училась музыке у меня. Верка теперь бизнесмен, живет полной жизнью. Как всегда, деятельная, живая, энергичная. Дел у нее много. Ее дочь Рита Черкесова живет в Челябинске с мужем, а внучка Лена — при бабушке.

Житье-бытье в цветущем уголке

За нашим домом в уголке, заросшем травой, находилась келья одной монахини. С ней жила послушница Паша, девочка лет четырнадцати. Стоя на пороге своего домика, Паша издали наблюдала за нашими играми. Она доброжелательно улыбалась, и я уже хотела с ней познакомиться, как вдруг она неожиданно умерла. Я видела ее похороны, слышала отпевание. Вынесли гроб, Паша лежала в нем такая страшная, старая.

По другую сторону от нашего дома жили в маленьком домике матушка Нектария и Дарья Максимовна. Потом они часто посещали нас.

Однажды я торчала возле церкви на дорожке из каменных плит, окаймленных травой, и встретилась с игуменьей Анастасией. Я струсилась. Знала, что к духовным лицам нужно подходить под благословение, но ни за что не осмелилась бы подойти. Игуменья ласково потрепала меня по щеке.

Почему-то в этот период к нам похаживал Арсик Альбокринов, племянник Валентины Антоновны. Помню, что почему-то он сидел на широком подоконнике того окна, которое выходило в закоулок, где находилась келья умершей Паши. Где жили Альбокриновы в этот период, не знаю — в своей ли прежней квартире или в другом месте.

О музыке пока не было и речи, но пианино у нас уже появилось, правда, не наше. Наше стоял в каком-то клубе. У него были сломаны подсвечники и модератор.

Начался разгон

Моргулис достал нам хорошее пианино «Беккер», но папа непременно хотел вызволить свое, и пришлось очень много хлопотать. Наконец-то это удалось, но не сразу. Произошло это уже тогда, когда мы жили на Мастерской улице.

Между тем на монастырь надвигалась гроза. Решено было его разогнать. Разгон начался с того, что у монашек был отобран самый большой двухэтажный каменный дом, стоявший у стены возле улицы Советской. Выгнали монашек и поселили там разных людей. Среди новых жителей была девочка моих лет Дебора. Я с ней познакомилась. Это была спокойная, умная и развитая девчонка. Я никуда не выходила из монастыря, но однажды Дебора куда-то пошла и взяла меня с собой. Мы шли по улице Труда по направлению к площади Павших. Повсюду были развешаны портреты Розы Люксембург. Деба сказала: «Интересно, какой национальности Роза Люксембург?» Я ответила, что не знаю, но в душе очень удивилась, что Деба не знает о том, что национальность у нее с Розой Люксембург общая.

Между тем монашек продолжали теснить. Наверху у нас поселили беспризорников. Что тут началось! Оборванные вшивые мальчишки бегали по всему монастырю, все ломали, крушили. Вскоре цветущий уголок превратился в грязную помойку. Сломали палисадники, вытоптали траву, оборвали ягодные кусты. То, что описано Сейфуллиной, — цветочки, а ягодки были почище.

«Душистый» дождь

Итак, беспризорники сделались хозяевами монастырского двора. У Сейфуллиной сказано, что они заглядывали во

время богослужения в церковь и кричали: «Ленин, Троцкий, Совнарком!» Кабы только это! В первый же день они сорвали замок у чулана. Папа пошел объясняться. К нему вышел старшой. Он сказал: «Извините, товарищ доктор, мы не знали, что это ваш чулан. Думали, монашек. Больше этого не будет». Этого больше не было, но появилось другое. Беспризорным лень было ходить в уборную на улицу, и они прудили у себя прямо на пол. У нас стал протекать потолок. Лились ручьи желтой душистой водички. И ничего с этим нельзя было поделать. Сейфуллина бывала у нас и видела, наверное, разводы на потолке, но об этом она не написала. Писала о том, что беспризорники бегали на базар, который находился за монастырской стеной. Да, там базар был долгое время.

Но вот настал день окончательного разгона монастыря. И потянулись печальные обозы. Если кто-то имел родственников в городе — ехал к ним, другие покупали себе халупки на окраине города. Молодые стали устраиваться на работу. Старушки работали на дому, вязали кружева, вышивали, шили и этим зарабатывали себе на жизнь.

Меня ведут в школу

Осенью 1920 года я впервые переступила порог школы. Пора было! Ведь в этом году мне должно было исполниться десять лет. И лето, и осень были чудесные, жаркие, золотые, но в городе уже начинались голод и болезни. Появились холера, тиф. Всюду было неряшливо, грязно, обшарпано. Всюду семечная кожура, все заплывано. Чистенький уголок монастыря, этот оазис в пустыне, не избежал этой печальной участи.

Но вот в один прекрасный день меня повели в школу. В Челябинске было две начальных школы — школа Екатерины Романовны и школа Марьи Николаевны.

Школа Екатерины Романовны — это в будущем та самая

5-я школа, где четыре года училась моя дочь Иринушка, а школа Марьи Николаевны помещалась на улице Коммуны рядом с центральной школой. Здание школы Екатерины Романовны пока еще цело. Оно находится напротив величественного кинотеатра «Урал». А в доме, где была школа Марьи Николаевны, теперь детский сад. Но в 1920 году Марья Николаевна заведовала школой, которая помещалась в деревянном одноэтажном доме на улице Рабоче-Крестьянской. Теперь этот дом находится позади почтамта, и в нем многие годы работал кукольный театр. Вот сюда-то одним прекрасным днем и привела меня мамочка. Прошли в кабинет к Марье Николаевне. Марья Николаевна Андреева прекрасно знала нашу семью. Она была подругой моей бабушки Клавдии Федотовны. Они вместе учились в прогимназии когда-то.

Город Злицк

Конечно, я не хотела идти в школу. Боялась настолько, что не позволяла себе даже расслабиться и подумать о том, как мне страшно. Марья Николаевна решила, что мне нечего делать в первом классе и повела меня во второй. Мамочка оставила меня и ушла. Марья Николаевна привела меня в класс. Урок уже шел. У стола сидела учительница Ольга Николаевна Юрченко — спокойная, унылая, понурая, может быть, даже голодная. Никто меня особенно не приветствовал. Я пошла по ряду, ища свободную парту. На предпоследней парте в среднем ряду было свободное место. Там сидела только одна девочка, и я села рядом с ней. Девочку эту звали Нина Спицына. Класс усердно писал — был диктант. По-видимому, на имена собственные. Учительница диктовала какие-то адреса, я включилась в работу. Продиктовали адрес: город Елец, улица такая-то. А я не знала, где такой город Елец, подумала, что нужно написать «Елицк», и еще написа-

ла «е» наоборот. Так получился город Злицк.

Потом был урок арифметики, и я ничего не видела с доски. Я была уже близорукая. И мне приходилось списывать примеры у Нины. С Ниной Спицыной мне довелось учиться и потом — с пятого по седьмой класс. Это была оригинальная девочка, необыкновенно тихая. Она жила на улице Мастерской во дворе дома с большой каменной аркой. Дом этот цел до сих пор.

Мои соседки по парте

Я стала ходить в школу и сидела далеко, на предпоследней парте. А ведь не видела уже ничего с доски и никому об этом не говорила. Близорукость, видимо, заплучила во время путешествия в Иркутск — читала свою настольную книгу в темноте вагона. Списывала примеры по арифметике у Нины. Нина была страшная тихоня, еще бо́льшая, чем я. Однажды, когда мы учились уже в пятом классе, у нас состоялась экскурсия на мельницу (там, где сейчас сад ЧГРЭС). Нина немного отстала от всех и вдруг быстро побежала, догоняя группу. Это вызвало у всех колоссальное удивление: Нина — и вдруг умеет бегать! Она нашла где-то на земле утерянную кем-то булабочку с маленьким портретиком Ленина и принялась плевать на него. Мы смотрели на это кощунство с ужасом. Впоследствии Нина много лет работала в школе № 6 педагогом по пению. Я встретила однажды с ней, но она меня не захотела узнать: была слишком известным и знаменитым человеком!

Вскоре, однако, я переменила соседку. Сидела так же далеко, но уже с другой девочкой — Верой Белоус. Это была красавица с прелестным матовым личиком и большими серыми глазами с поволокой. Она жила на улице Цвиллинга в большом белом каменном двухэтажном доме, который и сейчас стоит на своем месте. Вера училась в музыкальной школе.

Живем на улице Коммуны

Осенью 1920 года мы покинули монастырь и поселились на улице Коммуны в доме Домашенко. Не так давно я, находясь возле Центрального рынка, наблюдала, как сносили этот дом и близлежащие строения. Дом стоял во дворе, был он с полуподвальным этажом. Мы жили наверху. У нас, в сущности, была всего одна комната. Мне кажется, что она была небольшая и почему-то в ней всегда были закрыты ставни. Кроме этой комнатки была еще темная клетушка, в которой поселился дедушка. Бабушка поместилась в кухне, а Володе негде было жить, и он уехал в совхоз Шмурло. Нелегко жилось молодежи в этом совхозе, и среди этих людей были случаи самоубийства. Володя тоже чуть было не лишил себя жизни. Было какое-то его письмо, попавшее в руки к бабушке. И она сильно плакала. Но все обошлось. Было это уже значительно позже — когда жили в доме Гершковича.

Наступила зима, и вскоре моему учению в школе пришел конец. Однажды мне загородил дорогу какой-то мальчишка и спросил: «Дрова принесла?» Это было для меня как гром среди ясного неба. Опешив, я спросила: «Какие дрова?» Он объяснил: в школе нет дров, нечем топить, каждый учащийся должен приносить в школу полено. Я сказала об этом дома и перестала ходить в школу — боялась. На это попустились — наверное, дров дома не было.

Так я и отбоярилась от школы. А весной встретила Веру Белоус, и она мне крикнула: «Тебя перевели в третий класс!» Уже начинался голод, и в школе давали детям кусочки хлеба. Американское общество АРА организовало столовые для детей.

Гибель Валентины Антоновны

От школы я отбоярилась, но осенью 1920 года на меня чуть было снова не навалилась музыка. Открылась музыкальная школа. Валентина Антоновна поступила туда, и я должна была снова у нее учиться. Школа размещалась в небольшом доме Киркеля на улице Свободы, а занятия с учениками должны были проводиться на дому. Но я не взяла у Валентины Антоновны ни одного урока. Она вышла замуж за какого-то иностранца и поехала к нему куда-то. На одной из станций она вышла из поезда и не вернулась. Так и пропала без вести.

Нина Алексеевна Дмитриевская говорила мне, что Валентина Антоновна заболела тифом и умерла. Так или иначе, но моей учительницы больше не было, и меня определили к другой. Это была Калипко, которая жила в маленьком домике на улице Советской. Но к ней я сходила не более одного-двух раз. Она заметила мою близорукость и сказала, что мне нужны очки. Это привело меня в ужас — очки носить я не хотела, и я попросту перестала к ней ходить. Так мои занятия музыкой надолго прервались. Я помню, что когда-то летом приезжал Покрасс, и ему сдавали экзамен ученики музыкальной школы. Было это в горсаду, в летнем театре. Помню, что Люся ему играла что-то, а он начал ее сбивать, тренькать что-то на высоких клавишах. Играла ли я ему — не помню.

1921 год

Наступил 1921 год, страшный, голодный. Не было хлеба. Всюду бродили голодные нищие. Летом прямо на улицах можно было видеть валяющихся на земле скорчившихся людей, умирающих от голода. Другие равнодушно проходили

мимо. Одеваться было не во что. Шили платья из мешков, из драпировок. Летом ходили босиком по пыли. Магазинов не было. Муку продавали на базаре, но и ее не было. Тиф и холера помогали косить людей.

Настала весна 1921 года. Была чудесная погода — тепло, солнечно. Этой весной мы оба с братом болели свинкой, и я неделю не выходила из дома. Вот тут-то мне и казалось, что в комнате все время были закрыты ставни. Но вот я вышла на божий свет и пошла в гости к своей неизменной подруге Ниночке. Козловы жили теперь на улице Всеобуча в маленьком домике. Я у них часто бывала. Зимой они даже устраивали елку, и меня очень удивило, что на их елке висели наши игрушки, которые я хорошо помнила. Наверное, когда мы уезжали из новиковского дома и все имущество затолкали в кладовую к Новиковым, тетя Оля сумела кое-чем воспользоваться, в том числе и игрушками. Но я, удивившись, никому ничего не сказала. У нас не было елочных игрушек, да и елки тоже. Ее некуда было ставить.

В этот же период с папой было плохо из-за желудка. Он поел что-то у Козловых, и потом ему стало так худо, что он едва оправился. В одной из наших старых книг напечатано стихотворение и письмо гимназиста своей возлюбленной. Начинается оно так: «Таня! Прежние мечты, зная, ты позабыла. Надо мной смеешься ты, чтоб те пусто было!» Папа перефразировал это стихотворение так: «Оля, праздничный обед ты не доварила, претерпел я много бед, чтоб те пусто было!» Видимо, эта болезнь была одним из предварительных «звонков», предшествовавших его страшной болезни, приведшей к смерти.

Мы с Ниночкой играли у них в маленьком тесном, заваленном навозом дворике. В глубине двора был еще один домик, и там жил со своей семьей портной Лобанов. Долгое время Лобанов, а после его смерти его жена, шили нам вещи. Моя мама ходила к ним и потом, когда они жили в деревянном доме на углу улиц Красноармейской и Карла Марк-

са. У Лобановых была большая семья, много детей. Старшую дочь звали Лида. Мы с ней играли. Много лет спустя Лида работала в бане на улице Воровского. И когда я приходила туда и стояла в очереди, Лида всегда пропускала меня без очереди. Потом она уволилась, и я рассказала о ней новой банщице. Какой крик она подняла! Стала кричать, что Лида-де мыла меня даром, и долго не могла уняться.

Еще в домике с Лобановыми жила бедная еврейская семья. У них была рыжая девчонка Слатка. Она тоже играла с нами. Во время войны, стоя в очереди в закрытом распределителе, я часто видела среди других людей цветущую женщину с рыжеватыми волосами. Она преподавала в каком-то институте. К ней подходили люди, называли ее Златой Ефимовой. И я подумала, как она походит на ту Слатку, с которой мы играли во дворе у Лобановых. Но я не уверена, что это была именно Слатка.

Игры-песни на улице Коммуны

Настало лето 1921 года. Во дворе было много каких-то девчонок. Мы играли все вместе. Очень модной была в то время игра-песня «Где гнутся над омутом лозы», описанная в произведениях Сейфуллиной:

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.
Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать.
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать.
Над нами трепещут былинки,

Нам так хорошо и тепло.
 У нас бирюзовые спинки,
 А крылышки точно стекло.
 Мы песенку знаем так много,
 Мы любим тебя так давно.
 Смотри, какой берег отлогий,
 Какое песчаное дно.

Еще пели девчонки такую песню:

У кровати мать рыдает, сын лежит в бреду.
 И лепечет ей малютка: «Мама, я умру.
 Прислони свою головку ты на грудь мою,
 Тебя крепко поцелую и навек засну».

В одной детской книге, которую я взяла в библиотеке, была напечатана такая песенка: «Я эльфа лесная, я чащи дитя». Девчонки переделали эту песню по-своему и пели: «Мы — эльфы лесные, мы чащи дитя, веселого мая малюточки мы. В лесах и лугах все цветочки мы рвем, у миленькой речки ночлег проведем. А завтра чуть встанем мы, к речке пойдем, из миленькой речки водички попьем. Водички попьем, а потом мы споем: “Тра-ля-ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля!”» Часто мы бегали на большой пустырь, который кончался линией железной дороги. Возле линии была свалка, и там мы искали «стеколки». Часто бегали и к «архиерейскому» дому, который одиноко торчал вдалеке. Дом этот цел и сейчас, в нем размещается городской архив.

Спектакль «Трубочист»

Но самым интересным в этот период жизни для меня было посещение самого моего любимого дома. Дома, где жили мои двоюродные сестры. Они вернулись из Иркутска и жили

теперь на далекой окраине города, на улице Первомайской, в маленьком деревянном домике. Еще два-три домика — и уже конец города, пустырь и березовый лес за ним. Пыталась я потом отыскать это место, но ничего не смогла найти — все застроено большими домами, а маленького домика нет.

У хозяев дома были две дочери-подростки — Граня и Нина Нестеровы. Неподалеку от их дома на углу стоял длинный красный одноэтажный дом. В нем жила Ася Черепанова. У нее была двоюродная сестра, толстенная Лида. Девочки эти ставили спектакли. Один из них под названием «Трубочист» запомнился мне на всю жизнь. Содержание пьесы таково. В чистенькой парадной комнате играют двое детей — мальчик и девочка. С ними их добрая няня. Вдруг стук в дверь — входит трубочист. Он бедно одет, вымазан сажей, и дети пугаются его. Няня успокаивает детей, предлагает трубочисту сесть и заводит с ним разговор. Трубочист рассказывает о своей жизни. Оказывается, не стоило его пугаться, он хороший человек, труженик, и жизнь его очень тяжела. Дети понимают это и относятся с доверием к трубочисту, стараются добрыми словами хоть немного облегчить его горькую участь. Дают трубочисту игрушки и сладости для его детей.

Спектакль во дворе Нестеровых

Таково было содержание этой человеческой и немного сентиментальной пьесы. Игра Аси Черепановой в роли трубочиста просто потрясала. Няню играла Граня, девочку — Лида, мальчика — Нина Нестерова.

Затеяли мы ставить еще один спектакль во дворе у Нестеровых. Пьесу нашли в какой-то книжке, и называлась она «Чижики». Содержание пьесы таково. Три мальчика — Коля, Миша и Федя — под предводительством своего коновода Коли решают бежать в Америку, чтобы изведать там жизнь, пол-

ную романтики и приключений. Три девочки разоблачают мальчишек и поднимают на смех. Пьеса кончается веселым танцем.

Я участвовала в спектакле. Мало того, главную роль отдали мне. Я играла Колю, Ася Черепанова исполняла роль Миши, Граня Нестерова — Феди. Девочек играли Лида, Нина и Люся. Мне очень нравилась Ася Черепанова, но я стеснялась и не разговаривала с ней. Перед ней я испытывала какой-то блаженный ужас, пожалуй, такой же, как перед Колькой Степановым.

И вот начались репетиции, и я рядом с Асей репетирую свои сцены. Пьеса начиналась с того, что Коля и Миша находятся в саду. Коля лежит на скамейке, подложив руки под голову, а Миша сидит рядом и строгаёт палочку. Первая реплика Миши: «Ну вот, ты зевнул, и я за тобой — фу!» «Чихать не люблю, а зевать даже приятно», — отзывается Коля. «А я, если захочу, то могу ушами двигать!» — сообщает легкомысленный Миша. Далее Миша сетует на скуку и говорит, что делать им решительно нечего: «Ну вот, купались, ели, читать не хочется. Или почитать что, а?» «Не хочу я читать, — заявляет Коля. — Чем больше читаешь, тем больше досада забирает». «Какая досада?» — недоумевает Миша. «Какая? Такая! — сердится Коля. — Большим хочется поскорее быть». В это время из кустов выскакивает Федя и говорит Мише: «На, получай свой самострел!» Тут Коля берет своих друзей за руки и начинает развивать свои планы: они должны убежать в Америку. Вот раздолье там! Коля даже песню сочинил, перефразировав известную «Нелюдимо наше море». Коля запекает песню, и друзья подхватывают: «Победимо наше горе, в Новый Свет мы уплывем, вчетвером там на просторе превосходно заживем». Мотив песни Вильбоа мы не знали и пели на свой мотив. Интересно, что я, такая застенчивая и дикая, здесь, на сцене, не стеснялась и лихо запекала. Все вместе мы пели припев: «Неужель нам голодать? Если мяса не добудем, станем коку мы жевать!»

Мы приготовили пьесу, и настал день спектакля.

Сцена была под сараем, артистическая уборная — в каретнике. У нас были и бутафоры, и гримеры, и костюмеры, и машинист сцены, и художники-оформители. Все эти заботы взяли на себя брат Грани и Нины и его товарищи. Сцена была убрана живыми березками (это был сад). Мы, артисты, обрядились в соответствующие костюмы. Мне дали штаны, рубаху-косоворотку и фуражку, под которой я спрятала свои косички.

Для публики во дворе были поставлены скамейки и стулья. Сыграли спектакль. Публики было много, спектакль прошел с успехом. Ниночка была приглашена на спектакль. Ее более всего заинтересовали взаимоотношения между мальчиками и девочками. И более всего ей понравился заключительный танец, который исполнялся под аккомпанемент Тамары, игравшей нам на пианино в доме, а музыку мы слушали через открытое окно. Так что у нас были и музыкальное оформление, и штатный музыкант.

Больше спектаклей мы не ставили. Вскоре прекратились и мои визиты в любимый дом. Олимпиада Ивановна с детьми уехали в Омск. Ушли в небытие Ася Черепанова, Лида, Граня. А с Ниной впоследствии мне довелось учиться в пятом классе.

Старушка в избушке

В огороде у Нестеровых стояла заброшенная избушка. Не то баня, не то овин. И вот мы, выдумщицы, вздумали обманывать Ниночку, что в этой избушке живет какая-то очень старая и таинственная бабушка, чуть ли не Баба Яга. Граня надевала длинное черное платье, черный платок на голову, пряталась в избушке и потом выходила оттуда, опираясь на клюку — изображала из себя старуху. Но Ниночка, девка

сообразительная и себе на уме, однажды разгадала наш секрет. Она увидела Гранины руки, которые та не догадалась спрятать, и поняла, что ее мистифицируют. Руки-то были молодые.

Так мы играли и развлекались на улице Первомайской, а под окном нашим на улице Коммуны уже прохаживалась беда.

Арест и смерть дедушки

Беда пришла в дом. В один прекрасный день к нам явились с обыском. Мамочка дала мне в руки свои золотые часы и велела хранить их. Я беспечно стояла в дверях и открыто держала часы на ладони. Смотрела, как роятся люди в дедушкиной темной каморке. Часы никто у меня не отобрал, а дедушку увели. В жаркий летний день бедный старик шел по палящему солнцу к своей Голгофе. Это был последний его путь. Его арестовали только за то, что он жил на территории монастыря и служил в монастырской церкви. Игуменья Анастасия тоже была арестована. Мамочка носила дедушке передачу, а папа как будто бы имел доступ в тюрьму — лечил больных в тюремной больнице. Вскоре дедушки не стало. Кто-то из заключенных угостил его кваском, и дедушка заболел холерой. Через два дня он умер.

Его хоронили в закрытом гробу, отпевали в монастырской церкви. Отпевали долго. Похоронили на кладбище там же, где были похоронены бабушка, Дима и Ларя. В цветущем уголке Челябинска на кладбище долго раздавалось похоронное пение. Меня поразил и испугал один певчий. Такое у него было страшное лицо, с такой натугой он выводил: «Вечная память!» Все думаю: где же была могила дедушки? Если церковь стояла на том месте, где теперь находится памятник Цвиллингу, то примерно где-то возле кинотеатра имени Пушкина.

Поминки по дедушке пришлось справлять во дворе, в доме не было места. Не помню, была ли на похоронах Олимпиада Ивановна. Наверное, была, но я ее не помню. А Рита и Люся были, и я, дурочка, не понимая ситуации, предложила им поиграть в карты, что вызвало с их стороны вполне понятное возмущение. Тут только я поняла неуместность своего предложения.

Дедушку я почти не знала. Он никогда со мной не разговаривал. Один раз мы с ним куда-то шли, и он так быстро шагал, что я едва за ним поспевала. Вскоре после его смерти я увидела его во сне. Он шел мне навстречу, к нашим воротам. Но он был невидим для всех, только я его видела. И когда он ко мне подошел, я заглянула ему в глаз. Этим он как бы простил меня за мое легкомыслие и дал понять, что ему хорошо.

Так ушел из жизни добрый маленький старичок, отец моего отца.

Столовая АРА

Американское общество АРА организовало помощь голодающим. Были открыты столовые для детей. Одна из них помещалась в бывшем магазине Стахеева — там, где теперь находится табачная фабрика. Мы с братом тоже ходили туда. Детей садили за длинный стол (за маленький стол нельзя было садиться) и подавали им вкусную манную кашу, а по понедельникам и четвергам давали какао с набелестшим хлебом. Так подкармливали детей американцы. Давали и одежду. Помню, что у меня были полосатые длинные панталоны с завязками.

А кругом ярким жарким летом люди ели лебеду. И умирали на улицах от голода и болезней.

Зоя Макарова

Моя жизнь текла своим чередом. Приближалась осень 1921 года. Пора было думать о школе. Ведь в этом году мне исполнилось одиннадцать лет. Решено было отдать меня в группу к Марье Николаевне. Она должна была подготовить нас, отставших от школы, сразу на вторую ступень.

В этом учебном году мы должны были пройти программу за третий класс. Школа Марьи Николаевны теперь снова помещалась на улице Коммуны, рядом с центральной школой. Квартира Марьи Николаевны была тут же, при школе. Чтобы мне не скучно было ходить к Марье Николаевне, меня познакомили с Зоей Макаровой, которая жила напротив нас. Домик Зои стоит до сих пор, он принадлежит теперь ее брату Аркадию.

Мы познакомились с Зоей и стали ходить в школу вместе. Большею частью за ней заходила я. И вообще я стала часто бывать у них. Домик их был очень уютным, но в нем всегда остро пахло пеленками: у них всегда были какие-то маленькие дети. Я бывала у Зои и на разных праздниках и именинах, и всегда у них была масса всего настряпана, всяких пирогов и тортов. Мать и бабушка Зои были очень гостеприимны, угощали, приговаривая: «Получайте, получайте!»

С Зоей мы учились в одной группе в третьем и четвертом классах, а потом в восьмом и девятом. Теперь Зоя живет где-то неподалеку. Одно время она жила на севере с мужем. Там у нее выпали зубы. Зоя всегда была очень скромной и тихой девочкой.

Матрохины

Мы с Зоей шагали в школу. Мне казалось, что путь наш далек, но недавно я прошла по этому маршруту и проверила по часам — десять минут. Вход в школу был с улицы, но мы

заходили во двор и шли через черный ход прямо в квартиру Марьи Николаевны. Сени отделяли квартиру от кухни. По обеим сторонам длинного коридора были комнаты. В одной жила сама Марья Николаевна со своей сестрой Александрой Николаевной, в другой жил со своей семьей сын Александры Николаевны — Александр Иванович Матрохин. Он был учителем, и когда Марья Николаевна бывала занята, проводил с нами уроки. Жена Александра Ивановича, Зоя Александровна, также была учительницей. В их семье было двое детей, две дочери — Люба (девочка лет шести) и Ириша (еще грудная). С Иришей водилась няня, молодая девушка по имени Ксения. Много лет спустя Александр Иванович разошелся с Зоей Александровной и женился на другой женщине, тоже учительнице. У них родился сынок. Но жизнь их не ладилась, и новая жена Александра Ивановича покончила самоубийством — отравилась. Александр Иванович тоже вскоре умер, и сынок остался круглым сиротой. Тогда Зоя Александровна взяла его к себе на воспитание. Но и она вскоре умерла. И мальчика забрала Люба.

Люба, в то время маленькая девочка, выбегала из своей комнаты в коридор, чтобы поиграть с нами. Больше всех она любила Германа Бейвеля, вешалась на него и почему-то называла его «пленник».

Когда Люба подросла, ее стали учить музыке. Она потом стала пианисткой, но во время войны, чтобы спастись от голода, работала хлеботорзчицей. После войны вернулась к своей специальности и преподавала в музыкальном училище. Однажды ее даже присылали в нашу музыкальную школу в составе комиссии по проверке работы школы. Она посетила урок Игоря Крюкова и расхвалила его, была на уроке и у Ириниши и отозвалась о нем плохо. Вскоре после этого Любовь Александровну изгнали из училища за аморальное поведение. Она устроилась в педучилище и, по всей вероятности, до сих пор работает там. Недавно посылала мне привет через Марию Гавриловну и даже собиралась нанести визит.

Младшей дочери Матрохиных долго жить на свете не пришлось. Она умерла молодой от болезни сердца.

Кто-то из сестер Марьи Николаевны еще жив.

Мои новые товарищи

В нашей группе, кроме нас с Зоей, были еще одна девочка и два мальчика. Девочку звали Лена Попова, она была дочь врача и жила на Лесной улице. Это была скромная, рассудительная девочка. Мальчиков звали Герман Бейвель и Толя Кудрявцев. Отец Германа, Александр Францевич Бейвель, был врачом и общественным деятелем. У него было несколько детей, из них Савва — старший, Кира — самый младший. Бейвели жили в своем доме на углу улиц Коммуны и Красной. Теперешняя школа имени Энгельса находится на территории бывшей бейвелевской усадьбы.

Долго стоял здесь красивый забор, огораживавший усадьбу, но теперь он сломан. В одном из флигелей бейвелевской усадьбы долгое время помещался детский сад, где работала мать Риты Кестер. Нина Крохалева тоже имеет непосредственное отношение к усадьбе Бейвелей, так как появилась на свет от союза бейвелевской кухарки и бейвелевского кучера. Долгое время Нина жила в каком-то овине без окон, и только после окончания войны ей удалось получить комнату на улице Кирова.

Герман был оригинальным мальчиком. Насмешница Зоя Рощупкина любила рассказывать анекдоты из его жизни. Например, как Герман, придя вечером с улицы, сказал своему отцу: «Папа, сегодня все звезды на месте».

Толя Кудрявцев был сыном священника Василия Кудрявцева. Кудрявцевы жили в длинном белом одноэтажном каменном доме на улице Красноармейской. Дом цел и сейчас. У Кудрявцевых было пианино, и сестры Толи умели на нем

играть. Однажды, проходя мимо их дома, я слышала, как кто-то из них играл из Кальмановской «Баядерки». Толя был изящным, приятным мальчиком, носил очки и походил на Гарольда Ллойда.

Вот таковы были мои первые школьные товарищи.

Мы начали заниматься. Обстановка в нашей «школе» была очень спокойной, все шло хорошо.

Судьба Зои

Марья Николаевна решила объединить в одну две группы учащихся, и в нашу группу влились новые люди. Это были Зоя Рощупкина, Кланыя Беляевская, Валя Маршалова и Володя Август.

Зоя и Кланыя были неразлучные подруги, ходили всегда вместе — бойкая, живая, как ртуть, Зоя и уравновешенная, тихая Кланыя.

Семья Рощупкиных жила на улице Свободы в своем доме. Отец Зои был инженером, начальником электростанции. Мать ее Юлия Александровна была живой, энергичной дамой. С ними жила двоюродная сестра Зои — Люня Шихова. Она училась музыке, хорошо играла.

Зоя после окончания девятилетки поступила в вуз в Свердловске и получила специальность инженера-механика. Она вышла замуж, но их семью постигло страшное испытание. В 1937 году отец Зои был репрессирован. Муж Зои отреагировал на это тем, что моментально бросил ее с маленьким сыном. Он мотивировал это тем, что не может жить с дочерью «врага народа». Юлию Александровну с семьей выгнали из дома. Она потеряла способность ходить и долгие годы лежала без движения. В то время Зоя с семьей жила на улице Чехова в маленьком домике. Здесь мы однажды собирались вместе в один из приездов в Челябинск Германа Бейвеля.

Когда арестовали отца, Зоя, оставив маленького сына, кинулась в Москву. Ей удалось в воротах Кремля отдать одному из охранников письмо для передачи Сталину. Охранник обещал письмо доставить. Считалось, что Зоиною отца расстреляли, но спустя много лет выяснилось, что он умер сам.

После смерти Сталина Зоин отец Евсей Митрофанович был реабилитирован. Зое вернули их прежний дом, разделенный на несколько квартир. Зоя привела дом в порядок, провела туда газ, центральное отопление. И зажили все большой дружной семьей. Сын Зои вырос. Отца он не знал, тот не проявлял к нему никакого интереса. Валентин (сын Зои) женился на Клаве, девушке из старообрядческой семьи. Сейчас у них двое детей — сын Дима, уже как будто пятиклассник, и крохотная прелестная девочка Елена. Юлия Александровна умерла осенью 1973 года в возрасте 86 лет. Она была в полном уме и здравой памяти. Бродила, помогала по хозяйству. Даже самостоятельно ходила в баню. Когда мы, бывшие выпускники центральной школы, собирались у Зои, Юлия Александровна принимала в этом участие и была хорошей собеседницей.

Драки с мальчишками

Кланя была сиротой, матери у нее не было. Ее отец Василий Павлович был мелким торговцем. Воспитывала ее тетушка Елена Павловна, сестра отца. Кланя жила в доме, принадлежавшем ее дедушке. Этот красивый полуторазэтажный дом на улице Труда цел до сих пор. В нем какая-то ремонтная контора. И хотя дома Зои и Клани стояли не рядом и даже на разных улицах, дворы их соприкасались. Можно было попасть из одного в другой, просто перемахнув через забор, что они и делали — и оказывались в гостях друг у друга.

Третья новая в нашей группе девочка Валя Маршалова была откуда-то из района, жила в городе на квартире. Она

очень плохо читала: например, с трудом, по складам, прочла слово «печенег». За это ее прозвали «Печенег».

Володя Август, тихий белобрысый лобастый мальчишка, вскоре сделался объектом Зоиных издевательств и насмешек. Впоследствии, учась вместе в центральной школе, Зоя и Володя стали большими друзьями. Володя в то время являлся видным учеником и хорошим общественником. Был председателем учкома, начальством, серьезным и важным, прекрасно разбирающимся во всех школьных делах парнем. «И Август, взявши в руки йод, с стараньем мажет Ганцу рот». Так говорилось в одном стихотворении. Август не участвовал в драке, он исполнял роль санитаря. Это все — в будущем. А пока, в 1921 году, Володя Август был мямлей и беззащитен перед Зоей.

Жил Володя на Мастерской улице. Зоя с Кланей, возвращаясь из школы, шли мимо его дома и обязательно хулиганили — стучали в окошко подвального этажа и удирали во все лопатки. На самом деле этот поступок не достигал цели, потому что Володя жил во дворе, а они стучали с улицы.

Когда после упреков мы выходили на улицу, Зоины наскоки настолько задевали Ваську, что он с ревом бежал жаловаться Марье Николаевне. Та выходила на улицу и стыдила Зою: «Зоенька, ну как тебе не стыдно? Ты же не мальчишка». Нас с Кланей Марья Николаевна никогда не стыдила, хотя мы тоже были участниками и компаньонами Зои по травле Володьки. Не в силах справиться с Зоей, Володя стал прибегать к помощи других мальчишек. И его после уроков стала встречать свита, во главе которой стоял Федька Могильников, или Могила, как его называли. Мы же почему-то звали его Евлаха. Ватага кидалась на нас. Мы с Зоей становились в боевую позу, вынимали из ремешков пеньалы и вооружались ими, а книги отдавали держать Клане. Но силы были неравны, и нередко мы позорно бежали с поля боя. Один раз даже банда Евлахи гналась за нами до самой улицы Рабоче-Крестьянской. Мы забегали прятаться в лав-

ки, а потом я со страхом окружным путем пробиралась к себе домой. В то время мы уже жили на улице Мастерской в доме Гершковичей.

«Журнал про дураков»

Итак, я умела драться с мальчишками, но мое оружие заключалось еще и в ином. Мы задумали побить их еще и идейно — издавать про них журнал. Так появился «Журнал про дураков», издававшийся на плохонькой самодельной тетрадке. Я была издателем, редактором да, пожалуй, и единственным корреспондентом. «Журнал про дураков» окончательно сразил наших врагов, потому что не только Август, но и Герман и Анатолий считались нашими врагами. В ответ они тоже пытались выпустить какое-то рукописное издание, но их хватило только на невразумительные карикатуры на Зою. Мои же рассказы били метко и наповал.

Приведу примеры. Был такой рассказ про Германа: «Вот пошел Герман в школу и привязал себе сзади мочальный хвост. Шел, шел, да и завязил хвост в грязи. Стал вытаскивать хвост и завязил нос. Стал вытаскивать нос и завязил хвост. Хвост вытащит — нос завяжет, нос вытащит — хвост завяжет». И так далее.

Другой рассказ был про Кудрявцева: «Володька Август собрался в гости к Петуху (Кудрявцеву). Но дома у Кудрявцева не были рады этому визиту, и мать Петуха встала за дверь с метлой». Дальше описывалось, как Володька кубарем летел, побитый метлой. И так далее.

Был задуман большой роман под названием «Кругосветное путешествие» о том, как Володька провалился сквозь землю и попал в ад к чертям, как он потом выбрался на другую сторону земли в Америку и что с ним дальше было. Так было задумано, но написать не удалось.

Берзинский дом

Поздней осенью 1921 года мы переехали на новую квартиру. Как некогда Сарцевичи уезжали из Иркутска в Польшу, так теперь Берзины уезжали из Челябинска в Латвию и не то продали, не то передали нам, совместно с Козловыми, свою квартиру на улице Красноармейской. Дом этот и сейчас стоит. Мебели в квартире не было, картошки тоже. Не знаю, были ли дрова. Видимо, этот акт состоялся при посредстве Козловых. Одна из Берзиных — Люцилла Ивановна — была учительницей музыки и преподавала в музыкальной школе. И вот мы жили вместе с Козловыми (к великой радости моей и Ниночки) в прекрасном доме на улице Красноармейской по соседству (через дом) с Кудрявцевыми. Судьба уготовила нам недолгое житье в этом доме — всего, наверное, с месяц, — но на всю жизнь у меня сохранилось самое светлое воспоминание об этом времени.

Какое счастье было жить в этом уютном светлом доме! Это было одноэтажное красное здание на высоком фундаменте с парадным входом с улицы. Возле дома — высокий забор. Добротные ворота вели во двор. Окна по фасаду выходили на восток, со двора — на запад. Если войти в парадное, то сначала были большие сени, дверь вела в прихожую. Из прихожей направо была дверь в большую комнату, которая называлась «зал». Комната была пустая, потому что мебели у нас не было. Когда бабушка заболела тифом, она лежала в этой комнате, и входила к ней только моя мама. Налево из прихожей дверь вела в небольшую комнату, где была папина приемная. Наконец-то папа смог заняться приемом больных на дому. В определенные часы открывалась парадная дверь, и больные валили валом. Это-то как раз и погубило нас, вызвав зависть у других людей. Прихожая кончалась дверью в столовую, общую с Козловыми. Из столовой одна дверь вела на большую террасу. Теперь эта дверь наглухо забита, так как

люди боятся. Дверь направо вела из столовой в спальню. Навсегда мне запомнились утра, когда я, просыпаясь, смотрела в окно. Улица в этом месте была односторонней, и перед окнами расстилалось большое пустое пространство. Видно было, как вставало солнышко и лучи его заливали все вокруг, били в окно.

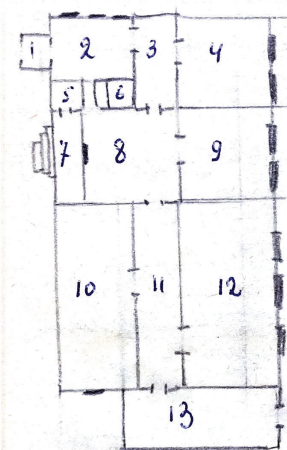
Еще одна дверь вела из столовой в небольшой коридор. Направо здесь находилась дверь в комнату Козловых, налево — в кухню, очень большую, с русской печью и плитой. Окна кухни выходили на север. Сени вели во двор.

Двор был прекрасный. Я часто вижу его во сне. Там были дворовые службы: сарай, каретники, погреб. Валялся брошенный кем-то короб. Мы с Ниночкой тотчас соорудили из него корабль.

В погребе мы нашли старые синие штаны и повесили их на палку. Это был у нас флаг. Плыли в коробе по волнам. То-то весело было! А Толька Кудрявцев, слыша наши крики, залезал на забор и глазел на нас. Хотя дома наши были не рядом, дворы соприкасались. Между прочим, Толька Кудрявцев был первой любовью Ниночки. Играли мы с ней не только во дворе, но и на веранде, на которую можно было попасть со двора. Часто заглядывали в «холодную комнату», вход в которую был с веранды. На полу в «холодной комнате» лежал ворох сушеной воблы, которую мы таскали.

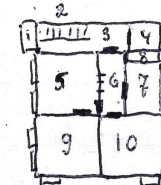
Играли мы также в игру «дрг». Катушки от ниток полностью заменили нам стекóлки. Теперь людьми в нашей игре были только катушки. Игра эта настолько ярко запечатлелась в моей памяти, что я и теперь не могу равнодушно видеть пустую катушку от ниток. Все мне кажется, что это девочка, хочется ее раскрасить цветными карандашами, сделать ей красивое платье. Игра у нас год от года совершенствовалась. Играли мы в основном на парадном крыльце. У каждой был ящик с разной дребеденью. Папа часто давал мне коробочки из-под лекарства «Неосальварсан». Из этих коробочек мы строили своим людям квартиры. Чем больше было в кварти-

1. - сени	8 - столовая
2 - кухня	9 - спальня
3 - коридор	10 - приемная
4. комната Козловых	11 коридор
5. холодная комната	12. зал
6 - печь и плита	13. парадное
7 - терраса.	

Более точный план
Берзинского дома.

1. Балкон	
2. лестница	
3. парадное	
4. гуляк	
5, 9. наши комнаты	
6. прихожая	
7. папин кабинет	
8. туалет-уборная	
10. комната Ваши	
поял наша	

План дома Терцковичей

ре закоулков, тем ценнее она считалась. В квартире жили большие семьи, состоявшие из отца, матери, бабушки, бабушки и многочисленных детей.

Защитник Толя

Мы учились во вторую смену, возвращались домой в темноте. И Марья Николаевна наказала Толе Кудрявцеву, чтобы он провожал меня до дому и оберегал по дороге. И мы шагали домой вместе. Шли сначала по улице Коммуны, потом сворачивали на Мастерскую, выходили на Спартака и доходили до улицы Свободы. Тут, возле старого костела, переходили на другую сторону. За одним из заборов всегда лаяла какая-то большая собака. И Толька, чтобы показать свою храбрость, начинал свистеть. Повернув на Красноармейскую, мы расходились по домам.

Зима настала в том году как раз в мои именины — 11 ноября. Их почему-то не праздновали. В тот день мы возвращались домой от тети Лизы Новиковой. Как всегда, у тети Лизы было много гостей, тесно сидевших за столом. Весело шумел самовар на столе, стол ломился от вкусных пирогов и тортов. Мы, дети, как всегда, баловались в маленькой спальне. Хулиганили и бесились сестры Протасовы, скакали по кровати. Ниночка время от времени подходила к столу и шептала тете Оле, чтобы она дала ей какой-нибудь маленький кусочек повкуснее. Погостив, все пошли домой. Протасовы жили на улице Васенко в одноэтажном доме, который впоследствии был переделан в двухэтажный. На одном дворе с ними жила Лена Мудашкина. Она хорошо знала девочек Протасовых. Дом Лены был зеленым с верандой. Внизу в подвальном этаже жили Муратовы. Во дворе жил портной. У него была девочка Лера, которая впоследствии переименовала себя в Веру. Рая что-то шила у них, и мы с ней к ним ходили. Дед Коля впоследствии бывал у

Протасовых. Он недавно мне рассказал, что когда сидел у них, то в соседней комнате Виктор играл на пианино модную в то время песенку «Мичман Джон», а Вера пела. В последний раз мой брат виделся с Валентином Васильевичем в Свердловске, и тот сказал ему: «Будь, как твой папа!»

Но это все было потом. А теперь, в 1921 году, мы возвращались от тети Лизы. Вдруг повалил снег, да такой пушистый и мягкий. Мы шли сквозь снег к себе на Красноармейскую. Сначала прошли Соборную площадь, вышли на Цвиллинга, свернули на Карла Маркса, потом на Мастерскую, на Спартак — и к себе, в свой прекрасный дом.

Нас выселили

Дом этот пока еще не снесен, стоит. Но переделан. Парадного входа теперь нет, из парадного сделана комната. Первый вход остался на прежнем месте, но сени построены другие. Второй вход также со двора. Кроме вновь сделанного окна в бывшем парадном, где мы с Ниночкой самозабвенно играли в «дрг», на улицу смотрят еще семь окон. Три, видимо, принадлежали «залу», два — нашей спальне, и два — комнате Козловых. Двор разгорожен, стал проходным. К дому можно пройти насквозь с улицы Свободы. Живут в доме, очевидно, не менее двух семей. Домик Кудрявцевых цел также, но имеет жалкий вид, расположен низко, по фасаду пять окон. Дом загорожен маленьким палисадником, которого не было раньше. А кругом идет большая стройка. Вся противоположная сторона застраивается какими-то большими зданиями. На углу высится большой дом, где живет директорша нашей музыкальной школы, а раньше на этом углу стоял деревянный дом на высоком фундаменте, где жил доктор Лепяцкий, вернее, фельдшер, так как он не имел высшего медицинского образования, но имел большую частную практику. Его не устраивало общество такого известного и любимого народом

врача, как мой отец. Лепяцкий был влиятельным лицом среди городских властей, и моя мама рассказывала мне потом, что выселили нас из прекрасного дома именно благодаря интригам доктора Лепяцкого. А ведь выселили, не дали пожить, насладиться счастьем — жить в хороших условиях. Мотивировали тем, что дом нужен под учреждение, хотя он совсем не подходил для здания общественного типа. Он построен был именно для жителей, для семей.

Как бы там ни было, к нам зачастили какие-то власти и стали нас выгонять, несмотря на то что в доме был человек, больной тифом. Это была моя бабушка, она лежала в «зале». Нельзя сказать, что не сопротивлялись. Сопротивлялись как могли и отказались от нескольких предложенных нам квартир. Одна из них находилась в деревянном доме на улице Коммуны, недалеко от парка культуры и отдыха. Предлагали и маленький домик на улице Мастерской, но и от него отказались. Наконец пришлось согласиться на две комнаты в доме Гершковича на Мастерской, 23. В этих комнатах жила акушерка Вяткина. Ее переселили в тот же маленький домик, который предназначался нам, а нас — в квартиру. Собственно, больше сопротивляться было нельзя. В наш двор были поданы подводы, много, что-то около десяти, целый обоз. И нужно было выселяться. Некуда было девать больную бабушку, не везти же тифозного человека на новую квартиру. С большим трудом папа устроил бабушку в госпиталь, и ее положили в одну палату с тифозными солдатами.

И вот из ворот берзинского дома выполз и растянулся по улице печальный наш обоз. Я сидела на первой подводе, на дровнях, держа на коленях завернутого в простыню Базёшечку. Проехали мимо дома Кудрявцевых, мимо Лепяцкого, повинного в нашем выселении, проехали по Спартаку, и вот мы уже въезжаем в ворота дома номер двадцать три по улице Мастерской, во владения Исаака Соломоновича и Баси Моисеевны Гершковичей. Торжественным был наш въезд. Наверное, Гершковичи во все глаза наблюдали за нашим въездом из своих окон.

Возчики сгрузили наш скarb на снег перед открытой парадной дверью и собирались уехать. Тащить вещи наверх было некому. Моя мама стала просить возчиков. Они ни в какую. Папы почему-то не было. Может, он еще хлопотал где-то или устраивал больную бабушку в госпиталь, только его не было в этот момент. Наконец, моя мама нашлась. Она сказала, что пианино у нас казенное и возчики будут отвечать, если оно от мороза испортится. Это помогло. Возчики испугались и мигом втащили пианино и другие вещи по широкой лестнице наверх, на второй этаж.

И вот уже на исходе короткого зимнего дня мы на новой квартире, без света, среди хаоса кое-как поставленных вещей. Мамочка обняла нас с братом и стала ходить с нами по комнате, говоря: «Ну, ничего, как-нибудь будем тут жить». Тяжелую атмосферу как-то вдруг разрядил кот Базёшка. Он, видимо, решил, что ничего не попишешь, после драки кулаками не машут, взгромоздился на шкаф и принялся там устраиваться, приводить себя в порядок. Мы засмеялись, глядя на него, и сразу как-то успокоились. Принялись устраиваться на новом месте.

На новом месте

Почти три года прожили мы по адресу: Мастерская, 23. Это была большая усадьба с тремя домами, большим двором, палисадниками и огородом. Теперь от усадьбы отхвачен большой кусок. На месте бывших каретников и части огорода построены два дома, но все же места еще осталось достаточно. На воротах дома была прибита табличка, на которой ясно было написано, что дом принадлежит Басе Моисеевне Гершкович. На самом же деле дома принадлежали горкомхозу, такую большую усадьбу не могли оставить частному лицу. Дома точно были отобраны у Гершковичей, иначе власти не

распоряжались бы их площадью, не вселяли и не выселяли бы кого хотели. Тем не менее «хозяин» домов Исаак Гершкович зачастил к нам... Визиты его были очень неприятны. Мы их боялись. Как мне потом объяснили, он требовал, чтобы мы платили за квартиру лично ему. Папа не хотел этого делать, за квартиру платили в горкомхоз. Возник большой конфликт, ненависть со стороны Гершковичей.

Усадьба Гершковичей

На территории усадьбы было три дома. Два дома — по обе стороны ворот, один из них с мезонином, другой полтораэтажный, с подвальным этажом. Третий дом, в котором поселились мы, стоял во дворе. Он был двухэтажный, большой, монументальный, верх сложен из основательных прочных бревен, низ каменный. В доме с мезонином жили разные люди, бедняки, в доме по другую сторону ворот жили сами Гершковичи. Вход к ним был со двора. С улицы был другой ход, который вел в квартиру Дюкиных. Внизу жил сапожник Булатов. Вход в подвал был у самых ворот. Со двора имелся еще один ход в подвал. Там тоже жили люди. У Булатовых была девочка Тамара. Мы с ней играли во дворе, хотя она была младше меня, принадлежала к когорте «мелочи». Впоследствии она вышла замуж за Алексея Ковынева, приятеля нашего дедушки Миши. Внизу у нас жило семейство Пятаков. Мадам Пятак была черноволосая женщина, похожая на цыганку. Говорили, что однажды в ее волосах запуталась летучая мышь. Мы, дети, играя по вечерам во дворе, очень боялись летучих мышей. У Пятаков были дети. Старший Колька был самому Пятаку неродной. Он был у них «трудный» — занимался воровством. Не раз был в милиции, не раз его выгоняли из дому. Один раз даже он ночевал у нас на кухне и не преминул украсть трость, которую продал Грише Гершкови-

чу. Когда это обнаружилось, Гриша трость вернул. Младшего сына звали Костя. Он принимал участие в наших играх во дворе, хотя и был маленький — тоже «мелочь». Однажды он жаловался старшему Гершковичу: «Исаак Савомыч, чё Вёнька девётся?» («Исаак Соломонович, что Ленька дерется?»).

У Пятаков жил артист театра Малышев, игравший в «Ревизоре» Добчинского, а в «Потонувшем колоколе» — Лешего. Он принимал участие в играх детей во дворе. Играл с мальчишками в «шаровки». Будучи хорошим гимнастом, учил ребят кувыркаться на трапеции. Часто в квартире Пятаков собирались гости. Слышно было, как кто-то играл на пианино «К Элизе» Бетховена. Я слушала, лежа в постели. Вход к Пятакам был со двора.

У нас было два входа — парадный и кухонный. Кухня была внизу. Наверх вела узкая, с поворотами лестница. На парадном была широкая прямая лестница. К парадному примыкал небольшой балкон. С парадного дверь вела в прихожую, в которую выходили двери трех комнат. В одной из них жили Ганины, в другой — какие-то люди. Третья дверь у самой лестницы вела в наши две комнаты. В уголке прихожей находился бывший клозет — маленькая замусоренная комната. Сюда я бегала молиться богу, когда моя мама болела тифом.

Квартира, в общем, была неплохая. Потолки высокие, двери широкие. Но весь второй этаж был заражен тифом. У Ганиных болела мать семейства, Лидия Васильевна. В кухне жила семья, среди членов этой семьи были больные тифом. Спали они на печке. Где-то на кухне должна была жить наша прислуга, молодая девушка.

Бабушка моя, вернувшись из госпиталя, поддерживаемая мамой, поднималась по лестнице. Вдруг она зарыдала. Оказывается, бабушка наменяла в госпитале у солдат на хлеб кусочки сахара. И этот мешочек с сахаром бабушка в госпитале забыла. Бесценный продукт был безвозвратно потерян.

Наши дома окружал обширный двор. К дому с мезонином примыкал длинный садик. Деревья в нем были, но трава не росла. В этом садике имелись качели и трапедия. На ней ловко научился кувыряться мой брат. Он называл себя «кошир Ника Неаполитанов».

Возле дома, где жили Гершковичи, был еще один небольшой садик, в который выходили окна их квартиры. Этот садик принадлежал только им. В него никто не ходил, но когда поливали огород, то приходили за водой, так как в садике был колодец. Садик этот сохранился до сих пор. По-прежнему ветви тополей смотрят из-за высокого забора. Но колодца, по всей вероятности, там давно уже нет.

В глубине двора были расположены каретники — прекрасные дворовые службы — большие помещения с хорошим деревянным полом. Были сеновалы, конюшни. Большую территорию занимал огород. Я часто вижу его во сне. У нас там тоже были грядки под нашими окнами, и бабушка садила там огурцы, морковь, лук и даже арбузы и дыни. Вырастали малюсенькие арбузики и дыньки.

В огороде находилась маленькая деревянная банька. Ее топили и мылись в ней. Только вот окна в бане занавешивали плохо, и любопытный Ленка Гершкович бродил вокруг да около, подглядывая в окна. Зоркие его глаза умели увидеть не то, что надо.

Такова была усадьба Гершковичей. А Исаак Соломонович похаживал к нам и устраивал небольшие скандалчики. Требовал плату за квартиру лично себе. Это было незаконно и нагло. Не может быть, чтобы ему платили Ганы, Пятаки, Дюкины, Булатовы, Голдобеевы и прочие жители усадьбы.

Время было тяжелое, люди нуждались. Дороги были продукты, деньги почти не имели цены. Лимон стоил «лимон», то есть миллион. Ведь Гершкович все это видел и понимал, но, видимо, считал доктора богачом, если требовал платы. Все три года, что мы там жили, Гершковичи-родители не унимались и были нашими злейшими врагами. Они доно-

сили в ГПУ, что к нам ходят монашки, что сами мы ходим в церковь. И однажды, наверное, по их навету у нас ночью был обыск. Мы с братом, правда, узнали об этом обыске только утром, а ночью спали и не слышали ничего. Что у нас можно было найти? Ничего, конечно. Забрали только Володины тетради и дневники, о чем он очень горевал. Но потом ему все это вернули.

Сами Гершковичи справляли все еврейские праздники и ходили в синагогу. Когда Булатовы переехали на другую квартиру, в их помещение поселилась семья Яковлевых. У них были две девчонки — Галина и Дина. Однажды они спросили Басю Моисеевну: «Почему вы такая нарядная?» Она ответила: «У нас Пасха». Да, они все приукрашивались перед праздниками и торжественно шли в синагогу. Исаак во всем черном, за ним гуськом сыновья, а позади всех Бася, разряженная в пух и прах. Им это можно было, никто их не преследовал за это.

Я поступаю в класс Анны Григорьевны

Вот пришел час, когда пришлось вплотную заняться музыкой. Наверное, я числилась в музыкальной школе, хотя и не получала уроков по специальности. Но на теорию музыки я ходила в рабочий клуб, который помещался в каменном двухэтажном доме на улице Карла Маркса. Этот дом цел и стоит до сих пор. Один раз на меня налетела ватага мальчишек на коньках, они окружили меня, закричали. Это было на углу улиц Карла Маркса и Цвиллинга. Я со всего маху треснула одного мальчишку по башке кулаком, в котором был зажат карандаш. Мальчишки удрали.

На теории я заметила одну маленькую девочку с длинными косами. Это была изящная прелестная крошка, бойкая, острая на язык. Все кругом ее обожали, она была цен-

тром внимания. Только и слышалось: «Трудя, Трудя!» Это была Гертруда Пиньковская. В то время мы с ней не были знакомы, познакомились значительно позже. Работали вместе в кино Дома обороны, после встречались в музыкальном училище. Гертруда работала во многих местах, в том числе в кинотеатре имени Пушкина. Она объявляла программу оркестра и была там пианисткой. Теперешняя пианистка этого оркестра Мария Калинина — преемница Труды и по заведенному Трудой обычаю тоже сама объявляет программу. Гертруде в жизни не повезло. После смерти сестры Лены Труды воспитывала ее сына, но вскоре и сама умерла.

На теорию ходила также и Вера Белоус, но мы с ней не были знакомы и не разговаривали. Вскоре я бросила ходить на теорию, потому что меня отдали учиться к Анне Григорьевне, а она в музыкальной школе сначала не состояла. Вступила со всем своим классом значительно позже.

Мамочка повела меня к Анне Григорьевне. Она жила на улице Свободы в двухэтажном доме, недалеко от улицы Труды. Анна Григорьевна вместе со своим мужем Александром Евсеевичем Малкиным занимала две комнаты в нижнем этаже дома. Впоследствии одну из комнат Анна Григорьевна отдала своей сестре Александре Григорьевне. Там поставили пианино, и Александра Григорьевна проводила там уроки. Остальную часть дома занимали «хозяева», какие-то другие люди.

Вход к Анне Григорьевне шел через парадное. Мы пришли. Анна Григорьевна попросила меня что-то сыграть. Я села за ее прекрасный рояль, стоявший возле окон, клавиатурой к окнам, хвостом к дверям, что-то начала играть и заревела. Это была моя защита от нежелания учиться — такие обильные дождевые слезы, фонтан слез. Как я опозорила мамочку! Она сидела как на иголках. Сколько хлопот я причинила доброй Анне Григорьевне, которая суежилась возле меня, как кукушка, успокаивая меня. Фонтан не помог — дело было решено. Анна Григорьевна взяла меня в ученицы, и я стала ходить к ней на уроки. За меня платили не только

деньгами, но и продуктами, например мукой. Об этом я узнала совсем недавно, прочитав сохранившееся письмо Александра Евсеевича.

У Анны Григорьевны был большой класс, она считалась лучшим педагогом в Челябинске. У нее занимались Плонский, Гинц (особенно любимый ею), Маня Шихова, талантливая девчонка Рахилька Певзнер, аристократка Нюра Найман (дом Наймана на углу улиц Воровского и Сони Кривой совсем недавно снесли). Несколько позже стали заниматься сестры Дикштейн, училась у нее и Зоя Рощупкина, училась и Гейнова (ныне заведующая горздравом) и многие другие.

Анна Григорьевна была очень мягкая, обходительная, учеников своих любила. Любила и меня. Дарила мне ноты, подбирала красивые пьесы. Постановки рук у нее не было никакой. Очень ценно в ее преподавании было то, что на каждом уроке мы играли с листа ансамбли — различную классику. Квартеты Бетховена, симфонии Моцарта и Гайдна, «Прециозу» Вебера и многое другое. Благодаря этому у меня развилась хорошая читка с листа. Вторая заслуга Анны Григорьевны в том, что я полюбила музыку и твердо решила избрать ее своей специальностью.

Тиф

Однако вскоре мне пришлось прервать занятия музыкой — мамочка заболела тифом. Я боялась, что она умрет, и молилась богу, чтобы он сохранил нам ее. Чтобы никто не видел, как я молюсь, я скрывалась в заброшенной уборной. Я сказала Анне Григорьевне, что моя мама заболела тифом. Анна Григорьевна ласково попросила меня пока к ней не ходить. «Я-то ничего, — сказала она, — но дети ко мне ходят». Я пошла домой и горевала. Даже бормотала что-то вслух. Мне не было обидно на слова Анны Григорьевны, но было

жаль, что я не буду ходить к ней на уроки. Так за короткое время добрая старушка, обходительная и приветливая, всегда радостно встречавшая меня, сумела поселить в моем сердце большую любовь к музыке и желание заниматься. С тех пор я всегда занималась сама, в занятиях преуспевала и была одной из лучших учениц того времени в нашем городе.

А мамочка болела очень сильно. Был у нее ужасный бред. Она требовала, чтобы мы записывали ее слова, потому что она должна сообщить что-то очень важное и значительное. Володя стоял на пороге комнаты с блокнотом в руках и карандашом, готовый записывать ее слова. Долго, настойчиво, красноречиво говорила в бреду больная, но так и не сказала ничего существенного. Нечего было сказать... Наконец появился проблеск в сознании. Она поняла, что сказать ей, в сущности, нечего. Бред прекратился.

Тиф кончился

Мамочка выздоровела. Стриженные волосы ее вились. Ей все время хотелось есть, и она не могла дождаться, когда бабушка даст ей что-нибудь покушать. Люди, живущие на кухне, ели лебеду. Мы лебеду не ели, но хлеба в доме было мало-вато, и помню, что бабушка сердилась, когда мы после обеда пили чай с хлебом. Она говорила, что раз обедали с хлебом, значит, чай можно попить и без хлеба, с сахаринном.

Зоя жила лучше нас. В школу она приносила белый хлеб, чего не было у нас. Мы с Зоей крепко дружили. Я была у них на елке. Елка стояла у них в гостиной, была большая, красиво убранная. У нас как будто бы тоже была елка, но бедная. Игрушек не было. Сами клеили бумажные цепи и золотили орехи. Мамочка пекла фигурные медовые пряники. Володя рисовал на картоне разных зверей — слонов, лошадей, верблюдов. Это была форма для пряников. Пряники вешали

на елку. Они были необыкновенно вкусные. Но это, видимо, делали потом, не в 1921 году. Тогда-то елка была далеко не шикарная.

Дни потекли своим чередом. Я ходила в школу, снова возобновила уроки с Анной Григорьевной. Она задала мне пьеску, модную в то время — «Zu Hause» (Дома) Лихнера. Играла я и другие пьесы.

Часто поглядывая в окно, я видела во дворе двух малышей, одинакового роста и одинаково одетых. Это были младшие Гершковичи, сыновья Исаака и Баси. Я знала их имена — Ленка и Гришка. У нас в доме была домовая книга, я ее читала. Они числились в этой книге. Имена их были Лейб (двенадцати лет) и Герш (одиннадцати лет). Лиц их я не различала, была уже сильно близорукой. Впрочем, вскоре у меня появились очки. Анна Григорьевна так же, как и Калипко, сразу заметила мою близорукость, и Александр Евсевич написал папе письмо о том, что мне нужны очки. Они появились, я стала надевать их, когда играла, а вообще не носила их — стеснялась. Ничего не видела, мучилась, но не надевала. «Очкариков» в то время было совсем мало. Для того чтобы мне видеть хорошо в кино, папа подобрал мне стеклышко из своего ящика с оптическими стеклами. В это стеклышко я смотрела кинофильмы, вызывая иногда любопытство соседей по стульям. Как-то в кинотеатре «Спартак», который помещался в здании теперешнего кинотеатра «Октябрь», я встретила братьев Гершковичей, но опять-таки не разглядела их.

Проходила зима. Настал 1922 год. Нам удалось вызволить свое пианино, которое стояло в каком-то клубе. Подсвечники с него были сняты, модератор сломан. Чудесного «Беккера» вернули Моргулису.

Прошла зима, и вот настала весна 1922 года, чудесная, памятная мне весна. Это на всю жизнь осталось одним из самых лучших воспоминаний всей моей жизни.

Весна 1922 года

Весна 1922 года! Прекрасная весна! Кончился голод, кончились страшные тифы. Жить людям стало легче.

Разгрузилась квартира на Мастерской, 23. Выехали люди из кухни, освободилась маленькая комната с окнами на восток. Комната досталась нам, и папа оборудовал в ней свой кабинет. Снова смог начать прием больных. В определенные часы открывалась парадная дверь, и больные валили валом. Мы познакомились с семьей Ганиных, занимавших одну из комнат. Сам Ганин был церковным регентом. Жена его, Лидия Васильевна, только что оправилась от тифа. У них было трое детей. Старшая Ира, немного младше меня, затем два мальчика — Муня (Миша) и Лёля (Алёша). Я подружилась с Ирой.

По-прежнему тесная дружба связывала меня с Ниночкой. Козловы жили неподалеку, на Советской улице, в сером доме с мезонином. Чтобы попасть к ним, нужно было постучать в окно, которое находилось довольно высоко от земли, и я всегда брала с собой палку, когда шла к ним.

В мезонине жил один человек по фамилии Дурылин. Впоследствии он стал известным писателем и ученым.

Ниночка, в свою очередь, часто приходила к нам. Мы играли у нас на парадном. На нас стал поглядывать издали Ленька Гершкович и побрасывать в нас камешками и другими предметами вроде комочков грязи. Мы его побаивались. Он был косолапый и веснушчатый, с зелеными глазами.

Говельщицы

В этом году мы с Ниночкой впервые говели и вместе ходили в собор. Служил там священник Холмогорцев. Служил проникновенно, был большим артистом и мастером своего

дела. Теперь сказали бы, что он гипнотизирует прихожан. Ничего я тогда не понимала в церковной службе. Вот теперь я с удовольствием побывала бы в церкви и поддалась бы этому гипнозу. Чтоб полились благодатные слезы и очистилась душа. Чтоб, хоть ненадолго, и боль, и грусть покинули меня. Чтоб какое-то утешение в горькой жизни хоть на короткое время развеяло вечную тяжесть и муку.

Мы с Ниночкой пришли на исповедь, боялись, не знали, о чем говорить, в чем заключаются наши грехи. Но нас и не спросили. Покрыли епитрахилью, и грехи были прощены. После исповеди до причастия, которое должно было быть на другой день, ничего нельзя есть, но папа не мог допустить, чтобы его дочка осталась голодной. Он разыскал какую-то книгу, прочитал какую-то молитву, и я спокойно поужинала.

К Пасхе мне сшили обнову — голубое яркое платье, и я бегала в нем во дворе. А под платьем были надеты «аровские» полосатые панталоны с тесемками.

Женя Дюкина

Шла весна. Я часто сиживала у окна с моими книгами и тетрадами. Учила географию, историю — великолепная память позволяла мне быстро почти дословно запоминать текст, и я на уроках весь его выкладывала. В школе меня считали зубрилой, но это было не так. Из своих книг прочла всего Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Знала на память много стихотворений и эпиграмм Пушкина, весь «Маскарад» Лермонтова, много басен Крылова.

Я сидела у окна, а во дворе под окном частенько останавливалась Женя Дюкина, и не одна, а с Гришей, и звала меня: «Идемте с нами!» Вскочить бы да побежать во двор к ним, но как же! Дикая и глупая девчонка, я делала вид, что не слышу, и Женя с Гришей уходили прочь. Часто я наблюдала за тем,

как Женя подходит к крыльцу Гершковичей. Гриша выходит с каким-то свертком, и они вместе куда-то идут. Мне было невдомек, что ходили они на урок к Калипко, потому что оба учились музыке.

Дюкины жили в одном доме с Гершковичами, за стеной. Вход к ним был с улицы, с парадного. Дюкина-отца звали Африкан Саввич. Стало быть, Женя была Евгения Африкановна. Был еще Женин брат — Севка. На него иногда нападали какие-то припадки сумасшествия, и он бегал по двору, а за ним гонялась стая маленьких ребятишек. Но Женя не была сумасшедшей. Красивая рыжеватая девочка, простая, умная, прекрасно умела себя держать, всегда веселая, ровная. Такова была моя соперница Женя Дюкина.

О том, что Женя учится музыке, я знала потому, что инструмента у них не было, и Женя занималась у нас. Но играла она еще еле-еле, только начала учиться. За то, что Женя занимается у нас, они платили нам молоком. По-видимому, у них была корова. Странно было только то, что мы с Женей не были знакомы, и я никак не шла на сближение с ней, когда она приглашала меня выйти во двор и познакомиться.

«Вся жизнь потекла по весенним законам»

Помню это так ясно, как будто это было вчера. Я сидела у окна и читала книгу. Окно было закрыто. Вдруг я услышала звуки музыки. Кто-то играл на фортепиано быстро, бойко, чисто. Мелодия была чарующая, легкая, игривая, как брызги воды в фонтане.

Что это была за музыка, кто играл? Я долго слушала в недоумении, потом открыла окно и спросила Иру Ганину, которая прыгала там внизу, во дворе, играла в классы: «Ира, кто это играет?» «Это играет Гриша», — ответила Ира. «А разве у них есть пианино?» — спросила я. «У них рояль, они недавно купили», — был ответ.

Так вот кто это играл, и какую очаровательную пьесу! Недаром Гриша ходил куда-то с нотами. Он учился музыке! Я подошла к своему пианино. Оно стояло у окна. Когда я садилась за инструмент, я задерживала занавески. Боялась, что увидят со двора, что я играла в очках. Потом я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Да, я уже большая, не пора ли мне влюбиться в кого-нибудь? Но в кого? В Гришу? Или в Володю Новикова? Но, поразмыслив, решила, что в Володю не стоит, вижу его редко, а вот в Гришу?.. Да, в него. Вот он кончил играть свою искристую пьесу и вышел на улицу. Стоит на своем крыльце и поглядывает на наши окна. А лица его я ведь не вижу, не знаю, какой он. Но уж, наверное, не такой, как Лёнька? Как бы увидеть поближе Гришу, рассмотреть его получше? И я потихоньку вытаскиваю из бабушкиного комода ее бинокль и, прячась за занавесками или в щели балкона, потихоньку наблюдаю за мальчишками, играющими во дворе в шаровки и в чухи. Но все равно разглядеть как следует не могу, да и домашние могут увидеть, что я бабушкин бинокль ворую.

Но вот вскоре мне представился случай увидеть Гришу совсем близко. После весеннего дождика (только не знаю, в четверг ли это было) я вышла во двор, попрыгала по начерченным кем-то «классам» и, выйдя за ворота, остановилась там и прислонилась к калитке. А Гриша как раз пробежал мимо. Бежал с улицы во двор и, пробегая, приостановился и взглянул на меня. Тут же его и след простыл, а я просто остолбенела от изумления и прошептала: «Какая красота!» Да, Гриша совсем не походил на Лёньку. Он был выше него ростом, стройный, с красивым смуглым и румяным лицом, черноволосый. Скромный, но держался с достоинством, хорошо говорил, был даже немного гордым. Такой был «мой» Гриша.

Мы познакомились

Я вышла во двор через кухонный ход и стояла возле крыльца. А они там играли в прятки под сараем. Лёнька все время галил — никого не мог застукать. Увидев меня, он начал добродушной смешной мимикой спрашивать меня, куда убежали ребята. Мне было смешно, и я стала показывать ему не в ту сторону. Вдруг выбежала целая гурьба, и подбежала ко мне. Тут были Гриша и неизменная Женя, брат Жени сумасшедший Севка, ребята Ганины, Костя Пятак, Тамарка Булатова. И еще разная мелочь. Вот тут-то мы и познакомились и с тех пор каждый вечер выходили во двор и играли в разные игры: в краски, в телефоны, в золотые ворота, в кандалы.

Но самая интересная и таинственная игра была в «бродячие соседи». Игра заключалась в том, что все играющие разбивались на пары и ходили друг с другом под руку. Вот в этом-то и заключалась вся соль игры. Было страшно, если тебя вдруг возьмет под руку мальчишка. Каждая пара выбирала себе какие-нибудь названия, например «роза» и «лилия» или что-нибудь другое. Затем подходили к другой паре и спрашивали их: «Вы свободны?» Если им отвечали, что свободны, то они предлагали выбирать, кому розу, а кому лилию. Выбравший «розу» шел с «розой», а выбравший «лилию» — с «лилией». Если же пара не хотела расставаться, то отвечали: «Заняты».

«Бродячие соседи»

Как-то так стало получаться, что мы с Гришей подолгу не отвечали подходившим к нам парам, что мы «свободны». Наоборот, отвечали всем: «Заняты». И все со смешками отходили от нас. Нет, мы под руку не ходили, боже упаси!

Гриша тянул меня за рукав и отводил в сторонку. Там у нас начинались какие-то длинные, нескончаемые разговоры. Но о музыке почему-то — никогда! Как раз та область, о чем можно было поговорить. Хотя бы мне узнать, что за пьесу он играет, ведь я долгое время не знала, что он играл итальянскую польку Рахманинова. Но нет, я не спрашивала, и мы не делились друг с другом музыкальными впечатлениями. Мы стояли и говорили о чем-то другом, а другие играющие в это время без конца менялись, выбирая себе «розы», «лилии» и прочее. Вскоре нас с Гришей начали поддразнивать, называть «женихом» и «невестой». Колька Пятак, сидя на своем крыльце, «венчал» нас, крестя в воздухе мелкими крестами. Гриша вел себя с достоинством, а Лёнька начал сильно приставать ко мне: лез, толкался, заглядывал в глаза. Я его ненавидела, отпихивала, называла «косолапая нога», но он не унимался.

Однажды я качалась на качелях в садике возле дома с мезонином, Лёнька лез ко мне. Гриша заступился за меня, отругал его, отпихнул, а свое заступничество объяснил так: «Когда он хулиганит, мне достается от мамы, если я его не останавливаю».

Так шли дела у нас во дворе.

Лето 1922 года

С этого года мы каждое лето стали ездить на отдых куда-нибудь в деревню. В 1922 году, как мне помнится, мы ездили в Каштак, но как будто ненадолго. В Каштаке у Козловых были какие-то знакомые, и мы, по-моему, были там вместе с Козловыми. Я уже тогда не любила деревню, мне больше нравилось жить летом в городе. Манили подруги, игры во дворе, а несколько позже и кино. И вот, как будто бы, пожив немного в Каштаке, где я в основном занималась запойным

чением, я вернулась в город. Был жаркий ясный день. Я зашла в дом и прежде всего стала искать кота Базёшку, но его нигде не было. Я спустилась во двор и пошла в огород. Там все зеленело и цвело. В траве стрекотали кузнечики. Щедрое солнце заливало все дышащее под его пристальным взглядом. Я тихо позвала: «Базёшечка!» И откуда-то с грядки, из-под огуречной и арбузной зелени, вышел мой пушистый красавец и подошел ко мне. Он тоже «выехал на дачу» и отдыхал в тени на грядках...

Лето вступило в свои права. Были каникулы. Жизнь была интересна. Но еще интереснее жили люди за высоким серым дощатым забором. Этот забор отделял владения Гершковичей от владений Тройбов. Там, за забором, был двор Раи Тройб. Пробравшись между зарослей гершковичевских подсолнухов, я прикинула к щели в заборе и стала смотреть. Рая с большой компанией играла в крокет.

Рая Тройб

Рая жила через дом от меня — по Мастерской, 27. Этот дом, большой, прочный, с подвальным этажом, принадлежал ее матери Софье Ефимовне Тройб. Об этом гласила надпись на табличке, прибитой к фасаду. Этот дом действительно принадлежал Софье Ефимовне, он не был отобран горкомхозом. Софья Ефимовна была вдова, у нее были два сына и дочь. Старший сын Сёма — уже молодой человек. Он учился в Свердловске, дома жил мало. В свои приезды в Челябинск принимал участие в наших разговорах, был общительным, веселым. Впоследствии Сёма жил в Свердловске, был женат на русской девушке Наташе, у них родился сын. Рая жила у него. Второй сын Фика (Ефим) был в противоположность Сёме неразговорчивый и угрюмый. Теперь он живет в Свердловске, его адрес сообщил мне Герман Варфоломеев. Можно написать Ефиму и узнать у него о Рае: где она и что с ней. Рая была ду-

шой всего дома. Все ее любили, ласкали. Называли всегда Раечкой. А чужие девчонки за глаза звали «Раечка Тройбочка».

Я часто встречала Раю на улице, но мы не были с ней знакомы. Познакомились значительно позже, и много лет после того она была моей самой закадычной подругой, которой я могла сколько угодно открывать свою душу. Мы с Раей никогда не ссорились. Поссорились только один раз, но вскоре нас с ней помирили девчонки.

Раю мне трудно описать и охарактеризовать.

Характеристика подруги

Рае жилось хорошо, и она ходила по свету легким шагом. Все думаю: как же можно охарактеризовать свою подругу? Думаю, только с положительной стороны. Она была миниатюрная, со светлыми редкими волосами, большими карими глазами. Пухлые и всегда немного растрескавшиеся губы были слегка приоткрыты, и из-за них выглядывали крупные желтые зубы. Это ее сильно портило, и недруги девчонки, которые у нее все-таки были, за глаза называли ее «крысой». Мне вообще казалось, да и теперь кажется, что Рая была некрасивой, что кроме выразительных «библейских» глаз у нее ничего не было, но ведь она имела колоссальный успех сначала у мальчишек, а потом и у мужчин. Стало быть, было в ней что-то, что нравилось им. Была ли она гордой, заносчивой? Нет! Всегда — проста. Была ли завистливой, интриганкой? Нет! Никому не завидовала и не вила интриг. Подавляла ли она меня, командовала ли мной? Нет! Мы всегда были с ней на равных. Отбивала ли поклонников у других девчонок? Пожалуй, один раз такое было, вернее, попытка, довольно неудачная, в которой Рая потерпела фиаско. Но это было не со мной. Была ли она жадной? Нет! Никогда. Готова была делиться всем, что у нее есть. Так что со всех сторон выходило, что Рая — самый положительный человек. Но, пожалуй, искренних друзей, кроме меня, у нее не было.

Люба Кривых высмеивает мои шляпы

И вот я смотрела в щель забора и завидовала Рае. Как весело ей живется! Как свободно чувствует она себя в этой компании!

Играют в крокет. Тут были братья Александровы, Люба Кривых со своим братом Гришей, Вера Белоус, Надя Грязновских, еще одна девчонка по фамилии Шапошникова. Впоследствии, когда я спрашивала Раю обо всей этой компании, она мне рассказала, что поссорилась с Любой Кривых и больше с ней не дружит. Рассказывала о том, что Люба подсмеивалась и надо мной, говоря, что я ношу смешные шляпы, а Рая меня защищала, говоря, что я ношу панамки. Но что из этого? Я знала, о какой шляпе шла речь. Мне в 1922 году сшили из бархата шляпу с большим бантом сзади и блестящей бабочкой из бисера спереди. Ниночка, для которой я была эталоном моды, тоже требовала себе такую же шляпу, и ей сшили из малинового бархата точно такую же, а у меня была черная. Вот, видимо, эту шляпу Люба Кривых имела в виду, когда высмеивала меня из-за странных шляп.

Познакомившись впоследствии с Любой и узнав ее гордый и непреклонный характер, я могу понять, что она могла навсегда поссориться с Раей без возможности примирения. Рая высмеивала Любу, называла ее «крысой Кинбурсук», а всех ее окружающих — «бурсуками» и «бузуками», то есть «крысами». Сама же Люба была «главная крыса». Где-то мы с Раей вычитали стихотворение: «Раз один лохматый пес по прозванию Барбос праздновал рождение. Пригласил к себе гостей, натаскал для них костей в виде угощения». Рая перефразировала это стихотворение, главным действующим лицом в котором была Люба Кинбурсук. «Гости» были: Кинбурсук, Шапка, Верка — все бузуки, лягушонок со свитой (Шапка — Шапошникова, Верка — Вера Белоус, лягушонок — Лёнька Гершкович). «Все мужчины в сюртуках, дамы в шляпках, в кушаках, словом, все по моде. Порасселись чинно

в ряд, о делишках говорят, дамы — о погоде». Эти строчки также были перефразированы Раей.

Но это было много позже, а пока мы с ней были не знакомы, и я только в щель в заборе могла наблюдать за «светской» жизнью.

Спектакли

Еще ранней весной мы с Ирой Ганиной начали ставить спектакли. Это были небольшие пьески, которые я находила в библиотечных книгах. Я была режиссером и главной актрисой. Братья Иры тоже входили в артистическую труппу. Спектакли мы разыгрывали на балконе, единственным зрителем была Ниночка. Помню, что одна из пьес называлась «Волшебный фонарь». Но потом, летом, когда я уже стала полноправным членом двора, мы решили поставить спектакль уже с Женей Дюкиной и не на балконе, а в каретнике. Пьеса заключалась в том, что две девочки — Соня и Клавдюша — решают разыграть из себя взрослых дам и наряжаются во взрослых.

Влюбленные мальчишки

Да, все дворовые мальчишки были влюблены в меня. Даже сумасшедший Сева. В один из своих припадков он носился по двору, сопровождаемый стайкой маленьких мальчишек. Я появилась во дворе. Ребятишки закричали: «Вон твоя невеста!» И Сева со всех ног ринулся ко мне, так что мне пришлось спешно уносить ноги.

Любовь Лёньки выражалась в следующем: он лез ко мне, толкался, а иногда задавал каверзные вопросы. Например, что нужно говорить о человеке, который умер: сказать ли прежде всего о его общественной деятельности или о его ду-

шевных качествах? И так далее. Так Лёнька проверял мой интеллект и достигал цели, пытаясь меня уесть. Я не могла ответить на его философские вопросы, не умела говорить и выразить гладко свои мысли.

Был влюблен и Колька Пятак и даже показывал меня своим приятелям-хулиганам. Однажды я сидела за воротами, хулиганы шли мимо и спросили Кольку: «Кто это?» Он кивнул головой. Это было тем более удивительно, что у него была какая-то возлюбленная по имени Натка, и он о ней даже сочинял какие-то стихи. Надо сказать, что в те годы я была высокой, выше всех во дворе. Выше Лёньки, даже чуть выше Гриши, одного роста с Зоей, а Клania была меньше нас. Удивительно, что я больше не выросла и осталась такой маленькой.

Бежит лето

Бежало лето, жаркое, чудесное. Иногда по утрам бабушка ходила на базар и брала с собой меня.

Мы шли по улице Мастерской и выходили на Спартака. А базар — вот он, раскинулся привольно на широкой площади. Сколько возов — не проберешься между ними. Подходи к любому и покупай молоко, творог, сметану, варенец, овощи и прочие продукты крестьянского труда. Но не тут-то было! Прежде чем что-нибудь купить, бабушка обходила все возы, смотрела, спрашивала цену. А я тащилась сзади и недоумевала, почему она не покупает с первого попавшегося воза. Обратно я несла в руках четверть с молоком, боясь, как бы не споткнуться и где-нибудь не разбить стеклянную бутылку.

Вернулись домой. Во дворе мальчишки играют в «чухи». Ловко бросают палки, сшибая замысловатые построения из чурок. Куда деваться? Не пойти ли к Ниночке? А вот и она сама идет. Забираемся на балкон, вытаскиваем свои ящики

с разной мелкой рухлядью, и начинается знаменитая игра в «дрг».

Мы построили «дома» своим «людям» — катушкам от ниток, разместили в «комнатах» «мебель». И пошла, завертелась жизнь деревянных людишек. Мы так увлеклись игрой, так громко кричали, что Лёнька несколько раз в виде предупреждения бросал камешком в сторону балкона, так что наши «чёлки» зазвенели. А однажды и Гриша бросил комочком угля и попал мне в лоб. Вот поревела-то я вволюшку. Не от боли, конечно, а от обиды, что сделал это именно Гриша. А папа вообще воспринял это событие чуть ли не трагически. Как же — я пострадала от еврея! Он вышел выяснять, как дело было. Гриша никуда не убежал и не отпирался. Сказал, что это он попал. Но вскоре маленькое происшествие забылось, и все пошло своим чередом.

У нас с Ниночкой был свой язык. Лошадь называлась «шлок», ворота — «конюшня», двор — «привидение». Если мы говорили: «Пойдем в конюшню», — значит, приглашали пойти за ворота. «Пойдем на привидение» — «Пойдем во двор». Называли мы друг друга тоже особыми именами. Она меня — Архен, а я ее — Нинхен. Но самое интересное слово в нашем языке было «чивряк», что означало «нарочно». Можно было сколько угодно врать ребятам, но стоило сказать «чивряк», и мы с Ниночкой понимали, что это вранье.

«Кирпичики»

Но вот пришло лето красное, и окончились наши игры во дворе. Первого сентября в наш двор вошли Зоя и Клania — пришли за мной, чтобы идти в школу. Учились мы по-прежнему в группе, но теперь уже проходили программу за четвертый класс. Гриша учился в центральной школе в шестом классе. Все лето мы с ним соревновались в музыкальных за-

нятиях. Я много играла: и «Zu Hause», и романс Чайковского, этюды Бургмюллера «Velocité» и «Гроза». Бралась даже за такие вещи, как «Патриотическая соната» Бетховена. Были у меня и модная в то время пьеса «Молитва девы» Теклы Бадаржевской, и вальс Присовского «Раненый орел», и многое другое. Гриша в свою очередь бил меня своей итальянской полькой, пьесой Лихнера «Conte» («Сказка»). И еще он играл прелестный, немного примитивный, но тонкий и необыкновенно изящный вальс. Я знала, что он называется «Две собачки». Каково же было мое изумление, когда Зоя вдруг показала мне ноты, на которых была картинка — две маленькие собачки, — и сказала, что это Гришка дал ей поиграть. Вот это ловко! Уже успела как-то выманить у Гриши ноты и каким-то образом была с ним знакома. А я, близкая соседка и соребновальщица по музыке, даже и не подумала устроить такое. Не знаю, вернула ли Зоя Грише эти ноты, но спустя несколько лет случилось непостижимое чудо. На мотив вальса «Две собаки» запели песню, шлягер того времени — «Кирпичики». Песню эту пели всюду — на улице, в школах, в клубах, на вечеринках, играли на фортепиано, пиликали на гармошках. Сочиняли на этот мотив разные тексты. Пелось так:

На окраине где-то города
Я в убогой (в рабочей) семье родилась,
Лет шестнадцати (пятнадцати, семнадцати), горемыч-
ная (горе мыкая),
На кирпичный завод нанялась.
Время первое было трудно мне,
Но потом, проработавши с год,
За веселый шум, за кирпичики
Полюбила я этот завод.
На заводе том Сеньку встретила.
Лишь, бывало, услышу гудок,
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, накинув платок.

Часто с Сенькою мы встречаемся,
Где кирпич образует проход,
Вот за Сеньку-то, за кирпичики
Полюбила я этот завод.
Вот пришла война буржуазная,
Озверел, обозлился народ.
И по винтику, по кирпичику
Растащили кирпичный завод.
После Смольного, счастья вольного,
Отдохнула рабочая грудь.
Порешили мы вместе с Сенькою
На наш прежний (на кирпичный) завод заглянуть.

Дальше пелось о том, как героиня песни вместе с Сенькой «по винтику, по кирпичику» построили новый завод. И на этом новом заводе «стал заведующим, управляющим на заводе товарищ Семен».

Сочиняли и другие тексты, например, девчонки в школе пели:

Как в Челябинске, в центре города
Я в большой семье родилась,
Лет пятнадцати я, счастливая,
В семилетку учиться пошла.

Был поставлен фильм «Кирпичики», где роль Сеньки исполнял артист Петр Бакшеев, а роль героини, названной в фильме Марусей, — артистка Вера Попова. В аннотации к фильму говорилось о песне «Кирпичики». «Пущенная с легкой руки гармониста Макарова, пошла она гулять по необъятной эссерии».

Я часто думала: как же так? На мотив такого совсем неизвестного вальса вдруг появилась песня, которая буквально заполонила всю страну, «пущенная гармонистом Макаровым»? Быть может, он сочинил точно такой же мотив,

как в нотах, где на обложке нарисованы две собачки? Ведь даже когда я жила в Ленинграде в 1930 году, с пятого этажа тети-Асиной квартиры я слышала, как внизу, во дворе поют эту песню. Потом ее забыли, и никто никогда о ней не вспоминал. И вдруг, много лет спустя, загадка разрешилась. Несколько лет тому назад по телевидению была передача: «Музыка в театральных постановках». В ней участвовали артисты, режиссеры, композиторы. Была Наталия Сац, игравшая польку из «Синей птицы», сочиненную ее отцом. Был Тихон Хренников, игравший свою музыку к «Много шума из ничего». И кто-то, не помню, кто, рассказал историю появления «Кирпичиков». Один московский театр ставил какую-то пьесу — кажется, Островского, — и для лейтмотива героини пьесы нужно было подобрать музыку наивную, даже немного примитивную, но не лишенную изящества и обаяния. И вот наткнулись на этот веселый вальс «Две собачки», и мотив этот вышел за пределы театра и пошел гулять по городам и весям. Сочинили текст, и так родились знаменитые «Кирпичики» на мотив вальса, который часто играл Гриша.

Анна Александровна

Я пошла на урок к Анне Григорьевне и узнала новость. Анна Григорьевна мне сказала: «Вы знаете, Асенька, Гриша Гершкович в восторге от вашей игры! Его мама приходила ко мне и просила, чтобы я его взяла к себе, но у меня много учеников, и я его взять не могу. Но скоро приедет моя сестра, и она его возьмет». Я восприняла эту новость тупо, а Зоя меня легонько ущипнула. Она объяснила желание Гриши: «Ты знаешь, Гришка-то тебе завидует!» Вскоре приехала сестра Анны Григорьевны — Александра Григорьевна Криммер, и Гриша стал у нее заниматься. Александра Григорьевна занималась во второй комнате, там поставили пианино.

У Александры Григорьевны тоже было много учеников. Она, по-видимому, была неплохим педагогом. Не такая слащавая, как Анна Григорьевна, более сдержанная и серьезная, она тем не менее была прекрасным, умным, культурным человеком.

Потекли осенние дни. Я ходила в школу и на уроки музыки. А вскоре прибавилось мне еще одно хождение. Меня отдали к Анне Александровне Крутиковой изучать французский и немецкий языки. Анна Александровна была вдовой. У нее были две дочери — Юлия Владимировна и Евгения Владимировна. Анна Александровна преподавала в школах немецкий язык (французский был тогда не в чести). Юлия Владимировна тоже работала учительницей, а Евгения у них была слабоумной. В начале двадцатых годов в доме, который стоял на месте теперешнего оперного театра, рядом с нынешней музыкальной школой № 7, жил брат моей бабушки Константин Федотович Соловьев. Как бывшего «капиталиста» — владельца мельницы — его, видимо, беспокоили, и он некоторое время находился в ГПУ на улице Васенко. Но потом его освободили, и он, больной, разбитый параличом, лежал в этом доме на Соборной площади. За ним ухаживала какая-то близкая ему женщина по имени Надежда. Маруся в это время жила со своим Смирновым и двумя маленькими дочерьми Тamarой и Шурой в доме на углу улиц Елькина и Коммуны. У Константина Федотовича был еще сын Миша. Он устроился матросом на какое-то судно и потерялся. О нем больше никогда не было ни слуху ни духу. Константин Федотович вскоре умер, Маруся с семьей уехала куда-то. Но в этот дом мне пришлось некоторое время походить, потому что теперь в нем жила Анна Александровна.

Сначала мы ходили к ней вместе с мамочкой. Чтобы заинтересовать меня, она тоже начала учиться французскому языку. В это время Анну Александровну постигло большое горе — умерла ее дочь Юля, ее опора и кормилица. Я помню, как ее хоронили. Несли в гробу по площади, где сейчас раз-

вернут цветник перед зданием оперного театра. После смерти Юли Анна Александровна переехала в маленькую избушку на улице Мастерской, где у нее были всего одна комната и кухня. В этот домик я ходила несколько лет подряд.

Анна Александровна усердно учила меня и французскому, и немецкому, но не достигала цели. Этих языков я не знаю. Мои уроки были, наверное, большой поддержкой для Анны Александровны. Кроме того, она просто по-человечески бескорыстно любила меня и с удовольствием со мной занималась. Жаль только, что ее усилия пропали даром. Анна Александровна от всей души дарила мне подарки. У нее было много старинных, особенных вещей. Так, она подарила мне красивый гобелен, несессер — красивую коробку с принадлежностями для вышивания, розовый шелк, из которого мне сшили потом платье, и я в нем запечатлена на одной из фотографий. Надо сказать, что эти подарки я совсем не ценила, как не ценила и любовь к себе Анны Александровны.

Когда, спустя несколько лет, мне надоело учить немецкую грамматику, я заявила родителям, что больше ходить в маленький домик не буду, и перестала посещать уроки. Мне позволили это. Для Анны Александровны это был большой удар. Она была уже больна, по-видимому, раком, всеми забыта и заброшена. И вот однажды папа вспомнил про Анну Александровну и послал меня к ней с тортом. Я пришла. Как она была на меня обижена! Не хотела даже разговаривать со мной и принимать торт. Как суетилась Женя, стараясь как-то смягчить суровый прием своей матери. Тут только до меня дошло, чем были эти уроки и мои посещения для бедной старухи.

Вскоре Анна Александровна умерла. У Жени нашлись где-то какие-то родственники, и она уехала к ним. Она написала мне письмо, я ей ответила, и у нас долгое время велась переписка. Женя писала письма детским ученическим почерком.

Мой обязательный хвост

Я иду на урок к Анне Александровне или к Анне Григорьевне. В нескольких шагах позади меня идет Лёнька. И не один, а с большим рыжим псом Секретом, или Сёкой. Сёка все время громогласно, заливисто лает. Меня страшно раздражает этот лай и, дойдя до угла, я быстро поворачиваю. И со всех ног бегу. Пробежав некоторое расстояние, оглядываюсь и вижу снова позади себя своего преследователя. Остановиться бы, подождать, пока подойдет, и дать хорошенько по роже, но нет, терплю и покорно иду дальше. И снова по пятам преследователь со своей рыжей псиной.

Однажды я шла к Анне Григорьевне. Лёнька догнал меня, прижал к забору. Я сказала ему: «Не лезь, косолапая нога, куда ты прешься?» Он ответил: «Я иду за Гришу деньги платить». И плелся за мной до самого дома Анны Григорьевны, а потом мигом куда-то смылся — наврал все.

И так всегда. Стоило мне куда-нибудь пойти — на урок ли, в аптеку ли, про просьбе папы ли — мой чичероне был тут как тут и неизменно плелся шагах в десяти позади меня. Так уж было заведено, и ничего тут нельзя было поделать. Один раз он даже проводил меня в церковь и зашел туда. Мы ходили теперь в Александровскую церковь, собор, по-моему, был уже закрыт (и в 1930 году снесен). Когда я выходила из церкви, гаденыш дожидался меня, стоя в притворе как ни в чем не бывало, сияя своей веснушчатой мордой и любопытными глазами.

Однажды он даже проник в наш дом. Это было днем. Я играла на пианино, ничего не подозревая, а в дом пришла какая-то комиссия из комхоза. И гаденыш ухитрился пробраться вместе с ними и дошел до самой последней комнаты, где я находилась. Как я испугалась, что он увидел, что я играю в очках! Но нет, слава Богу, как-то не заметил.

А у них в доме мне тоже пришлось один раз побывать.

Это было в то время, когда мы затевали ставить спектакль «Борис Годунов». Гриша привел к себе всех артистов. Чтобы попасть к Гершковичам, нужно было подняться на их крылечко, потом шли сени, дальше дверь в небольшую прихожую, скорее, какие-то вторые сени. Налево была дверь в кухню, а прямо — дверь в комнату. Из комнаты направо была дверь в другую комнату. Там я не была и не знаю, сколько там еще было комнат, две или одна. Над дверью в эту комнату висели два каких-то портрета. Налево были окна, выходившие в садик, а возле окон стоял Гришин рояль, на котором он так чудесно играл. Я не поиграла на его рояле, не попробовала его. На рояле лежала скрипка Лёньки. Он тоже учился музыке у скрипача Шелковникова. Он уверял, что на скрипке учиться — не то, что на рояле, гораздо труднее. Однажды раздались какие-то странные звуки. Кто-то зудил упражнение из Ганона. Потом Лёнька вышел во двор и хвастал, что на рояле очень легко научиться играть: «Сел на полчаса, и первый “ганон” выучил». Это, оказывается, он играл.

Таков был мой поклонник — косолапая нога, лягушка, Бурдак!

Вечер у Анны Григорьевны

Настала зима. Прекратились надолго игры во дворе. Бася Моисеевна больше не выходила на крыльцо и не звала своих сыновей: «Лёне, Грише, заходите!» Гришу я совсем не видела. Ни разу не встретила его у Анны Григорьевны. Ничего не знала о нем.

Как вдруг этой зимой, наверное, на Рождество, Анна Григорьевна решила устроить вечер для своих и Александры Григорьевны учеников, и я получила приглашение. Будучи много лет спустя педагогом по музыке, я мечтала устроить точно такой же вечер для своих учеников — просто вечер, без обязательного для них концерта. Но эта моя мечта никогда

не осуществилась. На вечер я пришла в платье цвета «топ». Это нечто вроде цвета морской волны, но с преобладанием серого. Отделано платье было шелковым рюшем. Комната Анны Григорьевны была полна народа. Я ни с кем не была знакома. Кроме Зои тут был Гриша, но он не в счет. Мы с Зойкой сели у стены под окнами. Маленькие глазки Зои так и бегали, выискивая разные недостатки у гостей, чтобы обсмеять их. Подошел Александр Евсеевич и заметил, что я пришла в валенках. «Как же вы будете танцевать? — спросил он. — Я дам вам свои ботинки». Я страшно испугалась, что он действительно даст мне свои ботинки. И как я буду в них выглядеть? Но он пошутил, конечно. Александра Григорьевна села за рояль и заиграла вальс из «Фауста». Начались танцы. Мы с Зоей, конечно, не танцевали. И не из-за валенок. Просто не умели. Потом играли в «веревочку». Я в «веревочку» играть не любила: боялась, что меня хлопнут по рукам и мне придется ходить в кругу, а я никого не сумею хлопнуть. Потом были какие-то фанты. Рае досталось сыграть, и она, не чинясь, с победоносной улыбкой уселась за рояль и что-то играла. Фант достался и Грише. Его поставили на стул, и он оттуда декламировал стихотворение Некрасова «Плач детей»:

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них, вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

Я это стихотворение слышала впервые, и оно меня поразило.

Но вот всех пригласили к столу. Длинный стол был накрыт в другой половине дома, где жили «хозяева». Он ломился от пирогов и тортов. Мы сели рядом с Зоей, а по другую сторону Зои оказался Гриша. Подали чай, и вдруг Зойка выкинула номер, сильно возмущивший меня. Она вынула сере-

бряную ложку из горячего чая и приложила к руке Гриши. Гриша отдернул руку, но стерпел. Я, несмотря на свое возмущение, ничего не сказала Зое.

После чая снова перешли в комнату Анны Григорьевны. Чинное веселье продолжалось, как вдруг за мной явился папа. Я была в негодовании. Анна Григорьевна и Александр Евсеевич уговорили папу оставить меня до конца вечера, уверили его, что меня проводят. Но вот вечер кончился. Анна Григорьевна поручила Грише проводить барышень, живущих с ним в одном краю. Это были: я, Раечка Тройбочка и Таня Шульц.

Вышли на улицу и молча зашагали по снегу.

Таня Шульц была слишком горда, чтобы разговаривать со всякой мелочью вроде нас, Гриша болтливостью не отличался, хотя как кавалер должен был развлекать дам по дороге разговором. Но он молчал, как рыба, а с Раей мы были незнакомы. Так, в суровом молчании, чеканя по-солдатски шаг, добрались до нашего дома. Я юркнула в калитку и сказала: «До свидания!» Суровое молчание было мне ответом. Колонна деловито прошагала дальше, не замедлившись ни на секунду. Не знаю, как Гриша проводил прочих дам и как он трюхал потом до дому, проводив Таню Шульц. Мне бы пойти с ним, проводить всех, а потом с ним вдвоем вернуться к дому. Но нет, как можно?!

Вот на этом вечере, пожалуй, и закончился 1922 год. Первый год нэпа.

1923 год

Начиная с 1923 года я решила писать дневник. У меня не было никакой общей тетради, тогда их вообще не было, даже простой ученической не было. Пришлось сделать самодельную тетрадку из плохой линованной бумаги. Это и был мой

дневник. Чтобы домашние его не нашли и не прочитали, я прятала его в огороде в щели забора.

Первая запись была сделана 1 января 1923 года. Начинаясь она так: «Сегодня ничего не было, да и не будет, наверное, но зато вчера был поистине счастливый день. Во-первых, мы ездили за водой, и папа сказал, что эту воду — для катушки...» Теперь требуется кое-что объяснить. Дело в том, что у нас появилась лошадь Татарчонок. Не рысак какой-нибудь, не красавец вроде Полкана или Потока, а просто лошаденка. Но папа, видимо, приобрел его для того, чтобы ездить на нем на работу на вокзал. Вокзал все-таки был далеко, стоянка извозчиков тоже далеко, возле Народного дома, так что лошадь была ему очень нужна. Ухаживала за лошадью наша новая домработница — чумляцкая женщина Елена Колупаева. Она и теперь жива и живет в Чумляке. Несколько лет тому назад она приезжала к нам за справкой, и я ходила в курортное управление просить справку для нее. В 1923 году это была высокая здоровенная тетя, очень веселая, озорная. Любила в шутку говорить «по-татарски», то есть очень смешно коверкала слова. Мой брат очень полюбил Елену, играл с ней, называл ее Мишенькой. Когда мы жили у Пелагеи Михайловны, Елена вдруг загрустила, засобиравалась от нас уходить — собралась замуж. Это намерение она осуществила, но брак ее (уже второй) оказался неудачным, и она вскоре с мужем разошлась. Дочь ее Зоя живет с ней сейчас в Чумляке.

Итак, мы собрались с Леной за водой для катушки. Татарчонок был запряжен в дровни, на которых стоял короб, а в коробе — бочка для воды. Лена шла возле воза и держала вожжи. Я залезла в короб и стояла там. Ехали шажком. Вдруг навстречу нам — братья Гершковичи. Идут вдоль по улице, по мостовой. Они повернули назад и присоединились к нам. Лёнька сейчас же затеял с Леной веселую игру, возню, стал гоняться за ней, кидаться снежками, а Гриша залез в короб. Увлечшись игрой с Лёнькой, Лена выпустила вожжи, и Татарчонок, почуяв свободу, затрусил сразу рысцей. Я немного

растерялась, но Гриша быстро схватил вожжи и усмирил лошадь. Мы оказались рядом. Я была счастлива, и в то же время мне было стыдно, или, на нашем языке, «нно», потому что у меня сильно замерз нос и, наверное, был красным.

Съездили за водой, потом соорудили во дворе, там, где был вход в огород, большую гору и стали кататься. Я надела старое мамино пальто, которое называла капотом. Оно было мне до пят. Братя Гершковичи также катались с катушки. Помню, Гриша неподвижно стоял на вершине горы, а мы снизу кричали ему: «Монумент!»

Лена влюбляется в Гришу

Мы с Ниночкой продолжали играть в свою любимую игру «дрг», которую с каждым годом усовершенствовали. Теперь мы еще привлекли к участию в этой игре Лену Матвееву. Дело в том, что Ганины уехали совсем из Челябинска, в Казань. Мы заняли их комнату, хорошую, просторную, с двумя окнами на восток и одним, выходившим в огород — на юг. А в нашу комнату, которую мы освободили, поселили двух женщин-чекисток. Чекистки должны были следить за нами. Одна из них — Полина Степановна Матвеева — на долгие годы сделалась большим другом нашей семьи, другая впоследствии умерла. У нее был туберкулез.

У Полины Степановны был муж, молодой веселый дядька. А вскоре приехала к Полине Степановне из Елабуги племянница Лена Матвеева и поселилась у нее. Лена была немного моложе меня — худенькая черненькая девочка. Мы быстро познакомились с ней, подружились, рассказывали ей все свои секреты и привлекли к игре в «дрг». Игра велась у нас по определенному шаблону. Построив своим «людям» дома из коробочек неосальварсана со множеством закоулков, мы особенное внимание уделяли устройству и убранству «зала» — самой большой и лучшей комнатки в «доме». В семье

обязательно были дедушка и бабушка. Дедушка был мельник и все время находился на мельнице, поэтому мы низкую и толстую катушку, изображавшую дедушку, ставили в сторону и почти не пользовались ею. Отец и мать — высокие длинные катушки — тоже где-то служили и весь день были на службе. В доме оставались многочисленные дети под присмотром бабушки — тоже низенькой и толстой катушки. Вся соль игры сводилась к борьбе бабушки с детьми, которые во что бы то ни было старались проникнуть в зал, а бабушка их оттуда выгоняла и ругала. Бабушка говорила по-деревенски. Кроме того, в семье обязательно были квартиранты-евреи, и у них был мальчишка Абрашка, необыкновенный хитрец и пройдоха, который старался подучить детей, как перехитрить бабушку и проникнуть в зал. Среди детей обязательно были Гриша и Аня. Это были положительные персонажи. Гриша — спокойный, уравновешенный, разумный мальчик. Аня — умница и отличница. Был еще озорник Витька, друживший с Абрашкой и доставлявший массу хлопот бабушке.

Лена никак не могла научиться играть в «дрг», что очень возмущало Ниночку. Лена, раскрывши рот, изумленно наблюдала наши импровизации. Одно только Лена твердо усвоила: Гриша — это кумир, сверхчеловек, герой. И Ленка-паршивка влюбилась заранее в Гришу, еще не зная его и не видя. И любила его все время, пока жила в одном доме с нами.

Весна 1923 года

Прошла зима. Ранней весной я играла прелестную песенку — вальс-этиюд Годара. Пианино в этот период у нас стояло в бывшей комнате Ганиных. Володя приехал из совхоза Шмурло и жил у нас. У него был большой письменный стол. Володя рассказывал, что они там, в совхозе, сочиняли стишки друг про друга, например: «Предводитель всех стрелков —

это Ваня Чистяков». Я спросила, что сочинили о нем самом. Он помялся немного и сказал, что многое. Например, такое: «Предводитель конокрадов — то Владимир наш Евладов». Меня это удивило. Порывшись в его отсутствие в его бумагах, я нашла следующий стишок: «Кто любитель нежных взглядов — то Владимир наш Евладов». Так вот кто он был, а не предводитель конокрадов! Открыла его секрет!

Кончился учебный год, и мы — группа — закончили у Марьи Николаевны четвертый класс. Осенью она должна была передать нас во вторую ступень в центральную школу. Чтобы удобнее было сделать это, нас перевели в общий класс, где учились все четвероклассники. Я никого из них не помню, кроме одной бойкой девчонки — дочери парикмахера Дарки Эвниной.

Отъезд на Горькое

Снова настало прекрасное жаркое лето, и возобновились дворовые игры. С каким упоением играла Лена, влюбленная в Гришу! А у меня появился новый поклонник. В доме с мезонином поселилась бедная деревенская женщина с несколькими детьми. Она зарабатывала на жизнь уборщицей, нанималась носить воду, поливать огород. Старшего сына ее звали Колей. Это был умный и развитый, хорошо умеющий держаться паренек. Он тоже искал какую-нибудь работу, чтобы помочь матери. Вот он-то и влюбился в меня, да еще как!

Словом, я по-прежнему была царицей двора, и все мальчишечьи сердца (кроме, может быть, сердца Гриши) трепетали от любви. Весело было у нас во дворе, как вдруг пришла беда: родители мои объявили, что мы едем отдыхать на озеро Горькое. Тут я заплакала. И ревела так безутешно, горько и сильно, что родители мои не на шутку встревожились. Они не могли понять, что же вызвало такой взрыв безутешного

горя. Спрашивали меня. Я отвечала, что не могу оставить Базёшку, буду скучать по нему. Папа явно чувствовал несостоятельность моих доводов. Отъезд, конечно, не отменили. В городе меня не оставили. Пришлось смириться. Жаловалась Лене. Решили писать друг другу. Гришу в письмах было решено именовать № 1, а Лёньку — № 2. Дворовые товарищи тоже узнали о предстоящем отъезде. Лёнька сказал, что нужно прощаться. Настал день отъезда. Ранним утром, часов в пять, мы поднялись и вышли во двор. Там уже ждали нас подводы. Ехать собирались на лошадях.

Я подошла, прощаясь, к любимому дому. Постояла возле него, прижавшись губами к красным доскам. Там, в глубине этого дома, безмятежно спал дорогой мне человек.

Поехали. Посреди дня останавливались в лесу, чтобы покормить лошадей, перекусить самим. Тут я впервые услышала пение жаворонков. Прибыли на Горькое уже к вечеру. Поселились в крестьянском доме. Начался наш отдых. Нашлись и новые подруги. Неподалеку жила девочка Гутя Слаткевич. Познакомились с ней. Гутя была свердловчанка и, как все свердловчане, патриотка своего города. Напропалую хвалила Свердловск и ругала Челябинск. Это ей принадлежит выражение: «У вас куда ни встань — везде конец города виден». Хвалилась оперой. Видела будто бы «Аиду» и «Евгений Онегин». Из «Аиды» пела трагическим голосом: «Аида, я умираю-а-а-а-аю». Из «Онегина»: «Что ты, Ленский, не танцуешь, дамских ручек не целуешь, или Олю ты ревнуешь?»

На другой улице жила Люба Кривых. Познакомились и с ней. Умная, развитая девушка. Но знакомство наше внезапно прервалось. В этом были повинны Гутя и моя простота. Гутя поссорилась с Любой и попросила меня узнать у той, почему она с ней не разговаривает. Я спросила, Люба ответила: «Я ненавижу двуличных». Я передала эти слова Гуте. После этого мы с Гутей сидели как-то на лавочке возле ворот дома Любы. Люба качалась во дворе на качелях. Гутька развела целую дискуссию о том, что она не знает, почему некоторые не могут ни

с того ни с сего перестать разговаривать. Я предложила ей выложить причину, но сначала я должна спросить у Любы, разрешит ли она сказать. Люба во дворе крикнула: «Пожалуйста!» Тогда я сообщила Гутьке, как будто впервые, слова Любы: «Я ненавижу двуличных». Гутька только этого и ждала и тотчас разразилась целым потоком слов. В увлечении не заметила, как выдала, что слова Любы были ей уже известны. Люба тотчас заметила это, вступила в разговор и разоблачила меня. Я была клеймена как обманщица, и с этой минуты Люба прекратила со мной знакомство. Навсегда. Так же, как потом с Раей.

Так я по своей простоте попала, как кур в ощип, в чужое похмелье, оказалась втянута в чужую интригу и потеряла уважение подруги.

Жизнь на Горьком продолжалась. Мамочка принимала ванны, мы купались в озере, мазались черной целебной грязью и бегали по берегу, как черные голые черти, объедались клубникой, которую покупали прямо ведрами по дешевке.

Незабвенный день

Папа приезжал к нам каждое воскресенье, не на лошадах, а по железной дороге. Добираться было трудно. Привозил нам целую кучу всякой снеди. Я посылала с ним письма Лене, где всю фигурировали номера первый и второй. Писала Лене: «Номеру второму скажи, что не успел он со мной проститься». И так как знала, что папа непременно будет читать эти незапечатанные письма, разъяснила специально для него, чтобы он не подумал чего: «Проститься — это значит набить». Хотя и знала, что Лёнька имел в виду совсем не битие, а нечто другое. Папа передавал эти письма Лене и спрашивал ее, кто же такие номера один и два. Ссылался на то, что я-де забыла, кто это такие. Но Лена на провокацию не поддавалась и тайну не разгласила.

После разрыва дипломатических отношений с Любой скучно мне стало на Горьком. И я стала рваться домой, в город. Мамочка меня старалась развлечь, говорила: «Вон, посмотри в окно, там живые люди ходят». Она имела в виду братьев Александровых, издали очень похожих друг на друга и необыкновенно худых. Все же я удрала с Горького раньше времени и, сияя от счастья, появилась вечером в своем дворе. Игра возобновилась, все были на месте. Выходили поиграть с нами муж Полины Степановны и мадам Пятак. Я радостно рассказывала всем о том, как вырвалась с Горького, как мне там не нравилось и как хорошо мне здесь, дома. В дневнике я написала о том, что это был незабвенный день в моей жизни.

Второе любовное послание

В этот период своей жизни я познакомилась и подружилась с Алей Евладовой. Вот как это произошло.

У моего дедушки Венедикта Викторовича был брат Николай Викторович. Он жил в Усть-Уйской. У него были два сына, Петр и Серапион, и дочь Клавдия. Это двоюродные братья и сестра моей мамы. Серапион Николаевич, или Серпаня, как его называли моя мама и бабушка, часто бывал у нас. Когда мы жили на улице Васенко, вдруг к нам явился гость из Коркино и назвал себя Николаем Серапионовичем, сыном Серапиона Николаевича, уже к тому времени умершего. Николай Серапионович разыскал нас, своих родственников, для того, чтобы иметь возможность ночевать у нас при поездках в Челябинск и оставлять свой мотоцикл. Но я отклонила его просьбу, нам это было не под силу, и отправила его к Володе. Одним словом, спланировала. Галя и Володя приняли его очень хорошо. Он к ним заезжал и даже привозил им котенка. Володе понравилось то, что у Николая Евладова

есть сын, тоже Владимир. Но потом эти Евладовы уехали из Коркино куда-то. И слава богу!

Петр Николаевич никогда у нас не бывал, а летом 1923 года взял и приехал, да еще не один, а с дочерью Алей и племянницей Марусей (дочерью Серапиона). Маруся была простой деревенской девочкой, а Аля — чудесная. Мы с ней быстро подружились и потом, когда они уехали, долго переписывались. Впоследствии Алла Петровна Евладова стала инженером.

Гости погостили и уехали, а жизнь нашего двора продолжалась. Мы были неразлучны с Леной Матвеевой днем и ночью. Днем мы торчали на балконе, судачили о том о сем. Я подарила ей фотографию с лошастью. Вечером выходили во двор — начинались игры. Спали мы обе с ней на парадном крыльце, там стояли наши кровати. Бабушка позволила нам это. Теперь она оставалась в доме за хозяйку, потому что папа тоже уехал на Горькое в свой отпуск. Он, может быть, и не позволил бы мне спать на парадном, но без него у нас была «своя рука — владыка». Перед сном мы с Леной вели долгие разговоры, в которых не последнее место занимал Гриша. Лена была влюблена в него без памяти. Однажды она случайно попала прямо в его объятия и была на седьмом небе от счастья. Мы играли в догонялки. Лена и Гриша бежали куда попало и случайно столкнулись чуть ли не лбами. Гриша инстинктивно раскрыл руки, и Ленка со всего размаха влетела ему на грудь, и он так же механически руки сомкнул. Вот она хвалилась потом, считала, что это не случайно. Говорила: «Мы с Гришей!»

Вздумали мы еще всей компанией, одни, без взрослых, отправиться в лес. И пошли. Да не в бор, куда все ходили, а в березовый лесок, который рос в северной части за городом — там, где теперь цинковый завод. Гриша с нами не ходил, а Лёнька пошел. Набрали ягод. Лена связала целый пучок отборной клубники и сказала, что это для Гриши. Но она не осмелилась отдать ему этот пучок, а ребята начали Гришу

поддразнивать, говорили ему, что вот-де Лена ему ягод в подарок нарвала. Но Гриша не понял, что его поддразнивают и что со стороны Лены это был дар любви. Сказал только: «Я не жаден до ягод».

А поклонник мой Коля Голдобеев решил сделать мне признание. Мы с Леной сидели на балконе, когда прибыл от него посланец (кто-то из «мелочи») и вручил нам листок бумаги — плохонькую бумажонку, на одной стороне которой было начало какого-то заявления о приеме на работу. На другой же стороне переписано стихотворение Пушкина «Красавица»:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей.
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей.
Она кругом себя взирает.
Ей нет соперниц, нет подруг.
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.
Куда бы ты ни поспешил,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце не питал
Ты сокровенное мечтанье,
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

Дальше была приписка: «Асе, милой, дорогой, прошу принять мое стихотворение, в котором я Вас подразумевал без Лены». Мы сначала не разобрали последнее слово и подумали, что написано «без Лёни». А когда поняли, то Лена вдруг так рассердилась! Она сказала: «Подумаешь, красавица! Рыжий черт в веснушках!» Я не рассердилась на эти слова. Я сама негодовала на письмо Голдобеева, но потом очень долго хранила эту бумажку. Это ведь было очень трогатель-

но. Деревенский мальчик знает стихи Пушкина. Стихотворение чудесное, поэтичное, и ведь он сумел его выбрать и этим выразить свое восхищение. Конечно, никогда я красавицей не была, да тут и нельзя понимать это в буквальном смысле. Просто большая нежность, восхищение и преданность. Ответа на письмо не было, реакции, кроме насмешек Лены, никакой. Коля потом не раз пытался возобновить свои признания.

1923 год

Идет 1923 год. Чудесное жаркое лето. Мне 12 лет. Живем на улице Мастерской, № 23, на втором этаже большого двухэтажного дома. У нас три комнаты, а четвертую занимают две женщины-чекистки, поставленные к нам по навету Гершковича, чтобы наблюдать за нами.

Но наблюдать за нами нечего. В вину можно поставить разве только то, что к нам по воскресеньям приходят пить чай бывшие монашки, а мы ходим иногда в церковь. Видя, что мы не контрреволюционеры, а самая обычная, хотя и очень спокойная и дружная семья, чекистки становятся нашими лучшими друзьями, а их девочка Лена — моей закадычной подругой.

У моего отца врагов нет. Он — доктор, человек добрый, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь больному человеку. К нему охотно идут лечиться, в городе его знают. Знают и меня. Часто, зайдя в лавку купить что-нибудь, встречаюсь с доброжелательностью торговцев. Они завертывают товар лучше, а денег берут мало. Говорят: «Это для доктора». А я смущаюсь и не знаю, что сказать. Чистильщики обуви готовы почистить туфли даром. «Мы знаем доктора!» — говорят они. Врагов как будто нет, но вот они — в нашем же дворе. Это чета Гершковичей. Почему враги? Хотят, чтобы доктор пла-

тил за квартиру лично им, помимо коммунального хозяйства. Но зачем платить? За что? Папа не хочет — с какой стати?

И вот — конфликт! Исаак и Бася пристально следят за нами: не найдут ли чего предосудительного? Сколько ни стараются, ничего не могут отыскать, кроме монашек и церкви. Это, конечно, немаленькая «вина», но ведь сами-то они ходят в синагогу и свято чтут все еврейские праздники. Значит, им можно, а нам нельзя? Следить за нами им помогает их старший сынок Лейб — Леня. Он следит за мной в четыре глаза, и стоит мне выйти из дому и пойти куда-нибудь, как он уж тут как тут! Идет позади меня, в десяти шагах, да еще и не один, а с рыжим дворовым псом Секретом. Этот представитель фауны все время громко, отрывисто лает басом.

Я ненавижу Ленку. Я его презираю, боюсь. Мне противна его мерзкая назойливость, наглость, но я все терплю. Это — наказание, посланное мне за какие-то мои грехи. Я пытаюсь удрать от него. Завернув за угол, бегу со всех ног, но, оглянувшись, вижу, как нахал тащится как ни в чем не бывало в десяти шагах позади меня. Подождать бы, пока поравняется со мной, и вдарить в морду. Я была сильная, иных мальчишек била без зазрения совести. И этого могла бы! Он бы не посмел меня бить. Или не драться, а просто поговорить с ним, поругать, поиздеваться над ним? Нет, ни то, ни другое! Шла впереди, страдала, а спину мне сверлило неотступное наблюдающее око.

А ведь его брат был совершенно не похож на него. Никогда он не позволил бы себе так преследовать девочку. Не похож ни в чем! Этот — маленький, коренастый, лицо противное, волосы серые и серые же всюду проникающие глаза. А тот — высокий, черноволосый, красавец, выдержанный, умный, отличник, музыкант!

И часто я давала волю своей мечте: он не из их семьи, он им не родной, он приемыш, он русский!.. Ведь он так не походил на них всех — своих родителей и брата... Но нет — он был их родной сын, еврей, как и они... Так и что же?! Все равно

он красивый, чудный, талантливый музыкант! И я мечтаю о нем, хочу его видеть часто, говорить с ним, хочу, чтобы он был моим другом! Но... вижу я его редко, большей частью издали. Говорю с ним редко. И он мне не друг. Правда, летом мы встречаемся во дворе.

По вечерам собирается ватага ребят, и мы играем в разные игры. Однажды играли в «золотые ворота». «Воротами» были Ленка и он — Гриша, а я была «мать» и водила детей в ворота. Предлагались на выбор две отгадки: «любовь» или «игра». От «любви» все шарахались и выбирали «игру». Возле Гриши скапливалось все больше и больше играющих, а Ленка со своей «любовью» был в полном одиночестве. Наконец и мне — «матери» — предложили выбирать «любовь» или «игру». Что там говорить, конечно, я тоже выбрала «игру» и перешла в лагерь Гриши. Таким образом, Ленка со своей «любовью» проиграл. А ведь любовь у него была, и немалая!

Не всегда он преследовал меня, иной раз просто-таки таял от нежности. Однажды вечером, когда я сидела на балконе, он, как кошка, вскарабкался туда и бросил мне какую-то ленточку — подарил, одним словом, и сказал, что за это потребует от меня что-нибудь «нежененькое». А я была как в шоке. Выругать бы, треснуть по морде — но нет, была как неживая, как кукла.

В другой раз при игре в «телефоны» посмел даже, передавая мне очередное телефонное слово, прикоснуться губами к моему уху. И опять — стерпела. Так в течение нескольких лет я жила под пристальным наблюдением, страдала от этого, но терпела. Хорошо еще, что не жаловалась никому. Если бы папа узнал, он бы не стерпел, и конфликт мог бы принять угрожающие размеры. Но никто не знал об этом — только я да Ленка.

Счастливое лето

Был у меня и другой поклонник — Коля Голдобеев. Он написал мне на листке бумаги стихотворение. Переписал известное стихотворение Пушкина «Красавица», в котором подразумевал только меня, но никак не Лену. Это привело Лену в ярость, и она сказала про меня, что я не красавица, а «рыжий черт в веснушках». Я не обиделась. Я сама негодовала на письмо Голдобеева. А хранила его долго.

Коля, видимо, пытался и еще что-то мне писать, но братья Гершковичи перехватили письмо, и во дворе возникла небольшая драка, возня, в результате которой письмо оказалось у них, и я его не получила. С балкона я наблюдала эту драку, но не реагировала на нее никак. Крикнуть бы, чтоб дали мне письмо, хотя бы в пику Грише. Ведь интересно было бы узнать, что там Коля написал. Но нет, не смела я так активно проявить себя — и письма не получила.

Однажды мальчишки задумали выпытать у меня, к кому из них я питаю нежные чувства, и целый вечер Ленка и Коля ходили за мной по пятам и с пристрастием и ловкостью опытных следователей выпытывали, не давая мне ни отдыха, ни сроку. Гриша в это время отвлекал Лену, чтобы она не мешала. Так что это была военная тактика и целый заговор. Надоели мне эти парни страшно, но все же я в конце концов сказала им, что я их ненавижу — всех, кроме Гриши. Они, кажется, удовлетворились этим признанием и отстали.

А Лена таяла от любви и считала, что Гриша уже завоеван ею. Она глубоко ошибалась — позиция Гриши была неизвестна. Я продолжала писать дневник, в котором описывала все интересные события своей жизни. Особенно отмечала «незабвенные» дни, когда мы особенно яростно играли во дворе. Однажды записала слова Гриши, когда он мне крикнул: «Ася, Ася, вас зовут!» Кто-то из дома звал меня — может быть, бабушка или домработница Елена. Не хотелось

уходить — так мне хорошо и весело было во дворе, несмотря даже на Ленку.

Так проходило лето.

Я разлучаюсь с подругами

В один прекрасный день в наш двор вышли Зоя и Клания. Они зашли за мной, чтобы идти вместе в школу. Было 1 сентября. Мы должны были теперь пойти учиться в Центральную школу 2-й ступени. Идти всем вместе было весело и нестрашно. Но, идя в школу, я еще не знала, какой удар ожидает меня. Внизу в школе стоял заведующий Иван Данилович Искосков. В руках он держал билетики и всем входящим предлагал тянуть билетик-жребий и таким образом узнать, в какой класс идти — в «А» или «Б».

Потянули и мы. Но счастливого билета я не вытягивала ни разу в своей жизни, вытянула несчастливый и на этот раз — «А». А Зоя, Клания, Зоя Макарова, Валя Маршалова — все мои подруги — вытянули «Б». Они все вместе, и только я одна должна была отделиться от них. Как страшно! Я осмелилась обратиться к Ивану Даниловичу с просьбой, чтобы он разрешил мне пойти в «Б» вместе с подругами. Но он сурово сказал: «Нет уж, идите в “А”, раз вытянули “А”». И я пошла обреченно одна в этот неизвестный мне «А». А Зоя, Клания, Зоя Макарова и Валя Маршалова — все вместе пошли в «Б».

Возле лестницы я встретила своего дядю Володю. Он пришел учиться в 9-й класс. В отчаянии я обратилась к нему и рассказала о своей беде, но он не помог мне, только пожал плечами. И я поплелась дальше по лестнице вверх. Класс «А» находился по левой стороне большого зала недалеко от лестницы. Класс «Б» — по правую сторону в самом конце зала. А ведь я могла и не ходить в класс «А». Вполне! Бросить бы этот билетик, ведь все равно никто не контролировал, и

пойти в «Б». Сесть с Зойкой. И все. Или уйти домой и пожаловаться папе, а он был знаком с Иваном Даниловичем и мог попросить его. Тот бы не отказал. Хоть и не сразу, но все равно. Я могла бы перебраться в «Б». Может быть, не нашлось бы уже мне подруги по парте. Зоя сидела бы с Кланей, но Зоя Макарова, наверное, не отказалась бы сесть со мной. Но в то время я не знала, что такое «блат», и не воспользовалась им. Обреченно шла по лестнице в этот незнакомый мне, страшный класс «А».

Вошла в открытые двери — и вдруг слышу радостный возглас. Меня приветствуют, берут за руку, ведут вглубь класса и сажают за первую парту в том ряду, что у окон. Человеком, так приветившим меня в незнакомом месте, оказалась Нина Нестерова, полужнакомая мне девочка. Да я ее почти не знала, хотя и участвовала вместе с ней в спектакле «Чижики». Она встретила здесь меня и усадила с собой за парту.

Так я нашла родственную душу в классе «А». Да к тому же некоторая гордость, что это класс «А» (следовательно, лучший, первый класс), давала мне какое-то утешение.

Итак, мы уселись с Ниной за парту и стали наблюдать за прибывающими учениками. Входили девочки и мальчики. Женский пол занимал два ряда парт в среднем ряду и в ряду у окон, а мужчины селились на партах у дверей.

Вдруг в открытых дверях показалась хорошо знакомая мне ненавистная морда, и в класс вошел собственной персоной Леонид Гершкович.

Марья Владимировна

Он, конечно, не тянул никакого билетика — «А» или «Б», а просто прошелся по школе, заглядывая в открытые двери классов. Увидел меня и вошел. Тоже, видимо, решил поучиться в 5-м классе. Он сел на одну из первых парт возле

двери и сел удачно. С этого места ему было удобно наблюдать за мной, даже не поворачивая головы. Взгляд его был устремлен на меня по диагонали, потому что первые парты у окон были расположены дальше тех, что у дверей. Таким образом, некуда мне было деться от его пристального ока.

Чтобы взглянуть на него, мне нужно было оглянуться, или, по крайней мере, повернуть голову, а ему этого не нужно было делать. Луч его взгляда, устремленный на учительский стол, по пути захватывал и меня. Вот так ему повезло, а мне нет.

Раздался звонок, и в класс вошла учительница русского языка и истории Марья Владимировна Добросмыслова, женщина лет тридцати в пенсне. Это была наша классная руководительница. В класс она всегда входила стремительно и еще с порога нетерпеливо махала нам рукой — «садитесь, садитесь». Почти к каждому слову она прибавляла: «Видите, да?» Усевшись за стол, Марья Владимировна достала пустой журнал и стала заполнять его по алфавиту.

Мои новые школьные товарищи и учителя

Ученики вставали и называли свои фамилии. На букву «а» откликнулся Аникин — несобранный, разболтанный, хулиганистый мальчишка, сын бывшего владельца дрожжзавода. Этот малоценный индивидуум учился с нами только один год. Он остался в 5-м классе на повторный год.

На букву «б» отозвалась Зина Бажина — плотная солидная девушка. Под стать ей толстушка, хотя и невысокого роста, была Зина Белокопытова. На «б» еще отозвался Блюм Борис, черномазый парень, попавший два года спустя за решетку из-за знаменитой особы — Муслины Гареевой.

А вот и она сама — отозвалась на букву «г». Говорили, что во время процесса ей было 15 лет, стало быть, сейчас, в 5-м классе, ей было 13. Но она выглядела очень взрослой, старо-

образной, ей можно было дать все 30. Небольшого роста, какая-то вся бесформенная, круглая, как бревно. На лице всегда подобострастная улыбочка. Притворная приветливость, готовность всегда все сделать для всех, душа нараспашку. А у меня почему-то весь ее вид всегда вызывал гадливость, хотя я ничего не знала о ней. Ее бесформенная фигура, неизменное длинное коричневое в цветочках платье были противны. Девчонки кое-что о ней знали, но льнули к ней, называли Мусей, ходили с ней в обнимку. Но это в основном девчонки маленькие, вроде Зины Кудрявцевой, Нины Зайцевой и Софьи Поляковой. Большие с ней не водились и не обращали на нее никакого внимания.

На «д» отозвался Сергей Дрожейко, большой добродушный парень, тоже один из героев процесса в будущем. Его отец работал кем-то в тюрьме, и жили они там же, во дворе тюрьмы, в маленьком домишке. Когда мы всем классом ходили пешком в деревню Першино, Дрожейко приглашал нас к себе и поил водой.

На «з» отозвалась Зина Зайцева, на «и» — Ибракова Валя, взрослая девица. На «к» — Зина Кудрявцева, маленькая девочка, соседка по парте Гареевой. На «к» еще обнаружился однофамилец ее Анатолий Кудрявцев, мой соученик по группе у Марьи Николаевны. Он тоже вытянул билет в «А» и таким образом разлучился с Августом, который попал в «Б». А Герман Бейвель вообще не был ни в «А», ни в «Б». Он презирал Центральную школу, признавал только Некрасовскую и пошел учиться туда. Впоследствии, правда, он перешел все же в Центральную и учился вместе с Зоей. Дружил с ней и с Кравцовым. И был одним из литературных героев в поэме о «Мертвой голове». Толя же Кудрявцев кончал школу вместе со мной. Но теперь, в 5 «А», мы с ним никак не разговаривали и никак не общались.

На букву «к» еще — Кац Рая (или, вернее, Хая, но все ее звали Рая), Леля Ковалева, сестры Зоя и Соня Карташевские. Я хорошо их помню. Это были совсем уже взрослые де-

вушки, невесты. Лица у них были разные, они походили друг на друга только высоким ростом и крепко сколоченными фигурами. Они были дочерьми парикмахера, учились кое-как и проучились с нами недолго. Вскоре вышли замуж.

На букву «л» отозвался Лифшиц Яков. Небольшой сопливый мальчишка, талантливый художник и музыкант. Он прекрасно рисовал и когда увлекался, сидя за своей партой, рисованием, то из длинного его носа свисала чуть ли не до самой парты зеленая сопля. На переменах Яшка садился за школьный рояль и играл разные танцы — краковяк, па-деспань, а вся смена, поднимая пыль, танцевала.

Наверное, Ленка рассказывал Яшке обо мне. Потому что он стал меня преследовать. Когда я шла из школы домой, Ленка и Яшка шли сзади и Яшка проезжался всячески на мой счет. Когда приехала Александра Григорьевна, Яшка начал заниматься у нее и однажды засек меня на уроке у Анны Григорьевны. Он высмотрел, что я играю в очках, и потом в школе стал меня дразнить и называть «четыреглазой». Ленка тоже уже знал об этом и часто меня корил тем, что я слепая, а он-де косолапый, следовательно, мы равны с ним! От Лифшица я натерпелась немало.

Марья Владимировна продолжала перекличку. На «н» встала и я, раба божия, и пробормотала свою необыкновенную фамилию. Моя соседка Нина тоже была на «н». А еще Неясов Саша — прекрасный художник. С ним мне часто приходилось дежурить. Позже я познакомилась с его сестрой Авой и бывала у них в доме. Жили они в маленьком домике на углу улиц Елькина и Воровского. Ава потом училась с нами. На «п» отозвалась Полякова Соня. От нее я тоже терпела немало. Она любила дразнить меня, коверкая мою фамилию. Несколько лет спустя после окончания школы я встретила ее на улице Коммуны возле керосинной лавки. Там во дворе она и жила в двухэтажном доме. При ней был мальчуган, ее сын. Она радостно приветствовала меня, но я не хотела с ней говорить.

На букву «с» в нашем классе были Нина Спицына, Валя Сапожникова, на «т» — Анатолий Тюшняков, отвратительный мальчишка, сильно надоедавший мне. Видимо, и ему Ленка тоже болтал про меня, потому что Тюшняков лез ко мне. Садился на парту, на самую ее крышку, и нужно было терпеливо созерцать его спину, чтобы спихнуть нахала прочь с парты. По счастью, Тюшняков недолго проучился с нами, он остался в 5-м классе на второй год.

На букву «т» была еще Клава Тропина, взрослая девушка. На «ф» — Футин, тоже один из героев Гареевского процесса. На «ш» — Шалаева Лида. Она хорошо декламировала и впоследствии, видимо, хотела стать актрисой.

В 30-х годах мне случилось некоторое время работать в детском саду у вокзала. Детсад помещался в деревянном домике возле клуба имени Ленина. Домик этот цел и сейчас, в нем сберкасса. Ожидая садиковского обеда, ради которого я и работала там, я заходила в сад, примыкавший к клубу имени Ленина. В саду была открытая эстрада, а на ней всегда, когда я туда заходила, репетировал какую-то пьесу драмкружок при клубе. Среди участников была и Лида Шалаева. В тот момент, когда я входила в сад, Лида выбегала на сцену из-за кулис с возгласом: «Ой, никак рехнулись!» Я, сидя где-нибудь на скамейке, слушала их репетицию. Лида, возможно, и видела меня, но не обращала внимания. Мы с ней как будто никогда и не видели друг друга. Позднее я видела Лиду на сцене нашего драмтеатра среди статистов. Иногда ей поручали небольшие роли. Потом она исчезла, и я ее больше никогда не встречала.

Кончился урок Марьи Владимировны. И после перемены начался урок арифметики. Вошла в класс Ольга Михайловна Володина — неторопливая, важная. Проплыв по классу с большим достоинством к своему месту, она цедила сквозь зубы: «Сядьте».

Много лет спустя мы встречались с Ольгой Михайловной на улице и дружески беседовали...

У нас совсем не было такого предмета, как география. Зато были рисование и пение. Рисование преподавал художник Александр Николаевич Самохвалов. Учил нас рисовать человеческие лица. Рисовали и с натуры — раза два или три ходили в городской сад рисовать природу, листья деревьев. Пение сначала преподавал церковный регент Судариков, а потом другой учитель, имени его не помню. Мы пели на мотив «Варшавянки»: «Славься, великое первое мая, праздник труда и паденья оков!» Пели украинские песни: «Ой, лопнул обруч» и другие.

Немецкий язык преподавала Анна Александровна — та, у которой я занималась частно.

Однажды мне пришлось выступить на школьном утреннике с немецким стихотворением (по желанию Анны Александровны) «Помня зло». Это была колыбельная, и там повторялись слова: «Schlaf, schlaf, mein Kind!» («Спи, спи, мое дитя»). Я говорила тихо, а в зале шумели и кричали мне: «Громче!» Не помню, как сошла со сцены, — так страшно было.

Но вот закончились уроки и кончился мой первый школьный день. Вечером во дворе собралась наша дворовая компания, и Колька Голдобеев продергивал тот случай, что Леня оказался в одном классе со мной. Видимо, это было неслучайно. Конечно, неслучайно!

Я плохо переписала «журнал»

Потекла школьная жизнь. Наш класс временно перевели вниз, на первый этаж. Мы с Ниной Нестеровой не сумели занять одну из первых парт и сели далеко.

Однажды Марья Владимировна сказала, что проверила нашу письменную работу и поражена тем, что все написали ее очень плохо, наделали массу ошибок. «Но, — прибавила Марья Владимировна, — есть одна работа, в которой нет ни

одной ошибки. Это работа...» И тут Марья Владимировна назвала мою фамилию и сразу же вызвала меня к доске спрашивать по истории. На доске висела большая карта, и Марья Владимировна начала гонять меня по карте, хотя это не было задано на урок. Спросила, где находится Германия. Я найти не могла не только Германию, но и вообще ничего, потому что ничего не видела, да и карту мы у Марьи Николаевны не проходили.

Словом, я нарезалась — ничего не могла ответить. С тех пор Марья Владимировна невзлюбила меня. Однажды писали какое-то сочинение в классе. Я опять написала лучше всех, и Марья Владимировна сказала: «Ну, теперь можно убедиться, что она сама пишет». Это означало, что она думала, будто мне кто-то помогает дома и пишет сочинения за меня.

Решили издавать рукописный классный журнал. Сделали небольшую тетрадку из плохой бумаги. Неясов разрисовал журнал красивыми картинками. Леля Ковалева написала стихи про осень: «Вот опали все листочки и повяли все цветочки». Строчку, где говорилось, что «зачастили уж дождички» Марья Владимировна переделала так: «И уменьшились деньки». Дальше шли грустные строки: «Осень, осень наступает, замирает все кругом, речка тихо замерзает под прозрачным синим льдом». Словом, сначала образовался лед, а потом уже стала замерзать речка. Переписать этот «шедевр» в журнал Марья Владимировна поручила мне, так как было известно, что я пишу без ошибок. Я переписала, как могла, среди красивых ярких картинок, нарисованных Неясовым. Но бумага была плохая, чернила расплылись, да и каллиграфии меня никто не учил — почерк был плохой. Я принесла журнал и отдала его Марье Владимировне. На перемене я увидела большую толпу учеников разных классов, плотно окруживших Марью Владимировну. Она громко и возбужденно говорила что-то и показывала окружающим пресловутый «журнал». Я прислушалась и поняла, что речь обо мне. Марья Владимировна возмущалась, что я так плохо

переписала. Я со всех ног убежала прочь. Марья Владимировна отдала журнал для переписки Гаевой, хотя почерк у нее был не лучше моего. Вскоре издание «журнала» прекратилось за отсутствием поэтов и писателей.

Мы познакомились с Раей

В эту осень 1923 года произошло знаменательное событие — наше знакомство с Раей. Это произошло просто. Однажды днем меня позвали на кухню. Я вышла из комнаты в прихожую и увидела, что по узкой кухонной лестнице поднимается ко мне сама Раечка Тройб. Она сказала, что ее прислала Анна Григорьевна, чтобы мы играли в четыре руки. Так произошло наше знакомство, и завязалась дружба, которая продолжалась десять лет.

Мы играли с Раей в четыре руки и не раз выступали на открытой сцене. Играли мы фугу Аренского на тему «Журавель». Играли по нотам, и я, выходя на сцену, быстро надевала свои очки, а сыграв, также быстро сдергивала их с носа.

Анна Григорьевна со всем своим классом вступила в музыкальную школу, и я опять стала ходить на теорию, которая преподавалась нам в помещении Всерабиса на углу улиц Елькина и Коммуны. В этом доме теперь витаминный завод. Мы ходили на теорию вместе с Раей. Рядом с нами бежал Раин песик Бульдожка, необыкновенно злой и вздорный скот. Мы непрерывно чему-то смеялись, то над Бульдожкой, то еще по каким-то маловажным поводам. Теорию у нас преподавал сначала педагог Морозов, потом еще какие-то другие преподаватели. Было очень интересно, хотя я не совсем понимала, как решать задачи по группировке.

Морозов, упоминая о том, что кроме теории музыки есть еще и гармония, прибавлял: «Конечно, это не та гармония, на которой играют на гармошке...» И все дружно смеялись. На

теорию ходили: Нина Карпуничева со своей подружкой Шустрой Кругловой, Виктор Протасов, Юрка Михайлов и многие другие люди.

Стали проводить экзамены и утренники тут же, в этой комнате. Запомнился мне один утренник. Гриша сел за пианино, а все остальные участники стояли вокруг на ногах, так как сидеть было не на чем. Я решила воспользоваться случаем и поглядеть хорошенько на своего любимого. Встала у самого пианино. А он вдруг так застеснялся, заволновался, стал путаться. Много раз начинал и останавливался, не мог вспомнить дальше. Играл он пьесу, которая называлась «Fete Espagnole» («Испанский праздник»). Я раньше уже играла ее у Анны Григорьевны. Так неудачно Гриша выступил. Обрат-но мы шли целой компанией. И Гриша был тут же. Как будто бы Ленка тоже был тут и Рая, а еще с нами шла Женя Медник. Она очень сочувствовала Грише, который всю дорогу сокрушался о своем провале. Женя почему-то проводила нас до самого дома по нашей Мастерской улице.

У музыкальной школы не было постоянного помещения. Некоторое время она помещалась в здании бывшей женской гимназии, и экзамены проводились там.

Блистали сестры Нагоркины: Лена, Нина, Галя и Валерия — все музыкантши. Учились они у Юлия Карловича Пенца. Играли все четверо ансамбль в восемь рук на двух роялях — испанский танец Мошковского. Мощь была потрясающая.

Братья Александровы тоже выступали с ансамблем, играли «Военный марш» Шуберта. У кого они занимались, я не помню. Как будто бы они одно время учились у Анны Григорьевны. Помню я одну ученицу Анны Григорьевны — маленькую смешную девчонку по имени Лариса, по фамилии Купряшкина. Мне пришлось побывать у нее дома. Дом этот до сих пор стоит на улице Российской и хорошо виден с крыльца нашего почтового отделения. Блистала у Анны Григорьевны Рахилька Певзнер. Она играла пьесу Годара «Бе-

гом», которую Анна Григорьевна называла почему-то «Поезд». Люблю эту пьесу.

Я тоже была «не последняя спица в колеснице». Анна Григорьевна всегда старалась выкопать и для меня какую-нибудь необыкновенную пьесу. Так, фурор произвела пьеса Пахера — вариации на тему Вебера «Волшебный стрелок». Пьеса довольно-таки салонная. А позже я потрясала уши педагогов пьесой Дебюка на тему Алябьева «Соловей». Это было настолько потрясающе, что много лет спустя об этом впечатлении вспоминала Панна Федоровна Бондарева. Играла «Соловья» я и в школе на вечерах, а Рая исполняла «Поэтическое танго».

Однажды мы пришли в музшколу сдавать какой-то экзамен. Был тут и Гриша. Пока ждали экзамена, вздумали побегать во дворе, поиграть в догонялки. Я побежала, а Гриша за мной, но догнать меня не смог — я бегала очень быстро.

В 1928 году умер муж Анны Григорьевны Александр Евсеевич. Анна Григорьевна опять со всем своим классом вышла из музыкальной школы. Как будто мы с Раей школу окончили. Так сказала Анна Григорьевна. Но когда я в 1930 году, собираясь ехать учиться в Ленинград, пришла в школу за справкой об ее окончании или за каким-то свидетельством, то такового не нашли и дали мне справку, что я числилась в 4-м классе (выпускном).

В музыкальной школе преподавали кроме Пенца еще и Панна Федоровна Бондарева, Вера Алексеевна Красноярская, Анна Мартыновна Краснопявцева, позже старшая Нагоркина и даже Лена Пиньковская.

Помню, как Шура Круглова, сидя на крыльце Всерабиса, на вопрос чей-то, у кого она учится, ответила небрежно: «У Пенька!»

Дружба с Раей

Дружба у нас завязалась крепкая. Виделись часто, ходили друг к другу. Когда я приходила к Рае и попадала через старые обширные сени к ним в кухню, Бульдожка всегда кидался под ноги с визгливым лаем. Его унимала Раина няня, высокая и очень угрюмая, неразговорчивая женщина. Она немного прихрамывала, вела у них хозяйство и очень любила Раю. Няня Раи была русская. Я любила у Раи обедать. Мне нравилось, что к столу подавали какие-то необыкновенные блюда, острые закуски. У нас дома такого не было. В столовой у Раи стояло пианино. По бокам столовой были две комнаты: одна комната Раи и няни, другая парадная спальня Софьи Ефимовны. Тут стояли две большие кровати, на которых мы с Раей спали, когда мне случалось ночевать у нее. Сколько велось шепотом разговоров, сколько доверялось друг другу тайн! Где помещались братья Раи — не знаю.

Придумали мы с Раей свой язык. Видимо, сильно досадила Рае Люба Кривых, потому что Рая все время ее высмеивала. Придумала ей кличку Бурсук, что означало «Крыса». Люба была царицей крыс Кинбурсук, а ее свита, то есть Белоус, Шапошникова, Грязнова — фрейлины «бузук». Рая так же, как и я, не любила Ленку Гершковича. И мы прозвали его Бурдак, что означало «Лягушка». Бурдак был царем лягушек. Про Гришу Рая говорила, что он приходил к ней менять марки. Прозвище Грише дали Лорд.

Так дружили мы, а год 1923-й уходил прочь, и приближался 1924-й. Вскоре прекратились наши сборища во дворе. Исчез куда-то Коля Голдобеев. А незадолго до своего исчезновения он однажды вечером рассказал свой сон. Будто бы я и Гриша убежали и скрылись где-то, а ему было поручено нас разыскать и поймать. Отыскал нас он будто бы в Москве, где мы сначала выдавали себя за брата и сестру, а потом вы-

яснилось, что мы муж и жена. Так фантазировал Колька, он уже не боролся за меня.

Потом он уехал куда-то. Уехала к себе в Елабугу и Лена Матвеева. Несколько лет тому назад у меня училась внучка Полины Степановны — Наташа Епифанова, а ее мать, дочка Полины Степановны, рассказывала, что Лена так и живет в Елабуге, вышла замуж и имеет детей.

Бежали дни, убегал и 1923 год. И вот он настал, 1924-й.

1924 год — год смерти Ленина

Настал 1924 год. Встречали ли мы его? Как будто бы нет. Хотя, кажется, какая-то попытка встретить его была. Папа раздобыл где-то банку паюсной икры и сказал, что это для встречи Нового года. Была ли елка? Наверное, была! И конечно она была более богатой, чем в прошлом году. Были ли на елке мои подруги? Я думаю, что были. Помню, что Зоя Макарова пришла, а меня не было дома — где-то шаталась. Наверное, и Зоя с Кланей были, а еще Ниночка. Была ли Рая? Может быть, и нет, ведь мы познакомились с ней совсем недавно.

И медовые пряники наверняка пекли для этой елки. Вкусные! Но вот прошли елки, и зима своим чередом катит в глаза. Я учусь в Центральной школе. Учились мы с первой смены. И я любила приходить в школу рано. Я выходила еще затемно и шагала себе по снегу. В школе было еще темно, свет не зажигали, а в зале топились печки. Видимо, дрова в школе были. Красные огоньки из печек в предраассветных сумерках создавали какое-то необыкновенное впечатление, иллюзию чего-то домашнего, своего, какого-то уюта. Постепенно собирались ученики, начиналось утро. И с ним — уроки. Входили в классы учителя. И все шло своим чередом.

Помню, как однажды я страшно, говоря современным языком, «облажалась». Я, по своему обыкновению, затемно

вышла из дома. И вышла из калитки на улицу. Шел снег, его было много, мягкая белая масса сыпалась сверху. На тротуаре, возле дома, я увидела маленькую фигурку в зеленом полубухе, усердно чистившую снег. Я подумала, что это Ленька. И, подходя, сказала ему: «В школу пора идти, а не снег чистить». Каково же было мое смущение, когда я увидела, что это был не Ленька, а Гриша. По счастью, он не понял, что я приняла его за Леньку, и доброжелательно ответил мне: «Он еще спит». По-видимому, Гриша подумал, что я спрашиваю его о Леньке, и ответил мне так добродушно и шутливо. Не заметил моей ошибки. Я пошла дальше в стрессовом состоянии. И долго не могла прийти в себя.

В школе в то время не было раздевалки. Вешалки стояли прямо в зале, возле дверей классов. В шестом классе училась Рита Вейцкина. Она всегда участвовала в школьных утренниках. Строили пирамиды, и Рита наверху этой пирамиды декламировала свой текст. А я завидовала этим людям, которые могут вот так звонко кричать на весь зал. Отец Риты был портной. Он сшил Рите хорошее зимнее пальто. Но его у Риты с вешалки украли. Об этом происшествии долго говорили в школе. А вот мою шубу уже никто не стал бы воровать. Она была ужасна — какой-то широченный желтый азам. Шапка на голове была ушанка. И в этом наряде меня часто принимали за мальчишку. Старухи в церкви говорили мне: «Мальчик, сними шапку».

Гриша нашел мой треугольник

В школе занятия шли своим чередом. Наши классные хулиганы — жители Колупаевки и Матни — подбрасывали мне свои тетради для проверки и исправления ошибок. Исправлять-то я исправляла, но не все ошибки, половину оставляла, и парни все равно получали «неуды». Гришу я больше не

встречала, он учился в другую смену. Но однажды, когда наш класс занимался внизу, Ленка передал мне треугольник, потерянный мной, и сказал, что его нашел Гриша. А вскоре я нашла в своей парте карандаш, на котором были вырезаны буквы «Григорий Гер.». Неужели Гриша сидел на той же парте, что и я, и карандаш принадлежал ему?

Играем в крокет у Раи во дворе

Зима убежала прочь, и настала весна. Мы перешли в шестой класс. Многие остались на второй год, в том числе моя соседка Нина Нестерова, Аникин, Тюшняков и сестры Карташевские. Кстати, им пора было замуж.

В это лето мы ездили на дачу в Каштак. Это было именно теперь, в 1924 году, а не в 22-м, как я ошибочно написала. Вот почему я так спокойно отнеслась к этой поездке. Не было никакого бурного отчаяния, как в прошлом году. Моя любовь вошла в спокойную фазу. Правда, в Каштаке я прожила недолго. Вернувшись в город в чудесный летний день, прежде всего пошла в огород искать Базёшку. И нашла его на огуречной грядке. Заглядывать в щель забора к Рае мне теперь не было надобности. Теперь уже мы — я, Зоя и Кланы — входили в избранное общество и играли в крокет в Раином дворе. Не было уже среди Раиных друзей Любы Кривых и ее свиты — «бузук», были мы — ее новые друзья. Но неизменные братья Александровы остались в числе Раиных приятелей.

Познакомились и мы с «живыми мощами», как окрестила братьев моя мама еще в прошлом году на Горьком. Собственно, «мощёй» был только один из братьев — старший Коля. Он был действительно очень худ. А Женя, младший, был нормальный: стройный, высокий, очень приятный на вид. Прозвища Александровых были: Рюнг № 1 — Коля, Рюнг № 2 — Женя.

Рая приглашала на игру в крокет также и Гришу. Мы поднимались к Гершковичам на крыльцо, и Рая храбро стучалась к ним в дверь. Гриша открывал, получал приглашение и шел с нами. Однажды, выходя из ворот, Рая заметила, что на улице очень грязно, а Гриша сказал: «Я в сапогах». Рая всегда старалась, чтобы я и Гриша играли в одной партии, хотя еще ничего не знала о моем отношении к нему. Ленку играть не приглашали, и он не обижался. Сидя на заборе, внимательно наблюдал за игрой.

Играли мы не только в крокет. Однажды затеяли игру в прятки в нашем дворе. Кто-то из Александровых галил и искал нас повсюду, а мы убежали к Рае в дом и отсиживались, посмеиваясь. Пусть ищут, а мы тут сидим.

Лето убежало, на смену двигалась осень.

Покинула наш дом Полина Степановна, переехала на другую квартиру. С мужем она разошлась, а ее подруга давно съехала прочь. В доме появились новые жильцы.

Мы переезжаем на улицу Елькина

Это была странная женщина с двумя детьми и прислугой, с потугами на аристократизм, бритая наголо. По целым дням она отсутствовала, а дети и прислуга целый день сидели в комнате голодные. Мебели не было никакой, прислуга — молодая девушка — без конца жаловалась всем на свою хозяйку. Возможно, что появление этих новых жильцов до некоторой степени способствовало решению переехать на новую квартиру. Или надоело терпеть придирки Гершковичей? Как бы там ни было, но переезд на новую квартиру был решен. Новый адрес: улица Елькина, 49.

Еще до переезда я пошла на новую квартиру и понесла туда лампу, обыкновенную керосиновую. Я шла по улице Советской вдоль монастырской стены и несла в руке лампу.

Оглянувшись, увидела позади себя Леньку. Любопытный пошел за мной, чтобы узнать, куда мы собрались переезжать. Мне не хотелось, чтобы он знал. Как быть? Я сильно замедлила шаги, почти остановилась, и он догнал меня, а потом и перегнал — видно, делал вид, что идет сам по себе, по своему делу. Когда он дошел до угла и повернул на улицу Спартака, я кинулась опростелить бежать вперед и, добежав до угла, увидела, что Ленька неспешно шагает по Спартаку, думая, видимо, что и я поверну сюда же. Я кинулась бежать через улицу к базару. Прячась за киосками, я наблюдала за Ленькой. Он шел, не оглядываясь. Тогда я побежала через базар, через всю площадь напрямик и остановилась в совершенно незнакомом мне месте. Это был перекресток трех улиц: Воровского, Елькина и Сони Кривой. Огляделась — «хвоста» нет. Увидела вдалеке Рабоче-Крестьянскую улицу, ближе — Елькина и свой новый дом. Поспешила к нему. А хитреца обманула. Конечно, он вскоре все равно узнал наш адрес, потому что папа публиковался в газете, и, может быть, прошелся раза два по нашей улице, но я его никогда в наших краях не встречала.

На Елькина стоял домик-крошечка и глядел на свет в три окошечка. Домик принадлежал нашей новой хозяйке — Татьяне Кузьмовне Жаковой. Это была пожилая женщина. У нее была дочь Валентина Евгеньевна Капралова, а у Валентины Евгеньевны была дочь Тамара, или попросту Томка, девочка лет семи. Томка бегала по двору и на улице, играла на тротуаре со своей визгливой собачонкой Мухой. Впоследствии Муха перешла в собственность Ольги Николаевны Выговской и погибла в глубокой старости под колесами грузовика.

Нам приходилось бывать у Жаковых. Валентина Евгеньевна садилась за старенький рояль и аккомпанировала Тамаре, у которой был чудесный звонкий голосок. Тамара пела: «Отчего, певунья птичка, так печально ты сидишь, грустно милую головку опустила и молчишь? Иль водички свежей хочешь, или, лакомка моя, знаю, сахару кусочек ждешь в подарок от меня?» Я запомнила эту песенку и сама ее иногда пою.

Много лет спустя мы встретились с Тамарой. Голос ее сохранился, и она пела в каком-то ансамбле. Судьба ее сложилась несчастливо. Она разошлась с мужем, а ее бабушка и мать умерли. Тамара Михайловна Романико умерла в 1997 году. Пока же, в 1924 году, она жила беззаботно, бегала по двору, смеялась и играла.

Наша квартира была в доме, который стоял во дворе. Двор был очень маленький и узкий, в нем повернуться было негде. Однажды зимой я шла от ворот по двору, а во дворе стояла чья-то лошадь, запряженная в сани. Я, ничуть не опасаясь, шла мимо нее, как вдруг лошадь схватила зубами мою руку возле плеча. Хорошо, что я была в шубе, и лошадь не прокусила материю, но след от зубов на руке остался. С тех пор я стала остерегаться лошадок.

У нас лошадей в то время не было, Татарчонка куда-то девали — продали, наверное. Не съели же! Зато у нас появилась корова, и жила в стайке на заднем дворе. Тут же был и вход в наш дом. Из сеней налево находилась кухня. Тут обитала наша Елена. Из прихожей направо была дверь в папину приемную. Здесь стояло наше пианино. Сохранилась фотография. Я сижу возле пианино, положив руку на клавиатуру. На мне невообразимый костюм: белая в горошек кофта и клетчатая юбка, на плечах старая шаль, на голове розовая лента. На открытом пюпитре ноты: соната Моцарта. Из передней прямо вела дверь в столовую. Тут спала бабушка. Володе негде было поместиться, и он уехал в Мелитополь к дяде Коле. Из столовой дверь вела в спальню. Окна этой комнаты выходили в палисадник и тоже почему-то часто были закрыты ставнями. Эта комната мне иногда снится во сне. В доме водились муравьи, они жили в буфете.

Устроились на новой квартире, и к началу занятий я аккуратно появилась в своей школе. Я пришла в шестой класс. Он помещался там же, где был пятый, — наверху, налево от лестницы. Я села за свою парту одна, так как Нина Нестерова осталась на второй год. Собирались понемногу ученики.

Как вдруг в класс вошла белокурая особа. Она как-то очень быстро сориентировалась и стала выяснять у людей, кто самая лучшая ученица в классе. Указали на меня. Тогда особа подошла ко мне и села со мной за парту. Это была Ленка Шмидт — Елена Соломоновна. Она была второгодница. Ленка Шмидт была настоящая красавица — белокурая, голубоглазая, но необыкновенно грязная и засаленная в своем неизменном пестреньком платье. Ленка была из очень бедной семьи. Я была у них дома, в их пустой и грязной квартире на Красноармейской улице. «Поселившись» вместе со мной, Ленка принялась усердно извлекать из меня выгоду — сдувать все, что я писала в свои тетради.

Однажды мы писали письменную работу по физике. Физику преподавал у нас Александр Иванович Добросмыслов, муж Марьи Владимировны. Ленка косила глазом в мою тетрадь и без зазрения совести сдувала добросовестно все подряд. Я очень боялась, что Александр Иванович поставит нам обеим по «неуду», так как работы будут совершенно одинаковы, но Александр Иванович разобрался, что к чему, и поставил Ленке «неуд», а мне написал: «Работа хорошая». Александр Иванович был интересным преподавателем. Однажды он, вместо того чтобы спрашивать нас, стал рассказывать нам «Человека-невидимку» Уэллса. Слушали все, затаив дыхание.

Бежит прочь 1924 год

Что-то из моих классных работ попало на школьную выставку, и Гриша сказал мне, что читал мою работу. Но вообще-то мы с ним уже не виделись.

Я много читала, брала книги в библиотеке. Прочитала всего Гюго и очень хотела прочитать всего Диккенса, но, к сожалению, в библиотеке были не все его произведения.

Как-то не в начале учебного года, а где-то в середине его в нашем классе появилась новая ученица. В класс вошла высокая тоненькая девочка с длинными, но необыкновенно тонкими косичками. Ленка Шмидт сразу же кинулась к ней, назвала Лидой, потянула ее к нашей парте и усадила с нами. Это была Лида Лазарева, мой верный и закадычный друг на всю жизнь.

Недавно я спросила Лиду (это было в ее последний приезд), откуда она знала Ленку Шмидт. Лида сухоовато ответила, что Ленку она не знала, что ей просто разрешили сесть третьей за парту. Но я не верю этому объяснению. Не так-то была Ленка, чтобы позволить незнакомой девочке сесть между нами. Ленка оберегала меня, я была нужна ей, делить меня с кем-то было невыгодно ей, да и учителей в классе не было в тот момент, когда она тащила Лиду к нашей парте. Очевидно, Ленка каким-то образом видела Лиду в любительских спектаклях, которые ставились на почте, где работала мать Лиды, вот и запомнила ее.

После уроков мы с Лидой вместе пошли домой. Шли, шли и все думали, что вот сейчас разойдемся в разные стороны, но, к нашему удивлению, нам все время было по пути, и мы в конце концов вместе пришли к нашему дому на Елькина. Оказалось, что мы живем напротив друг друга. Я вспомнила, что о Лиде мне рассказывали Жаковы. И хотели, чтобы мы познакомились и подружились, но Лида почему-то знакомиться со мной не хотела. А тут уж пришлось. И дружба наша сохранилась по сей день. Эта дружба никак не мешала мне дружить с Раей. Но Лида и Рая долго не были знакомы и знали друг друга только заочно. Дружбы между ними не было — скорее неприязнь, особенно со стороны Лиды. На переменах в школе мы ходили с Раей. Она училась в пятом классе, который помещался наверху, в комнате, ближайшей к лестнице. Однажды Рая, смущенно и лукаво посмеиваясь, показала мне вырезанное из бумаги сердце, разделенное на клеточки и квадратики. В клеточки были вписаны разные

имена, и Рая объяснила, что это ее сердце, и оно разделено между людьми, которых она любит. Один из кусков был безымянный. Я спросила, кому он принадлежит. Рая смутилась, покраснела, а потом объяснила, что это ее тайна и зовут тайну Азик Гилевич.

Гилевичи Азик и Моня учились в нашей же школе в седьмом классе. Моня был некрасивый, худой, длинный мальчишка, а Азик был красавец, «симпомпончик», хоть сейчас портрет с него пиши. Гилевичи жили недалеко от Раи, на углу улиц Свободы и Коммуны.

Мы с Раей стали часто шляться мимо их дома, надеясь встретить Азика, но ни разу не встретили. Между нами было условлено: если кто-нибудь спросит нас, куда мы идем, то мы ответим, что идем к Зине Белокопытовой, которая жила с Гилевичами в одном доме.

В ответ на свое признание Рая потребовала такового и от меня. Я выполнила ее требование и тоже нарисовала сердце, в котором большой заштрихованный кусок принадлежал Грише. Рая, конечно, начала выпытывать, кто. Я ее обманула, сказала: «Виктор Протасов». Рая приняла это как должное, и когда мы видели Виктора в Рабисе на теории, Рая начинала многозначительно улыбаться, подмигивала мне, подталкивала и старалась усадить меня поближе к Виктору. Но вскоре Рая узнала всю правду. И снова приняла это как должное, обещала свое содействие.

Рая рассказала историю своей любви. Прежде они были хорошо знакомы с Азиком. Виделись, разговаривали, играли в крокет. Но потом все как-то нарушилось, изменилось, они раззнакомились, и вот уже даже не здороваются друг с другом.

Размышляя над этим обстоятельством, я думаю, что объяснение этому такое: Гилевичи были в компании Любы Кривых. Зная характер Любы, можно заключить, что тут, наверное, было ее влияние, ведь она рассорилась с Раей навсегда. Как бы там ни было, дела Раи были плохи. Да и мои не лучше. Ходили, беседовали о своих возлюбленных, судили-ряди-

ли и так и сяк, ждали встречи, а встреч не было. Вся наша жизнь в то время была сосредоточена на этом ожидании, большое счастье было встретить, увидеться, поговорить, но счастье это выпадало так редко.

Рая проболталась. Мою тайну узнала Зоя, да и Александровы знали об этом. Женя на это никак не реагировал, а вот Коля мне не раз намекал. Он учился в одном классе с Гришей. Рая пророчествовала, она предсказывала, что мое знакомство с Гришей постепенно прекратится, сойдет на нет, так же как у нее с Азиком Гилевичем. Рая точно в воду глядела. Моя любовь продолжалась три года, а потом постепенно, не имея пищи, топлива для поддержания огня, заглохла, сошла на нет. Но пока еще, в 1924 году, огонек горел ярким пламенем. Мы непрерывно говорили между собою о наших мальчишках, Рая пыталась устраивать встречи, приглашала играть в крокет. Приглашали к себе и Александровы.

Однажды мы все должны были собраться у них во дворе. Братья Гершковичи тоже были приглашены. Мы все собрались, кроме них. Они ушли на открытие кинотеатра «Октябрь». Мы долго ждали их, играли без них в разные игры, но они все не шли. Я так и не дождалась и ушла домой. После моего ухода они пришли, и Гриша будто бы очень сожалел, что в «Луче» (так он называл по старой памяти «Октябрь») так поздно кончилось. Зоя сказала, что этим сожалением он выдал себя. Но для меня этот день пропал.

У Раи был двоюродный брат — небольшой, плюгавый мальчишка Семка. Однажды мы с Ниночкой заглядывали в щелку забора, где жили Екишевы. Их дом стоял на углу улиц Мастерской и Карла Маркса. Он стоит и сейчас. Во дворе у Екишевых была большая катушка, и мы глазели в щелку, как они там катаются. Семка подошел и стал привязываться к нам, зачем мы смотрим. Я не знала, что это Раин брат, напала на него, поколотила и свалила в снег. Каково же было мое удивление и смущение, когда я встретила его у Раи на именинах. Но Семка и виду не подал. На этих именинах

были и Александровы. Мы играли в почту. У Раи был № 0, а у Кольки Александрова № 6. И вот я получаю письмо такого содержания: «Ася, пишу тебе от Г. Г. — он тебя очень любит». Подписано «№ 0». Я решила, что это написала Рая, очень удивилась. Ответила ей шуткой. Снова получаю письмо. Написано: «Ася, что же ты ничего не отвечаешь насчет Гриши?» Подписано «№ 6». Тут только я поняла, что первое письмо было не от Раи, а от Кольки. Он небрежно написал свой номер, и вышло похоже на «0».

В то время моя любовь еще не прошла окончательно, но я решила не давать Кольке повода рассуждать на эту тему и написала ему, что мне нет дела ни до Ленки, ни до Гришки. Коля мне не поверил и написал в следующем письме: «Слушай, Ася, ты врешь!» В ответ я написала ругательное письмо, в котором раздраконила обоих Гершковичей и снова повторила, что мне до них нет дела. Коля недоверчиво покачал головой, но писать больше не стал.

Когда окончился вечер, мы все вышли на улицу. Подошли к дому Гриши, и Колька, глядя на Гришины окна, все говорил, что вот Гриша уже спит и не знает, что мы тут ходим. Надрывал своими словами мне душу, но ничего нельзя было поделать. Мы тут, на улице, а Гриша там, за своими стенами, не знает ничего.

Годы шли, уходила прочь любовь и ушла окончательно. Наступило равнодушие, и когда Зоя сказала мне, что Гриша закатил скандал по поводу того, что кто-то проводил домой его Валечку Андрианову, я восприняла это совершенно спокойно. Валя Андрианова — известная всем «городская девушка» — училась в одном классе с Зоей, пользовалась успехом у мужчин, ходила на танцы. Дружила с Олей Логиновских, такой же, как она, очень известной городской красавицей. Позже я увидела Валю Андрианову. Это была небольшого роста девушка. Лицо ее показалось мне приятным. Ее полюбил Гриша. Все это произошло позже, а пока, в 1924 году, Вали еще не было.

Еще до нашего переезда к Жаковым помню, что во дворе произошел такой случай. Каким-то образом мы с Ленкой оказались на лавочке за воротами, и откуда-то возникла между нами тихая хорошая дружеская беседа. Он не лез ко мне, не задавал каверзных вопросов, не устраивал «тестов», а просто мы по-хорошему о чем-то беседовали, как друзья. Гриша в это время вышел на улицу со двора, неся на плечах Секрета. Увидев нас с Ленкой на лавочке, даже вздрогнул от неожиданности, быстро повернулся и ушел обратно во двор. Не хотел мешать нашей беседе. Но такая беседа возникла между нами, пожалуй, единственный раз. Назойливое внимание с Ленкиной стороны и тихая ненависть с моей — вот были наши взаимоотношения.

В то время не было уже ни Лены Матвеевой, ни Кольки Голдобеева. Вскоре я лишилась еще одной своей закадычной подруги — Ниночки: Козловы переехали из Челябинска в Свердловск.

В последнее время они жили на Советской, но не в угловом доме, а в соседнем с ним. У них была большая комната и маленькая кухонька. Наверху был мезонин, там кто-то жил. И мы с Ниночкой любили лазить туда по узенькой извилистой лестнице. Иногда я вижу эту лестницу во сне. Много лет спустя мне довелось побывать в этом доме. Там теперь жила шляпница Розалия, дочь которой Люба вышла замуж за скрипача Катсона. После отъезда Козловых в Свердловск маме моей некому было аккомпанировать, и она сожалела об этом. Мы иногда ездили в Свердловск, и там я снова встречалась с Ниночкой. Мы играли с ней, но уже не в «чурички», а бумажными куклами, вырезанными из модных журналов. Ира Козлова играла с нами.

Останавливались в Свердловске мы не у Козловых, а у Новицких, которые жили на Сибирском проспекте в деревянном доме на втором этаже. Свердловчане очень любили свой оперный театр и на все лады расхваливали артистов. Приходилось и нам бывать в этом театре, и как раз под но-

вый 1925 год мы слушали в нем оперу «Севильский цирюльник».

1925 год

После отъезда Козловых в Свердловск мы стали частенько наведываться туда в гости. Останавливались всегда у Новицких. Они жили на Сибирском проспекте в деревянном доме на втором этаже. Занимали небольшую комнату, попасть в которую можно было из большой проходной комнаты. Впоследствии эта комната тоже перешла к Новицким, но толку от нее было мало, так как через нее ходили жильцы всей квартиры. Дядя Саша работал на железной дороге, кормил и содержал всю семью. Тетя Аня не работала, вела хозяйство и без конца пилила дядю Сашу за его воображаемые измены ей. Это был ее конек и любимая тема для разговоров. А я слушала и не верила. Баловали они своего сына Бориса. Он был очень уж боек, но имел характер добродушный и был очень гостеприимен.

Свердловчане обожали свой оперный театр и своих артистов. В их театре в то время пели Козловский и Лемешев. Козловского свердловчане очень любили, называли Иваном Семеновичем. Лемешев был менее знаменит.

В Свердловске выпускалась своя театральная газета в виде маленького журнальчика, посвященного только жизни театра и его артистов. Печатались там фотографии, афиши, небольшие рассказы и эпиграммы. Например, артист Капара шуточно продергивался там в том смысле, что он исполнял в опере «Фауст» две роли — старого Фауста и мальчишки Зибеля. Словом, «два сапога Ка-пара». Но больше всех артистов свердловчане любили Мухтарову. Называли ее Фатъма-ханум и захлебывались от восторга, описывая ее в роли Кармен. Мне довелось увидеть Мухтарову в этой роли,

но не в Свердловске, а в Челябинске, когда Мухтарова приезжала на гастроли. Роль Хозе исполнял артист Дроздов. Мухтарова вела себя на сцене ужасно, хулиганила, лупила Дроздова по голове кипой бумага, толкалась и дралась. Такое ее поведение вызывало восторг публики. Это понятно!

Под новый 1925 год мы попали в оперный театр не на «Кармен», а на «Севильского цирюльника». Альмавиву пел Козловский. Он почему-то моей маме не понравился. Она нашла, что у него землистый цвет лица. Может быть, это было потому, что он был очень мало загримирован, и его лицо среди раскрашенных лиц его партнеров действительно казалось каким-то серым.

Большой восторг публики вызвал артист Донец, исполнявший роль дона Базилио. После того как все пропели ему: «Доброй ночи вам, сеньор мой!», и вытурили прочь дона Базилио, он вдруг вернулся, подошел к рампе и пропел в публику на мотив «доброй ночи»: «С новым годом поздравляю!» Это было очень интересно!

Младшая гречанка

Встретили мы в Свердловске новый 1925 год и возвратились домой в свою квартиру на Елькина, 49. Папа воспел эту квартиру в своем стихотворении. Оно начиналось так: «Из окна моей квартиры виден грязный тпрукин хвост. Слышен запах из сортира, под окном лежит навоз». Но жили себе, и время бежало. Улыбались нам доброжелательные хозяева. Бегала по двору маленькая звонкоголосая Томка. Внизу в их доме жили греки, чистильщики сапог. В их семье жила совсем молоденькая девушка, лет четырнадцати-пятнадцати. И вот ее так рано выдали замуж. Сыграли шумную свадьбу. После я ее встречала. Она сразу же изменилась. Повзрослела и постарела. Уже не казалась такой юной.

Судьба Веры

В школу мы всегда ходили вместе с Лидой. Сидели по-прежнему трое. Сидим в классе, идет урок, а снизу, из квартиры Ивана Даниловича, доносятся звуки музыки. Это играет девочка, племянница Ивана Даниловича Вера Бендер. Она училась в музыкальной школе и кончила ее уже тогда, когда школа помещалась в дяди-Васином доме. Мне довелось увидеть Веру как раз после выпускного экзамена, очень взволнованную. Она сокрушалась, что сыграла не так, как ей хотелось бы, а много хуже.

Мне кажется, что Вера была очень способной, и было странно, что ее не приняли в музыкальное училище, которое открылось в 1935 году.

Вера осталась без музыкального образования, но всю свою недолгую жизнь посвятила музыке. Она работала музыкальным работником в разных местах и очень любила свою работу. В 1939 году я работала в кинотеатре «МЮД». Вера тоже работала там, но не играла на сеансах, а вместе с Тосей Юркиной проводила в фойе музыкальные занятия с детьми. До сих пор помню яркую ритмичную игру Веры «Выйду ль я на реченьку». Под эту музыку танцевали и играли дети.

Вера вышла замуж за Владимира Павловича Чистовского. Брак был счастливым. Родилась дочь Валя. Жили на ЧТЗ. Однажды мы с Верой встретились на улице Кирова и долго разговаривали. Вера собиралась подарить своему мужу вторую дочку. Жизнь Веры была нелегка. Кроме работы производственной, она несла всю тяжесть домашней работы. Она уставала страшно. Ложась спать, говорила: «Я просто не понимаю, я это или не я».

Это выражение Веры я часто вспоминаю и применяю его к себе, когда, умыкавшись до положения риз, еле добираюсь до постели. В середине 50-х годов я работала на ЧТЗ в 3-й музыкальной школе. Однажды я сидела в одной из комнат

Дворца культуры ЧТЗ и занималась с учениками. В дверь заглянул директор школы Аркадий Николаевич Селифанов и сказал: «Вы на месте, вот хорошо!» «А что такое?» — спросила я. Он объяснил, что ему только что позвонили по телефону и сказали, что кто-то из его работников попал под трамвай. Все движение остановлено. Сообщившие сказали правду, но они же и ошиблись. Ужасно, трагически погибла Вера Ивановна Чистовская. Но она не была педагогом школы. Она являлась музыкальным работником где-то на заводе имени Орджоникидзе. Шла с работы, собиралась ехать домой на ЧТЗ. Шла возле трамвайных рельсов, не береглась. Как вдруг ее настигла злая участь: трамвай заворачивал, и тут прицепной вагон оторвался и сшиб Веру, шедшую рядом. Ее повезли в больницу, но дорогой она умерла. Осиротели две ее дочери. Старшая Валя окончила музыкальное училище, младшая училась в 3-й музыкальной школе. Муж Веры вскоре женился на ее тетке — Дарье Марковне. Как-то в газете была статья о семье Чистовских, о том, что они выписывают много газет и журналов. Хозяйка дома, мать семейства, называлась Дарьей Марковной. О Вере уже забыли, о ней не упоминалось в статье. А на похоронах ее народу было много. Ее оплакивали, жалели, горевали, что так нелепо погибла эта милая, веселая, работающая женщина, скрашивавшая наше скучное сидение в классе своей музыкой когда-то в нашей юности. Она была хорошим человеком.

Дорогие подруги

Крепла дружба с Лидой. Ходили гулять. Окрестности возле наших домов исхожены нами. Улицы Елькина, Сони Кривой, Воровского и Спартака возле банка — круг наших прогулок. Говорили о том о сем, обсуждали школьные дела. Ходили друг к другу в гости. В домике Лиды им с мамой

принадлежали всего одна комнатка и кухня, да еще и в кухне как будто жили какие-то квартирантки. Куклы Лиды помещались в нижнем ящике буфета. На ее попечении были козы, которых она пасла летом недалеко от дома на зеленой лужайке — там, где теперь гастроном.

Крепла дружба с Раей. У нас с ней были тайны, о которых мы без конца говорили шепотом, таинственно. Настала весна, настала Пасха. И как раз на Пасху приехал из Мелитополя Володя.

Поход в Першино

В школе задумали мероприятие — так сказать, связь школы с жизнью. Наш класс отправился пешком в деревню Першино в пяти километрах от города. Шли по правому берегу Миасса мимо тюрьмы. Вот тут-то Дрожейко и пригласил нас зайти к нему в сенки, где и напоил нас водой из ковша. Воду черпали из кадки, стоявшей в сенях. Весь класс был разбит на несколько бригад. Придя в Першино, каждая бригада должна была выбрать себе один крестьянский домик, расспросить семью об их житье-бытье, о работе, планах, чаяниях, отношении к жизни и после этого написать сочинение.

В одну бригаду со мной попали почему-то одни «хулиганы» вроде Дрожейки и Блюма. Никто из моих подруг — ни Лида, ни Ленка Шмидт — вместе со мной не попали. Когда мы пришли в деревню, то все девочки и мальчишки кинулись в хорошие зажиточные дома, но крестьяне отнеслись к нашим визитам очень настороженно и недоверчиво и не хотели делиться никакими сведениями из своей жизни. Моя же бригада по моей инициативе выбрала маленькую избушку-развалюшку на краю деревни. Там жил какой-то одинокий мужичок, бобыль, который принял нас очень хорошо и охотно рассказывал о своей жизни. Запомнилось его выражение, что

дом его «назём», да и он сам «назём». Я сказала своим «хулиганам», чтобы они даже и не совались с писанием сочинения, я напишу все одна. И написала. И сочинение нашей бригады было самым лучшим, да и почти единственным, потому что остальные вообще ничего не смогли написать. Это называлось «Смычка города с деревней».

Бежит прочь 1925-й

Время шло. Приближалось лето. Кончились занятия в школе. Мы перешли в 7-й класс. Ленка Шмидт переползла тоже, но в 7-м классе она уже не сидела с нами. Мы с Лидой сидели двое. С кем сидела Шмуля, не помню.

Настало лето. Мамочка с нами, детьми, поехала отдыхать в деревню Шигаево, которая находится в 22 километрах от Челябинска. С нами поехали на отдых Новицкие: дядя Саша с тетей Аней и Борисом и еще племянница дяди Саши Тина, девочка моих лет. Папа остался в городе, приезжал по воскресеньям, привозил нам лакомства. В Шигаево расположился дом отдыха учителей, и нам удалось устроиться туда с питанием.

Все отдыхающие должны были по очереди дежурить на кухне, составлять меню и следить за приготовлением обеда. Каждая очередная хозяйка изощрялась в придумывании самых разнообразных блюд вроде фаршированных яиц и тому подобного. Пришлось дежурить и моей маме с тетей Аней. Много было у них волнений по этому поводу. Все ли у них гладко пройдет? Однако их кулинарные выдумки дальше пельменей не шли.

Один раз братишка мой нес домой обед и вдруг уронил на дорогу какой-то пирог, как будто с мясом. Тотчас же прибежал петушок и, весело сзывая кур, принялся клевать пирог. Мой братишка был в восторге от поступка петушка, однако пирога на обед мы не получили.

Среди отдыхающих в Шигаево находилась молодая учительница очень приятной наружности, кокетливая Елизавета Павловна Бромирская. Шло лето, мы ходили в лес, переходя реку Миасс по плотине. Однажды мы сфотографировались на этой плотине. Другая фотография запечатлела нас за обедом в крестьянском дворе. Собирали в лесу ягоды и грибы, покупали корзинами клубнику у крестьян, варили варенье. Мы бродили с Тиной, разговаривали о том о сем, читали, играли в «виселку». После обеда, когда все валились на кровать отдыхать, Тина хватала веник и начинала мести пол. Боялась, что у нее «жир закрутится». Славная она была хохлушечка. Тетя Аня не ела никаких ягод, кроме земляники, дядя Саша опекал своего Боркушу. По воскресеньям приезжал папа с корзинами снеди, баловал нас.

Так проходило лето. А я скучала и рвалась в город. Мое новое хобби — кино — уже оказывало на меня свое действие.

Наконец наш летний отдых окончился, вернулись домой. Конечно же, я сразу помчалась к Рае. Рая снова пыталась организовать крокетные встречи. Вероятно, в это же лето и произошел сбор у Александровых, когда мы все так ждали прихода братьев Гершковичей, а я не дождалась, «психанула» и убежала домой. Однако любовь моя заметно шла на убыль.

Настала осень, и произошло сразу три события: мы переехали на новую квартиру, наш класс перебросили в семилетку и открылся новый кинотеатр «Октябрь».

Первого сентября мы с Лидой пришли в Центральную школу и узнали новость очень неприятную. Мы больше не были ученицами Центральной школы — наш класс как хулиганский перевели в 1-ю семилетку. Здание семилетки — это здание женской гимназии, но не то, которое выходило на улицу Цвиллинга, а большой двухэтажный дом во дворе гимназии. Дом этот пока еще не снесен, но скоро его снесут. Можно было бы и не ходить в семилетку, остаться в Центральной школе, перейти в Зоин класс. Если бы папа попросил об этом Ивана Даниловича, тот, конечно, не отказал бы.

Но мне такой ход и в голову не пришел, да и вряд ли я захотела бы расстаться с Лидой.

Итак, отправились мы в нашу новую школу, а дома началась суэта, ведь мы снова переезжали на новую квартиру — в соседний дом. И даже вещи переправляли через забор. Дом этот, красивый и прочный, на высоком фундаменте, принадлежал Пелагее Михайловне Пашутиной-Скляренко. Прежде в нем жила семья Зиновьевых — хорошая патриархальная семья с определенным семейным укладом. В семье были две дочери: Галя — уже девушка, и Леля — девочка нашего с Раей возраста. И вот Зиновьевы выехали из этого дома и переехали во двор к Рае, где стоял дрянненький домишко. В нем я бывала, когда мы с Раей приходили к Леле Зиновьевой. За Галей ухаживал молодой человек — Гриша Шулдяков.

Много лет спустя довелось встретиться с Галей Зиновьевой, теперь уже Шулдяковой. Галина дочка училась в нашей музыкальной школе у педагога Короткиной. Леля Зиновьева, по словам Гали, жила в Свердловске.

Итак, мы переехали в новый дом. В доме было пять комнат. Две комнаты с окнами по фасаду были, так сказать, парадные. В одной из них была у нас столовая, в другой — папина приемная. В двух других, выходивших окнами в маленький садик, сделали спальни и мою собственную комнату. Одна комната была в самом центре квартиры. Окно этой комнаты выходило в закоулок, отделявший владения Пелагеи Михайловны от владений Татьяны Кузьмовны. В этой комнате у Зиновьевых была столовая, и для удобства в эту комнату из кухни был пробит ход. У нас в этой комнате была ожидальня для больных. Тут же ширмой отгородили бабушкину кровать. Лаз в кухню был закрыт, а он очень нравился мне. Парадный ход был из садика возле ворот, а кухонный ход выходил во двор с другой стороны.

Перед окном моей маленькой комнатки рос большой тополь. Мне кажется, что распределение комнат в квартире было сделано неудачно. Больные ожидали в самом цен-

тре квартиры. За ширмой на кровати помещалась бабушка. Наверное, ей было неудобно. Столовая находилась далеко от кухни, носить туда кухонную готовку приходилось через ожидальню.

Зато я получила отдельную комнату, что мне было очень приятно. В комнате стояли моя кровать, письменный столик, и был еще стенной шкафчик, куда я составила свои книги. В этом же году началось мое увлечение кино и театром, и вскоре комната наполнилась афишками, портретами артистов, вырезками из газет. Я начала регулярно покупать журнал «Советский экран», книжечки про киноартистов, открытки. Несколько позже обновилась в моей комнате и мебель. Папа сделал мне подарок на именины — столик и шкафчик. Они были прекрасно сработаны мебельщиком-краснодеревцем Сапожниковым. Столик был с зеркалом, он был одновременно и туалетным, и письменным. Точно такой, только не красный, а коричневый, стоял в спальне у моей мамы в новиковском доме. Бедный мой столик! Сколько мытарств пришлось ему претерпеть. Я переправляла эту свою мебель в дом тети Нюры. Там деда Миша зеркало содрал и продал, и столик долго стоял без зеркала. Потом я снова перевезла свою мебель на Васенку, а когда переезжали сюда, на улицу Орджоникидзе, то оставили столик на старой квартире. Деда Миша увез его к себе и, наверное, загнал кому-нибудь по дешевке. Шкафчик же стоит сейчас в кладовке и служит мне верой и правдой.

Жизнь на улице Елькина и в семилетке

Мы радовались, что наконец-то удалось поселиться в хорошем доме. Двор при доме был большой, огород тоже. Забор огорода выходил на улицу Воровского. Сюда же выходил фасад длинненького каменного белого дома (бывшая кузница),

где жила хозяйка Пелагея Михайловна. Она была вдова. Уже будучи немолодой женщиной, она вышла замуж вторично за некоего Скляренко, и у нее родилась дочь Зоя. Пелагеи Михайловны уже давно нет в живых, а Зоя живет где-то далеко, имеет семью, детей, внуков. Переписывается со своими родственниками — Николаевыми. Хочет оставить память о своей маме в виде рукописного журнала с фотографиями и очерками из ее жизни. Пелагея Михайловна сдавала комнаты в своем домике квартирантам. Одну из комнат снимала у нее моя бабушка для Володи. К нему ходили друзья — юноши и девушки. Многие из друзей были шахматистами, например Полетаев, Мальгин и другие. С некоторыми из своих друзей он и теперь поддерживает связь. Братишка мой часто посещал Володю и, видя у него в гостях девушек, решил оберегать его и караулить, чтобы он не женился на одной из них. Караулил он исправно: не уходил никуда, сидя в уголке на сундуке. Володя спросил его: «Что это ты, Николай, все время тут сидишь?» «Да, — ответил Никулища, — я уйду, а ты тут женишься!» Одну из знакомых девушек звали Шура Опалева. Мне довелось встретиться с ней много лет спустя. Ее дети занимались у меня. Звали ее теперь Александра Михайловна. Она сказала, что будто бы именно она подсказала Володе, чтобы он женился на Гале...

Пелагея Михайловна сдавала комнаты также артистам драмтеатра. У нее снимала комнату молодая артистка Невоструева, у которой бывал главный артист труппы Бецкий.

У Пелагеи Михайловны была маленькая собачонка Кукла, которая вечно лаяла во дворе. У Куклы появился щенок — очаровательная белая с черными пятнами собачонка, которую я назвала Сильва. Бецкий увидел Сильву, и у него мелькнула мысль использовать собачонку как реквизит в спектакле. Шел спектакль «Бронепоезд 14-69». Бецкий играл в спектакле белогвардейца. Каждый раз, как шел спектакль, бутафор Клава Горюткина приходила к Пелагее Михайловне и забирала Сильву. Иногда за собачонкой приходили и к

нам, потому что Сильва постоянно торчала у нас. Мне было жалко собачонку, и я совала ей в рот на прощание хворост. Я специально пошла на спектакль и увидела, как Бецкий выходил на сцену, держа на руках собачонку. Сильва выглядела со сцены великолепно. Черные и белые пятна на ее шерстке ярко выделялись в свете рамп. Но маленькая псишка трусила ужасно и сидела на руках у артиста ни жива ни мертва.

Вскоре собачонку украл парень Левка Шмотин, живший напротив нас. Лида обнаружила это, и Пелагея Михайловна вытребовала собаку обратно, но через некоторое время псину украли снова, и на этот раз ее уже не нашли.

Жил у нас во дворе большой черный псин — дворняга Марсик. Наша Елена любила играть с ним — баловаться. Звала его Мархья и часто носила его, такого нескладного дылду, на руках. Пес все терпел, а мы смеялись. Вот тут-то и была сочинена песня на мотив «Нива моя, нива» про кота Базёшку, в которой упоминался Мархья. Песня поется так: «Нива моя, нива, нива золотая, зреешь ты на солнце, колос наливая. По тебе от ветра, словно в синем море, волны так и ходят, ходят на просторе. Над тобою с песней жаворонок вьется, над тобою туча грозно пронесется. Унеси ты, ветер, тучу грозовую, сбереги нам, боже, ниву трудовую». Мы переиначили песню и пели так: «Базя, ты мой Базя, Базя дорогой, ты лежишь на солнце, спинку выгибая. По тебе от ветра, словно в синем море, шерстка так и ходит, ходит на просторе. Над тобою с песней Никулища вьется, над тобою Мархья грозно пронесется. Унеси ты, ветер, Мархью грозного, сбереги нам, боже, Базю трудового».

Судьба Мархьи оказалась печальной — он взбесился и погиб.

Наша Еленушка-Мишенька доживала у нас последние деньки. Заскучала она, затосковала, жизнь ей стала не в жизнь. Встретился ей на пути лядаций мужичонка, и захотела она выйти за него во что бы то ни стало замуж. Засобирались уходить от нас и ушла, но только счастье ее было

недолгим. Вместо Елены у нас появилась новая домработница, тоже из чумляцких мест, из деревни Кишкиной. Однажды кто-то постучал в кухонную дверь. Я открыла и увидела за дверью Дашу Петрову; несмотря на молодость, она была уже вдова. Даша поселилась у нас. Иногда к ней приезжали ее деревенские родственники — мать Евгения Анисимовна и сестра Дуня. Отец Даши был пьяница, и его визиты были очень неприятны и сильно расстраивали Дашу.

Шла осень 1925 года, и мы ходили с Лидой в школу. Семилетка была полна хулиганов. Они бесились на перемене, устраивали кучу-малу, орали, бегали, скакали и сталкивали девчонок с обледелого крыльца.

В нашем классе появились новые ученики. Из девочек прибыла Тамара Куксова. Она жила на улице Мастерской, недалеко от Александровых, и поговаривали, что у нее с Женей Александровым был романчик. Тамара жила в небогатой семье. Но позже ее отец открыл парикмахерскую, и жизнь семьи, по-видимому, улучшилась материально, потому что девочки Куксовы — Тамара и Клава — стали хорошо одеваться и блистать в горсаду. Обе сестры были очень приятны внешне, и даже мой папа заметил красоту Клавы, когда однажды его пригласили лечить ее, чем-то заболевшую.

Тамара сразу сдружилась с Поляковой и Зайцевой. Они сидели за одной партой все втроем. Во время процесса Гареевой все три подружки выступали в суде свидетелями.

Появилось пополнение и в мужском составе. Сережа Шелудяков — сын известного в городе фотографа, уже взрослый юноша, герой-любовник — главное лицо в будущем судебном процессе.

Мы с Лидой сидели на второй парте в среднем ряду. За нами сидела троица — Полякова, Куксова, Зайцева. Гареева с Зиной Кудрявцевой сидели на первой парте у окна. Ряд возле дверей, как и всегда, занимали мужчины. Ленка сидел на одной из первых парт, а Шелудяков — на последней. Мы познакомились и с нашими новыми учителями. Русский

и немецкий у нас преподавал Юлиан Петрович Шестачка. Мы называли его «Ульян Петрович». Это был очень скромный, даже застенчивый человек, чех по национальности. Он вместе со своей женой Прасковьей Ивановной часто бывал в гостях у тети Лизы Новиковой. Однажды мы, дураки, вздумали устроить Юлиану Петровичу забастовку. Все вышли в коридор и встали у дверей класса. Юлиан Петрович пошел на урок, подошел к классу, перед ним расступились — дали дорогу. Он вошел в класс, за ним захлопнули дверь. Войдя в пустой класс, учитель тут же вышел в недоумении. Мне было стыдно, что устраиваем забастовку такому хорошему учителю, доброму и спокойному, но все же я стояла со всеми вместе в коридоре. По счастью, забастовка на этом и закончилась. Все вошли в класс, и уроки возобновились.

Математику и физику у нас преподавал чудесный учитель — Герасим Васильевич Попов. Немного мужиковатый, очень простой, подвижный, он прекрасно знал и любил свой предмет. У него была поговорка: «Трудно? Трудно! А нужно? Нужно! Так в чем же дело, рабочий класс?» Герасим Васильевич очень хорошо относился ко мне и к Лиде — отмечал нас, хвалил. Иногда спрашивал устно, не у доски, прямо с места. Отвечаешь ему — он внимательно слушает, смотрит в глаза, а чуть запнешься — ударит огромным циркулем по плечу. И хоть не понимала я математику и физику, а все же очень любила уроки Герасима Васильевича.

Обществознание преподавала у нас Елизавета Павловна Булатова, та самая, которая была в доме отдыха в Шигаево. Только тогда ее фамилия была Бромирская, а теперь она стала почему-то Булатова. Елизавета Павловна была нашим классным руководителем. Она очень хорошо относилась ко мне.

Однажды в учительской шел педсовет, который можно было слушать всем учащимся (видимо, новая мода). Толпа учеников стояла в открытых дверях и жадно вслушивалась, что там про них говорят учителя. Когда стали обсуждать

меня, Елизавета Павловна очень хорошо обо мне отозвалась. И так принялась меня расхваливать, что я пустилась наутек, раздвигая толпу и выбираясь прочь из нее.

Естествознание у нас преподавала маленькая толстенная учительница по фамилии Фосс. Она была большая чудака. Говорила, например, что весна способствует нашей любви, — слова, странные, на наш взгляд, в устах учителя. Фосс задавала нам писать доклады, причем заранее давала список вопросов, которые она задаст докладчику, и тут же объясняла, как на эти вопросы ответить. Мне она также поручила сделать доклад и тоже дала целый список вопросов и ответов.

Я сделала доклад и исправно ответила на ее вопросы, как вдруг Ленка задал мне не предусмотренный докладом вопрос. Пока я делала доклад, он сел на первую парту и не спускал с меня глаз. Когда задал свой вопрос, смотрел на меня тревожно и напряженно: боялся, наверное, что я не отвечу. Но я отвечала правильно, и он торопливо и радостно закивал головой. Помню, что все же доклад стоил мне больших усилий и хотя прошел хорошо, обычная слезливость не миновала меня и в этот раз.

Интересно проходили у нас уроки химии. Фамилия учителя была Чемалин. Это был очень болезненного вида и хилый человек, очень спокойный и добрый. Прекрасно вел он свою дисциплину, но хулиганье пользовалось его добротой. Уроки химии проводились в классе, где классная доска стояла прислоненной к углу. В этом углу легко было спрятаться, и часто туда прятался кто-нибудь из хулиганов с книгой, по которой нахально подсказывал своим приятелям, которых вызывали отвечать. Чемалин, конечно, слышал все это, но молчал и терпел.

Заведующим семилеткой был Пискарев. Говорили, что он из выдвиненцев. Позже он заменил Ивана Даниловича и был заведующим Центральной школой.

«Товарищ кино»

Так мы учились в семилетке, а между тем новое хобби все больше забирало меня в свою власть.

В городе открылся новый кинотеатр «Октябрь». Он находился на углу улиц Спартака и Рабоче-Крестьянской. Первый фильм, шедший там, назывался «Слесарь и канцлер» по пьесе Луначарского. Интересный, наверное, был фильм! Что скрывалось за этим названием — «Слесарь и канцлер»? Весь город, наверное, отправился посмотреть новое кино! А я вот не пошла. И до сих пор щемит у меня сердце, что не была в тот день в кино. Могла бы пойти, но не пошла. Считала, что картина неинтересная, ведь в ней не играла Малиновская или кто-нибудь другой из моих любимых артистов. Эх, балда я, балда! А Гершковичи ведь ходили! Вот тогда-то мы и ждали их у Александровых, а я не дождалась, ушла домой и упустила свое счастье...

Я завела тетрадь, в которую начала записывать фильмы, которые шли в «Октябре»: 1) «Слесарь и канцлер»; 2) «Нападение на виргинскую почту»; 3) «Илона»; 4) «Нелли»; 5) «Водопад жизни»; 6) «Особняк Голубиных»; 7) «Лунные всадники»; 8) «Музыканты жизни»; 9) «Луч смерти»; 10) «Аборт» (с лекцией Сталина); 11) «Железнодорожные хищники» и т. д. Каждая картина шла по три дня. И было три сеанса.

Я стала делать из газет вырезки о кинофильмах и наклеивать их в тетрадку. В то время демонстрировалось много американских фильмов, и они были самыми интересными. Самой любимой артисткой стала Мэри Пикфорд. Я видела с ее участием три фильма: «Розита», «С черного хода» и «Когда растает снег». В фильме «Розита» Мэри играла взрослую девушку — уличную певицу. Фильм этот был поставлен уже тогда, когда Мэри решила отказаться от детских ролей, потому что ей исполнилось 30 лет, и перешла на взрослые. Сюжет «Розиты» немного напоминает «Периколу», только там нет

Пикильо. Вспомнила, что видела еще один фильм, где Мэри играет взрослую роль, — «Дороти Вернон».

Не посмотрела фильм «Два претендента», так как он шел в среду на Страстной неделе, а я считала, что в такой день ходить в кино нельзя. А фильм, наверное, был интересным. Это экранизация книги «Маленький лорд Фаунтлерой». Книга эта была у меня, и я ее часто читала. В этом фильме Мэри Пикфорд исполняла две роли — Седрика Эррола и его матери Милочки.

Другая очень известная американская артистка была Лиллиан Гиш. С ее участием я видела только один фильм — «Две сиротки». С Лиллиан играла ее сестра Дороти Гиш, менее знаменитая, чем она сама.

Не могу себе простить, что не посмотрела фильм «Водопад жизни» с Лиллиан Гиш и Ричардом Бартелмессом.

Большим событием для любителей кино было появление на экране фильма «Багдадский вор» с Дугласом Фэрбенксом в главной роли. Картина поражала еще и тем, что была снята в необычном цвете. Она была не черно-белая, а коричневая. «Багдадским вором» долго бредили мальчишки. Он оказывал на них такое же действие, как теперь «Фантомас». Ну, а девчонки, конечно, мечтали о таком вот обаятельном воре Ахмеде, каким изобразил его Дуглас Фэрбенкс.

А фильм «Знак Зорро» и его продолжение «Сын Зорро»! Это было нечто волшебное, изумительное! В «Знаке Зорро» Дуглас играет ленивого увальня дон Диго, который любил баловаться всякими пустяками: например, распустить по ветру носовой платок, вроде парашюта, и тому подобное. И никто не знал, что дон Диго был быстрым, смелым, находчивым Зорро, боровшимся за правду и справедливость, скрывавшим свое лицо под маской. Верная шпага Зорро оставляла на лбах побежденных врагов знак. Зорро освободил от врагов девушку Лолиту, и только в самом конце фильма персонажи его узнали (зрители поняли это почти сразу), что бесстрашный, неутомимый Зорро и увальень дон Диго — одно и то же лицо.

В «Сыне Зорро» Дуглас исполнял две роли — отца и сына. В конце фильма они обнимают друг друга, стоят рядом, что казалось просто необыкновенным. Шел с участием «великого Дуга» также фильм «Робин Гуд».

Необыкновенный хохот стоял в зрительном зале, когда шли фильмы с неподражаемой парой — Патом и Паташонам. Тощий, нескладный, унылый Пат, с обвисшими усами, в узкой коротенькой одежде, и потешный коротышка Паташон были единственными в своем роде. Никогда больше не было комической пары, равной им. Недаром долгое время было так много подражателей, и даже такие артисты, как Черкасов, Чирков, изображали этих изумительных артистов.

В фильме «Из огня да в полымя» Пат, привязавши Паташона веревкой, спускал его сверху на кучу врагов, копошившихся внизу, и Паташон ловко лупил их по головам бутылкой, а Пат регулировал полет Паташона по системе «вира — майна». В фильме «Загадка мельницы» Паташон вертелся на мельничных крыльях. Было и такое: Паташон садился на неисправный водопроводный кран, чтобы закрыть его, и вода лилась у него изо рта. Или так: Пат и Паташон обучали людей плаванию; утопив ученика, вызывали: «Следующий по очереди!» В фильме «Пат-аристократ» Пат брал сахар руками, а потом вкладывал его в щипчики. Все следовали его примеру, считая, что это — самый аристократичный прием. Да, много радости и смеха доставляли людям эти фильмы. Стоило режиссерам в самом начале фильма показать только ноги, торчащие из колосьев пшеницы, как уже весь зрительный зал надрывался от хохота.

Интересные фильмы были и с участием других комиков, таких как Гарольд Ллойд, Монти Бэнкс, Бастер Китон. Фильмы с Чаплиным почему-то в то время не шли. Была еще артистка Пола Негри. С ее участием я видела фильм «Кармен». Моей маме эта артистка не нравилась, она считала ее ломакой.

Советские фильмы я смотрела не все, о чем жалею. Не пропускала фильмов с участием Малиновской, Прозоровского, Ильинского, а позже с Нато Вачнадзе и Судакевич.

Я регулярно покупала журнал «Советский экран». Какой он был интересный, сколько доставлял радости! Печатался на плохонькой бумаге, и не было в нем цветных снимков. Но зато в каждом номере был помещен большой портрет какого-нибудь артиста — или американского, или нашего, советского.

Присцилла Дин, Алиса Терри, Норма Толмадж, Ричард Бартелмесс, Карл Шенстрём (Пат), Харальд Мадсен (Паташон). А из наших советских артистов был портрет красавицы Малиновской, самой любимой артистки всех киношников. Вера была снята в чудесном декольте с обнаженными плечами. После Веры Малиновской любимицей публики была Нато Вачнадзе, а несколько лет позже экран завоевала Аннел Судакевич (ныне художник-модельер кино). Когда у меня скопилось целая куча журналов, папа отдал их в переплет, и получилась большая великолепная книга. Эта моя ценность и отрада погибла по моей собственной глупости. Удалось подсудобить книгу моей, казалось бы, верной подруге Юле Белоносковой. Она не вернула мне мою драгоценность. Так я лишилась своего утешения в старости.

1925-й умчался в вечность

Пришло 7 ноября, а за ним 11-е — мои именины. Мне надали много подарков.

Анна Александровна подарила розовый шелк на платье, Константин Васильевич Лукин — духи в каком-то необыкновенно изящном флаконе.

Папа, кроме мебели, дарил мне разные мелкие вещи. Например, кольцо с красным камнем, который мы принимали

за рубин. Теперь кольца у меня нет: им завладела Ирина и вынула камень — он оказался простым стеклом, но кольцо — высокой пробы золота. Дарил мне папа золотой кулон, браслет, который мы много позже, уже после смерти папы, сдали в торгсин. Боялись идти туда, и поэтому послали меня, а для охраны пошел со мной бабушкин брат Константин Федотыч. Браслет у нас приняли, он был цельно-золотой, и за него мы смогли получить кучу продуктов. Бабушка наказывала мне брать только одну муку, а у меня глаза разбежались от торгсиновских богатств, и я набрала разную разность, вплоть до компота. Но это было уже где-то в 30-х годах, а теперь, в 1925-м, торгсинов еще не было, а продуктов было вдоволь всяких. Так проходил 1925 год и приближался 1926-й.

1926 год

Разгар нэпа и «угар» нэпа, как нередко можно было прочитать в газетах или увидеть в кино. Но мы не чувствовали этого «угара», напротив, воздух был чист как никогда. В продуктах нет недостатка — все есть. Вовсю торгуют частники в своих маленьких лавчонках. Богат базар. Не проберешься среди крестьянских подвод. Молоко, сметана, варенец, масло, мясо, рыба, дичь. Летом горы арбузов, дынь, корзины самарской вишни, яблоки — анис, хорошавка, антоновка.

Расцвет искусства. Центр всего самого интересного — Москва. Я из газет и журналов узнаю, что там делается в театрах Москвы. В Большом театре поют Озеров, Жуковская, Сливинский, Пирогов, Межерауп, Кругликова. Блестит в балете Екатерина Гельцер. Особенно хороша она в роли Тао Хоа в балете «Красный мак» Глиэра. Мы видели этот балет в Свердловске. Гельцер, конечно, там не было, роль Тао Хоа исполняла другая балерина, но все равно балет был чудесен. Все танцы Тао Хоа — с веером, с золотыми пальцами, с зон-

тиком — поражали красотой и необычностью. Огромное впечатление произвели большие танцы — фокстрот, чарльстон и вальс-бостон. Прекрасна музыка балета. Прекрасен композитор Глиэр, хоть и говорила о нем когда-то Наташа Зак: «Глиэр сладкий-сладкий», наверное, повторяя слова своего знаменитого папы. Победоносно шествует по сценам театров «Принцесса Турандот». В Москве ее играет Цецилия Мансурова, роль Калафа — Шихматов, итальянские маски — Симонов и Горюнов. В Челябинске также ставили «Принцессу Турандот». Роль Турандот исполняла Ольшевская, роль Калафа — Летковский. Как было интересно! Сначала под музыку выбегали смешные персонажи Труффальдино и Бригелла, плясали долго, потом выкрикивали потешными голосами: «Представление пьесы “Принцесса Турандот” начинается!» На сцену выходили все действующие лица, и маски представляли их публике. Это было так необычно и чудесно!

В Художественном театре в Москве шла «Синяя птица» — тоже спектакль, который каждый стремился посмотреть. Моя мама видела его. Шумный успех у публики имела пьеса Толстого «Заговор императрицы», пьеса тоже жутко манящая. Ведь в ней очень подробно показывается убийство Распутина. В Москве роль князя Юсупова исполнял Кторов. Моя мама видела этот спектакль в Москве, а мне довелось видеть в Челябинске. Много лет спустя, уже в наше время, доктор искусствоведческих наук Зильберштейн побывал в Париже у князя Юсупова. Жил Юсупов в домике, переделанном из конюшни. Несмотря на свои уже очень преклонные годы, Юсупов бодро спустился с лестницы и рассказал Зильберштейну подробно о том, как они убивали Распутина. Его рассказ с точностью совпал с тем, как это показано в пьесе. Вскоре после этого князь Юсупов умер, а его жена Ирина Александровна, именем которой Юсупов заманил к себе в дом Распутина, передала в дар нашим музеям несколько картин и документов. Когда я жила в Ленинграде, мне приходилось бывать в Юсуповском дворце, там теперь помещался

Дом ученых. Показывали там и комнату внизу, где был принят Юсуповым Распутин и откуда начали убивать его.

Шла еще в Москве пьеса, поставленная режиссером Таировым — «Любовь под вязами», — тоже очень громкая и пользовавшаяся успехом. Главную роль исполняла Алиса Коонен. Шли пьесы «Рычи, Китай!», «Желтая кофта», «Сверчок на печи» и многие другие.

А у нас в Челябинске в нашем Нардоме тоже приятный сюрприз. Впервые приезжает театр музыкальной комедии, попросту оперетта под руководством Сагайдачного. Мы стали часто ходить в театр, смотрели много спектаклей, и с тех пор я полюбила оперетту на всю жизнь. Открылся сезон «Жрицей огня» Валентинова. Мои родители пошли на эту оперетту, а меня почему-то не взяли с собой. И так я «Жрицу огня» больше нигде и никогда не видела. Зато повели меня на «Графа Люксембурга», мою любимейшую теперь оперетту, которую я люблю даже больше «Сильвы». Главные женские роли лирико-каскадных героинь исполняли у Сагайдачного Нэя Глория и Кропивницкая. Нэя Глория особым успехом у публики не пользовалась, хотя плохого о ней ничего сказать нельзя. Публика больше любила Александру Марковну Кропивницкую, артистку с прекрасным голосом, но очень полную.

Каскадные роли исполняла Галина Мар. Эта артистка оставила большой след в театральной жизни Челябинска, и до сих пор театралы-ветераны вспоминают ее. Да, пожалуй, за всю свою жизнь я не встречала каскадную артистку, равную ей. Галина Мар была красива, изящна. На сцене она всегда была блондинкой, хотя в жизни была брюнеткой с седой прядью в волосах. Голоса у нее не было. И арии свои она скорее выкрикивала, чем пела. Но сколько было в ней темперамента, как бесподобно могла она басом ответить на вопрос Бони, умеет ли она хранить тайны: «Нет!!!» Это в роли Стасси в оперетте «Сильва». А как танцевала она шимми в «Баядерке» или «Чонкина» в «Гейше»! Когда тетя Тоня

Левицкая переехала жить в Москву, она там была знакома с дочерью Галины Мар — Катей Мар.

Роли комических старух исполняла артистка Джури. Роли героев-простаков исполняли два артиста — Казаков и чудеснейший молодой красавец Евгений Дмитриевич Михайлов, муж Кропивницкой. Рассказывали, что Кропивницкая была оперной артисткой, а Михайлов — артистом хора. Из-за него будто бы Кропивницкая бросила оперную сцену и ушла в оперетту, так как Михайлов не мог петь в опере. Говорили также, что Михайлов называл Кропивницкую «моя старушка», но в то же время был привязан к ней и ценил ее. Моя мама говорила о Михайлове, что он совсем не умеет играть — неуклюжий увалень на сцене. Может быть, и было у него недостаточно опыта, но он был так молод, так хорош собою, что этим все окупалось.

Казаков — опытный опереточный артист — был совсем не плох, но рядом с Михайловым проигрывал и любимцем публики не был.

Роли простаков исполнял Матвей Павлович Матео. И если с Михайловым по красоте и обаятельности мог поспорить впоследствии такой артист, как свердловчанин Лев Невлер, то с Матео ни один артист ни в одной труппе не сравнится.

Роли комических стариков исполнял артист Роман Елинов. Он умел смешить. Он долго жил потом в Челябинске, играл в нашей труппе. И как будто умер в Челябинске.

Оперетта, оперетта!!!

Итак, первая оперетта, которую я увидела, была «Граф Люксембург». С детства я знала музыку одного из дуэтов Джульетты и Бриссара: «Прочь тоску, прочь печаль!» И тут я услышала, как его исполняют Галина Мар и Матео. Он пел: «Скоро ты будешь, ангел мой, моею маленькой женой»,

укачивая Галину Мар на руках. Потом ронял ее и говорил: «Ничего себе! Маленькая, да тяжеленькая!» А когда они повторяли этот дуэт на бис, он приговаривал: «Вот это называется поношением». Забавно пел свою арию Елинов, игравший князя Георгиевича: «Ах, я влюблен, как гимназист-мальчишка». Когда Анжель уронила платок и князь Георгиевич хотел его поднять, он нагнулся и не мог распрямиться. Михайлов — граф Люксембург — взял его за шиворот и поставил на пол. Все это было так забавно. Чудесная музыка завораживала.

Следующую оперетту я смотрела — «Сильву». Тоже было чудесно! Потом «Баядерка». В то время именно так называлась эта оперетта, а не «Баядера», как теперь. Это тоже одна из любимейших моих оперетт. Одетта Даримонд была толстовата, но другой Одетты я себе не представляла. Так очаровывала Кропивницкая. Много позже видела в Челябинской оперетте артистку Жогалеву, тогдашнюю жену нашего директора Каверина. Она тоже была толстенькая. Но вот увидела в Свердловской оперетте артистку Воронину, и лучшей Одетты Даримонд я больше не видала, настолько Воронина была хороша. Роль Мариэтты исполняла Галина Мар, и это была самая лучшая Мариэтта, когда-либо виденная мной. Как они исполняли с Матео свои дуэты «Как прекрасно сверкают звезды» и «Вот и бульвар, уютный бар». Роль Раджами исполнял Казаков. Михайлов в первый приезд труппы в Челябинск роль Раджами не исполнял. Матео в роли Наполеона Сен-Клоша был неподражаем. Как он проводил сцену рассказа Наполеона об охоте на тигров, как чудесно проводили они с Галиной Мар сцену: «Сконцентрируйте еще раз!»

Смешно играл роль Луи-Филиппа Елинов. В свердловском театре знаменитый артист Маренич роль Луи-Филиппа так же, как роль Воляпюка, исполнял просто зловеще, совсем не так, как играл Елинов или несравненный Ярон. Елинов в роли Воляпюка так потешно кричал: «Ужас! Ужас!» А в роли Луи-Филиппа смешил публику необычайно. Он крестился на Раджами, прыгал чуть не до потолка, крича: «Я холостой!»

Никто, кроме него, не проделывал это так смешно. Музыка «Баядеры» ни с чем не сравнима, особенно дуэт Одетты и Раджами. Раньше они пели: «Танцуют в Бенаресе», а теперь слова другие и артисты поют: «Мы слышим вальса звуки, сплелись в движеньи руки». Музыка этого дуэта таинственная, завораживающая, зовущая в какой-то неземной мир. Мелодии «Баядеры» в то время были очень популярны, особенно мотив арии Раджами. Этот мотив буквально вытеснил все остальные песни и даже потеснил знаменитые «Кирпичики». В романе Ильфа и Петрова «12 стульев» Остап Бендер, поставив ногу для чистки ботинок, спел: «О, баядерка, ти-ри-ри, та-ра-ра». Это он спел потому, что мелодия была у всех на слуху, как теперь песенка крокодила Гены из фильма «Чебурашка». Но слов Остап не знал, как и многие, поэтому спел только два первых слова, а остальное: «Ти-ри-ри, та-ра-ра». Но режиссеры фильма не поняли этого. В фильме Остап не поет, только на афишной тумбе висит афиша, на которой написано: «Баядерка».

В новый кинотеатр «Октябрь» приехал куплетист Южин. Это был самый настоящий халтурщик и пошляк. Он выступал перед сеансами и услаждал слух публики такими шедеврами, как «Роман машинистки коммунхоза», где пелся припев: «Сначала секретарь комхоза, потом сам пред, как строгий муж, затем бухгалтер коммунхоза, замзав отдел и весь комслуж». Пел он еще что-то насчет царя Николая II. Припев пел на мотив «Как вставала я ранешенько, умывалась белешенько»: «Уж вы сашки-канашки мои, вышивайте вы рубашки мои, полечу я вольной птицею с милостивою царицею». А на мотив арии Раджами он пел: «Моя мимоза, моя тюрю, от всего сердца тебя молю. Ты слышишь: средь ветвей, как гимн души моей, поет волшебник соловей». Долго потом этот набор слов распевали на улицах. Халтурщик Южин — худой черный еврей — все же произвел сильное впечатление на неискушенных слушателей. В газете, однако, его сильно раскритиковали, дали правильную оценку его «творчеству».

После «Баядерки» я смотрела оперетту Джонса «Гейша». Один-единственный раз я ее видела, больше эту оперетту не ставили нигде и никогда. Видимо, началась дружба с Японией, и нельзя было ее обижать — что там у них есть какие-то гейши.

Сюжет «Гейши» таков. В Нагасаки прибывает английский корабль, моряки сходят на берег и попадают в чайный домик, где чарует всех своим пением гейша Мимоза-сан. Она поет чудесную песенку о золотой рыбке, полюбившей моряка. Лейтенант Ферфакс увлекается красавицей гейшей, но она любит простого японского юношу Катану и не может ответить на любовь англичанина. Вслед за Ферфаксом в Нагасаки прибывает его невеста Молли и, узнав, что он очарован прекрасной гейшей, пробирается в чайный домик, надевает костюм гейши и танцует и поет не хуже настоящей японки. Между тем хозяин чайного домика, китаец Вун-Чхи, разорился, и чайный домик продают с торгов. Старик Имари хочет купить Мимозу, он давно уже безуспешно сватается к ней, но Мимозу покупает гувернантка Молли Констанция. Сама же Молли, принятая за гейшу, попадает в руки губернатора Имари. Никакие протесты Молли не помогают, она в плену у старика. Ферфакс, узнав о беде своей невесты, пытается ее освободить. Это удается с помощью Мимозы и Катаны. Все кончается к общему благополучию: Мимоза остается с Катаной, а Ферфакс — с Молли. Оперетта кончается веселой сценой. «Дар японской гейши мне судьбою дан, называюсь всеми Молли-Полли-сан», — поет Молли, а все участники подхватывают разудалый припев: «Чонкина, Чонкина, Чон, Чон, Кина, Кина, Нагасаки, Иокогама, Хакодате Хой!»

Роль Мимозы исполняла Кропивницкая. Все свои арии она пела очень хорошо. Роль Ферфакса исполнял Матео, роль Имари — Елинов. Он был очень забавен, особенно когда появлялся со смешным «жениховским» цветочком на голове. Музыка «Гейши» очень мелодична. Песня о золотой рыбке, вальс Мимозы, «Будь, гейша, вечно весела», дуэты Ферфакса

и Молли, сцена «Чонкина», песенка «Не теряя минуты напрасно» и другие номера — превосходны.

Следующая оперетта, которую я смотрела, была «В волнах страстей». Музыка Валентинова. В этой оперетте есть сцена женской дуэли, забавный дуэт гимназиста и гимназистки. Его пели Матео и Галина Мар: «Но чем ты можешь, так сказать, свою любовь мне доказать?» — «Об этом знает весь народ — сижу я в классе третий год».

Следующая оперетта была «Перикола», которая называлась тут «Птичка певчая». Периколу играла Нэя Глория, Пикильо — Казаков.

Потом я смотрела «Коломбину». Музыка Рябова. Сюжет «Коломбины» таков. Девушка-аристократка Колетта Плантрос из любопытства надевает костюм Коломбины и пробирается в кабачок, где собираются моряки и девицы полусвета. Моряк Октав Депорей, увидев Колетту, принимает ее за девушку полусвета. Колетта старательно разыгрывает свою роль. Происходит много недоразумений, но потом все выясняется. Там есть и каскадная пара, цыганка Этелька, которая поет: «Играй же чардаш, цыган, пляши! Будем веселиться все мы от души». Партнер Галины Маар — Матео — все время говорил: «Эй, Будапешт».

Следующую оперетту я смотрела «Марицу», потом «Веселую вдову». Ганну Главари играла Нэя Глория. Вся прелесть музыки «Веселой вдовы» в то время как-то не дошла до меня, хотя я и раньше слышала многие номера из этой оперетты: песнь о качелях, марш о женщинах, песню о Вилье, арию Данилы «Иду к “Максиму” я». Слова последней арии я немного помнила еще с «новиловских» времен. Там Данило пел о том, что у «Максима» бывают прекрасные девицы: Лоло, Тото, Жужу, Додо, Клокио, Фруфру. Теперь текст арии Данилы изменен. Этих имен он не упоминает, но недавно я слышала по радио арию Данилы в исполнении какого-то иностранного артиста. И он пел именно так, упоминая эти имена. Выходит, что был бабником, а теперь выходит, что он

по своей арии только ищет в кабачке «У Максима» друзей среди простых людей, не аристократов.

Следующую оперетту я смотрела «Корневильские колокола». Очарователен был в роли Гренише Михайлов. Маркиза Корневилья играл Казаков, Серполетту — Галина Мар, Жермен — Висконти.

Ставили еще «Прекрасную Елену», но меня на нее не взяли. Почему-то считали эту оперетту неприличной, но напрасно — ничего неприличного там не было. И позже я не раз видела эту оперетту. Мапочка рассказывала, что Михайлов был очень хорош в роли Париса. Костюм его состоял из звериной шкуры. Елену играла Нэя Глория, Менелая — Елинов, он был неподражаем. Калхаса играл Королев. В этой оперетте, так же как в «Принцессе Турандот», было много импровизаций или даже отсебятины. Например, Калхас жевал колбасу, и у него кто-то там просил: «Калхас, дай колбаски!» Это, конечно, было смешно. Никогда мне не забыть одного чудесного Париса, которого я видела много позже, в 50-х годах. Дети мои жили на Смолино с дедом Мишей, а я наезжала к ним, а сама в городе посещала театр, где гастролировала свердловская оперетта. Я видела «Баядеру», «Прекрасную Елену», «Нищего студента», «Аршин мал алан» и другие вещи. Так вот, Париса в «Прекрасной Елене» играл Лев Неслер. И был так чудесен, так очарователен, что просто невозможно.

Еще труппа Сагайдачного ставила оперетты «Цыган-премьер», «Цыганская любовь», «Роза Стамбула», «Король веселится». Эти оперетты я не видела.

В последующие годы оперетта Сагайдачного приезжала к нам еще раз. Тут запомнилось, что мы с Кланей вместе смотрели оперетту «Принцесса цирка». Места у нас были в самом последнем ряду партера, но в самой середине, в конце прохода, так что перед нами стульев не было. А Михайлов в морской форме ходил по залу и пел: «Крошка, дитя, я влюбился не шутя. Эй, берегись, крепко на замок запишись!»

И когда он по проходу доходил до нас, сердца наши трепетали — так он был прекрасен!

Тогда же я видела «Голубую мазурку» Легара и «Голландочку» Кальмана. В «Голубой мазурке» Михайлов так прекрасно пел: «Ночь и день я вижу тень возлюбленной моей». А недавно в Петрозаводской оперетте эту арию так тихонько и грустно пел артист Матвеев. «Голландочку», по-моему, даже видела моя бабушка, потому что часто она после этого пела арию «Есть на море прелестны красоты, и принцессы нам здесь не нужны».

Видела я и «Ночь любви» Валентинова, и «Месть цыганки» и «Свадьбу Марион», где Джури играла женщину-капитана с бакенбардами и говорила: «Тридцать две кошки тебе в зубы», и «Подвязку Бержина», где Казаков пел: «Лишь о тебе мои мечты, в душе и в сердце царишь только ты!», и «Гоп-са-са», и «Шоколадного солдатика». А «Роз-Мари» я смотрела уже в 1930 году в Ленинграде в Народном доме на Кронверкском проспекте. Роз-Мари играла Феррари, а Джима — Валентин Лесков.

Да, в то время увлечение опереттой было повальным. Даже Даша не избежала этого очарования. Она тоже ходила в театр, ей покупали билеты. Она так увлеклась артистами, что каждый вечер бегала во двор Народного дома, где присмотрела какое-то окно, из которого было видно, как одеваются артисты.

В театр мы бегали, даже не одеваясь, хотя была зима. Надевали на головы только шали и бежали бегом через огород в калитку, выходящую на улицу Воровского, а потом перебежали через дорогу — и на лестницу Нардома. Позже мне удалось проникнуть за кулисы театра. Папа договорился с балериной Павловой, что она будет давать мне уроки танцев. Я некоторое время ходила туда, и Павлова, очень милая и приятная женщина, уделяла мне минуты, отрывая их от своих репетиций. Увы, бесполезно! Ничему не научилась я у балерины Павловой. Вальс не смогла одолеть и танцевать никогда не умела, хоть и был у меня позже очаровательный учитель.

Темное дело в Челябинском бору

Но вот сезон окончился, пришла весна. 15 марта умер писатель Фурманов, написавший «Чапаева». По экранам прошел фильм «Скарамуш» с Рамоном Новарро в главной роли. Наш «Броненосец “Потемкин”» начал завоевывать мир. Режиссер Фриц Ланг — постановщик «Нибелунгов», Дуглас Фэрбенкс, Мэри Пикфорд, Аста Нильсен, Эмиль Яннингс признали «Броненосца» за крупнейшее событие. А многие зрители предпочитали смотреть «Медвежью свадьбу», которую сильно поругивали в печати.

Весна шествовала своим чередом, приближалась Пасха. И мы стали готовиться к ней. Провели генеральную уборку квартиры. Ждали в гости Новицких. Устали после уборки, но зато навели шик-блеск. Я убрала свою комнату афишами и плакатами. Все было так убрано, как на парад, что я повесила даже плакатик: «Просьба руками ничего не трогать!» Тетя Аня приехала, прочитала и обиделась — приняла на свой счет. Она-то, конечно, была ни при чем, но обиделась, наверное, из-за Бориса. А он-то и мог нарушить мою красоту. Ему это ничего не стоило.

Как бы там ни было, гостям мы были рады, а я особенно рада Тине, которая приехала также.

В первый день Пасхи неожиданно нагрянули еще гости — Сергей Сергеевич с Агнией Юрьевной. Веселый человек был Сергей Сергеевич! Утром он будил всех криками, что пора к столу — отведать вкусных яств. Восхищался всем. Стол действительно ломился от разной разности! И окорок тут был, и индейка, и громадные куличи медовые. И не медовые, покрытые глазурью и обсыпанные разноцветным горошком. И торты, и мазурки, и печенья, и пирожки. Еды хватало всем. Пришли в гости тетя Лида Новикова с Володей. Сергей Сергеевич садился за пианино, играл и пел: «Французская девочка Нелли гуляет по мокрой панели». Припев этой

песни был: «Весна, цветы, цветы дурмана. Кто не вдыхал их аромат? Кто не был поцелуем пьяный? Людское сердце — автомат». Пел он также модную в то время песенку о мичмане Джоне, но слова были другие. Пели обычно: «Сквозь ночной туман мрачен океан». А он пел: «Дул свирепый зунд, прямо в Трапезунд». Прекрасным весенним днем фотографировались всей компанией в садике перед домом. Мы с Тиной сидели на корточках впереди. Я в розовом платье, сшитом из шелка, подаренного Анной Александровной.

Но вот кончился праздничный день, и на другое утро надо было идти в школу. Я шла в приподнятом настроении, но, придя в семилетку, узнала, что уроков не будет, а весь класс вместе с Елизаветой Павловной идет в лес.

Я обрадовалась, что нет уроков, в лес решила не ходить, а идти скорее домой к гостям, к Тине. Умчалась на всех парах в радости и возбуждении. И хорошо, что не пошла в лес, потому что в этот день в лесу совершилось нехорошее деяние, вызвавшее потом шумный и громкий судебный процесс. Лида в лес ходила, она не пошла ко мне, хотя я ее и звала — наверное, не хотела знакомиться с Тиной или просто не хотела мешать нам. Но хорошо, что хоть не попала в свидетели. Три девчушки потом фигурировали на суде как свидетельницы. Неразлучная троица — Полякова, Куксова, Зайцева. Помню, как Тамара Куксова говорила незадолго до суда: «Грязи мы никакой не знаем, но скажем то, что знаем». Сами по себе, конечно, они были невинные девчушки, но общественный обвинитель доктор Арнольдов выпытал у них, что они участвовали в компаниях, где играли в «фанты с поцелуями». Он спрашивал их: «А ваша мама знает об этом?» Словом, и свидетельницам был учинен допрос с пристрастием.

Процесс был громким. Проходил он в Народном доме при переполненном зале. Потерпевшая Гареева держала себя, как героиня, — свободно, развязно, не смущаясь, рассказывала обо всем подробно. На скамье подсудимых шесте-

ро парней. Порядок их таков: Шелудяков, Блюм, Дронсейко, Футин, Абрамов, Павлов. Самый главный — Шелудяков — тоже не терялся и держал себя героем. Он был уже опытным сердцеедом, болел венерической болезнью и в ус себе не дул. С Гареевой у него уже давно была самая близкая связь. Но он ведь был не единственный у Гареевой. Еще где-то в середине учебного года по классу полз тяжелый мутный слух. Гареева болела и лежала в больнице. И вот девчонки шептались о том, что даже там, в больнице, она нашла кого-то. Мы с Лидой отворачивались от этих слухов, не вникали в них. Это было настолько чудовищно, так непонятно, что лучше было ничего не слушать и не знать. Нас выпустили 27 мая, процесс шел уже после окончания занятий. Мои родители бывали на процессе, но от меня все тщательно скрывали, прятали газеты, где подробно описывался процесс. Я почти ничего не знала, только неясные слухи доходили до меня.

Но однажды мне попала в руки газета. Я спряталась в уборной и начала ее читать. Там описывался допрос свидетеля Гершковича. В своей речи Ленка заявил про Гарееву, что однажды на уроке у нее «штан спал». Я вспомнила этот случай. Да, такое было! Кто-то из учителей, кажется, Ульянов Петрович, вызвал Гарееву к доске. Она писала там что-то, как вдруг девчонки заметили беспорядок в ее туалете, как говорится, «из-под пятницы была суббота». Девчонки стали шептать ей, Гареева оглянулась и заметила беспорядок и попросила разрешения выйти. Учитель, не поднимая головы от журнала, кивнул. Гареева пошла к двери, не дойдя до нее, вдруг остановилась и сказала, усмехнувшись своей обычной слащавой улыбочкой: «А впрочем...», подняла платье и поправила свой туалет. Учитель не сделал ей замечание, девчонки замерли в ужасе, а мальчишки не знаю что подумали. Быть может, это им понравилось, но Ленке, как видно, нет, потому что он говорил об этом на суде не в пользу Гареевой.

Процесс окончился, парни получили по году тюрьмы, а Мессалина не знаю, куда делась. Много позже я услышала о

такой версии, не знаю, верна ли она... Гареева и не думала подавать в суд на парней, она была всем довольна, но Шелудяков сфотографировал ее в чем мать родила и распространил эти фотографии в школе. Одна из этих фотографий попала каким-то образом в руки родственников Гареевой, у которых она жила. Вот они-то и затеяли этот судебный процесс.

Окончили семилетку

Мы окончили семилетку. И я навсегда распростилась с своими соучениками по классу. На прощание фотографировались всем классом во дворе возле бревенчатой стены школы. У меня этих фотографий нет. Я всегда считала себя очень некрасивой, мне не нравилось, как я выгляжу на фото. И я карточку себе не взяла.

Как же я была рада, когда нынче летом в Свердловске Лида достала эту фотографию и показала ее мне. Над этой карточкой мы просидели чуть ли не всю ночь. Я вспомнила все эти милые морды и записала порядок, как мы сидим на снимке.

Первый ряд внизу: Чичимова, Шмидт, Ковалева, девочка с забытой мной фамилией, Спирина, Лида, я, Сапожникова. Чичимова совсем уже взрослая девушка. Ленка Шмидт одета честь по чести — в форму с фартуком. Она вышла какая-то неинтересная. Неизвестная девочка, очень мне знакомая лицом и волосами. Кажется, ее звали Маруся, а фамилию никак не могу вспомнить, знаю только, что она была из бедной семьи. Одет плохо, но была веселой и добродушной девицей. Лида очень интересная, сидит с задумчивым, томным и немного кокетливым видом. Я рядом с ней, вышло хорошо, и не такая уж некрасивая. Была бы посмелее и не хуже других могла бы нравиться мужскому полу и вообще жить более насыщенной жизнью. Лида пострижена, волосы забра-

ны гребенкой, а у меня висят косички, с левой стороны бант, на платье надет школьный фартук. Вообще почему-то у всех девчонок с левой стороны головы торчат банты.

Второй ряд, сидят: физрук (фамилии не помню), Чемалин, Фосс, Ульян Петрович, Елизавета Павловна, Герасим Васильевич, и хитрая Ава Неясова уселась рядом с ним.

Третий ряд, стоят: Кудрявцева, Ибракова, Шалаева, Спицына, Тропина, Кац.

Четвертый ряд, стоят: Куксова, Полякова, Белокопытова, Ильина, Бажина, Кудрявцев, Павлов.

Мальчишек с нами только двое. Анатолий Кудрявцев, которого я в семилетке совсем не помню. Он без очков — видимо, еще не носил их. Так как Павлов снялся с нами, очевидно, его не посадили в тюрьму. Возможно, он был не виноват. Он вообще был хороший парень и даже немного с нами дружил. Ленки на карточке нет, не захотел почему-то сняться.

Так окончился период моей жизни, связанный с семилеткой. «Лет шестнадцати я, счастливица, в семилетку учиться пошла», — распевала Тамара Куксова, переделывая на свой лад известные «Кирпичики». И ей вторили ее подружки. Мне предстояло осенью продолжать учение снова в Центральной школе, а все остальные мои одноклассники завершили семилеткой свое образование. Кроме «Только в чистенькой постельке» — Анатолия Кудрявцева. Он окончил девять классов.

«Песнь о мертвой голове»

Летом мы поехали отдыхать в деревню Прохорову, опять вместе с Новицкими. Снова лес, ягоды, грибы, купание в узком и быстром здесь Миассе. Отдыхал здесь прекрасный дядечка с бородой по фамилии Кульков, известный в городе человек. У него в Миассе во время купания утонул сын — мальчик лет восьми-десяти. Его унесло течением — та-

кое быстрое оно здесь было. Этим же летом в Москве умер Ф. Э. Дзержинский.

Вернулись в город. Снова мое любимое кино. Дружба с Раей. В это лето мы вздумали с ней часто ходить в театр в городской сад, где гастролировала драматическая труппа. Мать Раи Софья Ефимовна работала в буфете кинотеатра «Октябрь». У нее была знакомая билетерша, которая стояла в дверях театра. Она пропускала нас без билета. Мы покупали входные билеты в сад, а дальше уже шли беспрепятственно. Но однажды налетели так здорово, что наши походы в театр сразу же прекратились. Мы завели там любимых артистов. Рае нравился приятный блондин Васильев, а моим кумиром был жгучий брюнет Слободской. Бенефис Васильева «Воздушный пирог» мы просмотрели спокойно, а вот на бенефисе моего любимца Слободского и произошел с нами казус.

Шла пьеса «Кровь и песок». Слободской играл тореадора. В пьесе было много статистов, откуда-то нагнали людей. Видимо, с нами прошло много безбилетного народа. Решили проверить заново у всех зрителей билеты и безбилетников изгнать. В антракте мы с Раей не пошли в сад, сидим обе спокойно в зале, как вдруг к нам подлетел молодой человек и потребовал билеты. Мы растерялись и лягнули, что нас билетерша пропустила. Молодой человек с позором попер нас к выходу и спросил у билетерши, где наши билеты. Она сказала: «Билеты у мамочки, она в саду». «Поищите вашу мамочку», — был нам суровый сказ. Мы растерянно выкатились в сад. Моя мама действительно была в театре, но сидела на балконе, и мы ее не нашли.

Антракт кончился. Молодой человек стоял рядом с нашей билетершей и ревностно проверял билеты.

Мы с Раей остались в саду. Это было третье действие, как раз самое интересное, но мы его не видели. А в следующем антракте, перед последним, четвертым действием моя мама разыскала нас. Узнала о нашей беде. Отдала мне свой билет, а сама сидела с Раей в саду и ждала меня, пока я посмотрю

последнее действие. Так бесславно закончились наши безбилетные походы в театр.

А Гриша? Он совсем ушел из моей жизни. Я его не видела и не знала ничего о нем, разве только догадывалась, что он в этом году закончил девятилетку. Ленку я тоже нигде не встречала. Он как в воду канул.

Лето промчалось. Настало 1 сентября, и я пришла в Центральную школу в восьмой класс, но опять попала не в Зоин класс, а в другой, теперь «Б», а Зоин класс стал теперь «А». Герман Бейвель, хоть и ненавидел когда-то Центральную школу, не обошел ее и прибыл в восьмой класс — Зоин. Зоя его уже не дразнила. Наоборот, дружила с ним и с Августом, который стал солидным и серьезным парнем. С кем я сидела? Не помню этого. Лида в восьмой класс не пошла, она ограничилась семилеткой. Искала работу.

Произошла встреча. Приметила я светловолосого мальчишку, которого раньше не знала. Он все похаживал вокруг да около и немножко меня заинтересовал. Звали его Павел Кравцов.

И вот тут мне кажется, что именно тогда он дал мне прочитать поэму «Песнь о мертвой голове», сочиненную, видимо, им самим. Но вызывает недоумение то, что в поэме описываются события, случившиеся в 9 «А», в то время как и сам Кравцов, и все действующие лица поэмы тогда еще учились только в восьмом. Так и неясно мне, когда же мне дал Кравцов почитать свое произведение, из которого я запомнила куски, но целиком поэму не запомнила. Начиналась она так: «И пыль столбом в 9 “А”, и крик, и шум, слышна ругня, как будто десять молодцов, со всех собравшихся концов, не побоились одного и все напали на него». «Чего такого сделать мог, чем Игорь маленький навлек злость огромных сих парней, он в школе всех ли не сильнее?» Дальше говорится о том, что у Игоря Чубарова был значок, который понравился председателю учкома Трубчанинову, и тот с помощью своей свиты напал на Игоря и силой стал отбирать у него значок. «На помощь Игорю стремглав, рыкая аки пара львов, несутся Бейвель и

Кравцов». Но схватка была неравной. Значки были отобраны у трех друзей. «Чубаров, Бейвель и Кравцов, своих лишившись значков, водой холодной из-под крана горячи моют свои раны». Но в схватке досталось и врагам. «Но и врагов плачевен вид. Калечиц бедный — нос разбит! Его испортили красу, синяк поставив на носу». «А Август, взявши в руки йод, с стараньем мажет Гинцу рот». «А предучкома Трубчанинов, довольным взором вокруг окинув, примерно рассуждал он так: “Помяты морды, биты рожи, а мне какое дело? Что же, когда значки он отбирал — тем инвентарь свой умножал”».

История, описанная в этой поэме, по-видимому, объясняется так. Три друга — маленький Игорь Чубаров, восторженный и чудаковатый Герман Бейвель, романтический Павел Кравцов — смастерили себе значки с изображением «мертвой головы», то есть черепа со скрещенными костями. Смастерили и нацепили их на себя. Разгуливали в них по школе, отделялись троицей от остальных, шептались, имели таинственный вид. Толя Трубчанинов, как официальное лицо — председатель ученического комитета, не мог пройти мимо такого. Значки с изображением черепа ведь были когда-то эмблемой анархистов. Друзья-мальчишки могли ведь этого и не знать и не умышленно изобрести себе такие значки. Троица друзей носила значки, отделялась от остальных. Этого разрешить нельзя было никак. Нельзя было троим противопоставлять себя коллективу. Трубчанинов, видимо, предложил приятелям отдать значки добровольно, они не согласились. Тогда Трубчанинов решил изъять значки силой и с помощью других учеников (упоминаются Калечиц и Гинц) стал отбирать значок у самого маленького из них — Чубарова. Тут, видимо, и произошло побоище, описанное в поэме, и сила восторжествовала. В поэме есть фраза о Калечице: «Его испортили красу, синяк поставив на носу». Это тонкий намек: Калечиц был любимцем учительницы пения Софьи Александровны Балашовой. Об этом много лет спустя вспоминала и Вера Бендер...

Тот, кто обожал Раю

В школе я проучилась недолго, взяла академический отпуск, чтобы больше уделять времени занятиям музыкой. Теперь-то думаю, что этого совсем не надо было делать. Времени у меня и так было достаточно. А школу нужно было поскорее окончить. Но мне позволили бросить школу.

Распорядок дня в доме нашем был таков.

С утра в дом приходили больные, папа вел прием. Часов в 12 на столе появлялся самовар, горячие шаньги или беляши. Все садились за стол. Это был ланч, такой поздний завтрак. Папа очень любил пить чай с горячими шанежками.

Потом папа уезжал на вокзал на работу. Ездил он на извозчике, которого нанимал возле Нардома. На вокзале, на «переселенке», в приемном покое принимал больных, не зная ни отдыха ни срока, часов до пяти-шести. После этого возвращался домой, и все садились обедать.

В школе мы частенько лакомились свежими сайками. Выбегали на улицу и покупали их тут же, на углу. Пять копеек сайка. Они были необыкновенно вкусные, корочка хрустела. Жрали с удовольствием.

Рая, забывшая к этому времени об Азике Гилевиче, сообщила мне, что за ней бегают один мальчишка, который учится вместе с ней и живет напротив школы. Она показала мне его.

Мальчишка был некрасивый, но с умным лицом. Волосы его были коротко острижены, чуть ли не лысый. Сухопарый. Звали его Алексей Львов. Он был сыном священника отца Андрея Львова, о котором я раньше слышала, что у него неуживчивый характер и человек он неприятный. Отец Андрей был вдов, семья у него была большая, и жили они очень бедно. Впоследствии мне довелось быть немного знакомой с братом Алексея — Серафимом, или Сарой, как его все звали. Он был музыкант, слухач, вел работу с детьми. Был очень

неряшлив, неопрятен и даже странен. За какие-то делишки он попал в тюрьму. Алексей не был странным. Бедняк, но всегда подтянутый, аккуратный, внимательный, собранный, насмешливый, если не сказать больше — ядовитый. Он прекрасно учился и всегда знал, чего хочет. Остальные мальчишки подчинялись ему. Он был главный среди них, пользовался уважением, был авторитетным.

Алексей крепко влюбился в Раю и долго ее любил. Она же его ненавидела, смеялась над ним, прозвала свиньей. Спустя год или два Рая вдруг разрешила Львову ухаживать за собой и даже какое-то время была к нему благосклонна. Он ее провожал, целовал ей руку в перчатке. Словом, был роман...

Но интересно: когда мы с Раей встречались со Львовым в Ленинграде, любил ли он ее тогда? Он был совсем другой, не такой, как раньше, когда учились вместе в школе. Он был не насмешливый и не ядовитый, а, наоборот, очень сердечный, очень корректный, очень ласково обращался с нами обеими, ничуть не выделяя Раю. Мы провожали с ним вместе Раю, когда она уезжала. Потом шли пешком с вокзала, и он говорил, что вот скоро его именины — «Алексей — с гор вода».

Он приходил ко мне иногда и очень понравился тете Асе. Один раз он пришел и позвал гулять, ходить по улицам. Ходили. Я его привела в свой техникум, показала ему все, вплоть до того класса, в котором была кухонная плита. Он встретил там среди толпы студентов землячку — Сару Сперанскую. А я и не знала, что она учится со мной вместе. Он был молчалив, задумчив, а я болтала, как сорока. Я спросила его: «Может быть, тебе надоело слушать мою болтовню?» Дело в том, что при первой встрече со Львовым я обратилась к нему по старой школьной привычке на «вы», но он отверг такое обращение как устаревшее. Он сказал, что мы старые школьные товарищи и земляки, должны говорить друг другу «ты». И мы стали так говорить.

Когда я спросила его, не надоедаю ли я ему своей болтовней, он поспешно сказал, что нет, напротив, он слушает

мой разговор, как какую-то музыку. Она его отвлекает от каких-то мрачных мыслей, тяжелых забот.

Когда приехал Игорь Минко, они вместе со Львовым приходили ко мне, и Игорь тоже очень понравился тете Асе. Когда я уезжала совсем из Ленинграда, я позвонила Львову и сказала, что уезжаю. Он обещал вместе с Игорем прийти проводить меня. Но я по глупой случайности сумела опоздать на поезд и никого из этих школьных друзей не видела. И с тех пор нигде и никогда не встречала.

Письмо Бориса

Шло время, и мне исполнилось 16 лет. Слава иногда писал нам из Омска. Ему было в то время десять лет. Он просил у моего папы денежной помощи. Папа посылал, но был не совсем доволен.

Ему было трудно. Он один работал и работал почти без отдыха. Иногда он так сильно уставал, что ложился на несколько минут на кровать, но вскоре вставал и, сказав: «Ну вот, опять пружинка закрутилась», снова принимался за работу. В своем приемном покое он иногда принимал за день около сотни больных. Не отказывал никому. И больные его любили.

Частенько его вызывали к больным среди ночи, и он медленно шел. Поэтому-то журналист, работавший в редакции «Челябинского рабочего», и написал о нем заметку в газету. А ведь и тетя Надя Ильина, и тетя Тоня Левицкая тоже требовали от него помощи своим дочерям. Но он изнемогал уже. Жить ему оставалось совсем немного.

Однажды Слава написал, что Рита спрашивает меня, помню ли я Иркутск? Я помнила и решила написать письмо

им обоим — Рите и Люсе. Их я тоже всегда помнила и любила. Решено — сделано! Письмо написано и «пущено». А каков был мне ответ на мой почин к переписке? Рита и Люся не удостоили меня ответом, зато пришел ответ в виде письма в стихах с эпиграфом, будто бы взятым из Маяковского. Я его дословно не помню, но что-то там говорится о «чинной чиновнице ангельской лиги» и упоминается о поваренной книге. Автор письма — старший брат Риты, Люси и Славы — Борис. Он писал: «Сегодня я прочел письмо твое сестренкам и улыбнулся иронически в ответ».

Я писала о том, что не учусь, потому что решила в этот год хорошо взяться за музыку, так как музыка — моя будущая профессия. Борис продергивал это мое желание и писал, что «засесть за музыку и скушать, как апорт» — желание глупое и смешное, по его мнению. Я упоминала в своем письме о том, что мне исполнилось 16 лет. Борис и это обстоятельство продернул: «Тебе 16 лет, ты не девчонка, девица в возрасте, ей мил не будет свет». Обижался за Челябинск, что я назвала его «богоспасаемым градом». Словом, был мне разнос. Я начала сочинять ответ и, быть может, наивно и неумело, но отбрила Бориса на все корки.

Ушел прочь 1926-й

Шло время, я «кайфовала» дома и лечилась от «воспаления хитрости». Впрочем, может быть, как раз в это время я и болела и очень долго притом. Лежала, не вставая с постели. Болезнь эту определили как «тифoid». Анна Григорьевна приходила навещать меня...

Случилось в городе происшествие, которое вызвало большие толки и любопытство. Двойное убийство и самоубийство. Учились в первой семилетке ученики — парнишка Саночкин и девчонка Жерихина. Жерихина стояла на квартире

у какой-то хозяйки в маленьком домике за рекой. Если не ошибаюсь, на улице 8 Марта. Однажды вечером Саночкин вызвал Жерихину из дома к калитке. Она вышла, и тут он ее застрелил, а потом и себя. Весь город потянулся к этому маленькому домику. Эти двое рядышком лежали на столе. Жерихина — старообразная, чем-то похожая на Гарееву, а Саночкин — худенький, тоненький паренек.

1926 год кончался. Любовь меня больше не мучила, и когда я услышала от Зои мимоходом брошенную фразу, что Гриша Гершкович устроил скандал, потому что кто-то осмелился проводить его Валечку Андрианову, это меня уже ничуть не задело, или, может быть, только чуть-чуть. Жаль, конечно, что не состоялась моя дружба с Гришей. Мне хотелось, в сущности, только просто по-хорошему дружить. Но не судьба!

1927 год

Что было в этом году? Помнится все уже не очень ясно! Был мир, люди жили спокойно, но в стране все еще не была ликвидирована безработица. Однако шагали вперед. Великая стройка еще не началась. Она была вся впереди. Но уже было решено, что в Челябинске будет строиться большая электростанция, и строительство началось. Должен был родиться наш ЧГРЭС.

Тот же журналист, который одно время стоял на квартире у Раи и написал заметку о папе, когда он один из всех приглашенных врачей пошел ночью к заболевшему ребенку, публиковал в газете «Челябинский рабочий» роман с продолжением, называвшийся «Сквозь Урман».

В романе описывался Челябинск, «чертовы бараки», в которых происходило действие романа. Из этого произведения и взяты строки, которые часто можно было услышать от ребят-

шек на улице: «Добрый вечер, тетя Халя, как ваши дела? Вам посылка из Китая только что пришла». Заканчивался роман 1932 годом, и там было написано, что в этом году Челябинск будет залит светом огней ЧГРЭСа, не будет «чертовых барак», а санитарный врач (один из героев романа) будет нюхать одни цветочки. Журналист ошибся в своих предвидениях. В 1932 году не только ЧГРЭС заливал светом улицы, но строился уже вся тракторный завод (ЧТЗ), строился завод имени Орджоникидзе, ферросплавный, абразивный, да и другие заводы и предприятия. Насчет цветочков, конечно, в то время дело было неблагополучно, зелени на улицах Челябинска не было, но стройка грандиозная и великая уже повсюду шла.

В 1927 году был рожден и обходил легким шагом бесчисленные города и городишки великолепный Остап, уже появились на свет трагические герои «Тихого Дона». В театрах ставятся новые пьесы, художники пишут картины на новые сюжеты. Завоевывает сердца людей самое важное из всех искусств — кино! Промчалась по экранам «Мисс Менд» — вольная интерпретация шагиняновского «Месс-Менда», а Барнет — один из героев этого фильма — сошел с экрана в жизнь, превратился в режиссера Бориса Барнета и поставил комедию «Девушка с коробкой», где девушка Анна Стэн прелестна необычайно, а Илья Снегирев (Коваль-Самборский) — неуклюжий парень в ватнике — наступает своими огромными валенками на ее коробки.

Это забавная комедия, а король комедии — Игорь Ильинский. Он стоит почти на одной ступеньке с Чарли Чаплиным. Он — кумир мальчишек. Они называют его «Егор Ильинский». Кумир женщин — Николай Прозоровский. Он сыграл Печорина, но потом публично отрекся от этой своей работы. Она принесла ему, оказывается, маленькое удовлетворение. Ему гораздо больше по душе прилась роль Федьки Басманова в картине «Крылья холопа».

На экране — «Декабристы», на экране Пушкин, сыгранный Евгением Червяковым. Дантеса играет Борис Тamarin.

Он же Минский в «Коллежском регистраторе», он же декабрист Анненков в «Декабристах» и он же Пугачев в «Капитанской дочке». А вот и вор Каскарилья, разбрасывающий фальшивые деньги. Это Кторов. А вот и жена банкира — Ольга Жизнева, обмахивающаяся огромной пуховкой. Киноартистки того времени — Анна Стэн, Аннель Судакевич, Белла Чернова, Вероника Бужинская, Вера Малиновская, Галина Кравченко, Зоя Валевская, Ирина Володко, Мария Тенази, Нато Вачнадзе, Ольга Жизнева, Ольга Третьякова, Ольга Спирова, Людмила Семенова, Юлия Солнцева, Софья Магарилл — блистали на экране. Их партнеры: Борис Тамарин, Владимир Фогель, Игорь Ильинский, Константин Градополов, Леонид Леонидов, Михаил Чехов, Николай Прозоровский, Иван Коваль-Самборский, Петр Соболевский, Сергей Комаров, Анатолий Кторов, Иван Клюквин, Николай Баталов. Их имена красовались на красочных афишах и рекламмах. Кино любили все, и кинозалы никогда не пустовали.

Наши знакомые

А наша семья тихо и мирно жила на улице Елькина. Мы радовались, что живем в прекрасном доме. Жили дружно. Ссор в нашей семье не было никогда. Пьянства — тоже. В нашей бывшей квартире, у Татьяны Кузьмовны, поселились новые жильцы — семья Выговских. Отец, Павел Александрович, и сын, Александр Павлович, иногда приходили к нам во двор брать из колодца воду. Колодец находился в углу двора, возле ворот, и из окна столовой нам видно было, как они качают воду, оба высоченные и худые. Их женщины — Ольга Николаевна и Валерия Александровна — в нашем дворе не показывались.

У нас появились хорошие друзья — Борис Алексеевич и Нина Васильевна Юмины. Семья их жила на улице Комму-

ны (за теперешним детским парком), по дороге к бору. У них была дочь Руфа, немного моложе меня. Они часто бывали у нас, и мы заходили к ним, возвращаясь из леса. Домик этот был мне знаком. В нем когда-то квартировала Валя Маршалова. Снесен он совсем недавно, а то все стоял, напоминая о прежних своих жильцах. Еще из знакомых часто бывал у нас Константин Васильевич Лукин, всегда один, без своей жены Марьи Петровны.

Бедная женщина! У нее каждый год рождалось по ребенку. Их было так много! После ее смерти в 1930 году осталось двенадцать сирот. Когда мы еще жили летом на своей даче на Смолино, Лукины тоже отдыхали там на даче. Тогда у них было только четверо детей, и я играла с ними. Это были Валя, Галя, Володя и Нина. Но теперь, в 1927 году, их было много больше. После Нины родилась Наташа, затем Гриша, Алеша и еще пять девочек, имена которых я не очень твердо помню. Знаю, что были Нюся (названная в честь меня), Леля (Елена), Вера, Тася (Татьяна). А имя пятой не помню, но когда встречу Валью (Гарянову), спрошу у нее.

Пеньковские жили на улице Васенко в своем доме, который когда-то был их дачей на Смолино. Они перевезли эту дачу в город и превратили в дом. Семья Пеньковских состояла из следующих лиц: Михаил Алексеевич, Агния Алексеевна, дочери Катя и Фиса и сын Коля. Прежде у них был еще один сын — Боря, но он умер от скарлатины еще тогда, когда мы жили в новиновском доме. Помню, что это печальное известие мы узнали по телефону. Пеньковские в то время жили на втором этаже деревянного дома, который стоит на углу улиц Коммуны и Красной, напротив детского парка. Лукины жили внизу.

В тридцатых годах Пеньковские переехали жить в Уфу. Михаил Алексеевич, уже очень старенький, стал писать небольшие рассказы и воспоминания. Он посылал свои рукописи из Уфы моей маме. Я читала эти произведения. Написано было очень хорошо. Особенно запомнились два рассказа.

Первый, записанный из действительной жизни, — о том, как мальчик-подросток, работник у одного крестьянина, зарубил топором целую семью. Это случилось так.

У крестьянина жил в работниках 14-летний паренек. Однажды крестьянин получил какие-то деньги и стал их считать. Сидя на печке, паренек следил за ним, не отрывая глаз. Ему показалось, что денег очень много. И возникло желание присвоить их. Желание не давало ему покоя, он не мог ни о чем думать, кроме этого. Этот страшный соблазн всецело завладел им, и он решил убить хозяина и завладеть деньгами. Потихоньку наточил топор. На ночь старшая дочь хозяина, девушка, ушла ночевать к подруге. Парень решил воспользоваться ее отсутствием. Ночью он встал и подкрался к спящим на полу хозяевам. Начал их убивать. Убил хозяина. Хозяйка проснулась, он кинулся на нее с топором. Ударил. Закричали дети. Он стал гоняться за ними. Всех изранил и живыми столкнул в подпол. Потом стал искать деньги, но найти не мог. И ему все казалось, что люди в подполе шевелятся. И он спускался туда и рубил их по чему попало, зверски, потом вылезал и снова искал деньги. Так провозился он до самого рассвета, а тут и девушка-дочь вернулась домой и вошла во двор. Парень встретил ее у порога и хотел ударить топором, но она кинулась бежать. Он догнал ее у калитки и рубанул по плечу, но она убежала и подняла крик. Парня схватили. Его везли по деревням, а народ сбегался посмотреть на это чудовище.

Второй рассказ тоже из подлинной жизни. Он о смерти Марии Петровны Лукиной. Она лежала в больнице — родила двенадцатого ребенка. Ночью у нее открылось кровотечение, и она не посмела никого разбудить, думала, что пройдет. Истекла кровью и умерла.

Михаил Алексеевич умер очень уж стареньким. Агния Алексеевна умерла раньше него. Старшая дочь Катя вышла замуж, у нее есть сын и внуки. Младшая Фиса умерла несколько лет тому назад от рака. Сын ее Коля недавно женился на башкирке Гюзель.

Брат Кати и Фисы погиб на войне.

Мой папа рассказывал эпизод из своего детства. Это было еще тогда, когда он жил со своими родителями в Косулино. Ребятишки катались на льду. Вдруг Миня Пеньковский провалился под лед. Все мальчишки испугались и кинулись бежать, папа с ними тоже. Но Миша Пеньковский закричал: «Коля! Коля!» И папа вернулся, пополз по льду к Мише и вытянул его. С тех пор Михаил Алексеевич всегда считал, что папа ему спас жизнь. Михаил Алексеевич был очень хороший человек.

По воскресеньям к нам всегда приходили пить чай монашки: Маня Костромитина, Дарья Максимовна, мать Феонилла. Надо сказать, что я страшно не любила их.

Девушки из Лидинового двора

Напротив нас в двухэтажном доме жила семья Логиновских. Зять Логиновских, Ярцев, был мороженщиком. Мороженое в то время продавали и частные мороженщики, разъезжавшие по городу со своими тележками. Мороженое было разных сортов и цветов: лимонное, малиновое и всякое другое. Порции стоили 5 и 10 копеек. За 5 копеек мороженщик наворачивал на вафлю изрядную кучку, а на 10 копеек куча была вообще значительная, сразу и не съешь. У Ярцева было особенно вкусное мороженое, и часто после обеда мы лакомились мороженым, которое приносила от Ярцева Даша прямо в большой кастрюле. В семье Логиновских были дочери — девушка Шура и младшая, моя соученица по школе, знаменитая Оля. Жену старшего сына Логиновских, Лени, звали Зина. Она была очень хороша собой, и фотограф Шелудяков выставил ее портрет в витрине на Рабоче-Крестьянской улице.

Логиновские жили в нижнем этаже, а наверху жила семья Шмотиных. Виктор Николаевич Шмотин был когда-то

другом моего дяди Жени и запечатлен на одной из фотографий вместе с дядей Женей на санках, в которые впряжен Полкан. Но теперь, в 1927 году, Виктор Николаевич никаких сношений с нашей семьей не имел. Он был пьяницей и забулдыгой. У него была семья: жена и две девочки — Тамара и Дина. Однажды, напившись, он за какую-то провинность вздумал наказать Дину и спустил ее из окна второго этажа, держа за платье. Девчонка в страхе кричала и визжала, а пьянице хоть бы что! Долго держал ее так, пока возмущенные прохожие не стали кричать ему снизу, чтобы он прекратил это опасное издевательство. Пригрозили милицией. Был еще и сын у Шмотиных, не родной Виктору Николаевичу. Парень был испорченный, воровал и хулиганил.

В одном доме с Лидой, за стенкой, жила девчонка Валя Целярицкая. Она ходила к Лиде и набивалась к ней в друзья. Это была бойкая девочка, остриженная под польку. В школе она была активисткой, играла в драмкружке. 1932 год мы встречали у Лиды. Валя была в числе гостей, а к ней еще пришел ее поклонник Ваня. Он мне очень не понравился — был нагловатый, развязный. Валя уехала вместе с ним в Свердловск, но вскоре вернулась одна. Она ожидала сыночка и, не дождавшись его, вышла замуж за Павла Судакова. Сынок, родившись, уже обрел нового хорошего папу. Но Валя недолго пробыла женой Павла Судакова. Она бежала от мужа, оставив ему сына (как будто уже другого). Павел Судаков был хороший парень, добрый, немного глуховатый.

Иногда заходила к Лиде и Оля Логиновская. Она брала Лидину гитару и пела, аккомпанируя себе. Это была какая-то старинная баллада про разбойника Кудеяра. Там были слова: «Господу богу помолимся». Я удивлялась, как это комсомолка может петь песню с такими словами.

Лида тоже научилась играть на гитаре и петь. Она пела баркаролу: «Плыви, моя гондола, озарена луной, раздайся, баркарола, над сонною рекой». Песня кончалась словами:

«Пускай звук поцелуя подслушает волна, и как тебя люблю я, пусть поглядит луна». Эти слова меня очень смущали.

Оля Логиновская училась в Центральной школе в одном классе с Зоей. Училась она хорошо. Была, на мой взгляд, некрасивой, но имела огромный успех у мальчишек. Однажды я встретила Олю возле ограды сквера. Она шла со своим классом в клуб «Олимпия» на физкультуру. Оля была в очках, которые совсем не шли ей, сильно портили ее лицо. Я была поражена. Вот смелая! При всем народе надеть очки! Я бы никогда на такое не решилась!

Женя Александров тоже учился в Зоинном классе. Как он бегал за Олей, как ухаживал! Какой сногшибательный роман разыгрывался у этой парочки! Однажды я, придя на школьный вечер, зашла в пустой класс, но тотчас же пулей вылетела оттуда, потому что там Женя охотился за Олей, и они так были увлечены своей игрой, что ничего кругом не замечали. По вечерам они долго ходили по улице Елькина, возле домов, и выкрики Оли, отбивавшейся от своего кавалера, будили сонных обывателей. Да, вот это была любовь — шумная, громкая на весь свет!

Наши путешествия

В период с 1927 по 1929 год мы много путешествовали, ездили не только в Свердловск, но и в Ленинград. В Ленинграде всегда останавливались у Левицких. Семья Левицких, состоявшая теперь только из двух членов — матери и дочери, — жила на Васильевском острове, на Среднем проспекте, дом 54, квартира 16, на пятом этаже. В квартире были три комнаты, сообщавшиеся между собой, но имеющие каждая еще и отдельный вход. Из первой комнаты дверь выходила в прихожую, из второй — в маленький коридор, а из третьей — в кухню. Из коридора маленькая дверца вела в уютный «приют уединения».

Ольга Константиновна Левицкая, мать тети Аси, уже почти не выходила из своей квартиры, но была совсем еще бодрой. Она хорошо знала языки, и к ней навевались соседки, с которыми она беседовала по-немецки. Они говорили что-то про кошек: «Миаукен, миаукен». У Левицких была очень интересная кошка, совсем простая, но у нее был котенок, уже взрослый кот. Кошка-мать оберегала его, и если кто-нибудь случайно задевал котенка, она бросалась на обидчика, как дикий зверь. Тетя Ася работала в Академии наук, в Институте физики земли. Она была сейсмологом, изучала землетрясения.

Бывая в Ленинграде, мы посещали семейство Матушкиных — Вячеслава Александровича и Ольгу Васильевну. Нюси тогда у них еще не было. Матушкины жили на Петроградской стороне на Кронверкском проспекте, неподалеку от бывшего особняка Кшесинской и памятника «Стережущему». Квартирка у них была крохотная, но такая чистая и нарядная, что, казалось, век бы сидел в этой квартирке и никуда не уходил. Кроме того, у них было нечто настолько чудесное и притягательное, что трудно было от него оторваться. Это чудесное было радио. Стоило только надеть наушники, и можно было слушать изумительную музыку и разные передачи.

Когда я жила у тети Аси, она мне оборудовала радио, приспособив старый детекторный приемник, и я слушала передачи до самой ночи, когда диктор говорил: «До свидания, до свидания, не забудьте заземлить антенну!»

В Ленинграде мы посещали музеи, были в Зимнем дворце, в личных покоях Николая I, были в домике Петра, в Александро-Невской лавре и других местах. Как-то обедали в ресторане «Астория», причем было удивительно, что в ресторане играл оркестр. Чтобы легче находить нужные нам места, папа всегда носил с собой план Ленинграда, вырванный из энциклопедии. И часто мы всем семейством останавливались посреди улицы и разглядывали план.

Я в свое время немало походила пешком по Ленинграду. И очень хотелось бы мне узнать, не заблудилась бы я там

теперь, если бы мне довелось побывать там. В Москве мы бывали только проездом и немало походили по ее извилистым переулкам.

Так мы путешествовали.

Киевская опера

В 1927 году в нашем Народном доме впервые появились оперные артисты — к нам приехала опера. Состав Киевской оперы был таков: драматическое сопрано — Рудницкая, лирическое — Образцовская, колоратурные сопрано — Кантемир и Кутилек, драматический тенор — Дроздов, лирический — Тюняев, меццо — Спытко, баритоны: Маршалов, Зубов и Ястребов, басы: Стефанович и Астров.

Конечно, мы стали часто ходить в оперу. Я много услышала опер. «Аида», «Пиковая дама», «Кармен», «Жидовка», «Севильский цирюльник», «Русалка», «Риголетто», «Фауст», «Евгений Онегин», «Дубровский», «Гугеноты», «Сказки Гофмана», «Паяцы», «Травиата», «Борис Годунов», «Тоска», «Трубадур», «Снегурочка», «Черевички», «Чио-Чио-сан». У Дроздова и Тюняева были разные амплуа. Один драматический тенор, другой — лирический. И партии они пели разные, но тем не менее публика разделилась на два лагеря. Одни были поклонники Дроздова, а другие — Тюняева. Я была поклонница Дроздова, а Зоя — Тюняева. Дроздов был высокого роста, молодой, симпатичный. Он пел в «Аиде» Радамеса, в «Пиковой даме» — Германа, в «Кармен» — Хозе, в «Жидовке» — Елизара, в «Гугенотах» — Рауля, в «Сказках Гофмана» — Гофмана, в «Паяцах» — Канио, в «Тоске» — Каварадосси, в «Трубадуре» — Манрико, в «Чио-Чио-сан» — Пинкертон. Помню, что когда шла опера «Паяцы» и Канио должен был убить Недду, на столе не оказалось ножа. Потом кто-то из-за кулис передал нож одному из хористов, и тот

положил его на стол. А то как бы Дроздов вышел из положения?

Когда я жила в Ленинграде, мы с тетей Асей однажды пошли в ГАТОБ, то есть в бывший Мариинский театр оперы и балета, на оперу «Пиковая дама». В афише было сказано, что Германа будет петь Печковский. Это был кумир ленинградской публики. В первом действии появился Герман. Публика захлопала, потом аплодисменты прекратились. Я, смотря в бинокль тети Аси, говорю ей: «Как похож на Дроздова. Уж не Дроздов ли это?» Тетя Ася говорит: «Какой тебе Дроздов? Это Печковский». Я поверила и замолчала. А публика вдруг стала холодна к Герману, не хлопает. Началось второе действие. Я смотрю в бинокль и говорю: «А глаза у него голубые, как у Дроздова!» Тетя Ася говорит: «У Печковского тоже голубые!» И все же я оказалась права. Это был Дроздов, и его выступление в ГАТОБе было дебютом. Публика, ждавшая Печковского, сначала приняла его холодно, но он так хорошо играл и пел, что в конце концов завоевал даже поклонниц Печковского, и под конец оперы уже все хлопали как бешеные. Живая игра очень выделяла его среди чинных и спокойных остальных действующих лиц.

Женой Дроздова была меццо-сопрано Китаева, и рассказывали, что когда приезжала на гастроли Мухтарова и в роли Далилы выходила полуобнаженная на сцену и Дроздову нужно было ее обнимать, а он не знал, за какое место взяться, то Китаева, стоя за кулисами, злилась и сжимала кулаки. Так болтали сплетники.

Любимицей публики была прекрасная артистка Образцовская — Наташа в «Русалке», Маргарита в «Фаусте», Татьяна в «Онегине».

Молодая артистка Кантемир и бас Стефанович были муж и жена. Стефанович аккомпанировал Кантемир, когда она выступала на концертах.

Много радости доставила труппа Киевской оперы челябинскому зрителю.

Фотограф Шелудяков не преминул сфотографировать оперных артистов и продавал фотографии.

Папа привел меня в фотографию, чтоб я могла выбрать себе артистов, и я выбрала: Образцовскую в роли Оксаны в «Черевичках», Дроздова в роли Германа, Тюняева в роли Альфреда, Стефанович в роли Базилио, Маршалова в роли Демона. Многие фотографии у меня пропали, кто-то украл их, но некоторые сохранились. Папа купил мне клавиры трех опер: «Кармен», «Фауст» и «Лакмэ». Я играла их.

Снова отдыхаем на Горьком

Настало лето, и мы поехали отдыхать на Горькое. Остановились в том же доме, что и раньше. Дом стоял в начале длинной зеленой улицы, напротив было какое-то зеленое болотце, где плавали гуси.

Еще в первый наш приезд я попробовала провести с гусями эксперимент, от которого мне не поздоровилось. Кто-то мне сказал, что если гусь зашипит, то ему нужно показать фигу. И вот однажды, проходя мимо стада гусей, я показала фигу гусаку. Как он зашипел! Вытянул шею и погнался за мной. Еле-еле я унесла ноги в свою калитку. Но в этот приезд такие эксперименты мне уже не приходили в голову.

В одном доме с нами жила еще семья отдыхающих. У них была маленькая девочка Люся, которая говорила: «Напива́сь, наевась». А обмочив штанишки, говорила: «Маленько сұхонько, маленько мо́кренько».

На Горькое приехали артисты-гастролеры — певец-бас Никольский с аккомпаниатором. Он выступал в курзале. И мы ходили на его концерты. Он пел «В дви́женьи мельник жизнь ведет», «У ворот, ворот, ворот», «Попутную» Глинки и другие вещи. Никольский был молодой и красивый, но инвалид, ходил с палкой и, наверное, приехал на Горькое

лечиться. Моя мама также лечилась — принимала грязевые ванны, а я купалась в озере, но неожиданно приобрела себе ужасную болезнь.

Как-то утром я встала с постели совершенно здоровая и пошла умываться во двор. Наклонилась над чугунным чайником-умывальником и вдруг почувствовала, что разогнуться не могу. Страшная боль схватила спину и, как корсетом, охватила кругом. Так, согнувшись в три погибели, я поплелась в дом и повалилась на кровать, задыхаясь, но лежать было невозможно, боль сжимала тисками. Доктор Бантин, интересный дядечка, любимец дам, не сумел разгадать мою болезнь и поставить правильный диагноз. Болезнь прошла сама собой. Я продолжала купаться на озере Горьком, от которого, наверное, и заполучила свою болезнь.

На Горьком отдыхала Шура Круглова. Как она хорошо пела! Ее песня: «Вчера я растворил темницу воздушной пленницы моей, я рощам возвратил певичку, я возвратил свободу ей. Она исчезла, утопая, в сиянии голубого дня, и так запела, улетаая, как бы молилась за меня». Как мне хотелось запеть, как Шура и как пела эта птичка из ее песенки! Я уходила в лес и пыталась петь, но голоса не было...

Ягод в то лето на Горьком было очень много, особенно клубники. Мы покупали ее ведрами и корзинами. Я чистила ягоды, сидя на крыльце. «Мне минуло шестнадцать лет, но сердце было в воле». Да, незабвенная пора! Шестнадцать лет! Все впереди! Сердце-то не знало о тех испытаниях, которые были предназначены судьбой. Хотелось чего-то необычного, чего-то ждалось... Веселился и жил полной жизнью мой братишка. Изобретал разные языки и игры, вроде «приставления». На одном из изобретенных им языков мы с ним бегло говорили и даже пели «Письмо матери» Есенина. Это звучало так: «Ыт ижав еще яом атсшурак, виж и я ирптев етеб, ирптев». Никто не мог понять этого языка, а тетя Аня поняла, уловила каким-то чутьем. Много мы смеялись и подшучивали над игрой Николи в «приставление».

Он составлял список каких-нибудь однородных предметов, ну, скажем, мест развлечений: например, кино, театр, цирк, амфитеатр, дом, ипподром. Такой список назывался «выщитка». В другом списке были другие предметы. Потом он передвигал камешек или какую-нибудь небольшую вещь по своим выщиткам, и у него получались необыкновенные сочетания и возникали небольшие рассказы. По большому календарю православных имен тоже передвигал свои камни, и получались необыкновенные имена и отчества: например, Виктор Поликарпович, Бидзин Реясович... Я его называла Турка и Епошка, а он меня — Чушая, а потом из перестановки букв возникло мое имя Юсаакл.

Просыпались мы утром и бежали на озеро. А оно велико, и прекрасно, и целебно. Вода в нем горько-соленая. Накупавшись вволю, поваляешься на песке — красота! А солнышко печет, а лето бежит день за днем, своей чередой.

А потом купят корзину ягод, и сидишь на пороге избы и чистишь их, а то, что покрупнее, — в рот! И так наешься этих ягод, что уж смотреть на них даже не хочется, а ляжешь спать и едва закроешь глаза, как тотчас замелькают ягоды перед глазами. Славная старушка хозяйка рассказывает что-то, ищет ножницы, говорит: «Где это мои ножниссы-ты?» Деревенские девчонки играют на зеленой улице в башки.

Шло прекрасное лето на озере Горьком.

Жаль, что отдых мой был нарушен болезнью.

Да, вот страшная боль схватила, и пришлось идти к доктору. Доктор Бантин был любимец курортных дам, которые кокетничали и заигрывали с ним. Я же страшно его боялась и смущалась. Но Бантин не сумел определить, что же у меня за болезнь, и не поставил диагноза. Болезнь эта время от времени настигает меня, и она до сих пор не разгадана.

Второй раз она неожиданно схватила меня, когда мы с Лидой сидели на балконе нашего театра и слушали оперу «Снегурочка». Снегурочку пела Кантемир, Весну — Китаева, Леля — Спытко, Берендея — Тюняев, Мизгиря — Марша-

лов. Я наслаждалась музыкой и видом любимых артистов. Как вдруг во время сцены Купавы (Образцовская) и Берендея меня опять схватила эта страшная боль, я затаилась, старалась не шевелиться, боялась, что Лида заметит. Через некоторое время корсет разжался, боль отпустила.

Потом однажды, много лет спустя, когда жили на Васенко, я вышла развешать во дворе белье, и боль меня схватила снова. И опять я, согнувшись, еле-еле вползла в дом и свалилась на кровать. Я не пошла на работу, вызвала врача, но врач Демидова больничного листка мне не дала, сказала, что с этой болезнью они дают освобождение лишь уборщицам. И мне пришлось, не оправившись, с этой своей болью тащиться в музыкальную школу.

С тех пор я очень боюсь, что это опять со мной приключится. И нет спасения и лечения. Наверное, это все-таки от простуды — невралгия. Но она ужасна.

Наш класс

Настало 1 сентября 1927 года, и я пошла в школу. Наконец-то я буду учиться вместе с Раей! Как мы обе радовались этому! Теперь уж никаких билетиков — прямо в Раин класс. Да и заведующий теперь не Иван Данилович, а Пискарев, и занимается школа совсем по-новому — по дальтон-плану. Из классов убрали парты, поставили столы и стулья. Каждый стол — одному звену. Весь класс был разбит на звенья, по несколько человек в звене. Во главе звена стоит вожатый. В нашем классе было семь звеньев, наше — шестое, так называемое «молекулярное» — состояло из семи человек и было самое многочисленное. Первое звено состояло из четырех человек: Петр Кодакин, Алексей Львов, Вадим Пшеничнов и Владимир Титов. Стол первого звена стоял в середине класса, рядом со столом учителя.

А класс 8 «А» помещался в той же комнате, где я училась в 5 «А».

Первое звено училось блестяще и было лучшим в классе. Из этого квартета только великовозрастный Кодакин был слабым учеником, но ему везло, и он умел выворачиваться, был активным, разговорчивым и не терялся среди своих башковитых товарищей. В девятом классе он уже с нами не учился. Рассказывали о нем, что он работал в милиции и ловил каких-то бандитов.

Львов был вожатым звена, парень умный, всегда все знал, умел ответить на любой вопрос. Рая, Катя Третьякова и Дуся Кузьминых изводили Львова насмешками, он у них был, как говорится, притча во языцех. Катя Третьякова сочинила о Львове дразнилку: «Длиннонога балерина, трехволосая скотина, щетинистая свинья, подметало из Нардома, старая бунчалка, разбитая тарелка!» Львов был худой и тонконогий, поэтому он «длиннонога балерина». Он всегда был коротко острижен, поэтому «трехволосая скотина». Свинья — это было его прозвище. «Подметало из Нардома» — Львов какое-то время работал в театре кем-то. Устроился он в театр только из-за своей крайней бедности, чтобы хоть немного подработать. Он говорил таким голосом, как будто бормотал. Отсюда его имена: «старая бунчалка» и «разбитая тарелка».

Володя Титов был сыном преподавательницы обществоведения Софьи Антоновны Титовой по прозвищу Кобра. Володя также учился блестяще. Больше всего он любил химию, и товарищи прозвали его Растворчиком. Говорили, что после окончания школы он действительно стал химиком, но жизнь его оказалась недолгой — он рано умер. Как сейчас, вижу перед собой этого худенького, коротко остриженного мальчишку с большими, всегда серьезными глазами.

(Володя Титов не умер. 1990 г. — *Авт.*)

Вадим Пшеничнов был сыном врача, жил на улице Елькина, учился тоже очень хорошо. Прозвище его было Птенец, и он действительно напоминал птенца, выпавшего из гнезда.

Такой был еще желторотый мальчуган. Над ним тоже здорово зубоскалили Рая, Кузька и Третьяшка.

Таково было первое звено нашего класса.

Во втором звене были: Кудрявцев (он опять оказался в одном классе со мной), Минко и Захаров по прозвищу Заяц. Кто еще был с ними в звене, не помню. Сидело второе звено за столом, который стоял возле двери.

Игорь Минко, чернобровый парнишка, жил в одном доме с Раей. Кажется, они снимали у Софьи Ефимовны комнату. Мать Игоря, Мария Александровна Минко, была учительницей и преподавала в 1-й семилетке. Отца у Игоря не было. У Раи с Игорем были хорошие отношения. Игорь увлекался радио, мастерил сам приемники и как-то раз пригласил нас с Раей осмотреть его «хозяйство». Что за диковинные штуки там были! Но нам очень понравилось то, что среди его детекторов и ламп было пристроено маленькое зеркальце. Игорь был большой знаток радио, и его даже пригласили куда-то в район как консультанта по радиodelу.

Захаров был желторотый мальчишка, вечно дравшийся с Раей.

Третье звено состояло из трех членов — девочек. Это были: Аня Агапитова, Вера Адищева и Нина Карпуничева. Все трое учились хорошо.

Аня Агапитова, хрупкая голубоглазая блондинка, была отличной математичкой и получала у Виктора Федоровича Карелина «вуды». После окончания школы она поступила в вуз в Свердловске и окончила его. Говорили, что у нее туберкулез, но сейчас она живет в Челябинске, и Клania не раз ее встречала.

Вера Адищева была очень миленькая внешне. Она, видимо, не была большим эрудитом, но среди двух своих способных подруг она держалась на уровне.

Нина Карпуничева жила на Мастерской улице. Раньше она дружила с Шурой Кругловой, называла ее Сурка. Училась одно время в музыкальной школе, но потом бросила. Наверное, потому, что у нее не было инструмента.

Три девочки — третье звено — были гордячки, комсомолки. Они ни с кем не разговаривали, держались очень обособленно. Нина долгое время была моей соседкой по улице. Она была очень интересной дамой. Дочка ее Неля Постнова была знакома с моими дочерьми. Неля поступила учиться в московское Баумановское училище. Клania и Зоя говорят, что они встречают Нину. Она была замужем за Борисом Павловичем Топорниным, который когда-то работал в Доме обороны в мою бытность там. Но он недавно умер, и Нина овдовела. Дочь ее Неля живет в Москве.

Четвертое звено — наши соседки по столу — состояло из четырех человек. Мы с ними поддерживали дружеские отношения. Члены четвертого звена были участницами наших домашних вечеров. Состояло четвертое звено из четырех человек: Лида Бухарина, Оля Белоусова, Кира Левицкая, Юлия Турсанова.

У Оли Белоусовой была старшая сестра Шура, которая хорошо пела. Когда я училась в 5-м классе, Шура была в 9-м и сидела, по-видимому, на моей парте, только в другую смену. Когда Шура выступала на вечерах, ей аккомпанировал Николай Гинц, который тоже тогда учился в Центральной школе. По-видимому, Шура была к нему равнодушна, потому что однажды я прочитала надпись на парте, сделанную, по-видимому, Шурой: «Милый мой мальчик, Коля Гинц». И Шура, и Коля Гинц поехали учиться в Свердловский музыкальный техникум, но женился Коля не на ней. По окончании школы прошел слух про Олю Белоусову, что она умерла.

Кира Левицкая была развитая компанейская девушка. Она всегда участвовала в наших вечеринках. Жила Кира в двухэтажном каменном доме на Красноармейской улице. Дом этот рядом с берзинским. Он еще не снесен, а от берзинского осталась только куча земли. Его снесли летом 1974 года. Недаром я так часто в этом году ходила посмотреть на него и любовалась им.

Юля Турсанова жила на улице Елькина. Она пела. Однажды как-то и почему-то нам довелось выступить на радио. Юля пела популярную в то время песенку Кручинина «Шахта № 3». Я аккомпанировала Юле, и вот она «облажалась». В песне есть такие слова: «Настал террор, гвардейцев банда взяла шахтера в руднике». Последний же куплет поется так: «Прошло семь лет советской власти, заводы крепнут с каждым днем». Юля же от волнения перепутала слова и спела: «Настал террор советской власти, буржуи крепнут с каждым днем». Мы обе с ней страшно боялись, что нас арестуют за такое пение, но все обошлось. Когда я работала в музыкальной школе № 3 на ЧТЗ, у меня была ученица Света Сущинская, которая приходилась Юле Турсановой племянницей.

Судьба Германа

Среди членов пятого звена был маленький мальчишка, ростом меньше всех в классе, по прозвищу Чижик. Настоящее же имя его было Герман Варфоломеев. Этот шалун любил похулиганить с нашим шестым звеном: прятался где-нибудь за уголком, и когда мы выходили на крыльцо, он выскакивал и начинал драться. Больше всех дралась с ним Третьяшка — Катя Третьякова, такая же малышка, как и он. Но после окончания школы Герман вырос. Он поступил на работу на подстанцию, которая находится теперь возле Центрального рынка, а тогда была на пустом месте. На этой же подстанции работала и Лида. Они познакомились и вскоре подружились. Герман был очень приятный внешне и вообще был прекрасный человек. Он стал провожать Лиду домой. Вскоре нашлись у них и общие знакомые — Николаевы. Герман дружил с Леной Николаевым, а Лида с самого детства была в семье Николаевых самой любимой и родной.

Лида хорошо относилась к Герману, шутила с ним, звала его «братишка». «Братишкой» у Лиды был также и Леня Николаев. У Лиды хранится чудесная фотография, на которой она снята со своими «братишками». Среди них оказался и мой брат Николай. Интересна композиция этой фотографии — они сняты колонной друг за другом. У всех очаровательные молодые милые морды. В 30-х годах, когда мы разгуливали с дедом Мишечкой, к нам присоединились и Лида с Германом. Мы с Лидой познакомили наших кавалеров, и они очень быстро подружились — Герка и Мишутка. Герка шутил и смеялся. Однажды я сказала: «На небе тачки» (вместо «тучки»), и Герка сейчас же стал называть меня Тачка, а потом и Мишутка обмолвился: сказал «слон» вместо «сон», и Герка подхватил: «Слон и Тачка». А мы с Мишуткой в свою очередь стали называть их Белка и Свисток, потому что Герка постоянно твердил строчки из этого стихотворения: «Будет вам и белка, будет и свисток».

Однажды забрались мы все четверо в фотографию Половникова и сфотографировались. Только фотограф не уразумел, кого с кем посадить, и посадил Германа рядом со мной, а Мишутку с Лидой, чем он был очень недоволен, вышел кислый и злой.

Уехала Лида со своей мамой совсем в Свердловск, и Герман уехал и поступил в Горный институт. Лида жила очень далеко за Свердловском, на мельзаводе. Транспорта туда никакого не было, но Герман частенько пешком бегал за несколько километров, чтобы повидать Лиду. Деда Мишечка приехал в Свердловск и встретился с Германом. Герман говорил ему о своей любви к Лиде, о своих думах о ней. Ему даже портрет Карла Маркса на стене в аудитории казался портретом Лидушки. Она улыбалась ему и смотрела на него.

Так шло время, а потом вдруг все переменялось. Пробегала черная кошка, и любовь рассеялась как дым. Мы с Михаилом получили два письма — я от Лиды, а он от Германа. Оба писали об одном и том же событии, но освещали его

совершенно по-разному. Описывалась их случайная встреча на аэродроме в День авиации. И из письма Германа можно было понять, что любовь его прошла. Вскоре встречи их совсем прекратились. И каждый нашел свою судьбу. Герман встретил Марию и женился на ней. Он очень хорошо о ней отзывался и говорил о том, что она весьма хороша собой. Всю войну Герман провел на фронтах, но ни разу не был ранен. После войны он поселился в городе Березовском, на родине своей жены. Он работал по партийной линии, был председателем горсовета, часто приезжал в Челябинск навестить родителей. Сестра Германа Милушка погибла во время войны. Она была на фронте медсестрой. Несколько лет тому назад Леня Николаев организовал встречу друзей, на которую Герман приехал из своего Березовского.

В моем альбоме есть фотография пятерых парнишек. Это члены пятого звена. Сидят: Костюнов, Варфоломеев, Николаев. Стоят: Кленов и Капольцев. А теперь, в начале 70-х годов, друзья сфотографировались в тех же самых позах. И выглядят они вполне бравыми молодцами, хотя и деды уже, но это только внешне. На самом деле самый маленький из них, Чижик, серьезно болен. Он заядлый охотник, охотился даже на лосей, за что я его не люблю, но вот как раз на охоте-то и произошел с ним несчастный случай, едва не убивший его. Его придавило упавшим деревом. После длительного лечения в Москве в клинике Склифосовского, куда сумела поместить его жена (она врач, заведует детской поликлиникой), он оправился от травмы, но теперь должен очень беречься и соблюдать строжайшую диету. Ему делали резекцию желудка, и теперь он должен быть очень осторожным. Он по-прежнему живет в Березовском, пестует своего внука Германа-младшего, сына его дочери Ирины. Леня Николаев невысокого мнения о жене Германа. Говорил, что она грубая баба и только.

На встречу друзей приезжала и Лида. Ее вызвали телеграммой, и она бросила дом отдыха, где находилась в то вре-

мя. Лида и Герман пришли ко мне вместе. Они встретились у Тониных дверей. Почему-то у Николаевых никого не оказалось дома. Герману я желаю всего самого наилучшего и долгих лет жизни.

В феврале 1975 года они снова собрались звеном.

Остальные члены пятого звена

Вася Кленов был веселый парень. У него была поговорка: «Чай пить с мылом».

Леня Николаев сначала учился в Зоинском классе и был в одном звене с Андриановой и Логиновской. Он много вынес насмешек из-за своей наружности — был очень белый. Кроме того, однажды на классном собрании его определили как индивидуалиста, отказали ему в звании коллективиста. А быть индивидуалистом считалось очень позорным. Как нехорошо было — всему классу так ополчиться на товарища! Впрочем, ополчились не все, но все молчали.

После окончания школы Леня поступал в первый челябинский вуз — Институт механизации сельского хозяйства, и окончил его. Он ездил к Лиде на мельницу и делал ей предложение, но Лида ему отказала.

В настоящее время Леня живет в Москве на улице Горького. Жена Лени — Елена Михайловна — грузинка, и у нее есть два сына, ее личных, один грузин, а другой русский. У Лени своих детей нет. Летом он отдыхает на собственной даче, любит животных, держит собак. Привозил своей сестре Тоне породистую собачку Чапку, которая немного утешала Тоню в ее большой потере — смерти сына.

Таковы были члены пятого звена в нашем классе.

Молекулярное звено

Наше шестое звено было самое многочисленное. Целых семь красавиц: Клania Беляевская, Дуся Кузьминых, Зоя Макарова, Вера Малышева, Катя Третьякова и мы с Раей. Из всей компании только одна Клания была нормального роста, все остальные были малышки, поэтому звено Львова прозвало нас «молекулярным звеном». Между первым звеном и нашим все время шла веселая перебранка — задиранье с нашей стороны и снисходительное презрение с их стороны.

Дуся Кузьминых, или Кузька, была веселая, озорная девочка, карглазка. Вечно воевала со Львовским звеном. Дуся училась с нами только в восьмом классе, в девятом она уже не училась, уехала поступать в фармацевтический техникум, окончила его и вернулась в Челябинск. Она не прогадала, выбрав такую специальность. Дуся вышла замуж, у нее родилась дочь, но вскоре умерла. В то время супруги жили на ЧГРЭСе, и мы с Дусей иногда встречались. И вот как-то раз я к ней зашла, и она сказала мне, что ее дочь в «Могилевской губернии». Потом у нее родилась еще одна девочка, и Дуся вырастила ее. Некоторое время Дуся с семьей жила в Заречье, неподалеку от Заречного рынка. Я бывала там у нее. Долгое время она работала в 1-й дорожной больнице. Моя мама не раз упоминала о ней. Дуся стала очень важным человеком. Сейчас она на пенсии. Мы случайно встретились с ней 4 июня 1974 года на похоронах Державиной. Дуся звала меня в гости. Она живет на улице Плеханова, 36, квартира 90.

Вера Малышева была племянницей учительницы естествознания Клавдии Григорьевны Малышевой. Клавдия Григорьевна была инвалидом, она сильно хромала, была с виду суровой и неприветливой. Я встречалась с Клавдией Григорьевной в то время, когда после своей ужасной травмы ходила в гипсе и на костылях. Клавдия Григорьевна работа-

ла в 1-й школе имени Энгельса, а я приходила туда узнать, как учится моя дочь Люля. Клавдия Григорьевна всегда меня хорошо встречала.

Вера Малышева была серьезная беленькая девочка. Она жила у Клавдии Григорьевны на улице Елькина. Рассказывали, что Клавдия Григорьевна погибла ужасной смертью. Она жарила гуся в печке, и он вспыхнул. Она стала вытаскивать гуся, получила сильные ожоги и умерла от них. Но это было спустя много лет.

Катя Третьякова, или Третьяшка, была самая крохотная в нашем звене, заморышек, но умненькая и остроумная. Говорили, что после окончания школы она стала врачом и как будто погибла в войну.

Вместо Ивана Даниловича заведующим Центральной школой стал Пискарев. Однажды у нас выпал какой-то пустой урок, и Пискарев пришел к нам в класс. Он предложил поиграть в игру. Бросали друг другу свернутый платок, и надо было при ловле его быстро назвать какую-нибудь рыбу. Пискарев бросил платок Кате Третьяковой, и она крикнула неожиданно для себя: «Пескарь». И страшно смутилась при этом. Но Пискарев не обратил на ее слово никакого внимания.

Таково было наше молекулярное звено.

Седьмое звено

Среди членов седьмого звена были личности как невыдающиеся, так и выдающиеся.

Невыдающиеся были Беляев и Кузьмин. Один из них впоследствии ослеп и был очень несчастен.

Среди выдающихся личностей был Люсьев. Это был странный тип, и с ним никто не водился, все избегали его. Однажды весь класс собрался перед дверью, чтобы зайти в комнату, но дверь была закрыта на ключ. Отыскивали ключ,

вошли и увидели в запертом классе за задним столом в углу Люсьева, который был как будто в обмороке. Как он попал в закрытый класс — непонятно. Это было весной, окна в классе были открыты, но ведь не в окно же!

Когда я в 30-х годах работала в кино Дома обороны, однажды на сеанс пришел Люсьев и, увидев меня, дружески меня приветствовал и разговаривал со мной сердечно. В школе же был чудаком и, как говорится, смурным. Таков был Люсьев.

Но самая главная достопримечательность седьмого звена был Валентин Якушев, человек, о котором тайно вздыхала, я думаю, каждая вторая девчонка. Действительно, вздыхать стоило! Высокий, выше всех не только в классе, но, пожалуй, во всей школе, с прекрасной спортивной фигурой, безукоризненно красивый, всегда уравновешенный, молчаливый. Вот о ком можно было сказать, перефразировав стихотворение Пушкина: «Все в нем гармония, все диво, все выше мира и страстей». И он действительно покоился «в красе торжественной своей», не зная себе равных. Никогда не замечали за ним не только никакого ухода за девчонками, но даже простого разговора с кем-либо. Тем более был странен случай, однажды произошедший с ним.

В параллельном 8 «Б» классе училась одна замечательная девочка — Нина Шурова, или Ниниш, как ее называли подруги, употребив название нашумевшего кинофильма. Замечательна девочка была своей красотой. Ее подруги льстили ей, а недруги завидовали и шипели потихоньку. Нина участвовала в драмкружке и играла Марину Мнишек с Калечицем в сцене у фонтана. Я не была с ней знакома, под влиянием Раи тоже злословила про нее, но однажды на школьном вечере Нина вдруг подошла ко мне и пригласила меня танцевать с ней польку, чем как-то очень подкупила меня. Я была польщена, что танцую с этой феей, так она была изящна и мила, ничего грубого, заносчивого... Но вскоре пришлось изменить о ней мнение.

Был школьный вечер весной, когда на улице дул теплый ветерок, мы с Раей умирали от скуки и не знали, куда себя деть. Торчали на крыльце, чего-то ждали... Тут же в сторонке одиноко стоял Якушев и как-то тревожно все вглядывался куда-то вдаль, в сторону темных деревьев сквера. Как вдруг на крыльцо школы выбежала девочка из нашего класса и окликнула Якушева. Он пошел за ней в школу, поплелись туда и мы и еще несколько человек. Якушева повели в комнату сторожихи. Он вошел туда, и дверь захлопнулась, оставив любопытных с носом. Через некоторое время дверь отворилась, и оттуда торжественно вышли Якушев и Нина Шурова. Якушев вел Нину под руку. Они медленно прошествовали мимо столпившихся людей и удалились из школы. Долго потом ходили по школе суды и пересуды об этом происшествии. Рассказывали, что Нина упала в обморок на лестнице, девчонки отвели ее в комнату сторожихи, стали отхаживать. Придя в себя, она прошептала: «Валентин, Валентин, только он один может меня успокоить...» И подружки побежали за Якушевым, который сам-друг мечтал на крыльце.

Инцидент этот долго занимал умы, но разъяснить загадку никто не смог. Больше никто и никогда не видел Шурову и Якушева вместе. После окончания школы Валентин Якушев, или Мизгирь, долгое время дружил с Кланей, дружил по-хорошему, и кроме самых лучших отзывов ничего нельзя было сказать об этом человеке. Может быть, было в нем какое-то своеобразие, но ясно одно, что он был очень порядочным юношей и хорошо, если остался таким навсегда. О Нине Шуровой ходили слухи, что она вместе со своим мужем преподает бальные танцы. Куда она потом девалась — неизвестно.

Наши учителя

Литературу у нас преподавал Павел Михайлович Крылов. Это был пожилой меланхоличный учитель. Немного грузный, носил усы. Несмотря на меланхоличность, в оценках добрым не был. Проходили по литературе «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, «Евгения Онегина», «Цемент» Гладкова, «Войну и мир» Толстого. Из «Евгения Онегина» учили наизусть отрывки. Я их до сих пор помню.

Математику преподавал молодой перспективный учитель Виктор Федорович Карелин. Вот он-то и поставил мне «неуд» за контрольную работу по алгебре. Я математику не понимала, и только.

Физику преподавала Анна Константиновна Теплоухова, обществоведение — Софья Антоновна Титова, мать Володи Титова. Наше звено почему-то страшно не любило Софью Антоновну, и Рая придумала ей прозвище Кобра и всячески изощрялась, сочиняя разные события из жизни Кобры. Володя Титов, естественно, стал Кобренком, а потом это прозвище перешло на Раю, так как Титов был ее «пассия». Потом Рая стала называть Кобренком и меня, но основной Кобренок все же была она сама.

Софья Антоновна — худенькая живая женщина с пронзительными черными глазами — слегка картавила. Уроки вела интересно, темпераментно. Много лет спустя после окончания школы я иногда встречалась на улице с Софьей Антоновной, и мы с ней дружески беседовали. Один раз встретились в булочной на улице Кирова, в той, которая рядом с рестораном «Арктика». Софья Антоновна покупала сайки и просила дать ей «порумянее», и так славно произносила она это слово, букву «р» — чуть картаво.

На всю жизнь самые светлые воспоминания оставил у меня дорогой учитель — Константин Николаевич Титов, муж Софьи Антоновны. В описываемое мной время мы ни-

чего не знали о нем, знали только Кобру и ее сына Володьку.

С Константином Николаевичем я познакомилась много позже, когда училась в музыкальном училище. К. Н. Титов преподавал у нас литературу, и я не знаю учителя более умного, спокойного, любящего свой предмет. Он учил нас правилам правописания, приводил интересные примеры, много рассказывал. Похихатывали мы, студенты, над примерами «уж замуж невтерпех», запоминали, как писать «цыбик» и «цитварный». Константин Николаевич говорил, что детям нужно рассказывать сказки непременно самым литературным языком, не стараясь упрощать и подделываться под детскую речь. Кроме Володи у Титовых был еще один сын Владислав, но мы в то время не знали об этом. Титовы жили на улице Красной, дом этот еще не снесен.

По обществоведению мы проходили феодальные отношения, и вот это дало повод Рае окрестить Львова сюзереном. Все остальные мальчишки были его вассалами. Минко — граф, Кудрявцев — епископ, Пшеничнов — барон. И вот Катя Третьякова, Третьяшка, разражается великолепным стихотворением:

То не ветер в поле свищет,
То не волк по лесу рыщет,
Не жар-птица то летит —
Сюзерен в школу бежит.
В восьмой «а» свинина входит,
То сопит, то носом водит,
В пол ногой сердито бьет
И вассалов всех зовет...
«Ах вы, плуты все, вассалы,
Что встречать меня не стали?»
«Сюзерен ты мой свининный,
Просидел я долго с Ниной», —
Отвечает граф Минко.

Подразумевается Нина Карпуничева, которая одно время жила в одном дворе с Минко.

Политэкономия у нас преподавал Виктор Федорович Рябков. Он был у нас классным руководителем. Рая любила его продергивать и смеяться над ним.

Однажды в школе устроили родительское собрание. Я хотела, чтобы моя мама пришла, и ждала ее в сквере, а она прошла не через сквер, а по улице, и попала не в наш класс, а в чей-то чужой.

Химию преподавала Лидия Евгеньевна Попова, жена Герасима Васильевича.

Пение преподавала недавно приехавшая в наш город Софья Александровна Грязнова-Балашова. Она проверила у всех слух, у меня определила как великолепный. В конце каждой четверти спрашивала нас с Раей: «Ну, вы на “отлично” будете сдавать?» Она привлекла нас с Раей к участию в концертах. Рая играла «Поэтическое танго», я — «Соловья». Моя мама, присутствовавшая на одном из вечеров, говорила, что слушают хорошо.

Как-то я решила забастовать и пришла сказать Софье Александровне, что выступать не буду. Софья Александровна не приняла отказа и сказала, что это саботаж. Я не знала, что означает это слово, и с тех пор, когда слышу это слово, то всегда вспоминаю Софью Александровну. Она была заведующей музыкальной школой, но жизнь ее оказалась недолгой, она умерла.

Наши вечера

Весело было учиться нам в нашей Центральной школе. Сколько шуток, смеха во время уроков и разных придумок со стороны наших веселых девочек! В поле зрения мальчишки: Львов, Титов, Пшеничных, Минко, Кудрявцев и, конечно,

Якушев, неприступная скала Уральских гор. Мы устраивали у себя дома вечера, на которые приглашали мальчишек.

Однажды я отважилась на устройство вечера, но получилось неловко. Для проведения вечера мне выделили одну комнату, а именно папину приемную. Разные медицинские атрибуты из комнаты не убрали, а задрапировали бумагой. И это вызвало у мальчишек нездоровое любопытство. Я уже проклинала себя, что затеяла этот вечер. А папа, который, правда, к нам не входил, но, видимо, издали прислушивался к нашим крикам, был неприятно поражен тем, что мальчишки называли нас по фамилиям. Но потом начали играть в шарады, и все как-то сгладилось. Разделились на две группы — мальчики и девочки. И мальчишки поставили нам интересную шараду «ба-яд-ерка». Было очень интересно. Первый слог «ба» они поставили так: все сидят за столом, беседуют, входит еще один. Ему поднимаются навстречу: «Ба, старинный друг!» Ведут в компанию, сажают за стол. Следующий слог «яд» они поставили так. Кудрявцев в каких-то фантастических нарядах (нацепил на себя какие-то тряпки) полулежит на кушетке. Это любовница. Входит любовник. Любовница его приветствует, но он мрачен, она ему надоела, и он хочет ее отравить. Она предлагает выпить вина, он бросает в бокал яд и подает ей. Она пьет и умирает. Третий слог разыгрывался так. Учитель в школе вызывает к доске тупого, но старательного ученика и заставляет его писать буквы. Ученик запомнил только буквы «е», «р», «к», «а». Он пишет их на доске. Целое: Минко, вырядившись в тряпки, танцует, изображая баядерку. Так интересно и забавно они разыгрывали эти сценки, что мы много смеялись.

Однажды вечер проводился в доме Зои Макаровой. Тут, помнится, мы, девчонки, ставили шараду, в которую входил слог «ад». Мы устроили ад. Погасили свет, в перевернутую табуретку посадили «грешника». Черт с поварихой стали его «варить», а на троне восседал сам Сатана, или Вельзевул, а может быть, и Люцифер — неизвестно, какой адский началь-

ник, а остальные «черти» бесились, скакали и вопили во всю глотку.

Иногда вечера проводились у Киры Левицкой.

Живем мы весело сегодня...

Вот так весело жили мы, ученики Центральной школы. Весело было на уроках. Каждое звено за отдельным столиком. Учитель сидит за своим столом и помалкивает, ничего не объясняет, никого не спрашивает.

Лаборант по данному предмету выдает каждому вожатому звена книги. Все читают вполголоса. Кто слушает, а кто нет — занимается своими делами. И так — целый месяц. Зато потом, перед сдачей задания, начинается спешка. Я в своей маленькой комнатке на своей кровати обкладывалась книгами, газетами и иной раз всю ночь напролет читала материал. А потом в школе звено заявляет, что оно готово сдавать. Учитель подсаживается к столику звена и задает вопросы. Кто знает — отвечает, а кто не знает — может и промолчать. Посидев у столика звена, задав вопросы и получив на них ответы, учитель ставит звену «уд» и переходит к другому звену. Вот так мы и сдавали обществоведение, политэкономия, химию, литературу. И только один Виктор Федорович Карелин не признавал этого метода. Он все время был на ногах у доски, объясняя, вызывая к доске, задавал контрольные работы.

В классе, который находился напротив лестницы, помещался кабинет химии. Никаких лабораторных пособий не было, те же столы, те же шкафы с книгами. Помню, как однажды сдавали зачет Лидии Евгеньевне. Рая так долго крутила и вертела в руках какие-то фигурки из картона, кристаллы какие-то, что ли, что Лидия Евгеньевна сказала: «Ну, Тройб уже со всех сторон перекрестила». Сюда же, в этот

класс, заходила Андрианова — видимо, получить для своего класса книги, наверное, была лаборант. В дальнем северном классе, где когда-то был 5 «Б», царил Виктор Федорович Карелин, тут был кабинет математики. В нашем бывшем 5 «А» был кабинет обществоведения, лаборантом по обществоведению была Рая. Она получала и раздавала книги. В угловом южном классе был кабинет литературы. Здесь царствовал Павел Михайлович Крылов. Двери класса находились возле небольшой сцены, где разыгрывались спектакли драмкружка и проходили концерты. Тут стоял рояль, а класс литературы во время вечеров служил артистам уборной. Перед праздниками школьные художники писали на сцене лозунги и плакаты. В нашем классе художником был Люсьев, и его отпустили с уроков писать лозунги.

Драмкружок ставил интересные спектакли. Самым интересным был спектакль «Графиня Эльвира». Это забавная комедия. Содержание ее было таково.

В каком-то заштатном городке начальники небольшой воинской части решают поставить силами солдат спектакль из великосветской жизни. Все роли в спектакле будут исполнять солдаты, в том числе и женские. Главная героиня — графиня Эльвира. Чтобы обучить солдат великосветским манерам, начальники обращаются к одной настоящей даме. Она учит солдат кланяться, целовать ручку и другим тонкостям, но солдаты проделывают все это неуклюже и смешно.

Когда был поставлен спектакль, вся школа собралась его смотреть. В зале яблоку негде было упасть, и смех не умолкал. Играли великолепно, заразительно, особенно Калечиц в главной роли графини Эльвиры. Долго потом не могли забыть этот спектакль, делились впечатлениями, смеялись и без конца повторяли отдельные реплики из пьесы вроде такой: «Вы хотите кофею? Нет, я опосля».

Ставились и другие спектакли. Например, сцена у фонтана. Марину Мнишек играла Шурова, а самозванца — Калечиц. Из новых современных пьес была поставлена нашумевшая в

свое время «Квадратура круга» Валентина Катаева. Эта пьеса ставилась в то время в Москве в одном из театров. В ней всего пять действующих лиц. В московском театре в этой пьесе играл молодой, тоненький, как тополе, Михаил Яншин. Он играл Васю. Людмилу играла Бендина, Тоню — Титова, а поэта Емельяна Безземельного играл молодой Борис Ливанов. Абрама играл Грибков. Содержание пьесы таково.

Живут в маленькой комнате два друга-комсомольца — Абрам и Вася. Живут дружно, выполняют комсомольские поручения. Как вдруг оба разом женятся втайне друг от друга. Вася женится на Людмиле, а Абрам — на Тоне. Каждый в отсутствие другого приводит в комнату свою жену. Людмила — мещанка. Она сюсюкает, строит планы, как она обставит пустую комнату, куда поставит стол, куда — кровать. Тоня, наоборот, глубоко презирает мещанский быт. Она знает только свои общественные дела. Уткнувшись в книгу, она ничего не замечает вокруг и просит Абрама поскорее информировать товарища о том, что у него теперь есть жена и она будет жить тут же. Но Вася, оказывается, тоже женился, и жена его Людмила — вот она. Комнату перегораживают занавеской, и каждая семья поселяется в своем углу. На половине Людмилы — уют и мещанская обстановка, на половине Абрама и Тони — пустота. Но тут оказывается, что Тоня и Вася давно знают друг друга. Они когда-то сталкивались по работе и даже очень симпатизировали друг другу. И вот они встретились вновь, но Тоня теперь жена Абрама, а Вася, оказывается, любит именно Тоню, а не свою мещанку Людмилу. И Тоня, и Вася презирают мещанство, всякие там кровати и шкафы, им этого не надо, они всецело захвачены общественной работой, они строят новый мир. А Абрам, оказывается, не чурается домашнего уюта и ласковой заботы женских рук. И он зачастил на половину Людмилы. Они могут о чем-то подолгу беседовать. Людмила рассказывает Абраму свои сны, и ему интересно слушать. Одним словом, поменялись ребята женами. Теперь Тоня и Вася вместе, а Людмила завоевывает Абрама. Квадратура круга решена.

Вот такие спектакли ставил драмкружок нашей школы. Весело было артистам! Сколько романов завязывалось и на сцене, и в жизни! А какие вечера были, какие игры, танцы! Полон зал народу! Огромный круг играющих в «веревочку», в «третий лишний». Танцевали с упоением! Вальс, краковяк, падеспань, русско-славянский «Коханочка», венгерка, полька, «Коробочка»! Особенно любили танцевать польку — колесом. Пыль стояла столбом. А кто играл эти танцы на рояле — уж и не знаю. Музыкантов, кроме нас с Раей, в школе не было. Яшка Лифшиц тоже уже не учился. Кто же играл?

Дорогие годы! Как вешние воды, промчались они!

Милый домик на улице Елькина!

Однажды я пришла от Раи и вместо: «Обедали?» спросила у Даши: «Закон?» Вот смеху-то было! А спросила я под впечатлением от мелодекламации, очень модной в то время. С мелодекламацией выступал на вечерах Калечиц, а аккомпанировала ему Софья Александровна Балашова. У меня была мелодекламация «Ли-Ю-Ан», а у Раи — «Шахматы»: «Пренебреженьем к этикету смущен холодный мажордом, король французский на паркете играет в шахматы с шутком. Взгляд короля совсем не гневен, закон фигур ему знаком...» Эту вещичку декламировал у Раи Коля Александров, а Рая ему играла. Под впечатлением от этой вещи я вернулась домой и спросила у Даши вместо «Обедали?» — «Закон?» Спросила я, заглянув в нашу маленькую уютную кухню. Тут кормила я хворостом собачонку Сильву. А еще в кухне одно время жил наш большой красивый дворовый петух. Он был не простой породы, а какой-то особенной, и во дворе его лупили чужие обыкновенные плебеи-петухи. Все они были много меньше его, но бедняга великан не умел защищаться и только орал громким диким басом. А однажды зимой он поморозил себе лапки, и его поселили на кухне. Он разгуливал по кухне, хрипло кукарекая, и был совсем ручным, позволял себя гладить и брал пищу из рук.

Любила я маленькую теплую комнатку-спальню. Здесь стояло кресло-качалка. Моя комнатка тоже была хороша. А в большой угловой комнате весело шумел самовар на столе, чай разливала моя всегда тихая и уютная бабушка. На окнах было много цветов — бабушкины труды. Вилась снежинка, цвели кактусы и другие цветы. На одно из окон, выходящих на улицу Елькина, я часто вывешивала зеленый платок. Это был знак Лиде: «Я дома, иди ко мне». Она приходила. Папа всегда уговаривал ее, чтобы она садилась пить с нами чай, но она неизменно отказывалась. На мои именины она обязательно дарила мне что-нибудь, сделанное ею самой: вышивку, вязанье. Это было так трогательно, но в молодости мы беспечны и мало ценим эти знаки внимания. В этой большой комнате стояло пианино, и я играла на нем и «Лунную сонату», и «Жаворонок» Глинки — Балакирева, и вариации Шопена. Почти все ноты были подарены мне Анной Григорьевной.

Летом я иногда любила посидеть с книгой в огороде. Тут зеленели бабушкины грядки, ласково пригревало солнышко, веял ветерок. Так и жила я, счастливица, в 1927-м, благословенном году. Еще каких-нибудь два с половиной года, и жизнь моя круто нарушится и пойдет под откос. Вспомнить тогда уже будет нечего. Хорошее все промелькнуло, впереди плохое...

1928 год

Новый год не встречали, а о старом Новом годе, то есть 13 января, вспоминали. Елки в эти годы не ставили. Они были немодны. А вот гадать под Крещение — гадали. И одно такое гадание запомнилось мне на всю жизнь. «Раз в крещенский вечерок девушки гадали. За ворота башмачок, сняв с ноги, бросали... Снег пололи, под окном слушали, кормили счетным курицу зерном, ярый воск топили...»

Мы учились в школе во вторую смену. И вот после окончания уроков Кланин папа подъехал к школьному крыльцу на лошади. Мы выбежали веселой гурьбой, погрузились в сани и покатали к ним домой гадать.

Нас четверо: Клania, я, Рая и Дуся Кузьминых. Мальчишки наши в это время тоже расходились по домам, и мы, чтобы привлечь их внимание, подняли в санях крик и визг. Знай, мол, наших! Едем себе на лошади, а куда — вы и не знаете! Поломайте-ка себе головы!

Клania жила в то время на улице Ленина, теперь Свободы, примерно в том месте, где находится магазин «Башмачок». Выгрузились из саней, и тут же во дворе началось гадание.

Первое действие было такое. Нужно было закрыть глаза, проползти через дугу, загадав заветное желание. Потом бросили через ворота старый валенок. Куда валенок укажет носком — там и будешь жить со своим суженым-ряженым. Когда я перекинула через ворота валенок, он указал на юго-запад, на пустырь. Валенок, пожалуй, правильно указал направление, потому что на месте этого пустыря теперь и построена наша улица Орджоникидзе.

Мы и снег пололи. Это делается так. Наберешь в полушубы кучку снега и трясешь его. Снег скатывается в комочки. Сколько комочков, столько и семьи будет. У меня вышло порядочно. Прислушивались мы еще и у окон соседних домов, осмеливались даже спрашивать имена у прохожих дядек. Но прохожих на темной окраинной улице в эту пору было мало. Закончив гадание на улице, перешли в дом. Клания тетя принесла курицу с петухом и опустила их на пол в кухне. Тут стояли блюдечки с зерном и водой, маленькое зеркальце и лежало золотое кольцо. Нужно было взять курицу и петуха под мышки, покрутиться с ними и, опустивши их на пол, наблюдать за их поведением.

Каждая из нас загадала себе мальчишку. Конечно, это были наши школьные. Не помню, кого загадывала Клania. Помню, что Дуся Кузьминых загадала на Кудрявцева, Рая,

наверное, на Титова, ну а на мою долю достался Минко. Кланы пустила на пол птиц, и петушок сразу же клюнул кольцо. Это означало замужество. И действительно, Кланы первая из нас всех вышла замуж. У Дуси Кузьминых петух все время смотрелся в зеркало и прихорашивался, а когда я, слегка побаиваясь, взяла под мышку птиц и пустила их на пол, то петух принялся усиленно пить воду из блюдца, а курица сидела в сторонке, нахохлившись.

После этого гадания мы погадали еще. Растапливали в ложке на свечке стеарин и рассматривали, какая фигурка получилась. Смотрелись в зеркало с зажженными по бокам свечами. Правда, ничего там не сумели увидеть.

Нагадавшись, улеглись спать на полу вповалку.

Вот какие мы были! Наворожили себе суженых!

Перестановка в доме

Дом, в котором мы жили на улице Елькина, был красив. Красный, на белом фундаменте. Четыре окна смотрели на улицу и были так высоко от земли, что ставни не закроешь без лестницы. А внутри дома сделали перестановку — убрали перегородку, которая отделяла мою маленькую комнатку от прихожей. Получилась большая комната, и ее превратили в ожидальню для больных. Это было удобно. Удобнее, чем прежде, потому что больные, входя через парадный ход, сразу попадали в ожидальню и не проникали внутрь дома. Приемную же сделали в бывшей спальне. Это было удобно папе. Кухня была близко, только через прихожую, а папе часто требовалась горячая вода. Спальню сделали в бывшей приемной, а я переселилась в большую угловую комнату. Мою кровать поставили к стене, где была дверь в коридор, а теперь в ожидальню. Вот тут-то, в этом уголке, и пришлось мне пролежать довольно долгое время. Я заболела каким-то

«тифоидом». Что это был за тифоид? Быть может, какой-то вирусный грипп? Иногда мне устраивали «прогулку». Укрывали очень тепло и отворяли двери на улицу. Я с удовольствием хватала свежий зимний воздух. Болела долго. И помню, что Анна Григорьевна приходила меня наведать и стояла в дверях ожидальни.

Но вот я поправилась и снова стала ходить на уроки. Но уже не на улицу Свободы, потому что Анна Григорьевна переехала на другую квартиру — в домик, стоявший в глубине двора по Рабоче-Крестьянской улице.

Как-то нам с Раем неожиданно пришлось поиграть на сцене в кинотеатре «Октябрь». Видимо, заболел кинопианист Коля Кокин и, наверное, попросил Софью Ефимовну, чтобы она поручила это Раю, а Рая уж привлекла и меня. И вот мы вдвоем иллюстрируем картину. Радости-то сколько было и гордости, а играть-то не умели, и дело у нас ладилось плохо. Ноты летели на пол, а импровизировать не умели. Как-то все же справлялись с этим делом, а Анна Григорьевна нас потом раскритиковала. Она знала, что мы будем играть, и специально пришла.

Судьба девочек Дикштейн

Анна и Александра Григорьевны собрали своих учеников для фотографирования в фотоателье Шелудякова. Наряду собралось много. Сестры Дикштейн пришли нарядные, но, оглядев собравшуюся публику, видимо, решили, что их костюмы будут слишком выделяться, и быстро ушли. Они успели вернуться до начала съемки, но пришли переодетые в платья поскромнее, но тоже очень изящные.

Аня и Катя Дикштейн были дочерьми доктора Александра Львовича Дикштейна. Жили они на улице Елькина, недалеко от нас, в своем доме. Девочки эти росли в патри-

архальной семье. Ходили они всегда вместе, носили одинаковые платья. Когда-то они были герлскаутами, а потом стали пионерками, хотя в пионеры шли обычно дети из бедных семей. Обе сестры учились музыке у Анны Григорьевны, хотя и не сразу к ней поступили.

Я была знакома с Дикштейнами, как говорится, шапочно. При встрече мы здоровались, но ближе познакомиться не удалось. После смерти доктора Дикштейна семья его переехала в Ростов. Обе девочки поступили в медицинский институт и стали врачами. Мне приходилось даже видеть брошюру, написанную Катей. Катя была очень приятная внешне, с приветливым и добрым лицом. Аня была серьезнее и строже. Хорошие девицы были эти две сестрички.

Фотография и смерть Александра Евсеевича

Итак, мы фотографировались. В первом ряду на полу разместились младшие ученики. На стульях поместились Анна Григорьевна и Александра Григорьевна и с ними старшие и самые почетные ученики: Исай Яковлевич Плонский, Люня Шихова, а также с важным видом уселся Юрка Михайлов. Юрка Михайлов жил на усадьбе Бейвелей, дружил с Германом и был большой патриот Некрасовской школы. Он и Германа сманил поступать туда после четвертого класса. Когда-то, в самом начале моей учебы у Анны Григорьевны, она садила играть ансамбль в шесть рук нас троих: меня, Зою и Юрку. Я играла первую партию, Зоя — среднюю, а Юрка — басовую. Но теперь это было забыто. Позади разместились остальные ученики. Мы с Раей стояли с краю, обе были в белых блузках. Гриша на съемку не пришел.

Фотография получилась очень хорошая, но мы с Раей обе ее не взяли: сочли, что вышли плохо и некрасивые. Надо сказать, что потом я совершенно забыла об этой фотографии.

Вдруг много лет спустя мне довелось ее увидеть. Мне показала ее бывшая ученица Анны Григорьевны Гейнова и даже дала мне ее домой на некоторое время. Я ее долго рассматривала, но не могла вспомнить всех снятых на ней. Знаю только, что напрасно мы с Раей были так разочарованы — вышли не так уж плохо, мордашки молодые и славные. Когда праздновали пятидесятилетие школы, я рассказала об этой фотографии директору Екатерине Георгиевне. Она позвонила Гейновой, и та привезла ей фотографию, но при этом сказала, что это все ведь частные уроки. Да, в то время Анна Григорьевна уже вышла из школы, и мы занимались частным образом. По словам Анны Григорьевны, мы с Раей школу окончили, однако никаких документов об окончании там не нашли, и мне дали только справку, что я числилась в четвертом классе.

Вскоре Анну Григорьевну постигло огромное горе. Умер ее муж Александр Евсеевич Малкин. Еврейское общество ОЗЕТ поместило в газете сообщение об этом и выразило соболезнование. Анна Григорьевна глубоко переживала свою утрату. С трех пор ее точно подменили. Куда девалось ее добродушие, ласковая шутливость?.. На уроках она непрерывно плакала, стала раздражительной, сердитой, даже стала напоминать о деньгах, чего раньше никогда не было. На уроки ходить стало неприятно. За все годы учения у Анны Григорьевны я никогда не знала, сколько платят за меня. Папа всегда сам занимался денежным вопросом и сам рассчитывался. К неаккуратным плательщикам нас никак нельзя было причислить, и напоминание о деньгах казалось мне очень обидным. Но я продолжала заниматься и аккуратно ходила на уроки. У меня было принято твердое решение — стать учительницей музыки.

Пасха 1928 года

В первый день Пасхи мы обычно учились, но в этом году — как будто нет. Но зато в субботу накануне Пасхи был назначен антирелигиозный вечер с обязательной явкой на него. На улице было довольно тепло, но без пальто никто еще не ходил. А я решила идти в школу на этот вечер без пальто, только в жакетке. Жакетку я могла не сдавать на вешалку, ведь вешалку закрывали на замок, чтобы никто не убежал, а я надеялась после официальной части потихоньку смыться. Мы договорились идти вместе с Раей, и Рая должна была за мной зайти. Я поджидала ее, лежа на кушетке, и любовалась чисто убранной комнатой и особенно красивым бумажным абажуром на лампочке. Такие абажуры продавали на улицах китайцы, и мы купили у них несколько абажуров разных цветов.

Рая пришла, мы помчались в школу, потом я благополучно удрала и как раз поспела к разговению. Рая почему-то усиленно приглашала меня к себе в гости на первый день Пасхи. Я говорила ей, что, напротив, она должна ко мне прийти, но она уверяла, что нет, я должна идти к ней. И она пришла за мной и увела меня к себе. День был прекрасный, теплый, солнечный, и люди весело ходили по улицам.

В один прекрасный летний день в нашем доме появились неприятные гости и остались у нас гостить на довольно продолжительное время. Это были Зоя Горячева-Новикова, жена Иосифа Васильевича Новикова, и ее сестра Зина. Иосиф Васильевич с семьей жили не в Челябинске, а где-то в другом месте, может быть, в Коркино. Они очень нуждались. У Зои каждый год рождались дети, она была измучена, Иосиф Васильевич попивал.

И вот Зоя явилась к нам и поселилась. Ей должны были сделать какую-то операцию, после которой она теряла навсегда способность к деторождению. Пока до операции се-

стры жили у нас. Им отвели самую большую комнату, и нам, детям, запретили даже заходить туда. Да я бы и сама не зашла. Говорили, что у Зои психоз, и она не совсем нормальная. Я ее страшно боялась. Зина была интересная высокая девушка, но почему-то голова ее была обрита наголо. И она, выходя на улицу, надевала шляпку с привязанными к ней белокурыми кудерьками. Операцию Зое сделали, и сестры наконец-то покинули наш дом. Думаю, что моим родителям визит этот был не совсем приятен, может быть, даже отчасти повлиял на зарождение той смертельной болезни, которая свела потом в могилу моего отца.

Спустя много лет мне довелось встретиться с другой сестрой Зои Горячевой — Лидой. Я лежала в хирургическом отделении, когда в нашу палату поместили женщину с переломом руки. Она получила травму у себя дома во время уборки: случайно ступила со стола мимо табуретки, упала на пол, и вот — перелом! Ей надели на руку огромную неудобную шину, с которой ни сесть, ни лечь, только впору круглые сутки стоять на ногах. Женщина сердилась, нервничала, досадовала на себя. Потом немного успокоилась, притерпелась, приспособилась к своей шине и обратила внимание на меня. «Мы с вами почти родственники», — сказала она. Я спросила ее, каким же это образом. Она сказала, что зовут ее Лидия Михайловна Муравьева, и она родная сестра Зои Горячевой. Тогда я вспомнила эту Лиду, я ее видела однажды в комнате тети Оли Новиковой, когда она жила в угловом доме на улице Советской. Мы с Ниночкой в уголке большой пустой комнаты играли в свою любимую игру — в «дрг», а Лида в белой юбке ходила взад и вперед по комнате, укачивая на руках ребенка, по-видимому, Зоиного. Все время, пока Лидия Михайловна находилась в больнице, мы разговаривали с ней. Она сказала, что живет на улице Свободы, 88, где тогда помещался гастроном. Рассказывала о том, как моют кухню в их коммунальной квартире, как придираются, если вымоешь не так. Говорила, что с ними живет учительница музыки,

которая нигде не работает, только дает частные уроки и много зарабатывает. После того как Лидия Михайловна выписалась из больницы, я никогда больше не встречала ее.

Моды

В 1928 году женщины носили короткие платья, но никак не мини. Платья имели длину до середины колена, а когда женщина садилась, коленки были видны. У меня были красивые платья. Одно было из мягкой светло-коричневой шерсти с отделкой в виде широкой синей ленты, которая шла по всей длине платья от ворота до подола. Это было уже лишнее, и я смутно чувствовала, что это безвкусно, но не пыталась навязать старшим свое мнение. В бывшем магазине Стахеева, там, где была столовая АРА, а ныне помещается табачная фабрика, мне купили отрез кашемира на платье. Цвет шерсти был светло-красный, с каким-то необыкновенным рисунком — полоски, а на них причудливый узор. Платье получилось настолько удачным, что я с удовольствием его носила. Оно было и теплым, и легким.

Живя в Ленинграде, я как-то зашла пообедать в одну столовую. За одним столиком со мной сидела какая-то ленинградка-модница. Она расхвалила мое платье, но заметила при этом, что сшито оно белыми нитками. А были ли тогда в Челябинске красные нитки в продаже? Едва ли! Вскоре по экранам городов пошел кинофильм «Тамила», и его героиня — восточная девушка — мелькала в кадрах, одетая в широкое длинное платье точно из такой же материи, как у меня. А больше я ни у кого такого платья не видела.

Был у меня костюмчик из хорошего материала, приятный, серый. К нему полагалась клетчатая кепка, такие кепки были в моде тогда. Из такого же серого материала было у меня платье, но оно было скомбинировано с синим. Комби-

нированные платья тоже были в моде. Но самое лучшее платье было синее шерстяное, с вышивкой. Я давала его мерить Лиде, и оно очень хорошо на ней сидело — она была выше меня ростом, а мне платья шили всегда широковатые, свободные, считая, что так надо, ибо я худенькая, и мне надо шить платья посвободнее. Чересчур уж увлекались этой «свободой». Зато мне очень хороши были Нюсины платья в Ленинграде. Нюся была меньше меня и миниатюрнее.

В школу я свои красивые платья не надевала, ходила в затрапезе. Иначе было нельзя, могли назвать «мещанкой», продернуть в стенгазете. На одну девочку нарисовали карикатуру и написали, что у нее на одной руке кольцо, на другой — часы. Так что форсить платьями было небезопасно.

Были модны тогда фокстроты. Их танцевали на неофициальных вечерах и просто где придется. Модна была стрижка «под фокстрот». Девушек-стиляг называли «фокстротными». Самые модные фокстроты были: «Джон Грей» и «Мисс Эвелин». Ноты этих фокстротов у меня были, но пропали. Позже были модны фокстроты «Пеликан» и «Париж».

Лето 1928 года

Закончились занятия в школе, и мы перешли в 9-й класс. Поехали на отдых в деревню Смолино. Поселились в крестьянском доме. На Смолино же отдыхала семья Павла Ивановича Искоскова, сына Ивана Даниловича. У них была семилетняя дочурка Аллочка. Она купалась в озере, бегала по берегу. Позже Алла училась в музыкальном училище у Софьи Федоровны Рубинштейн. А ныне она архитектор и построила недавно кинотеатр «Урал».

Отдыхала на Смолино также Зоя Александровна Матрохина с дочерьми Любой и Ирой. Моя мама говорила, что Зоя Александровна очень заботилась об их отдыхе, хорошо их

кормила, и ей не лень было лишний раз слазить в погреб за сметанкой или сливочками.

Я на Смолино жила наездами, не все время, потому что в городе в это лето гастролировала Свердловская опера, и у меня был абонемент. Со мной ходил папа, но он часто задерживался с приемом больных и почти всегда опаздывал к началу спектакля. Мне приходилось оберегать его место в первом ряду партера от желающих его занять. Опера выступала в летнем театре в горсаду. В антрактах публика гуляла по саду.

Сколько приятных воспоминаний связано с этим обширным деревянным театром, с этим садом, тогда еще небольшим, но тенистым, уютным. И деревянное строение с длинной верандой, и маленький бронзовый фонтанчик — девочка и мальчик под зонтиком, и эстрада, где играл оркестр — все было мило и приятно сердцу. Оперная музыка звучала в этом деревянном театре. Среди свердловских артистов были Сливинская, Аграновский, Ухов.

Однажды мы с папой вздумали повезти на Смолино Базёшку. Папа нанял извозчика. Я взяла кота на руки, и поехали вдоль по улице Елькина. Кот спокойно сидел на руках, как вдруг из подворотни выскочила стая собак и с лаем накинулась на наш экипаж. Они увидели кота. Базёшка разволновался, стал рваться из рук, и мне стоило большого труда удерживать его на руках. Наконец псы отстали. Я уладила и успокоила свое черное сокровище. И он спокойно уснул рядом со мной на сиденье.

На Смолино коту понравилось, он полюбил бегать на прогулки в хозяйский огород. Но отдых неожиданно прервался — сильно заболела мамочка. Ее повезли домой, и она не могла даже сидеть, пластом лежала на телеге. Как я боялась за нее, как мучилась! Но, по счастью, все обошлось, она выздоровела.

На Смолино мы больше уже не возвращались.

Меня выбирают в культком

Настала осень, начались занятия в школе, и я пошла в свой 9 «А» класс. Теперь нас было меньше в классе. Из первого звена выбыл Кодакин — он закончил свое образование. А из нашего звена выбыла Дуся Кузьминых. Она поступила в фармацевтический техникум, которого в Челябинске не было. Она уехала куда-то в другой город. Нас осталось в звене шестеро. По-прежнему это было самое многочисленное и самое «молекулярное» звено. По-прежнему мы больше всего общались с нашими соседками по столам — четвертым звеном девочек. Перебранивались с первым звеном, особенно со Львовым и Титовым. Через Раю немного общались с Минко и Кудрявцевым. Не имели никаких дел со звеньями третьим, пятым и седьмым. Вскоре после начала занятий начались выборы в разные комиссии. И вот Львов вдруг проявил неожиданное и удивительное с его стороны рвение, предложив мою кандидатуру в культкомиссию, и настоял на том, чтобы меня выбрали. Как-то в самом начале занятий оказалось, что мы с ним где-то на улице встретились, и он сказал мне с улыбкой: «Оказывается, мы с вами самые старшие в классе». Еще бы! Я, конечно, была совсем уже старухой. Ведь мне исполнилось в этом году 18 лет. И вот Лева почему-то усиленно агитировал за мою кандидатуру в культкомиссию.

Сказано — сделано! Выбрали по настоянию Львова, хотя я и не была этим довольна. Потом выбранные из всех классов снова собрались и стали выбирать рабочую тройку. Львов снова пришел на это собрание и настоял, чтобы меня выбрали в рабочую тройку. Выбрали... Председателем культкома стал Борис Дробиз — семиклассник, а его заместителем — Борис Тельнов, также семиклассник. Но это были совсем уже взрослые парни, по возрасту равные нам — девятиклассникам. Вот так-то Львов почему-то пожелал, чтобы я занималась общественной работой, и по окончании школы в аттестате записали, что я

была секретарем культкомиссии. Общественная работа считалась очень важным фактором в жизни учащихся, и выходит, что Львов оказал мне благодеяние, настояв на моем избрании. Но, конечно, в аттестате была записана не только эта работа, но и еще кое-что: например, что я была вожатым звена.

Трагедия в доме Логиновских

Настал день моих именин. Я их скромно справляла и пригласила подруг. Погостили, и я пошла девочек провожать. Было еще светло, снега на улицах не было, была грязь. Мы подходили к Народному дому, как вдруг увидели Шуру Логиновскую, бегущую бегом без пальто по улице по направлению к Народному дому, где стояли извозчики. Рая посмеялась над Шурой, позлословила, что она бежит куда-то раздетая...

Проводив подруг, я вернулась домой и тут узнала о страшной трагедии, только что разыгравшейся в доме Логиновских. Старший сын Логиновских Леня застрелил свою жену Зину и застрелился сам. Папа был у них. Он застал Зину еще живой, но вскоре она умерла. Леня убил себя сразу, наповал.

Шура бежала по улице раздетая, видимо, за помощью. Может быть, хотела нанять извозчика, чтобы отвезти раненую Зину в больницу, а мы не знали и просмеяли ее.

Событие это было подробно описано в газете. Из этого сообщения мы узнали о том, что Леня был совсем не Леня, а Никанор Михайлович, а фамилия их пишется правильно не Логиновские, а Логиновских.

Были похороны погибших. Два гроба вынесли из парадного хода Логиновских, два украшенных цветами гроба. Тут же находилась маленькая осиротевшая девчушка, дочка умерших Лидочка. Она осталась теперь на попечении бабушки с бабушкой. Шура Логиновских вскоре вышла замуж, и у нее появилась дочка Диадель — Деся.

Бежит прочь 1928-й

Убегал прочь 1928-й. Мы учились в школе, ходили на вечера, смеялись, интриговали. Жизнь была полна.

Я много читала, занималась музыкой, ходила в кино и театр, работала в культкомиссии. Мне очень нравился председатель — Борис Дробиз, деловой и серьезный парень.

1928-й умчался прочь, и настал 1929-й.

1929 год

Перенесемся мысленно в далекий 1929 год.

Вот прямая, как стрела, улица Елькина. Вот она соприкасается с улицей Воровского, и здесь ее конец. Встанем на том углу, где четные номера домов, и посмотрим на противоположную сторону.

На углу маленький деревянный домик, где жили Неясовы, потом бревенчатый вычурный дом Арнольдова, большой двухэтажный каменный дом, где жили Логиновские и Шмотины. Ворота в узкий и длинный двор, где жила Лида; их серенький домик с подвальным этажом; длинный забор, возле которого прогуливались Оля Логиновская и Женя Александров; дом, во дворе которого была баня, где мы мылись иногда; наконец, длинный деревянный низкий дом, заворачивающийся на улицу Спартака.

Теперь повернемся и пойдем по нечетной стороне улицы Елькина. От угла тянулся длинный забор, огораживающий обширный двор владений Пелагеи Михайловны; ворота, почему-то всегда открытые; домик, в котором жили мы, такой приветливый, веселый. Небольшой промежуток — и малосенький домик Татьяны Кузьмовны. Чистенькое крылечко и парадное. Ворота всегда закрыты, приоткрыта только калитка на цепи. Дальше красивый каменный дом с парадным,

где жили поляки; потом высокий дом, вход в который через ворота уже на улице Спартака.

Перейдем эту улицу. Это не страшно, можно идти совсем медленно, не боясь, что собьет машина или троллейбус. Их нет, как нет и потока людей. Нет уличных фонарей, нет асфальта. Зимой улицы завалены снегом, весной и осенью — грязь.

Улица Спартака была особенно грязной.

Вдоль тротуаров были вырыты канавы, по которым во время дождей и таяния снега неслись потоки воды. По улице Елькина бежало воды особенно много, это были бурные потоки, неслись они откуда-то сверху, и перейти через эти потоки было не так-то просто.

Деревьев на улице Елькина не было совсем, да и на других улицах их не было, только тополя росли кое-где перед домами в малом количестве.

Мы перешли улицу Спартака, обычную, совсем не главную улицу, достаточно грязную, и остановились на углу возле Госбанка, здание которого было тоже совсем не такое, как сейчас. Окружающий пейзаж тоже был не похож на теперешний. Теперь это одно из самых оживленных и красивых мест главной магистрали города. Величественное современное здание, перегородившее улицу Елькина, — библиотека и голубые ели перед ее дверьми. Мчатся троллейбусы, автомашины — «Жигули», «Волги», торопятся куда-то вечно спешащие нарядные люди.

Но вот машина времени помчала нас снова назад. Мелькают десятилетия, и вот мы снова в 1929 году. Две молоденькие девушки прогуливаются по широкому тротуару возле банка. Вот они снова перешли улицу Спартака и идут по улице Елькина. Распрощались, пошли по домам. Одна из них вошла в распахнутые ворота дома № 49а, повернула налево к калитке и вошла в садик, а затем в открытые двери парадного крыльца. В сенях две-три ступеньки и дверь в переднюю комнату. Это ожидаляня. Тут стоит круглый столик, на нем газеты и журналы для ожидающих пациентов. Вокруг столика ори-

гинальные кресла с решетчатыми спинками — произведение столяра Сапожникова. Такого же фасона небольшой диванчик. Когда мы переехали на улицу Васенко, эту мебель перевезли туда. Потом как-то моя мама в тяжелую минуту продала кому-то кресла и диванчик, а столик остался и переехал с нами сюда, на улицу Орджоникидзе, и весной 1974 года во время ремонта его украли. Одно из кресел когда-то служило кроваткой моей маленькой дочке Люлюке. Но теперь этой мебели нет, и можно только вспоминать о ней.

Председатель культкомиссии

Мне жилось хорошо, разве только скучновато. Но вот мое пианино. Я играю на нем «Лунную сонату», «Жаворонка» Глинки — Балакирева и другие, уже сложные вещи. Вот мои книги. Читаю по-прежнему много. Хожу на уроки музыки и в школу. В школе жизнь кипит и бурлит. Интригует против первого звена наше шестое «молекулярное». Похихатываем, издеваемся над Львовичем, устраиваем вечера, посещаем все школьные вечера, танцуем «польку колесом» в школе, а на своих домашних вечерах — фокстрот. Смотрим спектакли школьного драмкружка, играем с Раей на школьном рояле, а на домашних вечерах играем в шарады.

А время бежит неумолимо, наступает «возраст любви».

В 1929 году Пасха была 6 мая. Мы с Раей стояли возле сквера и рассуждали. Вокруг нас была весна, деревья в сквере оделись листвой, весело чирикали воробьи — был месяц май, который «всех месяцев прекрасней», и сердца наши трепетали. Рая пеняла мне, почему у меня-де никого нет, почему я ни в кого не влюблена? Я недоумевала: в кого же можно влюбиться? «А в твоего председателя!» — лукаво посмеиваясь, подсказывала мне Рая. А председатель культкома был теперь уже не Борис Дробиз, а Борис Тельнов.

Дробиз бросил школу, не доучившись, и поступил работать в редакцию газеты. Как я завидовала ему! Вот-то счастливец! Как мне хотелось тоже пойти работать в редакцию... Не думала о том, что парень пошел туда поневоле, от бедности, чтобы заработать что-нибудь. Журналистская деятельность всегда была для меня заманчива, так же как манили книги.

Но выбрала я музыку.

Итак, Дробиз ушел, председателем культкомиссии стал Тельнов, а заместителем его — Хренов (семиклассник). Борис Тельнов был очень симпатичный и приятный юноша, высокий, спортивного склада, блондин, типа киноартиста Олега Видова. Боря был очень прост, даже чуть деревенщина, но держался хорошо. Был скромненький, но деловитый и работник по культкому образцовый. Дело у него в руках кипело, но без помпы и лишних слов. Хренов был ему хорошим помощником, но более говорливый и шумный. Я же — скромный секретарь — писала протоколы, но во всех делах парни советовались со мной, хотя и не заставляли что-либо делать, кроме писания протоколов. Рая, видимо, еще раньше заметила Бориса. Он имел хороший голос, пел в школьном хоре у Софьи Александровны, а Рая аккомпанировала хору.

Вот этого-то паренька и предложила Рая мне в возлюбленные. И я согласилась влюбиться в него, но спросила при этом, а как надо действовать, чтобы добиться взаимности, что нужно говорить? Рая отвечала, что говорить ничего не нужно, надо только смотреть и улыбаться. Ничего себе советик! Этого я никак не умела делать, но решила попробовать. С этих пор Рая стала иногда забегать на наши заседания рабочей тройки, поглядывала, посмеивалась и многозначительно улыбалась. Убегал и Хренов — то в кино, то домой, а мы с Борисом еще долго не расходились и сидели в пустом классе, обсуждая то и се. Раин наказ я не выполняла — не улыбалась и не смотрела. Борис был хороший парень, и дружить с ним было бы приятно, но он с девочками не дружил. Он всегда

ходил с компанией каких-то парней, которых Рая называла ширмачами. Жил он где-то далеко и ходил мимо нашего огорода по улице Воровского.

Был в Челябинске священник отец Николай Тельнов, но был ли Борис его сыном или только однофамильцем — неизвестно.

Приближалось время окончания школы. Наша рабочая тройка организовывала выпускной вечер, и незадолго до выпуска мы с Раей неожиданно поссорились из-за какого-то пустяка. Шли по улице, поругались и разошлись в разные стороны. Потом встретились, но не разговаривали друг с другом. И девчонки решили нас помирить. Я пошла на выпускной вечер одна. На мне было пышное белое платье с синими оборками. Я остановилась возле угла сквера и увидела, что с противоположного конца от крыльца школы идут девочки, ведя под руки слегка упирающуюся и улыбающуюся Раю. Другие подбежали ко мне, подхватили под руки и повели навстречу Рае. Так они мирили нас, и это им удалось. Мы помирились. Особенно усердствовали при этом Катя Третьякова и Оля Белоусова. А на крыльце школы стоял Тельнов и, улыбаясь, терпеливо дожидался, когда окончится процедура примирения. Он ждал меня. Ему что-то нужно было уточнить в программе вечера. Я подошла. Он спросил, нет ли у меня карандашика. Был какой-то малюсенький, и он взял его у меня с ладони.

Вот и последний вечер, конец работы в культкомиссии, а знакомство так и не состоялось, и Раиными советами я воспользоваться не сумела.

Окончена школа...

Собрались в фотографии Шелудякова для фотографирования. Собрался весь класс. Над этой фотографией мы с Кланей просиживаем подолгу. Недавно, 16 февраля 1975 года, звонил мне приехавший из Москвы Леня Николаев. Он сказал, что они, пятое звено, собрались у Кленова. Кленов ищет фотографию, они хотят ее рассмотреть. Леня

спрашивал меня, не помню ли я, кто и как расположен на этой фотографии. Да, я помню! В первом ряду на полу слева направо: Рая в школьной форме с косичками; Оля Белоусова в платье с белым воротником, с прямым пробором в волосах; Катя Третьякова в простом платье и я в белой блузке, но поверх надета простая синяя кофта, виден только большой синий бант на блузке. Короткая юбка-шотландка в клетку. Эта юбка была из прекрасной мягкой шерсти и долго служила мне, пока ее не украла в 1935 году нянька Люлиньки — Нюра. Из-под юбки торчат ноги, которые некуда девать, а на ногах высокие, почти до колен ботинки. В одной руке у меня книга «Цемент» Гладкова, другой рукой, вернее, одним пальцем упираюсь в пол, видимо, для устойчивости. Косичек у меня уже нет, волосы острижены, в волосах гребенка.

Позади нас на стульях сидят учителя — Виктор Федорович Карелин, Михаил Николаевич Светлов (он преподавал немецкий). Когда я училась в музучилище, его жена (вернее, вдова, потому что к тому времени он уже умер) Екатерина Николаевна Светлова работала там секретарем. Рядом со Светловым — Лидия Евгеньевна Попова, Пискарев Иван Данилович, Софья Антоновна, Павел Михайлович Крылов. Позади учителей стоят девочки. В самой середине — третье звено. Карпуничева в фуфайке, справа от нее Агапитова, слева Адищева в синем платье с полосками. Рядом с Агапитовой — четвертое звено: Кира Левицкая, Юля Турсанова. С краю стоит Бухарина. Ноги ее хорошо видны. Возле Адищевой члены нашего звена: Вера Малышева, Зоя Макарова, с краю стоит Кланы. Позади девочек на скамейке — парни: Львов, Минко, Кудрявцев в очках, Титов, Захаров, Козьмин, Беляев, Вяткин. Самые задние: Якушев в серой рубашке-косоворотке, члены пятого звена Комольцев, Костюшев, Николаев. В самой середине торчит головенка Чижики-Герки (как мне приятно было услышать по телефону его милый голосок 16 февраля). В последнем же ряду стоят Кленов и «орангутанг Люсьев». Я собрала довольно много автографов на обратной стороне карточки.

Через несколько дней после выпускного вечера мы, бывшие ученики, собрались в сквере и стали думать, как бы нам отметить свое окончание. Решили съездить на Смолино на пикник. Для закупки продуктов нужно было собрать какую-то сумму. Решили сложиться по рублю. Долго уговаривали Леню Николаева поехать с нами. Но он отказывался. Просто не было у него рубля, и мы, девочки, сложившись, внесли этот рубль за него. Набралось нас 15 человек. Кира Левицкая и Оля Белоусова отправились в магазины за продуктами. Кланын папа дал нам лошадь с телегой, а тетя Кланы напекла нам много вкусных вещей.

Погрузились мы в телегу, поехали. Расположились веселым лагерем на берегу озера. Никакого вина, об этом даже и не думали. Все пристойно, все по-дружески! Мальчишки ушли купаться далеко в другое место, из девочек купались только те, кто имел купальный костюм, как Кира Левицкая.

Решили собраться снова через десять лет, в 1939 году, и не сделали этого.

Прекрасно провели мы этот день и под вечер засобирались обратно. Помню, что Львов заправски мыл и чистил песком тарелки и кастрюли. Собрались ехать, но много осталось еды. Решили отдать эти остатки в колонию детям (как будто колония туберкулезная). Ребята из колонии приняли все с благодарностью и, чтобы нас отблагодарить, принесли из леса букеты незабудок. Кира Левицкая сомневалась, брать ли, все-таки туберкулезные дети, но мы решили непременно взять, чтобы не обижать ребятишек.

Поехали обратно. Доехали до дома Киры Левицкой, а оттуда уже разошлись по домам, а вскоре и вообще рассеялись по белу свету и никогда больше не собирались вместе.

Отдых в Чебаркуле

Лето было в разгаре, и мы поехали отдыхать в село Чебаркуль. На этот раз с нами отдыхала еще и тетя Тоня с Наташей, которой в это лето как раз исполнилось семь лет. В день ее рождения катались на лодке по озеру. Наташа распевала: «По улице ходила большая крокодила», а тетя Тоня вторила ей. Ждали они обе и подарков от нас.

Вздумали как-то поехать на озеро Кисегач, посмотреть, что это за озеро. Сказано — сделано! Погрузились на телегу — поехали. Нас повезла хозяйка с маленьким сыном. Ехать было весело — дорога красива, лес, высокие сосны, вдали синют Уральские горы. Приехали на озеро. Залюбовались его кристальной прозрачностью. Оно холодное, а вокруг красивый лес и скалы. Целый день провели на берегу чудесного озера, купались, загорали, а к вечеру собрались ехать обратно в Чебаркуль. Поехали, но тут оказалось, что лошадка наша пугливая. На дороге в этот час оказалось много велосипедистов, и были даже грузовики. Лошадь стала пугаться, шарахаться, а потом и вовсе понесла. Остановить ее не было никакой возможности, она мчалась без дороги и вскоре завернула в лес, петляя между соснами. Тетя Тоня успела вместе с Наташей спрыгнуть с телеги, спрыгнула и хозяйка со своим сыном, а мы не успели соскочить и метались на телеге в ужасе. Наконец телега с силой ударилась о дерево, и мы обе с мамой вылетели прочь и брякнулись на землю. Лежали некоторое время неподвижно, потом я поднялась. Ощупала свою голову, ноги — все цело, только гребенка отлетела далеко в сторону. Кинулась к маме, но она уже поднималась с трудом, сильно ушибла ногу. А лошадь стояла себе смирнехонько, запутавшись в вожжах, которые бросила хозяйка, спасая своего сына. И только один человек из всей компании — мой брат Никулища невозмутимо восседал на телеге и не испугался ни капельки, хотя его чуть не сшиб-

ла ветка дерева. Пришли немного в себя, обсудили происшествие, поделились мнениями, завернули лошадь и поехали в Чебаркуль. Но едва показались вдали домики деревни, как лошадь снова начала уросить и пугаться. Мы решили слезть с телеги и идти пешком — так подсказывало благоразумие. Слезли и пошли. Но моей маме идти было трудно, нога у нее распухла и сильно болела. Пришлось вести ее под руки. Так и вступил печальный наш кортеж в деревню на удивление всем прохожим. Нога у мамочки еще долго болела. Но потом все прошло, и остальное время мы прожили в Чебаркуле без приключений.

А в 1937 году пришлось испытать нечто похожее. Я с маленькой Люлюкой гостила у Лиды на мельнице. Собрались мы уезжать домой, и Лида достала где-то лошадь с телегой, чтобы отвезти нас в Свердловск. Кучера не было никакого, и она сама смело взялась за дело. Поехали, но лошадь тоже оказалась пугливой и, завидев на дороге велосипед или автомашину, начинала уросить и кидаться из стороны в сторону. И тогда я, схватив на руки Люлю, спрыгивала на землю через канаву и отбегала, с Люлей на руках, подальше в поле. Потом лошадь успокаивалась, и мы садились снова. Через некоторое время фокус повторялся, я спрыгивала и бежала в поле снова. Так всю дорогу до самого Свердловска ехали с горем пополам. Лида отважно оставалась на телеге и пыталась утихомирить наше «такси».

Культурная революция и городской сад

Кончился отдых в Чебаркуле, и мы вернулись в город. Пора было подумать о дальнейшей учебе. Мои родители предлагали мне и педагогический, и медицинский институты, но я отвергала эти предложения. Стать школьной учительницей? Ни за что! Стать врачом? «Я маленького роста, —

рассуждала я. — Стало быть, не буду иметь авторитета». Нет, только музыка — это решение непоколебимо.

Но как поступить в музыкальный техникум? В Челябинске не было такового, значит, надо ехать в Свердловск. Но стороной доходили неутешительные вести: нужен производственный стаж не менее двух лет и подходящее социальное происхождение. Ну насчет последнего было все в порядке. Врачи считались специалистами, а дети специалистов принимались в учебные заведения беспрепятственно. Но производственного стажа у меня не было. Очевидно, Свердловск отпадал. Тогда задумались о Ленинграде, и началась переписка с тетей Асей Левицкой! Она жила теперь совсем одна. Ее мать Ольга Константиновна к этому времени уже умерла. А пока велась переписка, суд да дело, можно было жить припеваючи и пользоваться свободой.

Многие бывшие ученики Центральной школы приходили в городской сад, где успели выстроить большой кинотеатр — сарай (тот самый, где теперь катается на коньках Аринушка). Часто ходили в этот кинотеатр и мы с Кланей. Папа охотно давал мне рубль на кино, и это было огромное богатство, ведь билет в кино стоил 30 копеек. После сеанса мы с Кланей прогуливались вместе со всеми посетителями сада по большому кругу. К нам иногда стали присоединяться наши бывшие соученики по школе. Частенько стал появляться в горсаду и Мизгирь, то есть Валентин Якушев. Он тоже бывал в кино и по окончании сеанса гулял по кругу. Иногда он подходил к нам с Кланей и шел возле нас, беседуя. Он собирался поступать куда-то, думал ехать в Свердловск и усиленно готовился, но производственного стажа, так же как и у нас, у него не было.

Ходили мы, неустанно поворачивали по кругу, говорили о дальнейшей учебе, разглядывали гуляющую публику, среди которой блистали изящными туалетами сестры Куксовы. Потом расходились по домам. Я шла к себе на Елькина через большую пустынную площадь, а Клания жила теперь уже за

рекой, на улице Кыштымской. У нее было пианино, и она училась в музыкальной школе, которая помещалась теперь в двухэтажном каменном доме на углу улиц Мастерской и Карла Маркса. Дом этот стоит и сейчас.

Валентин Якушев тоже жил в Заречье, недалеко от моста. Рая уехала на лето на Кавказ, в Новороссийск, где у нее были какие-то родственники, а из Новороссийска поехала в Кабардинку, где вдоволь насладилась южным солнцем и морем.

Но еще до ее отъезда мы повидались, с кем бы вы думали? С самим Ленкой Гершковичем, о котором ходили слухи, что он куда-то уезжал. Но, видимо, вернулся, потому что я случайно встретила с ним в сквере. Сначала я его не заметила, но почувствовала на себе чей-то взгляд и увидела, что он идет в отдалении, но параллельно со мной. Я постаралась поскорее уйти прочь, но потом мы с ним встретились у Раи. Он был теперь совсем другим, не таким, как прежде, очень серьезным, спокойным и важным. Говорил он мало, зато пел «Шумит ночной Марсель» под аккомпанемент Раи. О Грише мы не упоминали.

После этой встречи я никогда и нигде больше его не встречала и ничего о нем не слышала. Как в воду канул. В детском театре в Москве есть артист Леонард Гершкович. Не Ленка уж ли это? Имя свое он вполне мог изменить. Не знаю.

«Онегин» и «кондуктор»

Мы с Кланей продолжали ходить в горсад. И вот однажды после сеанса, когда Якушев подошел к нам, Клания вдруг распрощалась и быстро ушла из сада. Мне без нее нечего было там делать, и я через некоторое время тоже отправилась домой. Через несколько дней мы с Раей зачем-то поплелись на почту, которая, как я уже упоминала, находилась на углу улиц Елькина и Труда в здании бывшей прогимназии. Зда-

ние это стоит и сейчас. На крыльце почты мы столкнулись с Якушевым, который выходил из дверей. Он остановился и вдруг начал нам рассказывать возмущенным и обиженным тоном, что он получил письмо от Беляевской, в котором она пишет, что ее неожиданный уход из сада, похожий на бегство, наверное, его удивил. Валентин жалобно втолковывал нам, что он совершенно не был удивлен, вообще не испытывал никаких эмоций при ее уходе. Вообще он даже не заметил ухода, и это его совсем не касается, кто там приходит и уходит. А вот теперь-то он действительно удивлен, получив это письмо, и в недоумении и, мало того, даже возмущен! Ведь он не Онегин, она не Татьяна. И так далее и тому подобное. Словом, расквакался Валентин, рассыпался в жалобах. Обидели доброго молодца! А мы с Раей, конечно, не сумели сразу разобраться в сути этого события и начали поддакивать ему на его речи, негодовать и возмущаться. Потом пошли домой и все перемалывали, пережевывали это происшествие. Удивлялись, как это Клania могла написать письмо, возмущались. Неслыханно — самой написать первой. Это не положено...

А Валентин хоть и предал девушку перед подругами, а на письмо-то от Клани все же ответил ей, и между ними завязалась переписка, тянувшаяся несколько лет и перешедшая в хорошую дружбу, которая прекратилась только тогда, когда Клania вышла замуж за Бориса Владимировича Федорова. Многие письма Валентина я читала, Клania приносила их мне.

Я поняла, как некрасиво было с нашей с Раей стороны тогда, при встрече на крыльце почты, предавать подругу. И никогда больше не делала этого. Как Рая ни стремилась узнать побольше об этой переписке и узнать содержание писем, я никогда ей ничего не рассказывала. Рая попыталась было ввязаться в это дело и тоже однажды написала Якушеву письмо. Он на него вежливо ответил, но на этом дело кончилось.

Когда осенью кинотеатр в горсаду перестал работать, Рая часто стала ходить в «Октябрь», чтобы встретиться там

с Якушевым. Водила меня с собой как прикрытие. Стреляла своими глазками, улыбалась, и если Якушев подходил к ней и заговаривал, то с этого момента я уже не была ей нужна и могла незаметно отчаливать. Я сначала не замечала ее маневров, а потом поняла, что я «ширма», и это мне в конце концов надоело.

А у меня в это лето произошла необыкновенная встреча. В конце лета моя мама поехала лечиться в Кисловодск, папа однажды попросил меня съездить на вокзал, на переселенку, где он работал, и передать там кому-то от него записку. Я отправилась. Между городом и вокзалом тогда курсировал маленький автобусик, перевозивший пассажиров, и я села в него. Автобусик был полон людей, все места на двух лавках, расположенных по бокам автобуса, были заняты. Я схватилась за поручень и стояла. На мне было красивое платье из шелкового полотна цвета танго, сшитое по тогдашней моде — без рукавов. Стою, автобус едет, как вдруг вижу — ко мне через толпу пробирается необыкновенный кондуктор — не женщина, как обычно, а молодой человек, одетый в белоснежную рубашку, небольшого роста, с приятным лицом. Он подошел ко мне, я протянула ему деньги за билет, он выдал мне таковой, а потом моментально, но не грубо, а вполне вежливо, раздвинул сидящих на лавке людей и предложил мне сесть и даже поддержал за локоть, когда я покачнулась, отпустив поручень.

Автобус остановился на вокзале. Я вылезла и пошла на переселенку, быстро выполнила папино поручение — передала кому надо записку — и снова пошла к автобусу. Автобус как будто ждал меня, еще не успел уйти, и я взобралась в него. Встала у передних дверей, и вот снова в автобус вскочил тот же самый очаровательный кондуктор и снова проявил внимание и заботу.

Вернувшись домой, я пошла к Лиде и рассказала ей о необыкновенном кондукторе. И Лида сказала, что она знает, кто это. Это сосед Тони. Лида рассказала Тоне о моей встре-

че с кондуктором в автобусе, и Тоня предложила познакомиться нас с ним и с его другом. Мы согласились, и знакомство вскоре состоялось.

Недалеко от Тони, на Свердловской улице (теперь она улица Володарского) стоял маленький домик, в котором жила семья Елизаровых. Семья была многочисленная, старший сын Гриша — вот этот самый кондуктор. Семья очень нуждалась материально, и Грише пришлось поступать на работу.

У него был друг Володя Борякин, который жил в доме по улице Сони Кривой, рядом с Тоней. Оба приятеля были музыкально одаренными людьми и прекрасно играли на народных инструментах. Мандолина и гитара в руках этих пареньков были послушными и звучали великолепно. Кроме того Гриша прекрасно пел. У него был тонкий музыкальный слух, голос. Сам он был живой, разговорчивый, прекрасно держался. По словам Тони, он очень любил девчонок и из-за них даже учился плохо. Оба дружка часто бывали у Тони и приносили с собой веселье, болтовню, шутки, смех. Впрочем, щепетильный и честный Леня их почему-то не любил. Володя Борякин был серьезнее Гриши, более сдержан и молчалив. Он был высок ростом и недурен собой. Но Гриша был доступнее, проще, а главное, умел ухаживать, что девушки очень ценили. Тоня дружила с Гришей и, возможно, он ей нравился. Она сама была веселая, любила шутки и смех. Она знала о Грише, что он увлекался не только девушками, но даже и женщинами. Много лет спустя Тоня рассказывала, что Гриша делал ей предложение, но она не вышла за него.

Несмотря на все эти слухи, мы с Лидой охотно познакомимся с «музыкантами», как мы их окрестили. Мы с Лидой пришли знакомиться в маленький домик Тони на углу улиц Сони Кривой и Свердловской. Родители Тони ушли куда-то, и мы собрались повеселиться в угловой комнате с окнами на две улицы. Пришли «музыканты». Познакомились. Гриша очень любил танцевать, посещал танцевальные вечера, которые проводились в бывшей монастырской церкви. Спра-

шивал нас с Лидой, танцуем ли. Увы... Мы не умели. Тогда он вызвался нас научить и тотчас же рьяно принялся за это дело. Заставил Вовку играть на гитаре танцы, сам подпевал и танцевал с нами. Пусть не обижаются на меня девочки и не обвиняют в пристрастии, только Гриша из всех сделал предпочтением мне, ухаживал за мной и танцевал со мной больше всех. Это я сразу поняла, что он выбрал именно меня, хотя я была и некрасивая, и скромная. Он оказывал мне очень тонкие и незаметные для других большие знаки внимания. Лида, может быть, инстинктивно почувствовала это и говорила мне потом несколько раз, что мне очень шла моя белая кофточка с синим бантом, и она, моя подруга, любовалась мной.

Вечер мы провели чудесно, вернулись домой поздно, и я боялась, что папа будет недоволен. Но я такими радужными красками расписала этот вечер у Тони (не упоминая, конечно, «музыкантов»), что папа ничего мне не сказал.

Рая в новом виде

Вот настала осень 1929 года. Золотая и тревожная осень... Год этот был годом начала культурной революции. Время это описано и воспето во многих литературных произведениях, поэтому описывать и объяснять его я не буду, скажу только, что время было сложное и для многих непонятное. Молодежь металась... Бывшие учащиеся нашей школы волновались, ходили, как неприкаянные. Я тоже не знала, как быть с дальнейшим учением, а пока суд да дело, била баклуши. Мамочка была в Кисловодске. Рая вернулась с Кавказа, из Кабардинки. Что сделало с ней южное солнце! Она совершенно преобразилась, пополнела, возмужала, превратилась в девушку, хотя ростом осталась маленькой. Она привезла мне в подарок бусы из ракушек. В этих бусах я сфотографи-

ровалась вместе с Лидой. Я по-прежнему часто виделась с обеими моими подругами, с каждой порознь, по-прежнему было много бесед между нами, душевных разговоров.

Тучи

Наступил сентябрь, 1-е число, а мы уже не пошли в школу, только частенько похаживали мимо и даже иногда заходили внутрь. Приходили и на школьные вечера, смотрели, как веселятся другие, а мы были здесь уже чужие и никому не нужные...

И кто мог знать, что следующее 1 сентября, 1930 года, навсегда останется черным днем для нашей семьи, что в этот день смерть разлучит нас с нашим кормильцем, с нашей опорой и главным членом семьи — отцом... Не знали мы этого, и никогда мысль такая не приходила в голову...

Настал октябрь — золотая осень, сухая, теплая. Мы с Раей околачивались без дела, томились, ждали чего-то, скучали, были недовольны. Хотелось каких-то сильных, ярких впечатлений, хотелось быть в обществе веселья, шума. Над Раиной семьей уже сгущались тучи, как и над многими семьями в то время...

Дневник-альбом

В октябре 1929 года я начала вести дневник, для чего приспособила маленький свой альбом для стихов, подаренный мне мамочкой в 1923 году на именины. В этом альбоме мне писали стихи на память мои подруги еще в семилетке. И вот среди этих стишков на свободных листках я и начала свои записи. Альбомчик этот сохранился, и теперь я буду пользоваться выдержками из него...

«22 октября. “В глуши, в деревне все вам скучно” (Пушкин. “Евгений Онегин”). Однако бумажный кризис дает о себе знать. Добралась уже до этого альбома. За последнее время как-то ничего интересного не случилось. Встреча с Б. немного меня всколыхнула, теперь и она начинает забываться. Рев и шум ребят мне страшно надоели. Вечно полно чужих людей, избалованных капризных детей, никогда нет покоя. А мамочка! Когда я наконец дождусь ее? Как-то скучно без нее и вообще скучно».

Так писала я 22 октября. Упоминается бумажный кризис. Да, очевидно, с бумагой в то время было плохо. Не было ее. «Встреча с Б.», — это говорится о Тельнове, которого я случайно встретила на почте. Со мной была Лида. Она обратила внимание на этого симпатичного мальчика и спрашивала меня, кто он такой и откуда я его знаю. Упоминание о капризных детях и чужих людях... — совершенно не помню, кто это такие, но думаю, что, может быть, племянники Мани Костромитиной, дети ее сестры Дарьи Степановны. Одна из ее дочерей, Нина, училась вместе с моим братом, и когда он пошел в школу в первый класс, ходила вместе с ним и очень его опекала, что ему весьма не нравилось... А мама моя все еще была в Кисловодске, и я сильно скучала по ней.

23 октября я снова писала о том, что мы с Раей зашли в школу и стояли у двери, как вдруг Тельнов стремительно вбежал с улицы в школу и чуть не сшиб нас с Раей. Мы его сначала не узнали, потому что он был в каком-то сером тулупе, но потом убедились, что это был именно он. Потом я шла домой одна под пронзительным ветром и думала о своей жизни. Думала о том, что жизнь эта должна быть какой-то другой, не такой нудной и неинтересной.

На следующей странице альбома — стихотворение, написанное для меня Авой Неясовой: «Не с шумной беседой друзья познаются, они познаются бедой. Коль горе нагрянет и слезы польются — тот друг, кто заплачет с тобой». А сбоку я написала: «Ты намекала на нашу дружбу? Вот во что она

превратилась. Мы далеки друг от друга, как небо от земли». Дальше в дневнике написано о том, что Игорь Минко рассказал Рае, что приехал Якушев. Не сдал географию. Видимо, Якушев ездил поступать куда-то и не поступил. «Не сдал географию», и не мудрено. Ведь мы географию никогда как следует не изучали. Откуда он мог знать?! Дальше написано, что Клania вместе с Игорем, Марой Толстых и Августом занимается у Молчанова. Это был известный в городе педагог. Видимо, Клania была уже очень занята в то время, потому что упоминается, что она давно не была у меня и не несет мне книгу «Дочь Монтесумы».

Далее есть упоминание об Анне Григорьевне: «С Анной Григорьевной заниматься трудно. Вечно плачет, напоминает о деньгах». Да, уроки с Анной Григорьевной шли у нас не так, как прежде. Видимо, сказывалось ее горе, да и достигли мы — и я, и моя учительница, — по-видимому, своего потолка. И она ничего уже больше не могла дать мне, да и я уже не двигалась дальше. Напоминание о деньгах было мне неприятно.

«24 октября. Должно быть, Рая на меня рассердилась, потому что я не пошла с ней в кино. Надо бы к ней сходить, но страшно неохота. Но придется пойти, загладить свою вину. Ничего пока нового нет. В. Я. еще не встречали. Может быть, он вчера и был в кино, но все равно из-за этого-то мне и не хотелось идти. Надоело играть роль ширмы для Раиных походов. Пока его нет, она хоть делает вид, что слушает мой разговор, а как только он подошел и пошел ее провожать, я могу отправляться на все четыре стороны. Хотелось бы снова увидеться с Г. Е. Но как? Это почти невозможно. Клania все не идет. Что-то у нее творится? Пишет ли ей В. Я.?

25 октября. Свою вину загладила. Вчера очень долго гуляли с Кобренком. Сегодня придется идти в кино, хотя страшно не хочется. Все равно на второй сеанс ни за что не пойду. Мизгирей нигде не видно. Вчера поздно вечером, проводив

Рая, шла по скверу и наткнулась на компанию, в которой были Петух и Игорь. Они шли с какими-то парнями, которые курили. Не знаю, заметили меня или нет. Если заметили, то опять придумают что-нибудь дурацкое. Завтра идти к Анне Григорьевне. Неприятно, потому что мое отношение к ней начинает меняться. Я презираю людей, которые нетактично относятся к денежным вопросам. Нас, я думаю, упрекнуть в неаккуратности нельзя. Меня возмущает такое отношение.

26 октября. Вчера ходили с Кобренком в кино. Видели Мизгиря. Он был на первом сеансе, а мы пришли уже поздно, и билетов на первый сеанс уже не было. Мизгирь стоял наверху, потом сошел к нам вниз, но говорили мало. Сказал только, что провалил географию. Потом мы купили у мальчишки билеты и тоже попали на первый сеанс. После картины Рая поспешно ушла, не дожидаясь Мизгиря. Это было похоже на Кланино бегство из сада. Вслед за этим, по правилу, должно следовать письмо, но Кобренок, пожалуй, напрасно так охотится за Мизгирем, потому что у него с Кланией интрига. Это доказанный факт. Вчера Клania была, ничего не говорила, кроме того, что встретила его, когда шла на теорию, сказала ему, что очень торопится, на что он возразил: «Вам к пяти часам, а сейчас только четыре». Из этих слов Клania заключила, что он встречался со мной и я ему сказала, что Клania ходит на теорию (хотя я абсолютно не знаю, насколько она ходит). Проговорилась, что получила большущее письмо и, несмотря на запрещение никому не говорить, хотела принести его ко мне, но забыла. Говорила, что сказала ему, что я знаю про первое письмо, но про другие ничего не знаю. В общем, переписка у них идет вовсю. Сколько уж извели бумаги, марок, конвертов и т. п. Есть известие о Г. Е. Он встретился с Лидой и Тоней и разговаривал с ними. Наклевывается еще вечер по случаю отъезда Володи. Предполагается во вторник. Скверно, что опять так поздно. Неудобств масса. Но, с другой стороны, если не ходить, то наверняка все порвется с Гришей. А это будет жал-

ко. Он не забыл моего обещания танцевать с ним. Практики только у меня нет. Кроме того, он предполагает устроить совместный с Тоней вечер. Вчера Кобренок неожиданно сильно меня смутила. Спрашивает: “Кто сильнее втрескался — я в Мизгиря или ты в Кондуктора?” Я с удивлением возразила, что я в Кондуктора и не думала втрескаться (вот ей-ей, правда, лопни мои глаза, ежели вру). Она удивилась, стала допытываться, в кого же я тогда. “Вижу по твоим глазам”, — говорила она».

Вот так мы болтали, борясь со своей скукой, стремясь к чему-то новому, неизведанному. Так хотелось нам дружбы с представителями другого пола, хотелось их внимания, интереса к нашим особам, но ничего такого не было... Я часто посещала книжный магазин на Рабоче-Крестьянской улице и покупала ноты. Особенно мне нравились произведения Прокофьева, которые в то время начали уже появляться на прилавке нотного магазина.

Продолжаю цитировать дневник.

«27 октября. Случилось много нового. Вчера, когда Рая шла ко мне, ее догнал Мизгирь и пошел с ней вплоть до нашего дома. Сообщил ей, что получил ее письмо. Ему его переслали из Златоуста, а самое главное, спросив Раю, не идем ли мы гулять, сказал, что тоже пойдет гулять. Но потом, сколько мы ни бродили по Уфимской, его не было, что очень расстроило Раю. Но оказалось, что он простудился в Златоусте, пока ждал поезда, и схватил простуду, теперь болен, что-то вроде воспаления легких.

Пройдя по Уфимской, мы решили пойти в школу на вечер. Тем более что туда шли Игорь с Кодакиным. На Уфимской встретили Тельнова. Он шел в школу с какими-то парнями. Кобренок сомневался, он ли это идет с ширмачами (по ее заключению), но когда я сказала, что он всегда ходит с какими-то парнями подозрительного вида, все сомнения ее исчезли. Я особенно не обратила внимания на эту встречу, хотя Кобренок мне сказал: “Если пойдешь на

вечер, можешь встретить”. Мне не хотелось идти, так как я боялась, что нас не пустят, а не хотелось терпеть унижения. Все же мы дошли до школы и увидели на дверях афишу, где сообщалось, что вечер в школе платный. Тогда мы решили пойти. У входа были знакомые: Ленка Дмитриева и другие, а на одном из столов сидел Тельнов. Он оторвал у нас билеты, сказав при этом, что мы, пожалуй, кого-нибудь проведем, за что Рая его обозвала (не в глаза, а потом) гадом (сама гад, поганка). Я узнала, что он состоит членом хозкомиссии, так как прочитала его фамилию в списке дежурных членов хозкомиссии. На вечере был Кодакин, но Игоря не было.

Шла длинная-предлинная пьеса в четырех действиях из эпохи первой революции. Показана судьба юноши, перерождающегося под влиянием революционных бурь из обывателя с буржуазно-мещанским мировоззрением (мелочная жизнь: папиросы, флирт и т. д.) в революционера. Из сочувствующего он обратился в настоящего борца, не остановившегося перед разрывом с семьей и едва не убившего заговорщика-отца. Играл его Кабанов, бывший предучкома, — Колька Кабан с хулиганскими наклонностями, со стремлением к пошлым интрижкам, гуляющий под руку со Смирновой, обнимающийся с Екишевой, провожающий Тартаковскую и т. д. Играл великолепно (не преувеличивая). Его партнерша Кожевникова (толстомаяся дура в пенсне) играла с ним в унисон. Была в миленьких платицах, с громадным бантом на голове, очень интересная. Впрочем, роль Нины не совсем ясна. В первых актах она мелочная барышня, с узкими интересами, вертящимися на пирожных, поцелуях и т. д. В конце же пьесы она делается комсомолкой, почти вырастает в революционерку, когда умирает Леонид. В то же время она не может связно произнести слово “комсомол” и едва ли имеет смутное понятие о профсоюзах. Но так или иначе, роль удалась Кожевниковой. Из исполнителей можно отметить еще Сорокина, игравшего роль отца Леонида — фабриканта. Недурно игра-

ла Целярицкая в роли старухи-бабушки. Пожалуй, только слишком штампованно.

Пьеса протянулась за полночь. Во время хода действия к нам подсел Кодакин. Но мы с Раей думали совсем не о нем. Я — о Титове, сидящем внизу на столе, а Рая — о Мизгире. Она призналась мне, что у нее на душе “кошки скребут” (а все Мизгирь виноват, негодный). В общем, мы глядели невесело. На мой счет даже проехали какие-то мальчишки, что я сплю. Мне хотелось поговорить с Лидией Евгеньевной, но кроме громогласного здравования с ней мы не сказали больше ни слова. После окончания пьесы мы уныло наблюдали за игрой “Третий лишний” и решили убираться восвояси. Так и сделали. Впрочем, не пожалели, так как, едва мы оделись, как кончился вечер. “Полька колесом” оборвалась на половине, и все кинулись вниз к раздевалке. Мы ушли. Проходя мимо двери, я заметила, что возле нее никого нет. Дверь была открыта — входи кто хочет. Ночью спала скверно, видела сон, что карабкаюсь по горам.

Теперь происшествие сегодняшнего дня. Во вторник предстоит встреча с Г. Е. Я, пожалуй, и не желаю ее особенно. С ним надо поступать осторожно — он настоящий “профессор”. Кажется, любит выпить, судя по словам Тони. Пожалуй, не пойти ли мне на попятный? Говорили об устройстве вечера на Рождество. Я с чего-то вздумала заикнуться о своем помещении. Но вряд ли пройдет этот номер. Незнакомых мне не надо, а они предполагают поручить ему пригласить своих знакомых. Черт его знает, какие там у него знакомые. Игорь, наверное, уедет в деревню, работать по радио. Он делается чем-то вроде знаменитости у нас в Челябинске, его даже приглашали в окрисполком на заседание. Парень далеко пойдет.

Подбираюсь к самому главному. Мизгирь ответил Рае на письмо. Сияет, конечно! Ну, теперь “пошла писать губерния”! Не посмотрят и на бумажный кризис».

Между этими страницами — стихи моих подруг. Вот Оля

Иванова написала: «Если на сердце горе закралось, не печалься, мой друг, погоди. Пережить еще много осталось светлых дней у тебя впереди». Она нарисовала красивую букву «Н», с которой начинается заголовок: «На память Асе». А я на уголке отметила: «Милое стихотворение, милая девушка писала его. Я буду помнить ее». Но, надо сказать, что я плохо помню Олю Иванову. Она мало училась с нами. Была симпатичной, но уже совсем взрослой девушкой. На следующей странице написала Лида: «На память Аничке!» «Плывет по морю лодочка, несет ее волна, а в ней сидит мой друг, Аничка душа». «От Лиды Лазаревой. Верного друга. 17.09.1925». Заглавные буквы «Н» и «А» красиво разрисованы. Уголок страницы загнут — там «секрет». Дальше идет картинка, нарисованная Соней Поляковой. Домик со шпилем и крестом, что-то вроде кирхи, домики, лесок, дорога, веточки сирени по бокам. И стихотворение написала Соня: «На память Ане! Ты помни, голубка родная, что ты ведь еще молода. И в жизни все может случиться. Ты скоро забудешь меня. Писала волна, узнай, кто она». В «секрете» написано: «Люби меня, как я тебя, и будем мы с тобой друзья. От С. Поляковой. 9.03.1924». А вот стихотворение Гареевой: «На память Асе! Пока свежо и гибко тело и, как гранит, тверда рука, не страшно никакое дело для силача и смельчака. Невзгод и бурь он не боится, смеясь, идет на смертный бой, и не нужда к нему стучится, а радость, счастье и покой. В здоровом теле — дух здоровый, здоровый духом не падет. В борьбе с невзгодой суровой, под иглом горя и забот. И, разогнав трудом ненастье, развея с боя мрак ночной, он ускользящее счастье возьмет добычей боевой. Совет: Ася, на этом свете всех беднее нищий любви, он больше нуждается, чем другие бедные, ты это сама поймешь, поэтому желала я тебе, чтобы ты им помогала. Ты еще молода, твое сердце еще свежо, поэтому, я думаю, мой совет ты исполнишь. 19.01.1926 г. Твоя сокласница, которая, учившись с тобой три года, нашла тебя очень хорошей девицей, желаю, чтобы и в дальнейшем такая же была. Муся Гареева». Вот

такую запись сделала Гареева в моем альбоме.

Однако продолжаю цитировать его.

«28 октября. Как пишутся дневники. Рая как-то сказала, что дневники пишутся не так, как мы их пишем. В наших дневниках преобладает элемент мелочной обыденности. Из них нельзя узнать нашу идеологию, разве только вывести заключение не совсем благоприятное о нашем кругозоре. Это правильно. Многие считают, однако, любовь основой всей жизни, считают ее целью, для которой надо жить. Я как-то не имею определенного мнения на этот счет. Читаю на соседней странице запись Гареевой. Где она теперь, эта любительница процессов? Сегодня что-то не пишется. Вчера написала много и не оставила на сегодня. Пишу в садике за столом, жмурясь от яркого солнца. День прекрасный. Время — час дня. Сажу в шубе и в зеленом платке.

Любовь, но не к трем апельсинам. 29 октября. Сегодня придется идти к Тоне, где будут “музыканты”. Пишу “придется”, потому что совсем не хочется идти. Опять поздно возвращаться, опять обманывать. Сейчас была в ГИЗе, покупала прелюд Прокофьева. Там столько прекрасных нот, что у меня глаза разгорелись, очень хотелось купить гавот или марш Прокофьева, там есть еще сонаты Прокофьева и скерцо из оперы “Любовь к трем апельсинам”. Но, увы! финансовое положение неблагоприятно, а все они стоят по 60 копеек. Если бы еще было копеек 20, то купила бы гавот или марш. Все-таки я думаю купить что-нибудь из этих вещей. Нужно больше знать новую музыку.

Сегодня опять денек “на ять”. Солнышко греет и светит ласково. Снова сажу в садике и пишу. Игорь третьего уезжает в деревню. Кобренок думает в четверг навестить В. Я. Вчера мы с Лидой говорили про замужество, и я впервые поставила прямо этот вопрос. Я смотрю на него сквозь пальцы, считаю ерундой, но все же надо сознаться, что пора подумать и об этом вопросе. По-моему, брак есть что-то очень неприятное. Я спросила себя, хотела бы я выйти замуж за

кого-нибудь из своих знакомых молодых людей, перебрала их всех. Игорь — нет, у него скверный характер. Кудрявцев — Дон Жуан, будет за всеми бегать. Львов, Титов — никогда! Тельнов только товарищ, но больше ничего. Я забыла Мизгиря. Но когда подумала про него, мне эта мысль показалась очень смешной и дикой. Как бы это было? Не представляю себе даже. Нет, к Мизгирю я не чувствую никакой симпатии (не как к человеку, конечно). Потом я подумала. Но все же если бы кто-нибудь сделал мне предложение (а это часто случаться не будет), так-таки и отказать? Нет, думаю я. Не отказывать в том случае, если буду уверена, что он хороший и честный человек, имеет хороший характер, если мы вполне понимаем друг друга, если во многих вопросах сходимся, если он мне нравится (последнее необходимо), а то брак будет несчастлив, — то дать согласие. Мамочка мне говорит: “Пока ты не получишь образование, нет моего согласия на твой брак”. Ну а если попадется хороший человек раньше? Как поступить? Мне ведь разборчивой невестой быть не приходится».

Вот так я рассуждала 29 октября в своем дневнике-альбоме. Многие мысли тогдашние были и глубоки, и верны, но как опрокинула жизнь все эти девичьи мечты и распорядилась по-своему.

А между записями — стихи моих подружек. Вот стишок Лиды: «На добрую и долгую память Аничке!!! Аня — розочка из сада, Аня — ландыш из ручья, Аня — бабочка ночная, Аня, я люблю тебя. От Лиды Лазаревой. 17.09.1925 г. Секрет: Аня, люблю тебя и не забуду тебя никогда».

Образ белокурого рыцаря витал перед моим взором. Мне казалось, что нас связывает какая-то таинственная сила. Об этом я писала в своем дневнике: «По мере моих встреч с Борей я замечаю, что он становится все равнодушнее. На почте он так смущенно улыбнулся и покраснел. Осталось хорошее чувство. В школе он посмотрел с каким-то торжеством, и на его лице что-то играло, как будто скрытая радостная улыбка! На вечере его лицо было очень спокойно, ни тени игры, как каменное. Но когда я ему подавала билет, он не сразу его взял, посмотрел как-то странно, опустил голову, потом схватил билет и пробормотал свои слова, что мы кого-нибудь проведем». Проворчал их, как старик. Рая обозлилась, какие-то девчонки засмеялись. Мы пошли раздеваться, а он все что-то говорил всем и старательно рвал билеты. А все же, мне кажется, что между нами в такие минуты был какой-то контакт, молчаливое какое-то соглашение, как это было, когда мы после собраний без всякого повода долго не расходились, стоя друг против друга. В такие минуты между нами как будто действовала какая-то сила, притягивающая нас друг к другу. Я думаю, неужели я ошибаюсь и ничего никогда не было? Но ведь я любила Гришу по-настоящему, но никогда ничего подобного не чувствовала и никогда ни с кем этого не было. Я нравилась Бурдаку, может быть, он даже любил меня, но с ним этого не было. Да ни с кем, ни с кем, кроме Бориса. А с ним — всегда. Когда мы писали пункты о летней работе, сидя в пустом классе, когда встречались в другие разы. Особенно в тот день, когда Хренов ушел в кино и сорвал собрание рабочей тройки. Мы разговаривали внизу. Необыкновенно это чувствовалось, и когда был выпускной вечер, и мы стояли на крыльце, окруженные шумной толпой, я, нарядная, раздушенная, не заметила этой толпы, а это соединяющее нас звено чувствовалось так сильно! Интересно,

был ли он ко мне совсем, совсем равнодушен, или все-таки что-то было?»

Вот такие-то рассуждения вели мы, бедные Золушки, и ждали своих принцев, а принцы не торопились приглашать нас в свои дворцы.

30 октября я писала: «А за кулисами актрисы в серых платьицах... Вчера на этом самом месте меня прервала Лида. Она неожиданно вошла и заговорила. Потом целый день уверяла меня, что я очень покраснела. Были у Тони и виделись с Г. Е. Он на этот раз показался мне совсем неинтересным, даже противная какая-то рожа. Много с ним танцевала. Учил меня вальс, польку, чардаш, миньон, падеспань и еще что-то. Все перемешалось. Шли домой под ручку, но не одни, а с Тоней. Хотел бы еще увидеться, звал, но Тоня почему-то сказала, что до Рождества этого больше не будет. Звал кататься на коньках, обещал научить. Заметил, что мне больше идет на низком каблуке, чем на высоком, и что вообще ему так больше нравится. Я спросила, откуда он знает, что мне на низком каблуке идет больше. Он сказал, что видел меня на улице. Наверное, придет Рая, буду ей все рассказывать. Сказал, что у меня хорошо выходит фокстрот. В общем, со мной танцевал больше всех. Рая вчера пришла перед моим уходом, хотела мне помочь соврать, если надо будет. Но врать не пришлось. Все устроилось хорошо, папа рад, что я учусь танцевать. Сегодня пойдем покупать коньки. Он доволен, что подбирается компания, обещающая научить кататься. Г. вчера говорил, что ему очень трудно работать, выходных дней нет, так как он остался вместо заведующего. Тоня его характеризовала как брезгливого и спесивого человека. Говорила, что очень любит чистоту. Приходит с работы и не садится обедать, пока не переоденется и не выльет на себя целый рукомойник воды.

Рае вчера какая-то женщина в бане гадала. Сказала, что она сейчас будет счастлива, но в 30 лет у нее будет несчастье. Выйдет замуж, не любя. Кобренок побежал в кино, так как

увидел там Мизгирия. Вчера до прихода Г. Е. долго играли в чепуху, в судьбу.

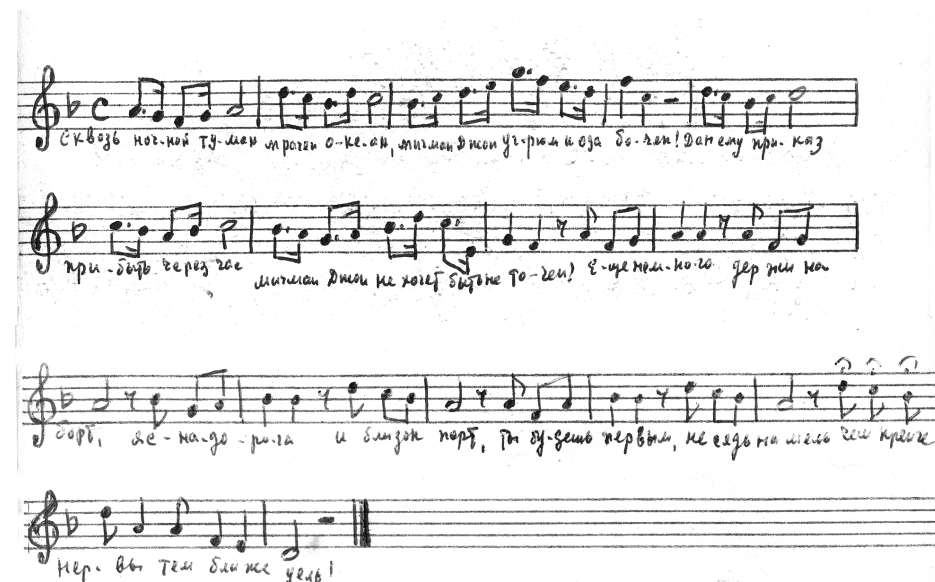
31 октября. Рая что-то вчера не пришла, о чем я очень жалею, так как страшно хотелось ей рассказать. Купили коньки. Мамочка приедет в понедельник или во вторник. Оказывается, Тоня сказала, что до Рождества не увидимся, потому что хотела испытать Г., что он на это скажет. Так как писать нечего, то опишу подробно этот вечер.

Мы с Лидой пришли часов в семь. У Н-вых никого не было, Тоня и Леня сидели за столом. Я рассказала, что Даша узнала, куда я пойду, и как бы не сказала Зое (Зою не приглашали). Потом сообщила Л., что Третьяшка поступила в московский техникум, и еще про кое-кого. Вскоре пришла Леся Владыкина, соседка Тони, веселая славная девица. Стали играть в судьбу, в карты, принесенные Лидой. Играли два раза. Леониду досталось много смешного. Выпало, что он неудачник в жизни, будет пьяницей, первый выбьет окно в новом кино и т. п. Потом загадывали три слова и лодочку. В лодочку мне загадывали Якушева, Кудрявцева и Люсьева. Играли так почти до девяти часов. «Музыкантов» все не было. Мы решили идти домой, но когда уже оделись — они явились. Мы с Лидой спрятались, и они сказали, что мы не приходили. Потом мы вышли и стали говорить Г., что он рад был, что мы не пришли. Он рассыпался в извинениях. Мы долго не соглашались остаться, наконец согласились с условием — только до девяти часов. Однако прошло и девять, поползли и минуты десятого, а мы все сидели. Г. сидел настороже у дверей. Еще вначале он спросил у меня: «Ну, сегодня танцуем?» И вскоре засадил своего Вовку за гитару. Мы танцевали разные танцы. Г. меня учил, но научиться было довольно трудно. Мы все время беспокоились, что поздно, но Г. и слушать не хотел о нашем уходе так рано. Проехался насчет того, что мама не пускает, и т. п. Когда я сказала, что устала, он отнесся к этому с удивлением и недоверием. Я сказала ему: «Хорошо вам каждый день так, а ведь у меня

практики нет». Он даже немного обиделся на эти слова. Потом стал играть во мнения. Про меня он сказал: «Скромная» (вот всегда так). Пел «Поэтическое танго». Домой шли трое, отдельно от остальных. О разговоре дорогой писала уже».

Дальше в дневнике картинка, нарисованная Валею Сапожниковой: «На память Асе! Часто в раздумьи глубоко, после работы дневной, в грезах о детстве далеком я отдыхаю душой. От Вали С.».

Дальше в дневнике много оборванных страниц и следы выданных Тамаркой Смирновой красивых картинок. Вот такой-то интересный вечерок провели мы у Тони. В этой записи упоминается о том, что Лене выпало в судьбу шутовское предсказание, что он первый выбьет окно в новом кино. Новое кино — это кинотеатр «Пролетарий», который открылся в долго пустовавшем и обгорелом здании, бывшем Яушевском магазине. Кинотеатр по тем временам шикарный. Кстати, когда мы с Раей однажды поплелись туда, то меня пропустили на вечерний сеанс, а ее нет, хотя ей исполнилось уже 16 лет. Такая она была маленькая. Но в 1929 году после поездки в Кабардинку она сделалась пышечкой, хотя и мало выросла. Упоминается о том, что Г. Е. пел «Поэтическое танго». Это было то самое танго, которое всегда играла Рая. Слова были такие: «Я раньше часто увлекался маскарадами и никогда ни одного не пропускал. Там маски черные меня манили взглядами, я с ними пел и танцевал, и хохотал. А за кулисами актрисы в серых платьицах, с губами алыми от грима, как в крови, хохочут бешено, а слезы градом катятся от изувеченной, измученной любви». Репертуар песен Гриши был невелик. Он пел еще на мотив дуэта из «Баядерки»: «Как прелестно сверкают звезды, в небе тёмно (а не томно) плывет луна. И пыхтишь, как паровоз, нет ни пачки папирос» и т. д. — набор слов. Но коронным номером эстрадного певца Гриши была популярная в то время песенка про мичмана Джона. Помещаю здесь мелодию и слова этой песенки так, как записал это мой брат.

Гриша Елизаров был сильная личность. Талантливый, яркий, дамский угодник, девичий пастух, он не мог не заинтересовать, не привлечь к себе внимания. Но нужно было также и остерегаться. Несмотря на его природный такт и умение себя держать, все же иногда прорывались в его разговоре словечки, которые немного шокировали. Потом, в нашем понимании, он считался некрасивым и был большого роста. Кроме того, поэтический образ белокурого молодца заслонял все кругом и мешал ближе познакомиться и подружиться с веселым певуном. Но впечатление все же он оставлял сильное.

«1 ноября. “В душе и в сердце только ты”. Да, влез в душу, запел, заиграл, закружил и никак не выходит, но только из головы — в сердце его нет, и никогда не займет он данный орган человеческого строения. Для интрижек он самый подходящий человек, но настоящего романа, какой был у Раи со Львовым, с ним завязать нельзя. Он не способен полюбить. Как Герцог (из “Риголетто”). Он может спеть: “Та иль другая — мне все безразличны. В равной мере красоток всех обожаю, но не отдаю предпочтение той или иной”. Но, так или

иначе, он не выходит у меня из головы. Повторяю: его полюбить нельзя, но увлечься можно. Но я даже не увлеклась. Я равнодушна к нему, мне интересно только увидеть, что будет дальше, от скуки. Впрочем, не понимаю, чего он во мне нашел? Разве можно даже ухаживать за мной? Я ведь не Рая, такая интересная и привлекательная. Просто, очевидно, не может человек поступать иначе, привык волочиться за каждой юбкой! Хотя почему он не избрал Лиду из нас двоих? Она ведь интересная тоже.

Была у Кобренка. Он хворал, потому и не шел ко мне. Мизгирь ей еще не ответил на ее письма.

“Чем крепче нервы, тем ближе цель”. В тот же день вечером. Сейчас только расстались с Г. Е. Дело было так. Я шла из кино и встретила Лиду. С ней мы пошли гулять возле банка. После нескольких разов прогулки взад и вперед по тротуару мы вдруг услышали впереди знакомый голос, певший припев к песенке “Мичман Джон”. Я с удивлением шептала: “Лида, ведь это он, сомнения нет. Ведь он поет эту песню!” Закончив припев словами: “Чем крепче нервы, тем ближе цель”, Г. перестал петь. Мы поравнялись с ним. Я, улыбаясь, смотрела на него, но... увы! Мы остались неузнанными. Г. спокойно прошел мимо. “Повернем и догоним”, — решили мы. Повернули. Лида чувствовала стеснение в сердце, я тоже вроде этого, но добыча быстро ускользала. Мы ускорили шаги. “Будем говорить”, — решила я и громко заговорила. На этот раз план атаки удался вполне. Г. стоял на углу и разговаривал с Иваном, который живет у нас напротив. “Здравствуйте, девочки!”, — тихо сказал он. Иван вперил в нас свои очи, очевидно, удивляясь. Мы ответили и прошли мимо. Г. тотчас же распрощался и догнал нас. “Проводите меня”, — сказал он. Он объяснил, что идет с работы и встретил этого Ивана, у которого хорошая гитара. Пошли по нашей улице. Мы дошли с ним до Тони, так как он предложил зайти к ней и позвать ее... “А если она не пойдет, я провожу вас”, — сказал он. Дорогой рассказывал свою биографию. Я сказала ему,

что видела его в автобусе, он ответил, что был там недолго, месяца два. Служил в гараже, а теперь в какой-то там мастерской, где работает вместо заведующего. Думает поступить на курсы (не знаю, какие), а потом ехать учиться на автомеханика, говорил, что это хорошая служба. Работы мало, а оклады большие (а, видно, любит полодырничать парень). Говорил, что не в его характере делать всем замечания, тем более ему там все в отцы годятся. Когда я коснулась того, что у меня болит нога, он рассказал случай из своей практики. Он спрыгнул с автобуса на ходу и по инерции влетел прямо в дежурку ЦРК, где налетел на какую-то даму, чуть не вышиб у нее корзинку, и на ее удивленный возглас: “Что с вами, молодой человек?!” — поспешно извинился. Дальше я слушала плохо, но в общем, кажется, последствием этого было то, что он три месяца ходил с палкой. В общем, говорил он без умолку. И довольно серьезно.

Неприятно подействовала на меня встреча с его братом Виктором, который начал с того, что выругался, а затем, достав спичку, осмотрел нас с Лидой внимательно, с возгласом: “Ой, да это какие-то незнакомые!”, исчез. Мы дошли до Тони. Г. постучал в окно и вызвал ее.

Еще забыла написать, что он сообщил, что Володя не уехал. Это к лучшему — значит, еще увидимся. Он звал приходить. Говорил, что в Октябрьскую революцию они выступают. Оркестр восемь человек. Приглашал куда-то, забыла, куда. Когда шли, он при переправах через канавы и ямы меня поддерживал, а так под ручку не брал. Назад пошли вместе с Тоней и гитарой. Он говорил, что не играет по нотам, а только по слуху. Чуть ли не на всех музыкальных инструментах, исключая гармошку. Усиленно звал на танцы, а когда мы сказали, что скомпрометируем его, ответил, что к нему это не прилипнет. Рассказывал, как без билета проникал на танцевальные вечера. Один раз мимо билетерши пробежал наверх (в педтехникуме). Музыканты у него знакомые. Там он сбросил пальто, потом увидел Валентину Андрианову, подошел к

ней и, взяв ее под ручку, спокойно шел мимо милиционера, искавшего безбилетника. В другой раз показал милиционеру старый билет. И тот, очевидно неграмотный, даже извинился перед ним. Потом еще раз, открыв окно, провел человек восемь ребят, притащивших упавший забор к окну. Свои шубы они спрятали в какую-то кочегарку, причем не он первый спускал свое пальто, а кто-нибудь другой, к которому и приставала вся угольная пыль. “Но если бы он не согласился, я бы спустил свое пальто первый”, — сказал он. Свое стремление проникать без билета он объяснил не тем, что жаль денег (пятьдесят копеек всегда найдутся), а любовью к приключениям. Спросил: хочется ли научиться танцевать? Я ответила утвердительно и прибавила, что все танцы у меня в голове перемешались. Сказала, что в школе мы танцевали комсомольские танцы. Он назвал это ерундой. Когда я сказала, что учителя должны первые с нами здороваться, он сказал, что это буржуазные предрассудки. В общем, я сбилась с толку. Не знала, как себя вести. Спрашивала совета у Кобренька. Она ничего не говорит.

Кобренок помирился с Игорем. В кино видели довольно интересную картину “Человек огня”. Был Хренов (мой возлюбленный, как говорит Рая). Однако, дела...

Говорили про непрерывку. Он сказал, что неинтересно отдыхать не в воскресенье, и очень удивился, когда я сказала, что теперь никакого воскресенья не будет. Знает два праздника — Рождество и Пасху, но оказалось, что и тут ошибся: думал, что Пасха приходится на число, как Рождество. В кино видели Птенца. Поздоровался, гад. Кобренок и ему, за неимением Якушева, улыбнулась привлекающей улыбкой.

Ну, пора спать, уже поздно. Ах, да, еще забыла. Я ему сказала, что он не знает “Письмо матери”. Он усиленно просил спеть, так что я уж не рада стала, что сказала. Забавный этот Гр. — извиняется даже тогда, когда нечаянно задел гитарой об угол дома. На мой вопрос, у кого он просит прощения — у дома или у гитары, ответил, что у гитары».

Дальше в альбоме идут цветы, нарисованные Клавой Тропиной, а 2 ноября сделана следующая запись.

«Бездна бездну призывает. В. Гюго. “Человек, который смеется”. Цитата неудачна.

2 ноября. Суббота. Что со мной? Этот Г. не оставляет меня даже ночью. Сегодня среди ночи я вдруг проснулась от звучавшего в ушах мотива. Это был припев к “Мичману Джону”, оканчивающийся словами: “Чем крепче нервы, тем ближе цель”. Проснувшись утром, я забыла этот мотив и никак не могу вспомнить. Почему это я все время думаю о нем? Ведь не выходит из головы ни на мгновение. При встрече с Раей все время хочется говорить только про него. Я едва удерживаю себя. Но я хорошо знаю, что я ни чуточки не втрескалась. Вот навязался человечек! Рая зовет к Якушеву, думает, что он очень болен. Не знаю, идти или нет. Была у Анны Григорьевны. У них во дворе вспыхнул пожар. Погасили очень скоро, но старухи переругались до смерти. Играю у А. Г. удивительно скверно. Сегодня ночью мне все время вспоминался наш разговор с Г., особенно те моменты, которые я не записала в дневнике. Сейчас уже все начинает изглаживаться. Кстати, вдруг я как-нибудь встречусь с ним и с Раей? Как поступить? Она вряд ли уйдет, а он захочет с ней познакомиться. Ну, пока прерываю, надо играть. Запишу остальное после (четыре часа дня).

Вечером. Завтра приедет мамочка, заранее чувствую радость. Зубастой щуке в мысль пришло... Вот мне-то (щуке) и пришло в мысль справлять свои именины. Рая и Лида одобряют эту мысль. Думаю позвать: Игоря (если не уедет; если уедет, то и вечеру не бывать), Кудрявцева, Якушева, Кланю, Зою Макарову, Тоню, Леню. Кобренку, видимо, очень хочется. Я бы тоже очень не прочь повеселиться. Но у себя делать мне не особенно улыбается. Ну да авось как-нибудь... Только бы Игорь не уехал и Мизгирь не заупрямился (да и хворает он, бедный). На Леонида особенно рассчитывать нельзя. Впрочем, Рая сказала: “Предоставь его мне”. Ей очень

бы хотелось, чтобы я позвала Г. Е. и В. Б., но нет, шалишь! Не позову. Причины: 1) Два противоположных лагеря с совершенно разными интересами. Приближать их нельзя ни в коем случае. 2) Раю знакомить с ним нельзя. Комментарии излишни (Якушевское выражение, почерпнутое из его письма к Клане). Но, в общем-то, это идея. Давно хочется повеселиться, а негде. Я бы больше, конечно, предпочла, чтобы вечер был где-нибудь в другом месте (больно уж хозяйка-то я того...), но что же поделаешь? В общем, подумаю.

Говорили с Лидой про вчерашнее, она тоже думает, что Раю знакомить с ним не надо. Кобренок сообщил мне феноменальнейшую новость, которая меня потрясла. Колька Александров женился! И, оказывается, уже давно. Я с большим трудом верю этому. Такой шкет тощий, живая моща. Удостоил он своей руки некую Андрееву. Я ее знаю. Она училась на год вперед меня. Постоянно была с Азиком Гилевичем. Когда я была старостой класса (в шестом классе), она была моим начальством. Комсомолка. Но Колька, вот шкет поганый! Давно ли играли вместе? Еще когда я училась в восьмом классе, постоянно встречались у Раи и играли. Вот дрянь! Что это все завыходили замуж да зажились? Ох, грехи наши тяжкие!

Да, забыла написать. Я еще давно видела во сне, что Рая мне говорила: “У тебя есть соперница — Соловьева”. Когда я Рае рассказывала этот сон, она сказала, смеясь: “Моя лаборантка”. Фамилию Соловьевой я прочитала в списке членов хозкомиссии, где и Б. Т. А сны мои сбываются. Что, если... Между прочим, я ворожила на четырех тузов и думала так: если придется на какие-нибудь тузы, то правда. С первого раза пришлось на Г. Е. Потом на Лорда, а на Т. не пришлось ничего. Ворожила так я два раза. И оба раза так вышло. Да, факт. Наверное, раньше он ко мне немножко “неровно дышал” (выражение Г. Е.), а теперь-то уж совсем, совсем равнодушен. Это я вижу по его лицу. Говорила Рае, что Кланя знает о моей тайне, и догадалась она сама, увидев однажды нас

в классе. Сейчас слышу звуки гитары. Это, наверное, играет Иван, а напоминает Г. Е. Когда еще с ним увидимся? К В. Я. решили не ходить.

Ну, кажется, я сегодня никогда не кончу, а уж пора спать. Заниматься я чего-то стала мало. У А. Г. играю из рук вон плохо. Ну, кончаю, страшно перечесть».

Культурная революция набирала силу, но многим было непонятно происходящее и даже дико. Молодежь томилась, рвалась к учению. Хотелось отгородиться от действительности, не замечать, не видеть. Хотелось веселья, шуток, смеха, танцев. И вот возникло желание устроить вечер, так сказать, «пир во время чумы», как я иногда называю этот вечер, устроенный мною в день девятнадцатилетия. Вечер этот запомнился на всю жизнь, да и многие из участников еще помнят о нем. Итак, продолжаю.

«3 ноября. Воскресенье. 9 часов вечера. Пишу за своим столом. Еще о том же. Страшно устала. Ходила целый день, сначала с Раей, потом с Лидой и Тоней, а вечером ходила на вокзал — туда и обратно (встречать мамочку). Едва доползла до дому и свалилась на кровать. Теперь отлежалась. Рае рассказывала кое-что про Г., какие мы танцы танцевали и его похождения, потом с Лидой и Таней опять говорили про него. Тоня сказала, что он очень любит девчонок, из-за них даже плохо учился. Кончил он только семилетку (а откуда-то знает, что я кончила девятилетку). Говорила, что у них жила какая-то соломенная вдова, очевидно, довольно легкого поведения. И он от них не выходил, всегда с ней дурачился. Я жду с нетерпением нового вечера. Ну, совсем я закрутилась. Только и думаю о вечерах да о танцах и досаую на себя за это. Пора бы подумать о будущем — оно тяжелое. Или уж лучше совсем не думать, а жить настоящим, как бы мелко оно ни было. Как был прав Борис в своем знаменитом письме. Он разгадал меня сразу. Ярлык на мне с надписью: “Мещаночка с мелкобуржуазным мировоззрением. Кругозор очень узкий. В политических вопросах смыслит

кое-что, но мало ими интересуется. Мелко плавает. Спускается ниже кур (хотя разве я орел?). Но выше облак, куда курам не подняться, не залетает никогда”. Завтра придет мамочка. Мечтаю об этой минуте с нетерпением. Кланы не кажет виду. Мизгиря нет на горизонте. Кобренку скучно: интриг нет. Попался бы ей Г. — несдобровать ему тогда. Рая говорит, что на танцевальные вечера ходить неприлично. По ее мнению, танцевать фокстрот тоже неприлично. Я ей рассказала, не называя имен, о том, что Г. сказал: “Проводите меня”. Она нашла это ужасным. Мы как раз говорили о том, что наши мальчишки (я все еще выражалась школьными терминами) очень церемонные и что надо быть проще. Я сказала ей: “Ну что, если бы я шла и встретила Игоря и он бы мне сказал: «Проводите меня?»” Она ужаснулась. По ее мнению, это верх чего-то чересчур неприличного. Сама такая же “китайская церемония”, как они. С ними нельзя обращаться просто, а всегда с вывертами. Рая говорит, что они считают нас тоже не простыми, а какими-то особенными. Говорят, что мы задираем кверху нос. Гады!!! Между прочим, слово “гад” так прочно въелось в мой лексикон, что едва удерживаюсь от него. Да, дела...

Скоро ли соберемся и потанцуем? Хочется до безумия».

Дальше из дневника вырвано несколько страниц. Очевидно, Тамаркой. Там, наверное, были красивые картинки. Мамочка наконец-то вернулась из Кисловодска. Привезла мне подарки, в том числе красивые фетровые боты и вязаную шапочку, в которой я долго ходила. Она была двухцветная, смесь розового со светло-зеленым. А впоследствии я перекрасила ее в зеленый цвет, и еще долго она красовалась на моей голове.

Кстати, вспомнился один момент из нашей жизни. Было это еще до приезда мамы из Кисловодска. Я сидела в спальне на кресле-качалке, а папа ходил по комнате из угла в угол. Спальня снова у нас была в прежней маленькой комнате, где одно время была приемная. Но теперь частная практи-

ка была запрещена врачам, и в той комнате снова сделали спальню. Я обратила внимание, что папа все шагал из угла в угол и был так озабочен, так задумчив, что ничего не замечал кругом. Я пыталась ему что-то сказать, чтобы привлечь его внимание, он не слышал. Всегда такой внимательный к нам, детям, он в этот раз был погружен в тяжкие и тревожные думы. Видимо, его угнетала обстановка, создавшаяся вокруг. Церкви закрывали, священников и торговцев арестовывали, семьи их выгоняли из домов, отбирали имущество, вплоть до носильных вещей. Нам это не угрожало. Запрещение заниматься частной практикой, конечно, влияло на материальное положение, но ведь у папы всегда была еще и служба. Не это, конечно, его угнетало, не о себе он думал. Общее, такое непонятное положение повлияло на его здоровье и в конце концов привело к близкой уже могиле. Меньше года оставалось ему жить...

Приехала мамочка. Все мы были рады, а я задумала свое и не отступала от задуманного. Вечер, вечер!

«Видели Хренова (моего “возлюбленного”, как говорит Рая). Если на Уфимской был действительно Мизгирь (что почти верно), то странно, почему же он не пишет Рае? Она думала, что его молчание объясняется тем, что он очень болен и не может написать. Но если он здоров и не пишет, то что же это? Щелчок? Кобренок думал, что теперь переписка у них завяжется вовсю, а оказалось... Впрочем, может быть, он ей и написал. Я ее давно не видела. Или, может быть, пишет, но не велит никому говорить (как Клане). Но нет. Кобренок мне-то уж сказал бы, да и, кроме того, она все время меня усиленно зовет к нему. Все же это странно. А Кланя что-то все нейдет ко мне. Я мамочке рассказывала, что Кланя с Якушевым переписываются, а Рая хочет его к себе переманить. Мамочка сказала: 1) У Раи губа не дура. 2) Хорошо, что Кланя с этим юношей переписывается, — это хорошая дружба, но может и дойти до любовной переписки. Все может быть!

7 ноября (вечером в приемной). Неожиданно приехали Новицкие... Были с Лидой на празднике и видели Г. Е. Он поздоровался, но ответила только я. Потом долго были у Тони, танцевали. Л. был веселый. Я сказала им, что скоро уезжаю. Он говорил, что нужно уговориться насчет писем. Я обязательно буду им с Тоней писать. Вечером ходили с Раей по Уфимской. Встретили В. Я. Мы его видели еще утром на демонстрации, но я промолчала и не поздоровалась. Но тут я сама, первая, сказала: “Здравствуйте”. Вышло это очень неожиданно. Потом он к нам подошел, и мы долго гуляли. Но конец вышел неожиданный и скверный. Он спросил, долго ли мы еще намерены гулять, и когда мы сказали, что нет, он вдруг распрощался и ушел, сказав: “Ну, я иду в эту сторону”, — и свернул к скверу. Мы с Раей опешили и даже не сказали “До свидания”. Чем объяснить это явление? Или он уже был не рад, что связался с нами? Он только недавно поправился и сейчас все еще кашлял. Говорила больше всего я. Рая хранила мрачное молчание. Она тоже не знает, чем объяснить этот поступок. Он подействовал на нее плохо.

Решили справлять свои именины и позвать Т. К. и В. Я. Состоялось знакомство Тони с Раей, хотя они заочно давно знали друг друга. Рая была разочарована в Тониной наружности. Я ей говорила, что у Тони с Г. интрига. “Что он, дурак что ли?”, — сказала она про Г. Но Тоня успех имеет, это определенно.

Леонид говорил, что Г. выступал в клубе строителей и очень хорошо играл и провел каких-то барышень. Тоня сказала Лиде, что приведет к ней Г. настроить гитару, но Лида не знает, можно ли еще это. Кобренок опять усиленно агитировал, чтобы я пригласила Г. Е. к себе. Фига с маслом! Придется идти к Мизгирию, звать его. Еще заупрямится, пожалуй. Поэтому буду звать его первого. Если не пойдет, то и вечера не будет. Только боюсь к ним идти.

8 ноября. Сажу дома по случаю гостей. Лида ушла к Нине (к Тоне). Может быть, встретится с Г., а я сиди себе дома. С удовольствием бы пошла с ней.

12 ноября. Мой вечер. Не писала давно, а случилось много нового. Постараюсь вспомнить все по порядку, только вряд ли успею все записать, придется, наверное, дописывать завтра. Сегодня уже поздно, да и страшно хочется спать: сегодня почти не спала ночь.

8 ноября вечером Лида пришла ко мне. Из новостей, почерпнутых ею у Тони, сообщу одну. Г. выступил в клубе строителей, причем провел несколько барышень, а пока их не было, совсем измучился. Когда же подошел его номер выступлений, он стал просить брата пригласить их, пока он будет занят. Но брат заартачился, и пришлось неизменному Вовке заменять услужливого кавалера.

9 ноября я окончательно решила устраивать вечер. Набравшись храбрости, подошла к Мизгирию. Решила начать приглашения с него, боясь, что он заартачится, а в таком случае я решила ничего не устраивать. Пришла, но “поцеловав пробой, ушла домой” — не было дома. Дома, сидя за пианино, я начала раздумывать: стоит ли заваривать кашу? Мизгирь не пойдет, подумала я, Игоря нет, с Петухом давно не имела никаких сношений, с Кланей тоже давно не виделась. Да и хлопот много, и трудно быть хозяйкой — и то, и другое. Одним словом, доказала себе, что вечер не к чему устраивать. Однако ровно в четыре часа какая-то сила подняла меня и заставила идти к Мизгирию. На этот раз он был дома. Открыл мне сам, приглашал войти, но я не вошла. Мое приглашение принял и даже повторил несколько раз, что обязательно будет. Сообщил мне адрес Клани, когда я сказала, что не знаю, где ее искать. Спросил, кто будет. Одним словом, все шло прекрасно, но на прощание я сморозила глупость. Сказала: “Я думала, что вы откажетесь!” Он удивился. Пригласил зайти еще раз, но я сказала, что тороплюсь, и пошла домой, ухмыляясь от радости. Между прочим, он был очень хорошенький. Стоял в дверях, упираясь головой в косяк. Вечером сообщила о результатах моего похода Рае и Лиде. Они были довольны. Лиде хотелось познакомиться с Мизгирем (как я

полагаю). Мамочка мне говорила, чтобы я отложила приглашения до завтра, но я не послушалась, а потом спохватилась, что, пожалуй, наделаю всем хлопот. Но было уже поздно. Мизгирь был приглашен, да и Тоня, Лида и Рая ждали. Замутила водичку — должна и очищать.

10 ноября мы с Раей с утра пошли к Толе. На дверях их квартиры висел замок. Какая-то тетушка сообщила, что он ушел к замужней сестре, посидеть со своим племянником, который остался один дома (фу, как мешают писать, придется бросать до завтра)».

После этой записи из дневника опять вырваны страницы, оборваны, большие дыры, поэтому не все понятно. Здесь, на оборванном листе, стихи, написанные Ниной Зайцевой, нарисованы хорошенькие птички, держащие в клюве письмо, а потом и стихотворение Раи, но без всяких картинок. «Не забывай, что есть на свете измена, ложь и клевета, не попадайся в эти сети, а будь такой, какой была. От Раи Тройб. 20 мая». На уголке — «секрет», написанный непонятными теперь буквами, каким-то нашим тогдашним шифром. Теперь уж не разгадать.

Я стала готовиться к своему вечеру, начала уборку, как вдруг меня настиг страшный удар. Пришла открытка от Якушева, написанная его красивым мелким почерком. Он писал, что не может прийти, так как ему нужно ехать сдавать экзамены. Куда, уж не помню. Он распинался всюду, что никак это не в его силах. Уверял, что не лжет. Когда я прочитала это послание, руки у меня опустились, и я в изнеможении присела на стул. Что же мне делать? Ведь это главная приманка всех девчонок — червонный туз, козырь. И вдруг его не будет. Где же взять мне кавалеров? Минко уехал по делам радио, к Кудрявцеву мы с Раей сходили, но надежды на то, что он придет, было мало. Его семья, наверное, испытывала на себе все те беды, которые обрушились тогда на многих. Да и жили они тогда уже не в своем доме на Красноармейской, а где-то на Карла Маркса во дворе. Мы разыскали дом, но

Анатолия не застали. Оставили ему записку, но до вечера ли было тогда парню? Да и прошел слух о том, что у Анатолия умер отец. Словом, дело было ханá. И тут у меня пробились мысль, которая затем стала укрепляться. Надо пригласить Володю Борякина и Гришу Елизарова. Устроили совещание с Лидой. Вынесли постановление: пригласить! Лида помчалась к Тоне с моей запиской. Дело как-то улаживалось, но волнений и сомнений было много.

Дальше цитирую дневник, но листки оборваны, не все понятно. Помню, что пришла Кланы и принесла письмо, полученное ею от Якушева.

«Оно составлено в тех же выражениях, что и письмо его ко мне. Он пишет, что очень хотел бы быть, но... обстоятельства. В подтверждение своих слов просит справиться у его родителей (дурак). Они не будут лгать. Сказала Клане про смерть Кудрявцева. Она сказала, что видела его сестру у портнихи только сегодня, и она не имела грустного вида».

Дальше идет описание вечера.

«Первой пришла Кланы. У меня было великолепное настроение. Понемногу собрались девчата, но из кавалеров пока никого не было. Рая была очень этим огорчена и имела кислый вид. Пришли Лида и Тоня и сказали, что записку Тоня передала не лично Грише, так как он долго не приходил, а послала с Евгением (младшим братом). Они думали, что “все придут”. Я просила Леню позвать Чижику, он обещал. Наконец явились Леонид с Володей. Они сообщили, что Г. должен идти куда-то там (на счет службы), но обещал прийти, когда освободится. Чижик тоже хотел прийти, но почему-то не пришел. Играли в разные игры. Рае было скучно, но мне ничего. Когда играли в почту, Леонид написал мне письмо с выражением недоумения, почему я пригласила “этих людей”. Г. пришел поздно и весь вечер был в дурном настроении. Сразу же засадил меня за пианино, но я не знала, что делать. Если играть, то остальным скучно, но хотелось доставить ему удовольствие. Танцы у нас не клеились, танцевали только мы

с Г., больше никто. Рая пробовала танцевать с Володей, но у них ничего не вышло почему-то. Слишком уж Вовка громоздкий.

Очень оживила всех игра в шарады. Тут Кобренок разошелся и развеселился. Мы разделились на две партии. В одной были: Кобренок, Лида, Леня, Володя и Зоя, в другой — мы с Гришей, Тоня, Кланы. Они ставили очень интересные шарады. Мне было очень жаль, что наши мальчишки не видели этого, так хорошо и согласованно у них это шло. Я все время поджидала Толю, но его не было. Он так и не явился. Наша партия ни одной шарады не могла поставить как следует. Г. совсем раскис, Тоня с Кланей что-то ничего не выдумывали, я тоже совсем выдохлась. Пока они загадывали шарады и репетировали, мы с Г. танцевали краковяк и играли во мнения. Между прочим, когда говорили про меня мнения, Тоня предложила говорить мнения посмешнее, вроде “гад”, “поганка”, “задрыга жизни”. Г. ужаснулся: как это можно говорить такие ужасные слова? Сказал про меня, что мне хочется научиться танцевать. Начал уж чего-то звать меня на “ты”. Тоня все время укоряла его, что он кислый, как лимон. Про Тоню он сказал интересное мнение (надо запомнить): “Ломается, как сдобный сухарь на именинах”. Раина “труппа” играла великолепно. Все — и Лида, и Леонид, и Володя, и Зоя — меня очень удивили.

Рая вела незаметное для других, но заметное для меня наступление на Леонида. Я заранее могла побиться об заклад, что она так будет делать. Он ее тоже удивил, она не ожидала, что он может быть таким развязным и смелым. Он сказал ей: “Я не мог поверить, что вы так переменились”. В то же время она очень наблюдала за мной и Г. С первого взгляда она угадала, кто это такой, но наблюдала она незаметно. Я, например, не замечала. Это мне уже сказала Лида потом. Вечер закончился пением. Кобренок настолько разошелся, что начал петь. Разошлись часа в три ночи. Г. звал меня, я его тоже, хотя мельком, но позвала прийти еще.

Интересный был момент, когда мы делали шараду “Небо-скреб”. Мы с Лидой залезли на стол, а Леонид должен был нас убить. Лида поскользнулась и полетела прямо Леониду на руки. Он подхватил ее и очень долго держал. Я, смотря на них, покатывалась со смеху и едва не падала сама. Даша, присутствовавшая тут же, растерялась и хваталась то за меня, то за кресло, а Рая смотрела на нас с изумлением. Это было очень забавно. Жаль, что больше никого не было, так как произошло это на репетиции.

Когда мы легли спать с Раей и Кланей, я вздумала соврать насчет Г., но Рая мне ни на йоту не поверила. Кланя все допытывалась, где я с ними познакомилась. Обе они сказали, что было очень заметно, что Г. за мной ухаживает. Рая нашла, что он совсем неинтересный и, главное, очень маленький.

Ночь я почти не спала. Наутро Кобренок мне сказал, что она много наблюдала за нами и нашла, что я совсем не умею действовать. Я сказала, чтобы она привела пример. Она ответила, что многого не помнит, но сказала, что когда он со мной прощался, я опустила голову. Я этого не помню, и если сделала так, то без умысла. Кобренок говорит, что так совсем не нужно прощаться.

Видела утром Лиду. Она сказала, что Тоня просто себя не помнит от восторга, но очень жалеет, что не удалось познакомиться с нашими мальчишками. Сообщила мне неприятность. Зоя написала Тоне длинное письмо, что Г. ухаживает за мной. Теперь пойдут у них сплетни, дойдет и до него, пожалуй. Впрочем, и Лида, и Тоня упорно отрицают этот факт, говоря, что он не может за мной не ухаживать, так как я хозяйка. Я утром ничего Лиде не сказала, что говорили по этому поводу Рая и Кланя. Рая сказала, что ей больше понравился Володя, чем Гр., они находят, что Володя довольно интересный, но у Гр. лицо тоньше и благороднее. Раю возмущает, что он еще имеет “мешки под глазами”, но Кланя говорит, что это, наверное, от бессонных ночей.

Вечером мы с Кобренком опять говорили про это. Я рассказала ей про сплетни Зойки. Она утешает, что это ничего: если до него дойдет, то он еще больше будет ухаживать. На это я сказала, что может и не ухаживать, мне это не больно надо, но не хочется, чтобы про меня сплетничали. Кобренок говорит, что в общем-то она очень разочаровалась, что Г. совсем неинтересный. Я говорю: “Но ведь когда мы видели его в автобусе, ты же сама несколько раз повторила, что он хорошенький”. Она говорит, что это совсем не тот человек. Тот был, по ее мнению, выше, а этот с меня ростом.

Вчера приехал Игорь и расспрашивал Кобренка насчет моего вечера. Она сказала, что были незнакомые молодые люди, очень веселые и хорошо играют на гитаре.

Теперь... мнения наших домашних. Ребята очень всем понравились. Понравились их игра и пение, а папе особенно понравился Г. Только удивительно, откуда он знает, что Г. был кондуктором. Даша с восторгом рассказывает всем, как мы строили небоскребы и упали. У Пелагеи Михайловны теперь пойдет вариться сплетня.

Вечером вчера мы гуляли с Лидой. Я ей сказала, что Рая и Кланя заметили, что Г. за мной ухаживает. Лида сказала: “Такой уж он человек”. Тоня хотела узнать мнения той стороны о вечере и его участниках. Хотелось бы мне, чтобы Г. пришел ко мне как-нибудь, я бы ему тогда поиграла что угодно. Жаль только, что он был такой скучный и усталый. Рая заметила, что он настоящий “профессор”. Он сказал мне: “Скоро будем ходить на танцы”, — полувопросительно-полуутвердительно. Я хотела ему сказать, что скоро уеду, но почему-то не сказала.

Рая сегодня уезжает в Свердловск. Говорят, что неправда, будто у Толи умер отец. Почему же тогда он не был? На вечере девчата были все интересные, особенно Лида, Тоня также. Между прочим, Лида мне говорила, что когда мы были у Тони (второй раз), она мной любовалась, так как мне очень шла моя белая кофточка.

Забыла написать еще одно, важное. Когда Кланы шла ко мне, ее догнал Мизгирь и дошел с ней до нас. Он соврал — это факт. Он не уехал утром, как хотел. Сказал, что поедет вечером, в семь часов. Просил заступиться за него. Кланы говорила ему, что не верит ему и сейчас организует за ним погоню. Ну чего он так беспокоился? Ну не пришел — и только, не так уж он мне нужен. По-моему, его заботы, чтобы его не заподозрили во лжи, выдают его с головой и говорят, что это как раз и есть ложь. Наверное, ему можно было ехать и не в этот день обязательно, а это просто предлог, за который он уцепился.

Петух же, наверное, не пришел потому, что рассудил так: Игоря нет, Титова нет, Львовича нет, наверное, мол, я буду там один и придется развлекать кислых девчонок. Я объясняю это только этим. Ну, как будто, приблизительно все.

Неприятный осадок после урока не пропадает. Скверные дела. Кланы показала мне пачку писем Мизгиря и сказала, что ей начинает надоедать эта переписка, и скоро она ее прекратит. Сегодня видела Софью Антоновну. Спросила: «Вы все еще ходите на урок музыки?» Рая сказала Игорю, что Петуха звали, но он не пошел. «Этот размазня тоже». «Пшеничных?» — спросил Игорь. Что-то они думают, что нам так дался Пшеничных и почему-то я обязательно должна позвать Пшеничнова. Я как-нибудь при Игоре обзову его его настоящим именем, чтобы не воображали они, что такой гад меня может интересовать».

Вот так-то отшумел мой вечер. Какие радостные пришли на вечер девочки! Все были такие хорошенькие, нарядные, оживленные — раскраснелись мордашки. Тоня была в фиолетовой шелковой блузке. Остальные девочки тоже все нарядные и красивые. Рая поначалу скучала, развеселилась потом. Кланю проводил Якушев. Он не уехал и сильно оправдывался перед Кланей. Потом пришли Володя и Леня, стали играть в почту, и Леня в письме выразил недоумение, что я пригласила «этих людей»: он не любил, по-видимому, Гри-

шу и Володю. Гриша пришел совсем поздно. Он постучался в парадное, и я вышла открыть ему дверь. Он поздоровался со мной, сказал: «Дай твою лапку». Эта фраза меня немного покорибила, ведь мы привыкли к церемонному обращению со стороны мальчишек и только на «вы». Папа потихоньку нет-нет да заглядывал к нам и, увидев, что пришел Гриша, сказал мне, что нужно усадить его за стол и угощать: он с работы и, наверное, проголодался. Гриша усиленно отказывался, но папа настаивал и велел мне поить его чаем. Стол с самоваром был накрыт в соседней комнате. Я повела его туда и стала угощать, но он хотел поскорее послушать мою музыку и просил играть. Сам он тоже много играл и пел, чем очень понравился папе. Зоя, которая упоминается в записях, — это Зоя Скляренко, дочь Пелагеи Михайловны. Она написала потом Тоне письмо, следствием чего явилось то, что Тоня никогда больше не устраивала у себя никаких встреч, и знакомство с «музыкантами» практически прекратилось.

Дальше в дневнике есть стихи, написанные Ниной Зайцевой: «На память Асе. Ася — аленький цветочек, Ася — ландыш у ручья, Ася — просто ангелочек, Ася — я люблю тебя. Ты да я, нас станет двое, ты вздохнешь, я повторю, поневоле сердце скажет, что я Асеньку люблю». Вот так написала Нина Зайцева и нарисовала красивые желтые цветы. Дальше идет очень красивая роза, нарисованная акварельными красками. Это нарисовала Тамара Куксова. Она написала: «На память Аничке. Ах, друг мой милый, зачем ты просишь стихи в альбом тебе писать? Ведь если любишь — не забудешь, альбом же можно потерять».

Однако продолжаю цитировать дневник.

«14 ноября. Сейчас гуляли с Лидой и встретили Г. Он поздоровался, но прошел мимо, видимо, куда-то торопился. Рая уехала в Свердловск. Хорошо, что совсем не стала думать о Б. Т.

15 ноября. Пятница. Охвостье старых размышлений. Писать что-то нечего. Хотелось бы снова встретиться с «музыкантами». По-моему, Лида в глубине души не любит Раю.

Она сказала по поводу того, что Рая переменялась: “Та же змея, но в другой шкуре”. Потом уверяла, что это к Рае не относится, но меня все же эта фраза как-то покорила. Она говорила с Леонидом насчет Раи. Он сказал, что внешне она переменялась, а внутренности все те же. Из этого Лида выводит заключение, что Рая не произвела на него должного впечатления, хотя и старалась. Интересно было бы знать мнение Г. о вечере. Ну почему он тогда был такой невеселый? Совсем, совсем не тот, что раньше. Я никогда больше не буду устраивать никакие вечера, а то устроишь, а потом и думаешь, что то нехорошо было да другое нехорошо. Почему-то Тоня не предлагает больше еще собраться. А я уж придумала много шарад и мнений. А все-таки смелый они народ. Без всяких околичностей пришли, зная меня еще так мало.

Какая я стала лентяйка! Мало того, у меня в голове все время только одни вечера, танцы и т. п. Совсем пошленькая мешаночка, какой меня представляет себе Борис. Как хорошо было, когда учились, — все-таки думала больше всего о науках. А теперь!..

18 ноября. Понедельник. О многом. Наверное, сегодня не успею записать все. Пишу в перерыве между занятиями, перед обедом. В комнате нет огня, светло из столовой. Сейчас вошла бабушка, и я испуганно перевернула страницу. Дополнительные известия о Г. Вчера он неожиданно утром пришел к Тоне. «Дурили», как говорит она. Спрашивал насчет вечера, интересовался, что за барышни были. Понравился ему Николай. Свое настроение объяснил тем, что иначе не мог, так как был в первый раз и присутствовали старшие. Тоня говорила, что он все время смотрел на мои ноги. Что ушли танцевать в другую комнату, она тоже заметила. Разговаривала она с Володей. Ему понравилась игра в шарады. Хорошо бы снова нам встретиться. Я говорила об этом Лиде. Она сказала, что Тоня молчит, а Г., наверное, стесняется сказать об этом. Эти дни мы только о нем и говорим. Ну, пока придется прервать, допишу потом, или завтра».

Раину семью не миновала напасть: им предложили выселиться из дома. Рая уехала в Свердловск попытаться поступить там куда-нибудь и устроиться жить. В Свердловске жил ее брат Сема.

Продолжаю цитировать дневник-альбом. Там на предпоследней странице нарисован красивый цветок и написаны стихи: «На память. Будь скромна, милый друг, душу чистую ясную все полюбят вокруг. Неизвестная». Я приписала там: «Но мне, однако, известно, что написала Клавдия Тропина. 23.11.1929. 23 ноября 1929 года, пятница». Под нарисованным цветком я написала: «Рая сказала сегодня: “Как хорошо было, когда мы учились в школе, сдавали себе зачеты, а больше ни о чем не заботились!” Правда».

«20 ноября. Несколько замечаний об опере и о мещанстве, но больше всего о человеке, который засел и никак не вылезает. Была в опере. Опера неважная. Сегодня возле кино видела Кланю вместе с Мизгирем. (До чего бабушка мешает писать, стоит около, да и только!) Как они оказались вместе — случайно или преднамеренно? Я помешалась на этом Г. Не выходит из головы, да и только. Ворожу на четырех тузов, и всегда сходится на червонном тузе. Всегда! Я знаю, что ворожба — чушь и мещанство, но я так обленилась, что готова верить ей. Впрочем, часто сбывается. Рая все еще не приехала из Свердловска. Анна Григорьевна сказала мне, что сегодня им срок съезжать с квартиры. Наверное, Рая уж не вернется. С музыкой дела у меня скверны. Вообще, что-то я живу, как самый последний обыватель: ем, сплю, ворожу... Дела не делаю — так, болтаюсь. Ворожили с Лидой на новых знакомых. Мы обе так ждем вечера, когда соберемся опять вместе. Но когда это будет? Сегодня мы с мамочкой шли по Уфимской, вдруг кто-то поздоровался. Не знаю, с нами ли. Я не видела, кто, но есть подозрение на Г. Я не ответила. Если это он, то как бы не обиделся! Кончаю этот альбом, а больше писать не на чем. Хотела писать в другом альбоме, а он у Леонида, а этот держит его чуть не месяц. Леонид купил абонемент, они

с Тоней ходили на “Аиду”. Ничего-то, наверное, не поняли, голубчики мои. Так-то!

21 ноября. Четверг. Скверно идут дела с музыкой. Вообще как-то все скверно. Совсем опустила. Часто вспоминаю школу. Хорошо было тогда. Вчера получила письмо от Нины Козловой. Пишет, что узнает насчет приема в техникум.

22 ноября. Тот, кто иногда проходит мимо сквера. Приехала Рая. Узнавала насчет приема в техникум. Скверно. Принимают только командированных от союза. Сдавать нужно все предметы в размере девятилетки. В общем, в Свердловск не стоит ехать, лучше в Ленинград. Надо собираться и ехать. Раино дело успехом не завершилось. Я была у них, их выселяют. В доме пусто, все вывезено. Кобренок грустный, хотя мы и говорили о пустяках и смеялись, но уже чувствуется в этом смехе горе. Долго стояли около сквера. Из школы шли ученики. Прошел Б. Т. Рая увидела его заранее и сказала: “Вон кто-то идет!” Несмотря на ее пытливые взоры, я, кажется, не покраснела, хотя волнение, должно быть, отразилось на моем лице. Но как она впиалась в меня глазами! Так и хотела прочесть что-то. Он прошел с кем-то, громко говорил насчет того, что грязно. Я не взглянула на него и теперь жалею. Не заметила, с кем он шел, но, кажется, с каким-то мальчишкой. Они свернули в сквер. Я заговорила о чем-то, а про него мы не говорили. Это было часов в двенадцать дня. В школе теперь непрерывка, и все ходят в первую смену. Интересно, как он учится, с кем в звене, ухаживает за кем-нибудь или нет. Он прошел мимо и не взглянул на меня, но все же что-то чувствуется в его поведении, что как будто относится ко мне. Разве я сама не так поступала раньше, когда встречалась с Лирдом, не принимала равнодушный вид и не проходила мимо? Но нет, я просто воображаю о себе много. Ему не было и нет до меня дела! Или это не так? Лучше бы вместо него встретить Г. Вчера приходили Лида и Тоня, и мы опять болтали о Г. и В. Вчера были в кино на картине “Сын Зорро”. Была Кланы, но без Мизгирия. Тоне “Аида” понрави-

лась. Романтическую подкладку оперы она хорошо поняла. Дока по таким делам. Кобренок видел в Свердловске Титова, но не разговаривала с ним, только поздоровалась. Ехала вместе с Кодакиным. Он ей рассказывал, как служил на Урале. Очень трудно. Ловил каких-то бандитов, и его чуть не убили. Интересно».

На этом заканчивается мой альбом-дневник. Культурная революция набирала силу. Выселили из дома семью Лукиных. Эта огромная семья всегда ютилась в каких-то маленьких квартирках. Жили одно время на улице Карла Маркса, напротив теперешнего Дворца пионеров. Здесь мне как-то пришлось побывать у них. Запомнилась мне малюсенькая черненькая бойкая Наташа. После нее были уже два мальчуганки — Алеша и Гриша, а остальных пятерых девчушек, по-видимому, тогда еще не было. Наконец Лукиным удалось приобрести собственный дом, большой и красивый, на Луговой улице. Тут им, наверное, удалось разместиться с большими удобствами и простором. И вот из этого-то дома их и выселили. Они поселились опять в малюсеньком домике на углу улиц Васенко и Спартака. В этом малюсеньком домике осиротели двенадцать человек, когда спустя год умерла мать семейства Марья Петровна. В доме же на Луговой помещалась впоследствии малярная станция, где моя мама некоторое время работала. Рая уехала, их гнездо было разорено. Раин дом долго стоял целехонек, а вот 29 марта 1975 года я увидела, что он снесен. Уехали и Гершковичи еще до наступления этой заварухи.

Я никуда не поступала, болталась без дела. Это меня угнетало. Отмахивалась от действительности, жила своим замкнутым кружком. Ходила на уроки к Анне Григорьевне, но она на меня ворчала и предсказывала мне, что я никуда не поступлю, приеду обратно. Видимо, обе мы с ней достигли своего потолка — она как педагог, а я как ученица. Впрочем, Анна Григорьевна тоже доживала в Челябинске последнее время. Вскоре она и Александра Григорьевна уехали в Мо-

скву к дочери Анны Григорьевны Надежде Александровне и поселились в ее квартире вместе с ее семьей. Мы переписывались с Анной Григорьевной и однажды побывали с мамой у них на Садовой-Каретной, 20, квартира 46. Анну Григорьевну мы дома не застали, она была на даче, повидались только с Александрой Григорьевной, которая рассказала нам о Грише Гершковиче. Он приходил к ним, стал высоким красивым молодым человеком. Потом были сведения о том, что он работал в какой-то шахте, приходил обедать в рабочую столовую, играл на пианино и скрипке, и люди удивлялись этому. Больше я никогда ничего не слышала о Грише, так же как и о Леньке. Думаю, что свою дорогу в жизни они нашли, стали хорошими, честными людьми, и если они еще живы, то желаю им в жизни всего наилучшего. Гриши Елизарова уже нет в живых. В 1929 году мне довелось еще один раз встретиться с ним. Это было в театре. В этот сезон у нас в театре снова была опера. Драматическая труппа, где были артисты Летковский и Ольшевская, уже уехали. Очень модны были пьесы, такие как «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения» и «Царь всея Руси». В этих пьесах выступал женский хор, специально созданный для этих спектаклей. В хоре участвовала Лида, которая мне много рассказывала о закулисной жизни театра. Она ходила на все спектакли и особенно часто смотрела пьесу «Сын кардинала», написанную по роману Э. Войнич «Овод». В этой пьесе Летковский играл просто потрясающе. В сцене расстрела Овода весь театр плакал... Но эта труппа уже уехала, и теперь гастролировала опера. Среди артистов был красавец баритон Слащёв. Однажды мы с Кланей увидели, как Слащёв вышел из театра и пошел по Уфимской. Мы за ним. И бежали по всем магазинам, куда заходил артист.

И вот мне захотелось посмотреть «Евгения Онегина» со Слащёвым в главной роли. Эта опера в мой абонемент не входила, и я поменяла какой-то свой спектакль на третий абонемент. Пришла и увидела в фойе Гришу и Володю. Они

подошли ко мне. У них места были в шестом ряду балкона, а у меня в первом ряду, но первый ряд балкона начинался не у барьера, а дальше. У барьера считался амфитеатр. Поэтому с первого ряда балкона видно было плоховато, мешали головы. Об этом я сказала в антракте Грише, и он тотчас же поменялся со мной местами. Мне пришлось сидеть с Володей, что было для меня совсем неинтересно, но Володя ни за что бы не догадался сесть вместо Гриши на мое место. В антрактах мы гуляли внизу, а когда поднимались по лестнице на балкон, то Гриша все время поддерживал меня за локоть, как будто я могу упасть. Гриша был очень мил и внимателен. После оперы пошли вместе, но идти-то мне было недалеко, всего-то через улицу перебежать. Гриша спросил, когда мы увидимся, но я сказала, что не знаю, так как на днях уеду в Ленинград. Гриша сказал, что он тоже поедет в Ленинград поступать на какие-то там курсы, и мы договорились непременно встретиться в Ленинграде. Тут мы распрощались и больше уже в этом году не виделись.

Настала зима, и мы с Кланей начали кататься на коньках на льду Миасса. Я шла к Клане по улице Елькина, спускалась к реке и шла по льду к ней на Кыштымскую улицу. Мы привязывали коньки, съезжали с горы на лед и катались вокруг какого-то небольшого островка. Я каталась плохо. Гриша когда-то пообещал научить меня кататься на коньках, но не выполнил обещания — не научил, так же как и танцам.

Уходил прочь 1929 год. Культурная революция набирала силу. Закрыли Александровскую церковь, арестовали священника Холмогорцева. Папа сильно переживал из-за этих мероприятий, и переживания эти гнали его к его близкой уже могиле и дали толчок к развитию его страшной болезни.

1929-й — год окончания школы, год встречи с «музыкантом-кондуктором», год культурной революции — ушел прочь...

Написала все это в двух тетрадях и забыла о том, что и как писала, а теперь, в 1978 году, решила продолжать и описать еще 1930 год. Начала писать летом 1978 года, будучи на озере Увильды на базе отдыха «Омега». Времени свободного было больше, чем обычно в городе, вот и расписалась и прихватила не только 1930 год, но и 1931, 1932, 1933 и 1934-й. А первые записки кончила, наверное, в 1975 году. Стало быть, не читала их три года. А когда вот теперь прочитала, то даже удивилась некоторым местам, некоторые сочла написанными неудачно, и захотелось вновь их переписать. Над некоторыми описаниями от души посмеялась. Например, над тем, как глупые ученики 7-го класса семилетки № 1 устраивали «забастовку» доброму учителю и милому человеку Юлиану Петровичу Шеста́чке. Смеялась над остроумным стихотворением Третьяшки (Кати Третьяковой), в котором она продергивала надменного «сюзерена» Алексея Львова и его «вассала» графа Минко. Кстати, о Минко. Недавно Зоя мне сказала, что Герман Бейвель получил письмо от Игоря Минко. Он живет в Ленинграде, поехал в командировку в Свердловск и выкроил несколько дней, чтобы побывать в городе своей юности Челябинске. Приехал в Челябинск, но никого из прежних людей, знавших его, не нашел и чувствовал себя в бывшем своем родном городе чужим. Хотел разыскать Нину Карпуничеву, но и ее не нашел. Вот тут-то и вспоминаются строки из стихотворения Кати Третьяковой: ««Сюзерен ты мой свининный, просидел я долго с Ниной», — отвечает граф Минко». Всех забыл, видимо, Игорь, а Нину не забыл и хотел ее разыскать, но не смог. Да она и не Карпуничева, и не Постнова, а уже теперь Топорнина́. Словом, Нина «топор-Нина».

Кстати, раз уж зашла речь о товарищах по Центральной школе, то переберу всех членов наших семи звеньев и напи-

шу, что известно о каждом из них. Сведения, впрочем, скудные. Из членов первого звена — Кодакин умер. Он жил в Москве. И на его вдове сейчас женат Калечиц. Он переехал с ней в Москву. Львов живет в Ленинграде. Он был старшим преподавателем в каком-то институте, а сейчас не знаю, где и кем работает. Он бывал у Владимира Августа, и однажды после его визита Август обнаружил у себя пропажу ценной книги, а спустя какое-то время обнаружил ее в букинистическом отделе. Выходит, что Львов книгу эту украл и потом продал букинистам. И Август после этого случая прекратил с ним знакомство. О Владимире Титове еще раньше ходили слухи, что он умер, но слухи эти не проверены. Титов еще в школе увлекался химией, и товарищи прозвали его Растворчиком. Говорят, что он стал потом химиком, но вот умер рано (не умер. — *Авт.*). Мне очень хотелось узнать об этом у его отца Константина Николаевича в то время, когда он преподавал у нас в музучилище литературу, но я не смела обратиться к Константину Николаевичу с этим вопросом, боясь нанести удар. Так и не узнала, правда ли, что Володя Титов действительно умер. О Пшеничнове, или Птенце, я никогда ничего не слыхала.

Из членов второго звена о Минко я уже писала. Говорят, что во время войны Минко приезжал из Ленинграда в Челябинск и жил в доме, который находится на углу улиц Кирова и Коммуны, и Зоя как будто видела его и говорила с ним. Но больше никто его не видел. Кудрявцев где-то живет и переписывался все время с Германом Бейвелем, но теперь, кажется, переписка прекратилась.

Из членов третьего звена ничего не известно о Вере Адичевой, а остальные члены звена живут в Челябинске. О Карпуничевой написано достаточно. Она недавно овдовела. Новый муж ее Борис Павлович Топорнин умер. Дочь Нины Неля живет в Москве. Она окончила там Баумановский институт. Кстати, Нину Карпуничеву я недавно встретила, и мы с ней поговорили. Аня Агапитова тоже живет в Челя-

бинске, и Клania ее иногда встречает. Агапитова окончила институт в Свердловске. Говорили, что у нее туберкулез, но она жива, здорова. Клania как-то встретилаcь с ней в парке, и они поговорили, хотя о школе не вспоминали.

Из членов четвертого звена бесследно исчезли Бухарина и Левицкая. Про Олю Белоусову говорили, что она умерла от туберкулеза, а Турсанова все время жила здесь. Ее племянница Света Сущинская была моей ученицей.

Члены пятого звена несколько раз собирались вместе в Челябинске у Клёнова. Он живет где-то на ЧТЗ. В Челябинске же живут Костюшев и Комольцев. Леня Николаев жил в Москве, жена его Елена Михайловна — грузинка. Своих детей у Лени не было, а у Елены Михайловны два сына: один Арчил — грузин, другой Виктор — русский. Леня довольно часто приезжал в Челябинск. Ему были рады и сестра его Тоня, и брат Женя со своей семьей. Был он и у нас, к великому неудовольствию деды Мишечки. Но вот 25 марта 1977 года Леша Николаев трагически погиб. Его брат Женя и жена Жени Вера привезли его прах в Челябинск и захоронили рядом с могилой его отца и матери. Герман Варфоломеев (Чижик) живет в Березовском и что-то перестал давать знать о себе. Наверное, обиделся на меня, что я его корила за лосей, на которых он охотится.

Из членов нашего «молекулярного» звена четверо живут в Челябинске. Это я, Клania, Зоя Макарова и Дуся Кузьминых. О Вере Малышевой никогда ничего не было слышно. О Кате Третьяковой рассказывали, что она окончила медицинский институт и стала врачом. О Рае ничего не известно. Зоя полагает, что Рая живет в Свердловске. Во время войны Рая приезжала в Челябинск и встречалась с Дусей Кузьминых в универмаге, но никого из нас она не разыскивала.

Из членов седьмого звена один из них, но не знаю точно, кто — Беляев или Козьмин, ослеп. Якушев ходил его навещать, водил с собой Кланию. Клане очень хотелось бы узнать что-нибудь о Якушеве, но ни о нем, ни о Люсьеве ничего

не известно. Заодно напишу об Александровых. Они уехали из Челябинска куда-то, а в 1937 году отца Коли и Жени репрессировали. Коля сумел куда-то уехать и этим избежал многих неприятностей, но Жене пришлось перенести много тяжелых испытаний. О Тане Шульц. Она жила рядом с Александровыми. Ее отец Сергей Викентьевич Шульц был известным челябинским врачом и жил в своем доме на Мастерской улице. Таня училась музыке, подавала большие надежды как пианистка. Она поехала в Свердловск и поступила в музыкальный техникум, но вдруг, к изумлению и ужасу своих родителей, заявила, что музыку бросает навсегда. И бросила. Занялась архитектурой. Видимо, в Свердловске она встретилаcь с неким Стадлером, его знала Любовь Исаевна Желтых, когда училась в Свердловске. Но жизнь у Тани и Стадлера не получилась, и они разошлись. Сын Тани Валентин Шульц учился музыке у меня. Таня всегда была гордая и суровая, такой она и осталась. Мальчик был очень красив, но одет очень плохо, острижен наголо. И вообще был немного странным. Учился плохо, задания не выполнял, сидел на уроке вялый. Во время пауз, например когда я записывала ему задание в дневник, он импровизировал, играл что-то неопределенное, тягучее и непонятное. Вскоре он совсем бросил музыку, но через какое-то время снова появился в музыкальной школе, но уже как скрипач. Он попал в класс к Антону Яковлевичу Смелтеру, и тот перевел его на альт, сумел привить ему любовь к этому инструменту, и Стадлер (теперь он уже носил фамилию отца) начал бешено заниматься, достиг больших успехов, поехал в Ленинград, поступил в консерваторию, а по окончании ее попал в оркестр Мравинского, где и работал все время. А теперь не знаю, работает или нет. К нему в Ленинград уехала симпатичная девушка Рита Панкова, ученица Надежды Ивановны Дубакиной. Они поженились, хотя Стадлер уже платил алименты какой-то другой женщине. Татьяну Сергеевну, мать Валентина, хорошо знала родительница одной

моей ученицы, Наташи Петровой, — Мария Петровна Мочалова. Она архитектор, построила библиотеку и еще кое-что, ездила в ГДР. Она рассказывала, что в доме, вернее, даже во дворе у Татьяны Сергеевны собирались часто архитекторы. Теперь у Тани Шульц был уже другой дом, ее собственный. Родители Тани умерли. Когда сын окреп, встал на собственные ноги, Таня продала дом и уехала в Ленинград. Больше о ней и ее сыне ничего не знаю.

После того как закончила записки 1929 годом, их прочитали три человека: Клania, Зоя и Герман Бейвель. Каждый из них внес некоторые поправки и уточнения. Так, в первой тетради на странице, где описывается семья Матрохиных, сказано, что с маленькой Иришей Матрохиной водилась няня по имени Ксения. Клania внесла уточнение: Ксения Каширина — двоюродная сестра Клани. Каширины жили недалеко от школы Марьи Николаевны, на улице Коммуны (а во дворе у них находился домик, где жила Соня Кривая, челябинская революционерка, расстрелянная белогвардейцами). У Ксении была подруга Дуся Маркова. Она собиралась поступать куда-то учиться — то ли в педтехникум, то ли еще куда. Зоя Александровна Матрохина занималась с ней, готовила ее, а за это Дуся взялась водиться с Иришей. И вот когда Дуся была занята на занятиях с Зоей Александровной, Ксения, выручая подругу, водилась с малышкой.

Зоя, прочитав записки, внесла такое уточнение. В одном месте говорится о том, что Зоя показала мне ноты — вальс «Две собачки» — и сказала, что это ей дал Гриша поиграть. Зоя уточнила, что она обманула меня. Эти ноты ей привез из Москвы ее отец, а с Гришей она не была настолько знакома, чтобы просить у него ноты. Зоя помнила тот случай, когда

она приложила к руке Гриши горячую ложечку и сама даже удивилась тогда своему поступку. Но ее восхитило мужество Гриши, который отдернул руку, но ничего не сказал.

Герман Бейвель читал только вторую книгу. Он сказал, что там написано о том, что Кудрявцев умер, а это не так, он только недавно перестал получать от него письма. Перечитав теперь записки, я нигде не нашла упоминания о смерти Кудрявцева. Там есть упоминание о том, что прошел слух о смерти отца Анатолия, но не о самом Анатолии. Очевидно, Герман что-то понял не так. О смерти Титова там упомянуто.

Я уже упоминала, что не все понравилось мне в записках. Многое описано чересчур сжато. Хочу добавить несколько размышлений о своих предках, а именно о своих дедушке и бабушке. Прежде всего нужно еще раз сказать о том, что они были, безусловно, людьми хорошими. Но вот дедушка все же был человек особенный. Взять хотя бы его непрактичность и, я бы сказала, незащищенность. Он был незащищен, но не сознавал этого и часто, во многих жизненных ситуациях, там, где нужно было проявить осторожность, хитрость, терпение, он шел как бы напролом, во весь голос стоял за правду и терпел фиаско. Вот потому-то он, священник, не имел прихода, то есть, по сути дела, был безработным. Некто Э. Подтяжкин уже несколько раз писал в «Вечернем Челябинске» о дедушке, в частности о том, что когда в Челябинске появились первые автомобили, то дедушка был против них и говорил, что автомобили портят крыши домов. Может быть, и говорил, а может быть, это сказал и кто-нибудь другой, а приписали дедушке. Так ведь тоже бывает у корреспондентов, тем более что инициалы даны не дедушкины. Может быть, необыкновенная фамилия привлекла внимание. Принято говорить и писать о жадности и корыстности священников, но дедушка таковым не был. Был, скорее всего, бессребреником. Он был очень умерен в еде, соблюдал все посты, ездил в свое время в Иерусалим и был в конце концов мучеником, потому что невинный был

посажен в тюрьму и безвременно умер. Кое-что я слышала еще о недружелюбном отношении к дедушке отца Андрея Львова, который отличался дурным характером, любил заводить интриги и, видимо, понял, что дедушка мой из тех людей, которых можно травить и которые будут очень болезненно переносить различные нападки. В чем была суть этих нападков отца Андрея, я не знаю, но слышала, что дедушка в свое время много натерпелся от него и много перенес неприятностей.

В записках написано, что на стене висит портрет моей бабушки. Он действительно много лет висел на стене, но теперь он уже снят и убран в архив. Вот она, моя бабушка, была совершенно иного склада человек. Человек трезвого ума, как все Левицкие, она знала всегда, что ей нужно было в данный момент делать и как поступать в том или ином случае. Жилось ей нелегко. Она, так же как и я теперь, была одна, без помощников в своем доме. Не знала отдыха и день-денской крутилась как белка в колесе в домашней бесконечной работе. Она не сваливала на кого-то работу, ей не могли угодить домашние работницы, ей не надо было их. Сама, все сама и все тщательно, все точно, все по раз заведенному порядку. И внуков своих любила, и нянчила их, и со мной поводилась бы так же, если бы не умерла в год моего рождения. И ее молодая невестка, моя мама, приняла после ее смерти эстафету, взяла в свои руки хозяйство. Так же, как и она, знала счет и место каждой кринке молока, и все говорили, что если у моей мамочки родится дочка, то она будет хорошей хозяйкой. И вот родилась я, и теперь я несу в своем доме одна, без помощников тяжелую эстафету. Но далеко не все гладко получается в моем хозяйстве, хотя труд адский.

Недавно получила сведения о том, что бабушка перед смертью заклинала своего сына Васю не пить и не жить безалаберно и беспечно. И он слово такое матери дал и сдержал его. По каким-то делам дядя Вася ездил в свое время в Харбин, у него там были какие-то знакомства, какие-то нужные люди. Вот и возникла версия о том, что он не умер в Мариинске, а уехал в Китай. Вместо него приняли за умершего совсем другого человека. Он очень любил меня маленькую. Помню, что катал меня на велосипеде. Но потом, когда женился на Олимпиаде Ивановне, совершенно отошел от нашей семьи и предался всей душой своей новой семье, своим дочерям и сыновьям. Как я любила потом этот новый дяди-Васин дом! Как интересно было прийти на целый день к моим любимым новым сестрам Рите и Люсе, играть в интересные игры, забираться в таинственную, полную интересных вещей, привезенных из Иерусалима, комнату дедушки! Как интересно было у них обедать! У дяди Васи к обеду подавали всегда два сорта хлеба, нарезанного тонкими ломтиками: черный — ржаной, и очень белый — ситный. Это мне нравилось ужасно. А у нас всегда к обеду был серый пшеничный хлеб своей выпечки. Это было совершенно не то, что было на столе у дяди Васи. Кроме того, у них арбуз нарезали заранее в кухне и подавали на стол уже нарезанным, а у нас папа всегда сам резал арбуз и раздавал всем ломти. Мне казалось, что у дяди Васи было лучше за обедом, интереснее, необычнее.

За те три года, что пролетели после написания записок, почти все здания, упомянутые в записках, были снесены. Снесен дом дедушки на улице Братьев Кашириных, дом, где располагалась фотография Половникова, колбасная Гридина, домик Зои Макаровой, дом Берзиных, Кудрявцевых, Ти-

товых, столь любимый мною Раин дом. Остались пока стоять: дом новиковский, Центральная школа, усадьба Гершковичей, здание старой почты, на крыльце которой Якушев изливался нам с Раей о том, как он оскорблен письмом Клани. Стерты с лица земли также и здания бывшей гимназии и первой семилетки, да и многие другие. О Володе Новикове сказано, что он живет на ЧМЗ. Теперь он живет уже не на ЧМЗ, а на Северо-Западе. Кстати, в первой тетради записок сказано, что когда мы в Иркутске переехали жить на Главную Иерусалимскую улицу, то там в саду на скамейке я увидела выцарапанные буквы «ЮСВК» и, не понимая, что они означают, обратилась за разъяснениями к Люсе, и она мне расшифровала, что буквы означают: «Юзефа Сарцевич, Владимир Кузнецов». Это донжуан Вовка Кузнецов вырезал в честь своей дамы сердца Юзефы, но когда она уехала, он, невзирая на еще не остывший след прекрасной полячки, уже начал увлекаться другими.

Ну вот, теперь как будто бы исправлены кое-какие промахи в записках, и теперь можно с божьей помощью ринуться в год 1930-й.

1930 год

Настал 1930 год. Мы по-прежнему жили на улице Елькина, 49а, в красивом красном доме, стоящем на высоком фундаменте, с веселыми окнами, глядящими на улицу Елькина и Лидин дом напротив. Хорошо жили мы в наших пяти комнатах. Моя кровать стояла в угловой комнате-гостиной, у окна — мое пианино. Рядом в спальне помещались мои роди-

тели и брат Турка (а иногда Епошка — так называла я своего друга того времени). В столовой за ширмой спала моя бабушка. Две остальные комнаты служили приемной и ожидальной для пациентов. В небольшой кухне жила и хозяйничала домработница Даша.

Но вот настало время моего отъезда в Ленинград. Не странно ли, что время поступления в музыкальный техникум пришлось на январь? Был ли в это время прием в учебные заведения? На этот вопрос я не могу дать ответа. Быть может, собрались так поздно потому, что моя мама осенью лечилась в Кисловодске и вернулась оттуда только в ноябре.

Как бы там ни было, собрались в Ленинград мы с нею вместе. Мне исполнилось 19 лет, но не было и речи о том, чтобы ехать мне одной. Думаю, что эта поездка была для моих родителей нелегкой. Отец был травмирован той обстановкой, которая создалась в это время. В своем повседневном тяжелом труде он находил отдушину и утешение в религии. Ходил в церковь, слушал богослужения, размышлял о жизни, иной раз сам принимал участие: читал часы, пел на левом клиросе. Но теперь, в 1929 году, все церкви закрыли, кроме Семеновской (ныне действующей), священников арестовали. Уцелевших монашек тоже. Это обстоятельство сильно угнетало отца. Тем не менее мне нужно было учиться музыке, в это мои родители глубоко верили. И день отъезда настал.

Мы уезжали вечером. Я вышла во двор. Было слегка морозно, тихо. На небе сияли звезды. Я обошла весь двор, попрощалась. Взглянула на дорожку, что вела через огород к калитке, выходившей на улицу Воровского. Там виднелся театр, мой любимый Народный дом, где пришлось пережить много счастливых минут. Мы уехали. Как ехали — не помню. Многие наши поездки запомнились, а эта нет.

Помню, как в одну из наших с мамочкой поездок у нас были боковые места, но на одной из станций освободились хорошие места, и мы решили их занять. Договорились с проводником, но нужно было взять на эти места плацкарты, и

мамочка побежала на станцию, чтобы их взять. Я переживала и мучилась, боялась, что она отстанет от поезда, а тут еще какая-то наглая пассажирка вздумала занять эти места и начала сбрасывать наши вещи с полок и даже разбила чашку. Я пыталась с ней спорить, но она вела себя так дерзко и нахально, что довела меня до слез. По счастью, вернулась мамочка с плацкартами, проводник унял эту расхажившую пассажирку, и она смирилась, эта претендентка, правда, с некоторыми ядовитыми словами в мой адрес. Чашку обещала где-то купить, но не купила. Вот так было в одной из наших поездок.

В другой раз, помню, что ночью в глубокой тьме вдруг разом остановился поезд. Я едва не слетела со своей верхней полки. Взглянула в окно — тьма, ночь, поезд стоит где-то в степи. Никаких строений, никаких людей. Тут объявили, что наш вагон неисправен и нужно переходить в другой вагон. Что тут началось! В кромешной тьме (ни одного фонаря нигде не горело) пассажиры начали собирать свои багажи, потом, толкаясь, спеша и ругаясь, полезли прочь из вагона и побежали куда-то во тьму к какому-то другому вагону, обгоняя друг друга, лишь бы скорее успеть. Но потом успокоились. Разместились на новых местах и поехали дальше. Так было когда-то, в других поездках, но не в этот раз.

Мы сели в поезд, поехали, и вот мы в Ленинграде. Мы нанимаем извозчика, нагружаем в его экипаж свои вещи и едем на Васильевский остров к тете Асе, однако не сразу к ней в дом, а сначала в Академию наук, где она работает. Подъезжаем к академии, мамочка посылает меня идти туда, а сама остается на извозчике. Я бегу куда-то, в какой-то боковой вход, взлетаю по лестнице и спрашиваю у кого-то Анну Яковлевну. Она выходит, и как знать, рада ли она была приезду родственников? Может быть, в душе посылала нас к черту, ведь с нашим появлением нарушалось плавное течение ее жизни. Так или иначе, ничего теперь уже не поделаешь, некуда уже от нас деваться. Тетя Ася говорит, что с работы

уйти она не может, просит нас ехать одних домой и вручает мне ключик от квартиры. Но это совсем не золотой ключик, и деньги в квартире не лежат. Это совсем особенный ключ. Не ключ, а целый ключище. Он очень длинный, в сущности это огромный гвоздь, на конце которого находится подвижный крючок. Тетя Ася объясняет, как нужно пользоваться этим ключом, как открывать им дверь. Я беру ключ, мчусь к мамочке, и мы продолжаем путь. Вот приехали на Средний проспект, слезли, просим извозчика помочь перенести вещи к дверям квартиры, но он отказывается это сделать и уезжает. Мы остаемся на тротуаре с кучей вещей. Ведь не было тогда удобных чемоданов. У меня была большая корзина, постель в ремнях, разные саквояжики и баульчики. Что делать? Кому-то одному таскать вещи, а другому караулить? За один раз всего не унесешь.

Неожиданно пришла помощь в лице какой-то прохожей женщины. Она сама предложила выручить нас. Живо подхватила вещи и чуть ли не бегом по лестнице. Вот Ленинград-то, вот столица! А мы, провинциалы, еле-еле поспевали за ней, прыткой. Но вот взобрались на самый верхний пятый этаж, и вещи сложены на площадке возле квартиры № 16. Женщина получает плату, уходит, а мы приступаем к операции «Закрытая дверь». Надо сказать, что тетя Ася очень боялась воров. Рассказывала о случаях, когда воры забирались в квартиры и обворовывали. Проникали даже обманом при хозяевах, связывали их и орудовали, как хотели. Поэтому тетя Ася и придумала себе такой необычный ключ. Между двумя дверями она строила, как она выражалась, «баррикады», то есть заваливала это маленькое пространство разной рухлядью. Ставила маленький круглый столик, наваливала разные старые корзины, картонки, ящики. Таким образом, в квартиру попасть было не так-то просто. Чтобы разобрать баррикаду, нужно было, по крайней мере, несколько минут. Очень сложно также было пользоваться ключом. И мы не сумели открыть дверь, как ни бились. Мимо нас проходили люди,

жившие в других квартирах пятого этажа. Мы апеллировали, прямо-таки, можно сказать, взывали к ним, но они были удивительно холодны и равнодушны и никак не реагировали на нашу беду. Шли уже не минуты, а часы, а мы все никак не могли сладить с проклятой дверью и замысловатым ключом. Там, с внутренней стороны двери, была задвижка. Надо было крючком ключа попасть в одну из дырочек задвижки и немножко ее отодвинуть, потом попасть в соседнюю дырочку и опять отодвинуть, и так постепенно задвижка отодвигалась, и дверь открывалась. Но мы, свежие, необученные люди, эту премудрость никак постигнуть не могли. Бились уже несколько часов подряд, и в довершение всего вдруг сломался ключ. Было от чего прийти в отчаяние!

Измученные до предела, мы опустили руки. Устроили совещание. Было решено, что я поеду снова в академию к тете Асе, только надо было снять фетровые боты и надеть резиновые галоши, ведь на улице нет мороза — слякоть. Тает в январе, а в наших краях не бывало такого. Галоши вынуты из узла, надеты на ноги, и вот я уже мчусь к Большому проспекту и сажусь в трамвай. Я вылезла там, где и нужно было, когда за гранитным парапетом Невы заблестал купол Исаакиевского собора. Я снова поднялась по лестнице в академию и попросила вызвать тетю Асю. Она вышла, и я ей объяснила, что дверь открыть не можем, умолчав, что сломался ключ. Тетя Ася, не говоря ни слова, молниеносно собралась и помчалась впереди меня, а я за ней. Молниеносно впрыгнула в трамвай, я едва-едва за ней. Поехали домой. Между прочим, тетя Ася говорила, что нужно выгадывать, в какой трамвай сесть — в головной или в прицепной. Нужно сообразить при выходе, из какого трамвая ближе к тому месту, куда едешь. Смешно, но ведь я запомнила это правило, и сейчас, садясь в трамвай, тоже прикидываю, где мне выгоднее сесть: у первых дверей или у тех, что в середине трамвая. Но это теперь, а тогда помню, как быстро бежала по лестнице тетя Ася, а я за ней прыгала через ступеньки и с ужасом думала, что будет,

когда мы скажем ей, что сломался ключ. Но оказалось, что мамочка находится уже в квартире. Дверь открыла женщина, которая жила в одной из комнат тети Аси. Тогда ведь очень строго было с жилплощадью, и третью комнату у тети Аси отобрали, поселили учительницу Марью Ивановну. Она была вполне приличная женщина, но к ней иногда приходил гость, ее знакомый инженер, любитель выпить, и мне приходилось из-за него переживать неприятные минуты. Но об этом после. А тогда мы были счастливы, что наконец-то попали в дом. С ключом тоже все обошлось. Тетя Ася сказала, что закажет новый ключ. Какое блаженство было почувствовать себя наконец-то на месте, растянуться на кушетке и взять в руки интересную книгу (их у тети Аси было множество).

Так прошел день нашего приезда в Ленинград, а происшествие с ключом было предзнаменованием. Ключ тете Асе сделали новый, да и не один. Она отдала ключ мне, я научилась им пользоваться. Уходя из дома, строила баррикады и была виртуоз по постройкам. Приходя, разбирала их.

Началось наше ленинградское житье.

На сцене появляется Учитель

Мы стали искать музыкальный техникум, куда можно было бы поступить. Техникумов в Ленинграде было много, и мы побывали в каждом из них. Но, увы! Приема нигде не было. Больше других нам понравился техникум в Чернышовом переулке: он выглядел очень солидно, и очень хотелось поступить именно туда. Тетя Ася говорила, что этот техникум имени ее кота Черныша, или Сапы, как она его ласково называла. Мы много смеялись по этому поводу, но вообще-то было не до смеха. Поступить никуда не удавалось.

Уже исчерпаны были, казалось, все возможности, как вдруг!.. Мы зашли в академию за тетей Асей, она собира-

лась пойти с нами и подала мне бумажку — небольшую записку на плотной глянцевитой бумаге. Там было написано: «Александр Сильвестрович Висневский, Крюков канал, 24, кв. 3, тел. 32-04» (!) Из пояснений тети Аси стало ясно, что адрес этот дал ее сотрудник, работающий с ней вместе в физико-математическом институте. Имя этого сотрудника — Сергей Львович Соболев. Ему 22 года, он в прошлом году окончил университет и работал теперь в академии. Он учится по классу фортепиано в 1-й государственной художественной студии вот у этого самого педагога, адрес которого он дал. В прошлом году должен был окончить учебу, но отложил окончание на год, так как кончал университет, а в этом году будет заканчивать. «От педагога своего он в восторге», — прибавила тетя Ася. Было решено немедленно ехать к Висневскому, но я неожиданно заболела — простудилась, видно, на ленинградском ветру. И вот я лежу на тети-Асиной кушетке, почитываю интересную книжонку, а сама волнуюсь — ведь мамочка поехала к этому самому учителю. Вот она вернулась и начала рассказывать. Он сказал, что да, такая студия существует, он в ней преподает. Студия эта имеет все права техникума. Поступить туда можно. Он рассказал, где студия находится, как туда проехать, куда обратиться. Узнав, что мы приехали из Челябинска специально учиться музыке, удивился. Поинтересовался, откуда мы про него узнали. Мамочка назвала Соболева. Словом, этот учитель не отказался со мной заниматься, но сначала он хотел меня послушать. Мамочка сказала ему, что я болею, и было решено после выздоровления увидеться с ним, но предварительно нужно было ему позвонить. Выслушав все это, я поинтересовалась, какой же он — старый или какой? «Молодой и интересный», — отвечала мама.

Я поправилась быстро, нужно было звонить учителю, а это для нас, провинциалов, было не так-то просто. Звонить приходилось с почты по автомату, это было трудно, потому что абонент брал трубку и говорил: «Алло, алло». А монета

в это время еще летела со звоном куда-то, и могли повесить трубку. Однако дозвонились, договорились, и вот мы уже едем в трамвае по Екатерининскому проспекту до Садовой улицы, а там пешком идем до Крюкова канала. Сердце замирает: что-то будет? Не осрамиться бы. Но вот и дом, вот парадное, вот шикарная лестница, а вот и дверь, а на ней дощечка, где написано не по-русски «С. Висневский, артист-музыкант» (это, видимо, отец Александра Сильвестровича). Мы нажимаем кнопку звонка, дверь распахивается. Он сам отворил ее. Приглашает нас войти. В передней мы вешаем на вешалку свои шубы, затем входим в комнату. Комната очень большая и вся уставлена самой разнообразной мебелью. Мебели так много, что почти нет свободного места, мебель не только у стен, но и посреди комнаты. Столы, столики, зеркала, трюмо, диваны и диванчики, пуфики, кресла — чего только не было. Стены сплошь увешаны картинами, так что свободного места нет. В дальнем конце комнаты — дверь, ведущая куда-то, может быть, в другую комнату. Сбоку на столике телефон. Наверное, за дверью была еще комната, оттуда иногда выходили его родные: мать, полная женщина (она умерла от голода в войну) и сестра Нина. Она ему говорила по-польски: «Аля до тэбэ», — когда ей случалось самой открыть дверь. Но это было потом, а пока меня ждал рояль — великолепный, кажется, «Бехштейн», но точно не помню. Он стол клавиатурой к балкону, а хвостом к двери (А. С. очень любил свой рояль). Я села к роялю и принялась играть пьесе Синдинга «Весеннее щебетанье» (теперь она называется «Весенние шорохи»). Александр Сильвестрович слушал, слушал, да вдруг остановил меня. Он нашел самую что ни на есть «орфографическую ошибку», а попросту — фальшивую ноту. Я поправила ошибку и продолжала играть — ан снова не то! И так на протяжении всей пьесы он находил уйму ошибок. Вот так сыграла! Просто опозорилась! Он спросил меня, одна ли я учила эту пьесу или с педагогом. Я выдала Анну Григорьевну, сказав, что с педагогом. Он удивился, что в Челябинске такие педа-

гоги. Не виновата была моя бедная старушка. Это я сама по неграмотности своей допустила такие ошибки. В заключение он сказал мне: «Вы совершенно не умеете играть». И вдруг, после такого приговора, он говорит, что согласен взять меня в свой класс, и снова объясняет, как найти 1-ю государственную художественную студию. И мы, огорошенные, обескураженные, но тем не менее счастливые, покинули прекрасную комнату и ее не менее прекрасного хозяина.

Первая государственная художественная студия

Она помещалась на Петроградской стороне, на улице Красных Зорь (бывший Каменноостровский проспект), угол Монетной улицы, в старом облупленном доме. Помещение было бедное, неухоженное, грязное. Масса каких-то лестниц — и вверх, и вниз, масса каких-то длинных темных коридоров. Двери классов некрашенные, какие-то задрипанные. Раздевалки не было, в классы входили в верхней одежде. Зато в каждом классе — два рояля. Студия эта существовала давно, в ней преподавали хорошие педагоги, такие, например, как известный оперный артист Касторский. В большой комнате, канцелярии, за барьером сидела богиня — хозяйка этой комнаты, а попросту секретарь, Елизавета Романовна Хлебникова. Вот к ней-то мы и обратились. Она сказала, что нужно подать заявление и заполнить анкету. Но, кроме анкеты, оказалось еще, что потребуется куча справок, которых у нас не было. Нужна была справка о заработке, справка о том, что отец мой — член профсоюза, и так далее, и тому подобное. Полетели телеграммы в Челябинск, а из Челябинска полетели всякие нужные справки. Процедура эта тянулась долго, почти месяц, а пока мы жили-поживали в Ленинграде. Ходили на концерты, посетили концерт Оборина

с Цыгановым. Они играли «Крейцерову сонату». Послушали концерт учеников профессора Николаева. Их было пять человек. Среди них Бреннер, Серебряков, Шмидт и последний из них — Шостакович. Молодой (он ведь всего на четыре года старше меня), худенький, в огромных роговых очках. Он исполнял свои произведения. Особенно чудесное впечатление произвел на нас концерт профессора Марии Юдиной. Она очень понравилась мамочке. На одном из концертов кто-то из публики уронил бинокль прямо сверху, с хоров, и он с грохотом упал прямо на эстраду, за спиной исполнителя. А он не обернулся. Не помню, кто тогда играл, чуть ли не Оборин.

Мы разгуливали по городу и читали афиши, которые возвещали, что состоится (или даже состоятся) *celle-abend* лауреата (это слово нам было совсем непонятно) Евгения Висневского. У рояля Александр Висневский. Это было написано буквами поменьше. Евгений Висневский, лауреат (но чего лауреат — не помню) — брат нашего Александра Сильвестровича, виолончелист. Он был высок ростом, черноволос, красив необыкновенно. Но это я увидела потом, а пока на афишах портрета Евгения Висневского не было, только его фамилия. Он был солистом, а Александр Висневский — только аккомпаниатором, но и этого достаточно.

Я сдаю экзамен Бессмертнову

Итак, приблизительно на месяц задержалось мое поступление в 1-ю государственную художественную студию. Да и всемогущая «богиня» Елизавета Романовна не сразу открыла нам свои тайны, и пришлось-таки телеграммам и письмам изрядно полетать туда-сюда по трассе Ленинград — Челябинск. Но вот, наконец, настал день, когда «богиня» объявила, что все в порядке, заявление принято, и теперь нам надлежит разыскать заведующего Гладковского и узнать

у него, когда приходиться на экзамен. Мы ринулись вверх и вниз по лестницам и коридорам в поисках вышеназванного Гладковского, но его нигде не было. Наконец мы услышали звон, что он-де стоит внизу на лестнице, и ринулись туда. Внизу на лестнице стоял плечистый добрый молодец, кровь с молоком. Обратились к нему с вопросом, не он ли будет заведующий Гладковский? Добрый молодец был польщен таким предположением, но, сопровождая свои слова ослепительной улыбкой, отказался от предположения, что он заведующий Гладковский. Нет, он не Гладковский, а Гладковский стоит вон там, возле другой лестницы. Мы — туда. Нашли наконец того, кого искали. Арсений Павлович Гладковский — не старый, но уже и не первой молодости человек, бледный, с обыкновенным, ничем не примечательным лицом. Композитор, автор оперы «Фронт», которую поставил Ленинградский оперный большой театр, автор небольших фортепианных произведений: «Паяц», «Маленькая танцовщица» и других пьес, которые сейчас играет каждый ученик музыкальной школы. Гладковский был заведующим музыкальной частью студии. Преподавались в студии, кроме рояля, еще скрипка, виолончель, драматическое искусство. Не помню, было ли хореографическое отделение и изо. Впоследствии эти отделения были. Итак, мы нашли Гладковского, и он назначил мне день и час, когда нужно прийти на экзамен к преподавателю Бессмертному. Я аккуратно явилась в назначенный час. Бессмертнов — старый сердитый еврей, находился в 16-м классе. Я принялась играть ему прелюдию Баха. Надо сказать, что я довольно старательно занималась в период оформления документов. Заниматься, собственно, было негде. У соседей тети Аси по лестничной площадке был инструмент, и она попыталась с ними договориться, чтоб разрешили мне временно у них позаниматься. Мы пообещали настроить им инструмент, и как будто вопрос был решен, но когда я пришла к ним, чтобы окончательно договориться, хозяйка квартиры, надменная ленинградская дама, встретила меня в штывы и

очень надменно и резко заявила, что не позволит портить инструмент. «Так значит, нам не о чем разговаривать?» — спросила я. Она заносчиво подтвердила: «Да, не о чем!» И мне оставалось только уйти несолоно хлебавши. По счастью, нашла доброжелательница, знакомая тети Аси, девушка (не очень молодая) Сара (Серафима Николаевна) Игнатъевская. Она училась по классу рояля в одном из техникумов, имела рояль, но поставить его у себя дома не имела возможности и поместила его у каких-то людей, имевших большую квартиру. Они жили недалеко, тут же, на Васильевском острове, и любезно согласились пустить меня играть. Я исправно к ним ходила, но уже не смела взяться за «Весеннее щебетанье», а принялась за прелюдию Баха. Но опять-таки я недосмотрела и выучила неверный ритм. Да так и начала играть Бессмертному. Представляю себе его возмущение! Он сыграл мне эти такты как надо и спросил меня, к кому я хочу в класс. Я сказала, что к Висневскому. Он спросил, согласен ли Висневский взять меня. Я сказала, что да. Он пожал плечами. И я оказалась принятой в студию.

Почему после таких мытарств с оформлением поступить оказалось так легко даже такой безграмотной ученице, как я? Помню слова Тони: «Они за учеников хватаются». Видимо, потому, что студия была платной, и плата была немалая, поэтому особых препятствий не чинили.

И вот я студентка!

Мой первый урок. Мое пианино

Помню, меня очень удивило деликатное предложение той дамы, где стоял рояль Сары Игнатъевской, без стеснения посещать один «приют уединения». «Ведь теперь холодно», — пояснила она мне. Но мне это было непонятно, я могла обходиться без посещения этой «комнаты отдохновения» хоть

целый день (не то, что теперь). Но вскоре я перестала к ним ходить, так как у меня появился свой инструмент, взятый напрокат. На Невском был такой «музпред». Там стояли всякие чудненькие рояльчики и пианиночки. Мамочке очень хотелось взять хорошенький маленький рояльчик, но тете Асе этого было не нужно (хотя место в комнате было), и мы взяли пианино. Его привезли, втащили на пятый этаж, причем кот Сапуля так испугался, что со всех ног кинулся прятаться и с перепугу залез на вешалку, где висели шубы. Уцепился за шубу и так сидел, а когда решил слезть и посмотреть, что там за чудо такое, то в комнату он вползал ползком, чем опять сильно насмешил нас.

Ну вот, инструмент у меня есть, я уже знаю, когда мне идти на урок, и вот я уже наконец-то иду!

Первый урок

Я пришла с некоторым опозданием, открыла некрашеную дверь шестнадцатого класса и вошла. Я увидела там два рояля, на обоих играли. За тем, что был ближе к двери, сидела и играла немолодая женщина, а за другим роялем сидел он и тоже играл и объяснял что-то той женщине. Когда я вошла, Александр Сильвестрович вскочил и поздоровался со мной за руку. Затем, обращаясь ко всем присутствующим в классе, сказал: «Наша новая ученица». Так представил он меня, пригласил сесть на стул, сели, снова сел за рояль и продолжал урок. Я села на один из стульев, стоящих у стены. Вешалки в классе не было. Я села прямо в своей шубе, только расстегнула ее и откинула голову на пушистый песцовый воротник.

Возле меня находились три молодые особы — ученицы. Я познакомилась с ними. Мое внимание привлекла молодая, очень милая и обаятельная, цветущая кудрявая женщина лет восемнадцати, как мне показалось. На самом деле ей было

двадцать восемь лет. Звали ее Маруся. Это была Мария Ивановна Копырина, лучшая ученица А. С. Маруся была очень способная, даже талантливая пианистка, исполнявшая сложные произведения. Она играла концерт Балакирева, баркаролу Шопена и другие замечательные вещи. Рядом с Марусей сидела ее подруга, другая ученица — Надя Карцева, высокая худенькая женщина двадцати семи лет. И Маруся, и Надя обе были замужем и имели детей. У Нади был сыночек семи лет, а у Маруси дочка Ирочка полутора лет.

Третья ученица была моя будущая незабвенная ленинградская подруга Тоня Жейц — Антонина Вацлавна. Тоне было двадцать два года, она была красива, черты ее лица были гармоничны и правильны, глаза светлы, но в то же время она не казалась красивой из-за цвета лица, очень какого-то серого, землистого, и выражение ее лица было слишком серьезным и неподвижным. Тоня была незамужней девушкой. Она числилась на первом курсе, причем, к моему удивлению, училась на этом курсе уже шесть лет.

Познакомившись с новыми товарками, я потихоньку осведомилась у них о том, кто же эта женщина за роялем. Они ответили, что это тоже ученица, ей сорок восемь лет, учится она на курсах при студии, а зовут ее Фаня Львовна Гипштейн. Она бурно играла концерт Шопена (так мне сказали), постоянно останавливалась и забрасывала А. С. вопросами. Он ей отвечал, объяснял и сам играл куски на своем рояле. Но вот Фаня Львовна кончила свой урок и ушла, после нее стали играть другие. Я восхитилась игрой Марьи Ивановны, а когда стала играть Тоня, я удивилась тому, как плохо она играла, часто спотыкалась. А. С. был с нею нетерпелив и даже поругивал ее.

Пришли еще два ученика, совсем взрослые дяди — Лебедев и Филиппов. Меня познакомили с ними. Соболева в этот раз не было, но потом он приходил и тоже познакомился со мной. Он был высокий, худой, некрасивый, но очень простой, приятный и милый человек. Вообще ленинградцы

удивительные люди — культурные, тактичные, хорошо воспитанные, приветливые, доброжелательные. Я сразу полюбила их всех и чувствовала себя среди них удивительно хорошо и свободно.

День уже склонялся к вечеру, когда все ученики отыграли. Мужчины ушли, а женщины остались. Это был актив класса. Настала моя очередь получить урок. Я села за рояль. Все столпились вокруг меня, и начался коллективный урок. А. С. предлагал всем присутствующим помогать ему объяснять мне новую постановку рук, и все активно включились в это дело. Суть постановки заключалась в двух движениях свободной руки: сверху в клавишу или снизу из клавиши.

Но вот урок закончен. А. С., попрощавшись с нами, ушел, а мы гурьбой стали спускаться с лестницы. Тут Маруся предложила мне приехать к ней. Она с удовольствием еще раз объяснит мне постановку. Ей это интересно и нужно самой, у нее уже есть ученики, и это ей лишняя тренировка.

Домой я вернулась совершенно очарованная всем виденным и слышанным. Чувствовала себя счастливой, как будто попала в рай.

Еду к Марье Ивановне

Маруся жила на Кирочной, и я поехала к ней вечером, уже в сумерках. Я была настолько уверена в своем знании улиц Ленинграда, что преспокойно высадилась из трамвая за много остановок раньше, чем нужно было, и попала впро-сак. Снова в трамвай не стала садиться и решила добираться пешком (не знаю, сколько километров отшагала, но немало). Спрашивала дорогу у прохожих и постепенно продвигалась в нужном направлении. Наконец встретила с какой-то женщиной, которая повела меня дворами и довела до нужного мне дома. Но было уже совсем темно и, наверное, поздно.

Маруся уже перестала меня ждать, думала, что я не приду. Она уже уложила спать свою дочку Ирочку. «Но это ничего, — сказала Маруся, — я приучаю свою дочь к звукам, и музыка не мешает ее сну» (у Маруси была всего одна комната). Я села за Марусин рояль, и начался наш урок. Я была очень благодарна Марусе. Она хорошо мне все объяснила.

Ленинградская жизнь

Итак, я была устроена, начала ходить на уроки, и мамочке можно было уезжать. Она и уехала, а я осталась в большом каменном городе. Началась моя новая ленинградская жизнь. В то время не было воскресенья, вообще не было недели как таковой. Не было общего выходного дня, не было понедельников, вторников, да и остальных дней недели. Была пятидневка, или, как ее еще называли, непрерывка. Люди работали четыре дня, а на пятый день у них был выходной, у каждого человека — свой. У многих членов семьи выходные дни не совпадали. У мужа и жены, например, могли оказаться разные выходные дни.

Уроки по специальности у нас проходили один раз в пятидневку, по пятым дням. Эти же дни совпадали с днями отдыха тети Аси. Раз в пятидневку по вечерам я ходила на теорию музыки, которую вел ученик Гладковского Коршунов, очень способный и приятный юноша. Я было вообразила, что уже стану проходить гармонию, чего мне очень хотелось, но не тут-то было. Гладковский направил меня не на гармонию, а на теорию. Тут были ученики из разных отделений. Среди всех мне запомнилась одна девушка, вокалистка по имени Тамара. Очень хорошенькая, бойкая и веселая. Она часто обращалась к Коршунову с вопросами, просто-таки тормошила его, и вообще была самой заметной фигурой в группе. Но ничего грубого, развязного не было в ее поведении. Она была

ленинградка, милое, остроумное и изящное существо. Уроки по специальности проходили по пятым дням среди дня, примерно так с часу дня до пяти часов вечера или чуть позже. На урок приходили сразу все ученики и слушали друг друга. Играть можно было не каждый раз, играли по желанию, насильно играть никто не принуждал.

Аккуратно, из урока в урок, ходили Маруся, Надя и Тоня. Все они были свободные люди, не работали. Гипштейн и мужчины приходили не каждый раз. Все они работали где-то. Надо сказать, что постепенно они вообще перестали ходить. Экзамена переводного не сдавали. Видимо, они отсеялись. И класс Александра Сильвестровича сильно уменьшился.

В день урока я уже с утра начинала собираться. Надо было быть на уроке *comme il faut* и тщательно обдумать свой туалет. Завить щипцами волосы, а щипцы нагреть на примусе. Тетя Ася, видя мои хлопоты, добродушно посмеивалась надо мной и, разговаривая с Сапой, объясняла ему, что я иду на урок к дяде Сильвестровичу, а дядя этот строгий и злой, надо как следует умываться и причесываться, а то он заругает. Я, в свою очередь, отшучивалась. Потом я садилась на трамвай № 27, который вез меня на Петроградскую сторону, прямо к Каменноостровскому проспекту (позже я стала проходить весь этот путь пешком). Я входила в класс, где мы собирались заранее, еще до прихода нашего учителя, и весело болтали. Маруся смеялась, что Александр Сильвестрович сразу, как придет, первым делом откроет форточку. «Наверное, ему не нравятся мои духи», — говорила она. Другие поддразнивали его увлечение автодором. Наше божество появлялось в классе, прежде всего открывало форточку, а затем садилось за рояль. Все играли один за другим: Маруся с рдеющими щеками — концерт Балакирева, баркаролу Шопена, Надя — мазурку Лядова. Тоня тоже что-то играла, кажется, баркаролу Шуберта — Листа. На нее обрушивался целый град упреков, замечаний, чего не было ни с кем, кроме нее. Играла и я. Мне была дана программа: прелюдия и Фуга № 2 Баха и Соната № 9 Бетховена.

Я начала постепенно с большим старанием осваивать новую постановку. Часов в пять-шесть уроки кончались, А. С. прощался с нами и поспешно уходил. Он вечерами работал в кино, играл на сеансах. Мы не сразу расходились, болтали, спускаясь по лестнице. Я иногда провожала Тоню. Она жила совсем недалеко, на одной из ближайших улиц. Иногда Тоня провожала меня до трамвая. Мы уже хорошо с ней познакомились, находили много тем для разговоров, и дружба наша завязалась и стала крепнуть.

Тетя Ася каждое утро рано уходила на службу в академию и поручала мне присмотреть за печкой. Топила она печку не каждый день, делала промежутки в два-три дня. Я прямо с постели бежала к печке, открывала дверцу и несколько минут любовалась раскаленными углями, наслаждалась теплом. Потом ворошила кочергой угли и с сожалением закрывала трубу.

За свое пианино я садилась с самого утра и принималась за работу. Потом наступало время обеда, и я отправлялась в столовую на улицу Гоголя. Иногда мы с тетей Асей ходили обедать в столовую Дома ученых. Дом ученых помещался в бывшем дворце князя Юсупова, том самом, где был убит Распутин. Видели мы и дверь той самой комнаты. Столовая помещалась в большом зале, где на деревянных стенах были вырезаны русские пословицы, такие как «Щи да каша — пища наша», «Хлеб-соль ешь, а правду режь», и другие.

Но чаще всего мне приходилось обедать в столовой на улице Гоголя. Столовая эта была вегетарианская, но готовили там настолько вкусно, что не хотелось и думать о каких-либо мясных блюдах. Мне вполне хватало и вегетарианских. Постепенно я поездки в столовую на трамвае заменила прогулками пешком. Раз в пятидневку по вечерам была теория музыки, ну а больше и не было никаких занятий. Мы очень подружились с Тоней и, бродя по ленинградским улицам, без умолку говорили. Тоня жила на Петроградской стороне, на одной из небольших боковых улочек, выходящих на Камен-

ноостровский проспект. Я бывала у нее дома. Мать Тони звали Изабелла Викентьевна, а сестру — Лёля. У Лёли был маленький ребяенок. Кто был муж Лёли — не знаю. Мы сидели с Тоней в ее маленькой узкой и темноватой комнатке. Тут стоял Тонин маленький старый рояльчик. На нем, дребезжащем, Тоня играла мне однажды ноктюрн Бородина, играла настолько хорошо, вдохновенно, что я поразились. Тоня ведь не была бездарной, она глубоко и тонко чувствовала музыку, и я не могла понять, отчего она так плохо играет на уроках.

Причину я разгадала много позднее. Тоня — тонкая, нервная натура, и иначе она не могла. Тоня много рассказывала мне об Александре Сильвестровиче. В классе была какая-то ученица, женщина в годах. Она называла его, Александра Сильвестровича, «северная непреступность». Говорила, что он увлекается автодором, у него есть мать и сестра Нина, а брат его Евгений Сильвестрович имеет свою семью и живет отдельно. Он высокий, черноволосый, очень красивый. «Польский тип», — так говорила Тоня. Александр Сильвестрович не только преподавал в студии, но вечерами играл в кино «Баррикада», которое находится на углу Невского и Садовой. Тоня много рассказывала и о Соболеве. Ему 22 года, и у него есть невеста Лидочка, тоже пианистка. Наружность ее подходит к Соболеву. Она тоже астеник по типу, как и он. Но почему-то Тоня вдруг сделала неожиданный вывод, что почему бы Соболеву не жениться на мне. Эти ее слова очень удивили меня. Впрочем, Соболев действительно вскоре женился. На уроки ходить перестал.

Тоня знала все. Она давно уже прошла гармонию и даже энциклопедию. Что такое энциклопедия в данном случае, было мне непонятно. Я впервые услышала от Тони такие слова, как «тоника» и «доминанта». Тоня говорила, что нужно как можно чаще посещать филармонию, слушать концерты, и мы стали это выполнять. В то время студентам не давали никаких льгот, приходилось покупать билеты, и мы покупали самые дешевые, входные и забирались на хоры, где не было

сидячих мест, надо было стоять у барьера, но зато было хорошо все видно и слышно. Тоня говорила, что нужно сесть на пол и слушать. И действительно, студенческая молодежь садилась кучками на пол и слушала.

Я много рассказывала тете Асе о Тоне, но она мне не верила, что Тоня такая хорошая, и сомневалась, могу ли я с Тоней дружить. Но как-то раз Тоня пришла к нам, и тетя Ася переменила свое мнение о ней. Тут же Тоня узнала, что меня зовут моим противным именем. Там, в студии, я сказала, что меня зовут Аня, а теперь Аня уплыла от меня навеки.

Дружила я и с Нюсей Матушкиной и часто бывала у них, хотя не могу сказать, что Нюся часто бывала у нас. Жили Матушкины хорошо, дружно в своей маленькой уютной квартирке: дядя Ава, тетя Оля, Нюся и квартирантка Ага. Ага спала в кухне на широкой плите. Она работала где-то, но, видимо, не слишком была занята, и обе девушки, Нюся и Ага, проворачивали в доме всю домашнюю работу, убирали, мыли и готовили по очереди обед. Если проносился слух, что где-то, в каком-то магазине что-то «дают», обе они тотчас же мчались туда, вставляли в очередь и добывали «даваемое». Меня всегда оставляли обедать, но я замечала, что девушки готовят по порциям — каждому по порции, и случалось, что когда я ненароком угадывала к обеду, то кому-то из них приходилось отдавать свою порцию мне. Как было нужно поступить? Не ходить к ним? Но это были мои родные и моя хорошая подруга Нюся. Отказываться от обеда? Это было невозможно, они не допускали этого. Как бы там ни было, тут получалась неувязка. Нюся и Ага были очень веселыми девушками, много шутили, смеялись, Нюся была большая юмористка. Неисчерпаемую тему для шуток давала любовь тети Аси к Сапилочке, но шутки были безобидны. Ага завивала свои волосы щипцами, дядя Ава говорил, что это вредно для волос, но Ага беспечно отвечала: «А кому мне их дарить?» И продолжала жечь свои локоны горячей плойкой. Однажды к Аге пришел знакомый юноша-поэт, и его просили прочесть что-нибудь

из его стихов. Он принял очень серьезный и мрачный вид и начал читать стихотворение: «Я опять о своем одиночестве».

Хорошо было у Матушкиных, но еще лучше — на уроках у Висневского. Вскоре я начала брать у него частные уроки. Еще до моего поступления в студию папа велел сказать ему, что я буду заниматься у него частно. Сразу как-то не успели договориться об этих уроках, тогда папа написал ему. Когда я об этом узнала, мне было как-то неловко, стыдно заводить об этом речь, но все вышло просто и само собой. Я стала приходить к учителю домой и играла на его прекрасном рояле.

Александр Сильвестрович хорошо занимался со мной, и известные сдвиги и успехи были налицо. Урок стоил три рубля, а в студии Александр Сильвестрович получал три рубля за каждого ученика в месяц. Учеников у него было мало, и можно себе представить, какая получалась мизерная сумма. Вечерами он играл в кино. Тоня тоже брала у А. С. частные уроки, и мы с ней иногда встречались. Ждали друг друга, а потом вместе уходили. Я приучала Тоню ходить пешком, а не ездить всегда на трамвае. Наши разговоры были бесконечны.

Я была счастлива и писала домой восторженные письма, но мне все время казалось, что счастье мое непрочное, оно скоро кончится. Об этом я тоже писала домой, чем повергала своих родителей в недоумение. Я забрасывала восторженными письмами Раю в Свердловске, описывала Ленинград, свое учение, своего учителя. Интенсивно переписывались мы также и с Лидой. И вот в одном из своих писем Лида сообщила, что Гриша Елизаров едет в Ленинград поступать на курсы автомехаников. Я тотчас написала, чтобы он непременно разыскал меня. Я покажу ему Ленинград. Я стала поджидать его, но не дождалась. Оказывается, он приезжал зря. Свободных мест на курсах не оказалось, и он, пробыв в Ленинграде всего два дня, отбыл обратно в Челябинск. Задерживаться дальше он, конечно, не мог: откуда были средства на прожиток у рабочего парня? Так и уехал. Позже он мне сам рассказал об этом.

Я всегда с нетерпением ждала писем из Челябинска и с удовольствием открывала дверь почтальону. Но вот тетя Ася стала мне говорить, что двери открывать никому не надо, даже почтальону, а то можно нарваться на воров. Я возражала, что неужели я не открою, если за дверью мне скажут: «Почта»? Но тетя Ася мне внушала, что в таком случае я должна буду сказать, что сама приду на почту и возьму письма. Но я твердо решила тетю Асю не слушаться и дверь почтальону потихоньку открывать. Еще бы я стала отказываться от дорогих писем! Но вдруг я заболела — видимо, где-то простудилась. Врача, однако, никто ко мне не вызывал. Я лежала на своей кушетке. Никого не было дома. Вдруг в дверь постучали. Я вскочила, кинулась к двери. Спросила: «Кто?» Мне ответили: «Почта». Я открыла дверь, схватила письмо и побежала обратно к своей кушетке, но тут случилось что-то странное. Я упала без сознания. В голове был страшный шум, хаос и непонятное что-то. Ералаш.

Не знаю, сколько времени пролежала так, но потом очнулась и увидела, что лежу на полу возле кушетки, колено расшиблено в кровь — видимо, ударились об угол кушетки. Письмо зажато в руке. Забралась в постель, лежала долго, не в силах распечатать и начать читать письмо. Наконец прочитала. Быть может, это было то самое письмо, последнее папино письмо, в котором он писал, что заболел и ему дали бюллетень. Он этому рад, потому что пробудет всю Пасху дома. Пасху он пробыл дома, но подняться с постели ему так и не пришлось. А я поправилась и вышла из дома. Отправилась на Невский, в музпред, платить за прокат пианино. И возле музпреда вдруг встретила Александра Сильвестровича — ведь мир тесен. В первый раз вышла на улицу и сразу встретила того, кого надо. Я сказала А. С., что болела и потому не была на уроке. «Я так и подумал», — ответил он и сказал, когда прийти.

К Пасхе нам с тетей Асей пришла посылка из Челябинска. В посылке были куличи и разная домашняя снедь. Все

дошло в наилучшем виде. Один из куличиков был малюсенький, и я сказала, что это послали куличик Сапе. Тетя Ася была тронута таким вниманием к ее коту. Кстати, Сапа ведь дожил до военного времени, и тетя Ася возила его с собой в эвакуацию, подкупала в вагоне проводников, чтоб разрешили везти его. Умер он в глубокой старости уже по возвращении в Москву.

Потом я написала письмо домой и с опаскою призналась в своей лжи насчет будто бы Сапиного кулича, но мне ответили, что кулич действительно предназначался Сапе, хотя и нельзя святую пасхальную пищу посвящать нечистому скоту. Сапа вообще был очень избалован и нахален. Он разгуливал по столу в то время, когда люди за столом ели, орал диким голосом, запрыгивал на подоконники и все с них ронял. Тетя Ася приносила ему невесту. Это меня страшно возмущало. Я рассказывала тете Асе о своем коте Базёшечке. Папа написал о Базёшке стихотворение и прислал его нам. Я читала его вслух тете Асе: «Он тьмы Египта не темнее, но тучи черной почерней. Он всех сородичей умнее и лучше многих из людей. Отливом желтым блещут глазки, зрачки то щелочки, то круг. Он расточает нежно ласки без исключения всем вокруг. Он, как взбесившийся, не воет, в тарелки морды не сует, свою он шерстку чисто моет и терпеливо пищи ждет. На стол не лезет он нахально...» и т. д. Кончалось стихотворение так: «Да, на него взглянуть хоть разик желал бы каждый человек. А называется он Базик, хвала и честь ему вовек». Тете Асе не понравились строки, где говорится, что он «как взбесившийся, не воет» и «на стол не лезет он нахально, в тарелки морду не сует». Она поняла, что это намек на Сапу.

Вот так мы жили и развлекали себя.

Я иногда ходила в кино, которое находилось поблизости, тут же, на Среднем проспекте. Так, не кино, а киношка, плохонькое помещение в первом этаже большого жилого дома. Помню, что смотрела там фильм «Донна Жуана». А один раз мы с тетей Асей ходили в Мариинский театр,

или ГАТОБ (там были еще разные театры — МАЛЕГОТ, Госбодрат), на «Пиковую даму». Это был культпоход Академии наук. В то время весь Ленинград захлебывался от восторга по поводу кумира ленинградской публики — оперного тенора Печковского. Вот его мы и собирались посмотреть и послушать в партии Германа. Началась опера, появился Герман, и я, разглядывая его в бинокль, вдруг увидела, что Германа поет не кто иной, как Дроздов, артист киевской оперы, которого я не раз видела на сцене нашего челябинского Нардома. Сказала об этом тете Асе, но она мне не поверила. «Ну, что ты, — сказала она, — это Печковский». Я говорю: «А у него голубые глаза». «У Печковского тоже голубые», — не сдается тетя Ася. Тенора публика принимала холодно, аплодисментов ему не было, а в антракте мы с тетей Асей посмотрели программу и убедились, что это был действительно Дроздов, а не Печковский. Видимо, это был дебют Дроздова в Ленинграде, и Печковский в этот раз уступил ему свою роль. Не знаю, остался ли Дроздов в этой труппе или нет, но только в этот раз он пел и играл прекрасно. Его игра составляла большой контраст с остальными исполнителями, которые важно расхаживали по сцене и пели хорошо, но играли без волнений и эмоций. Я всей душой болела за своего, так сказать, земляка и все ладони оббила, аплодируя ему. Но публика принимала его холодно — видимо, нужен был Печковский.

Еще в оперном театре в Ленинграде мне довелось побывать год спустя, на опере Вагнера «Гибель богов». Посетила я также Малый оперный театр (МАЛЕГОТ), где прослушала оперу «Майская ночь». И еще отважилась сходить в Народный дом на оперетту «Роз-Мари». Я была в восторге от этого спектакля, от музыки и вообще от всей этой такой оригинальной оперетты. Очень понравились мне артисты: Феррари в роли Роз-Мари и Валентин Легков в роли Джима. Чудесна была его песенка. Экзотична была Ванда, да и все остальные действующие лица мне очень понравились.

Я уже упоминала о том, что в доме Матушкиных было радио. Надев наушники, можно было слушать море звуков — изумительных, прекрасных. Тетя Ася устроила радио и для меня. Она сама собрала детекторный приемник, и я могла слушать. Ложась спать, я надевала наушники и окуналась в музыку. Слушала до тех пор, пока диктор не говорил: «До свидания, до свидания! Не забудьте заземлить антенну». Я ее заземляла и отходила ко сну. А утром снова моя музыка.

Я чувствовала, что делаю успехи, освобождаюсь постепенно от зажатости и учу с удовольствием свою сонату. Впрочем, частенько мои занятия стали прерываться. Ко мне зачастила посетительница. Это была Сара Игнатьевская. Она приходила ко мне заниматься. К тем знакомым, у которых стоял ее рояль, видимо, ей не всегда можно было являться. Она сильно мешала мне, отнимая время своей музыкой и разговорами. Играла она какие-то, на мой взгляд, очень легкие вещички на мелкую технику. Она и сама признавала, что вещи легкие, ей хотелось играть что-нибудь потруднее.

Так текли дни... И вот наступила ленинградская весна! Как все зазеленело, зацвело! Лужайки покрылись сочной травой, деревья оделись листвой, запестрели цветы и начались белые ночи. Я возвращалась с теории вечером, шла пешком по Каменноостровскому проспекту и видела светлое небо. Можно было свободно читать.

Ленинградские бани

Ленинградские бани были ужасны. Не знаю, может, были где-то и хорошие, но я их не встречала. В баню нужно было ходить регулярно. Я не помню, куда ходила тетя Ася и как часто, но мне баня нужна была неукоснительно, и я ходила в ближайшие бани, расположенные на линиях Васильевского острова. Повторяю: бани эти были ужасны. Отдельных шкаф-

чиков для каждого посетителя не было. Одежду нужно было скатывать в узел и отдавать банщице, а она впихивала этот узел в ячейку в огромном, во всю стену, сооружении вроде открытого шкафа. В моечном помещении стояли деревянные скамьи, и всюду валялись деревянные шайки, которые очень трудно было добыть. Иная толстенная матрона восседала на лавке и мылась из одной шайки, а две ее почтенные ноги покоились каждая тоже в шайке, да у ее ребят было этих шаек по несколько штук, так что нужно было дожидаться, пока она соблаговолит вымыться и освободить шайку. Иной раз не было места на этих деревянных лавках. Никогда в Челябинске я не видела таких бань.

Отъезд домой

Приближался день экзамена, и вот он наконец настал. Это было 5 июня. Мы все собрались в своем шестнадцатом классе. Не было ни Гипштейн, ни Лебедева с Филипповым, а также Соболева. Видимо, они отсыпались. Экзамен принимал у нас Бессмертнов.

Сыграла, волнуясь, с ярким румянцем на щеках, Марья Ивановна свой концерт Балакирева, свою баркаролу Шопена, сыграла Надя Карцева, Тоня. Наконец и я уселась за рояль и исполнила свою прелюдию с фугой и Сонату № 9 Бетховена. Экзамен окончился, все вышли на улицу, и там А. С. объявил нам результаты. Марья Ивановна и Надя должны были в этом году окончить студию, но сами захотели остаться еще на один год. Они и остались, а также было решено оставить на первом курсе и нас с Тоней. В первую минуту это известие неприятно поразило меня, но я тут же успокоилась, рассудив, что занималась я совсем немного, всего каких-то три месяца, и, конечно, мне нужно еще поучиться на первом курсе. Но когда я по приезде домой сказала об этом мамоч-

ке, помню, что она очень удивилась и не была обрадована этим обстоятельством. Долго не могла с этим примириться. Но, так или иначе, дело было сделано, и ничего тут изменить было нельзя. Я стала собираться к отъезду домой. Сдала свое пианино в музтрест, чтоб не платить лишние деньги за прокат. Но сделала это напрасно, потому что больше напрокат пианино мне получить не удалось, и в дальнейшем я осталась без инструмента. Но считалось, что зря платить за прокат за три месяца невыгодно и дорого. А надо было заплатить. Шубу я, по совету тети Аси, сдала на хранение в ломбард.

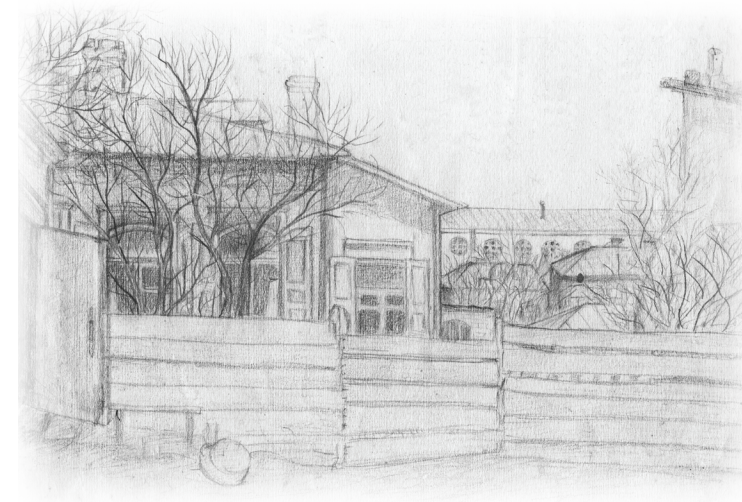
И вот мы снова пришли к нашему учителю, перед тем как разбрестись на каникулы. День был чудесный, теплый. Я надела маркизетовое платье с оборками. Оно было у меня очень симпатичное и нарядное. На голове у меня была какая-то шляпа, как будто соломенная. Не знаю, откуда она взялась. Когда все разошлись, я подошла к А. С. и сказала ему, что уезжаю. Он спросил: «Но вы вернетесь?» «Я обязательно вернусь», — ответила я ему с жаром.

И вот я поехала и приехала в Свердловск, где пробыла сколько-то дней (немного). В Свердловске жила Рая. Я, конечно, помчалась к ней. Рая жила у своего брата Семы. Сема всегда говорил, что женится только на русской. Так и сделал. Его жену звали Наташа, и была у них крохотная девчурка. Наташа нянчила ее и мучилась. Девочка была какая-то не очень спокойная. Как жила в этих условиях Рая — не знаю. Как будто она мало говорила. Говорила без умолку я. Рассказывала о Ленинграде, о своем учителе. Я и раньше в письмах восторженно описывала его, а тут уж без удержу его расхваливала и пела ему такие дифирамбы, что он, наверное, в своем Ленинграде ведро воды выпил от икоты. Рая слушала и мотала себе на ус.

Но вот пришлось и с ней распрощаться, и я еду домой в Челябинск. Приехала. Ленинградское житье пошло мне на пользу, цвет лица стал такой свежий, на щеках появился румянец, и моя мама некоторое время даже думала, что я ру-

мянилась. Поразило также ее, насколько к лучшему изменилась моя игра. Но какую плачевную картину я увидела возле нашего дома! Дом должны были вот-вот снести, говорили, что на этом месте будут строить гостиницу. Кругом были накопаны канавы, и к дому нельзя было подойти. Папа был болен и уже не вставал с постели.

И вот 15 июня 1930 года мы покинули уютный дом на улице Елькина и переехали на новое место жительства — на улицу Васенко, 45 (впоследствии номер изменился и стал 47). Оба дома Пелагеи Михайловны снесли. На улице Воровского воздвигли прекрасное полукруглое здание. На этом месте был пустырь, обнесенный забором, и на этом пустыре однажды даже расположился табор цыган. На месте домика-кузницы Пелагеи Михайловны стоит примыкающее к полукруглому зданию здание гостиницы. А мы переселились в маленький деревянный дом на улице Васенко, где нам довелось прожить почти 32 года. В этом доме умерли папа, Павел Александрович и Ольга Николаевна Выговские. Родились две мои дочери и два сына Выговских. В этом доме мы пережили войну, и вообще было пережито много горестей и немного радостей.

Дом на улице Васенко

Челябинск начала XX века
Воспоминания А. Н. Неаполитановой

Руководитель издательского проекта
Д. Г. Графов

Автор вступительной статьи
В. Г. Демаков

Набор и корректура текста Е. Л. Попадьина
Корректор И. Н. Козырева
Верстка М. В. Максимов

Подписано в печать 01.06.2021
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 70×100/₁₆. Усл. печ. л. 43,71
Тираж 200 экз.